НОВАЯ НАУКА
Международный центр
научного партнерства

NEW SCIENCE
International Center
for Scientific Partnership

ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ОБЩЕСТВО СЕГОДНЯ: ПРОБЛЕМЫ, ОЦЕНКИ, РЕШЕНИЯ

Сборник статей Международной
научно-практической конференции,
состоявшейся 18 декабря 2025 г.
в г. Петрозаводске

г. Петрозаводск
Российская Федерация
МЦНП «НОВАЯ НАУКА»
2025

УДК 001.12
ББК 70
Э40

Ответственные редакторы:
Ивановская И.И., Кузьмина Л.А.

Э40 Экономика, право, общество сегодня: проблемы, оценки, решения : сборник статей Международной научно-практической конференции (18 декабря 2025 г.). — Петрозаводск : МЦНП «НОВАЯ НАУКА», 2025. — 465 с. : ил., табл.

ISBN 978-5-00215-952-9

Настоящий сборник составлен по материалам Международной научно-практической конференции ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ОБЩЕСТВО СЕГОДНЯ: ПРОБЛЕМЫ, ОЦЕНКИ, РЕШЕНИЯ, состоявшейся 18 декабря 2025 года в г. Петрозаводске (Россия). В сборнике рассматривается круг актуальных вопросов, стоящих перед современными экономистами и правоведами. Целями проведения конференции являлись обсуждение практических вопросов современной экономики и права, развитие методов и средств получения научных данных, обсуждение результатов исследований, полученных специалистами в охватываемых областях, обмен опытом. Сборник может быть полезен научным работникам, преподавателям, слушателям вузов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Авторы публикуемых статей несут ответственность за содержание своих работ, точность цитат, легитимность использования иллюстраций, приведенных цифр, фактов, названий, персональных данных и иной информации, а также за соблюдение законодательства Российской Федерации и сам факт публикации.

Полные тексты статей в открытом доступе размещены в Научной электронной библиотеке Elibrary.ru в соответствии с Договором № 467-03/2018К от 19.03.2018 г.

УДК 001.12
ББК 70

ISBN 978-5-00215-952-9

© Коллектив авторов, текст, иллюстрации, 2025
© МЦНП «НОВАЯ НАУКА» (ИП Ивановская И.И.), оформление, 2025

Состав редакционной коллегии и организационного комитета:

Аймурзина Б.Т., доктор экономических наук
Ахмедова Н.Р., доктор искусствоведения
Битокова С.Х., доктор филологических наук
Блинкова Л.П., доктор биологических наук
Гапоненко И.О., доктор филологических наук
Героева Л.М., доктор педагогических наук
Добжанская О.Э., доктор искусствоведения
Доровских Г.Н., доктор медицинских наук
Дорохова Н.И., кандидат филологических наук
Ергалиева Р.А., доктор искусствоведения
Ершова Л.В., доктор педагогических наук
Зайцева С.А., доктор педагогических наук
Зверева Т.В., доктор филологических наук
Казакова А.Ю., доктор социологических наук
Кобозева И.С., доктор педагогических наук
Кулеш А.И., доктор филологических наук
Мантатова Н.В., доктор ветеринарных наук
Мокшин Г.Н., доктор исторических наук
Муратова Е.Ю., доктор филологических наук
Никонов М.В., доктор сельскохозяйственных наук
Панков Д.А., доктор экономических наук
Петров О.Ю., доктор сельскохозяйственных наук
Поснова М.В., кандидат философских наук
Рыбаков Н.С., доктор философских наук
Сансызбаева Г.А., кандидат экономических наук
Симонова С.А., доктор философских наук
Ханиева И.М., доктор сельскохозяйственных наук
Хугаева Р.Г., кандидат юридических наук
Червинец Ю.В., доктор медицинских наук
Чистякова О.В., доктор экономических наук
Чумичева Р.М., доктор педагогических наук

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ 11

БЕЗРАБОТИЦА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ..... 12
Галушко Марина Викторовна, Дедеева Светлана Александровна, Орлова Анна Ивановна

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ 20
Гордеева Евгения Васильевна, Акопян Элла Вартановна

ПУТИ И ФАКТОРЫ МИНИМИЗАЦИИ ИЗДЕРЖЕК ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА..... 28
Дедеева Светлана Александровна, Дерябин Максим Витальевич

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ НА МИКРО- И МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОМ УРОВНЯХ..... 37
Концеал Елена Владимировна, Печенова Мария Андреевна

БАРТЕР В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ: ПРИЧИНЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ 46
Дедеева Светлана Александровна, Галушко Марина Викторовна, Оленчук Виктория Олеговна

КОМПЛЕКСНОЕ РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ В РАМКАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ИНФРАСТРУКТУРА ДЛЯ ЖИЗНИ»: НАПРАВЛЕНИЯ, СТАНДАРТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ..... 53
Новиков Алексей Васильевич, Табунова Кристина Алексеевна

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В БОРЬБЕ С НАЛОГОВЫМИ УКЛОНЕНИЯМИ В КРУПНОМ БИЗНЕСЕ 61
Галушко Марина Викторовна, Дедеева Светлана Александровна, Парфенова Виктория Александровна

ПРОБЛЕМЫ И ВЕКТОРЫ ПРОДВИЖЕНИЯ ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В СИСТЕМАХ МЕГАПОЛИСОВ: БАРЬЕРЫ И ИНСТРУМЕНТЫ ИНТЕГРАЦИИ 68
Швец Юрий Юрьевич

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ РОССИИ НА МАТЕРИАЛАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЭФФЕКТИВНАЯ ТРАНСПОРТНАЯ СИСТЕМА» 73
Новиков Алексей Васильевич, Захаров Владислав Дмитриевич

ХАРАКТЕРИСТИКИ БИЗНЕС-СРЕДЫ И КЛЮЧЕВЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ РИСКИ В СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МИРА 82
Кравченко Анна Владимировна

ЦИФРОВЫЕ РАЗРЫВЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК: ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В НОВЫХ РЕАЛИЯХ..... 89
Курочкин Никита Дмитриевич

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИНАНСОВЫХ МЕХАНИЗМОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ 95
Шукуров Сомон Абдуманонович

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ЭФФЕКТОВ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ 101
Рахимов Обиджон Абдунабиевич

ВЛИЯНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НА ФИНАНСОВУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ НЕФТЕГАЗОВЫХ КОМПАНИЙ: СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ..... 110
Шиленкова Валерия Дмитриевна

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: МЕХАНИЗМЫ ВСТРАИВАНИЯ НОРМАТИВНЫХ ТРЕБОВАНИЙ В КОРПОРАТИВНЫЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ 118
Иванисова Ксения Эдуардовна

АНАЛИЗ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЗА 2020-2025 ГГ. И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ НА БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛИТИКИ КРЕДИТОВАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РФ 126
Пармаксыз Эвелина Андреевна, Соколова Алина Артемовна

СЕКЦИЯ МЕНЕДЖМЕНТ И МАРКЕТИНГ 144

ИЗУЧЕНИЕ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ МЕТОДОВ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ СОТРУДНИКОВ..... 145
Володарская Елена Борисовна, Брянцев Артем Дмитриевич, Халилов Артем Юрьевич

МАРКЕТИНГОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИЕЙ РЕГИОНА 150
Грачева Ирина Викторовна

МОДЕЛИРОВАНИЕ ОПЕРАЦИОННЫХ РИСКОВ В ЦЕПОЧКЕ РЕАЛИЗАЦИИ ТУРИСТСКОГО ПРОДУКТА И СПОСОБЫ ИХ МИНИМИЗАЦИИ 158
Мицкая Валерия Игоревна

ВНЕШНИЕ РИСКИ В УПРАВЛЕНИИ ПРЕДПРИЯТИЕМ: ПУТИ И МЕТОДЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ 163
Алексеев Данил Дмитриевич

ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА PIXAR КАК ИННОВАЦИОННОЙ И КРЕАТИВНОЙ КОМПАНИИ: РОЛЬ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ 168
Ахметова Алиса Руслановна

БОРЬБА С ВЫГОРАНИЕМ СОТРУДНИКОВ: ЗАДАЧИ МЕНЕДЖМЕНТА И РОЛЬ ВНУТРЕННЕГО МАРКЕТИНГА 174
Калистратова Мира Евгеньевна

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ИНДИЙСКИХ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ РЫНКАХ 180
Чэнь Чанжуй

СЕКЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ 190

ФОРМИРОВАНИЕ БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ В ТРУДАХ М. ВЕБЕРА И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ 191
Сквозников Александр Николаевич, Руднева Виктория Андреевна

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: СУЩНОСТЬ, ОТРАСЛЕВОЙ СОСТАВ, ПРОБЛЕМЫ 196
Прокаев Сергей Александрович

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ИХ РЕШЕНИЕ 204
Викторович Андрей Валерьевич

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВЫХ РЕШЕНИЙ НА СОКРАЩЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ БАРЬЕРОВ ПРИ ПРОЕКТИРОВАНИИ И УТВЕРЖДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ 210
Загриева Аделя Рифнуровна

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 217
Афанасова Мария Александровна, Игнатьева Анна Николаевна

МОДЕЛИ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОДХОДОВ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ 225
Попов Сергей Александрович

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ 230
Попова Галина Викторовна

СЕКЦИЯ ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА..... 235

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА: СУЩНОСТЬ, ФОРМЫ И СОВРЕМЕННЫЕ СИСТЕМЫ ОПЛАТЫ ТРУДА 236
Дедеева Светлана Александровна, Галушко Марина Викторовна, Летунова Полина Евгеньевна

МОДЕЛИРОВАНИЕ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ..... 245
Мартынов Михаил Дмитриевич

ВЛИЯНИЕ «МЕРТВЫХ ЧАСОВ» НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕСТОРАННОГО БИЗНЕСА: ПРИЧИНЫ И МЕТОДЫ ОПТИМИЗАЦИИ В НЕПРИБЫЛЬНЫЕ ПЕРИОДЫ 260
Васильев Владимир Владимирович

ЛЕЧЕБНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА В ГОСТИНИЧНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И СТАБИЛЬНОСТИ В КРЫМУ 268
Игнатова Юлия Дмитриевна

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА: ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ 273
Галлямова Ксения Денисовна, Ершов Ю.О.

СЕКЦИЯ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК..... 278

ПРИРОДА И ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ 279
Капитурова Вероника Александровна

ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ ЛИНЕЙНЫХ ОБЪЕКТОВ НА ЗЕМЛЯХ ЛЕСНОГО ФОНДА 286
Файфер Илья Михайлович

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА 292
Пономаренко Иван Дмитриевич

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АНТИДОПИНГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ WADA. 297
Семаева Дарья Сергеевна

СЕКЦИЯ ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО 303

К ВОПРОСУ О ЛИШЕНИИ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ..... 304
Береговенко Данил Александрович, Древаль Людмила Николаевна

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ 308
Заяц Николай Николаевич

К ВОПРОСУ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ И ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ НА НИХ..... 322
Усабаева Зульфия Ирбулатовна

ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА ФИНАНСОВОЙ АРЕНДЫ (ЛИЗИНГА) 330
Хильчук Владимир Денисович

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ПРАВОВОЙ СТАТУС И ОСОБЕННОСТИ..... 336
Клыгина Елизавета Сергеевна

СЕКЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ..... 342

АДВОКАТСКАЯ МОНОПОЛИЯ: ЗА ИЛИ ПРОТИВ..... 343
Блинков Кирилл Олегович

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННИМИ ДЕЛАМИ..... 352
Камаева Анастасия Михайловна

ТИПИЧНЫЕ НАРУШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА ПРИ СОБИРАНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ..... 356
Григорьева Анна Руслановна, Шарипова Мария Андреевна

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ОРД) В ДОКАЗЫВАНИИ..... 362
Абдракипова Диана Ильнуровна, Ахметзянова Зарина Наилевна

СЕКЦИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ЭКОНОМИКИ 368

ВЛИЯНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ГРУНТОВ НА ПРОДОЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ МАГИСТРАЛЬНОГО ГАЗОПРОВОДА 369
Густов Алексей Андреевич

ПРИМЕНЕНИЕ МАТРИЦ В ОЦЕНКЕ МЕЖСЕКТОРАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЭКОНОМИКЕ..... 379
Сидорова Алена Игоревна

СЕКЦИЯ УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ 385

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ХУЛИГАНСТВА: ПОНЯТИЕ И ПРОБЛЕМЫ 386
Вахитова Гузель Валериевна, Галиуллин Данил Ринатович

АНАЛИЗ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ
РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 390
Вуколова Дарья Валерьевна, Проскурякова Александра Дмитриевна

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ПРИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЯХ
С УЧАСТИЕМ БЕСПИЛОТНОГО ТАКСИ..... 396
Ефремова Елена Андреевна

СЕКЦИЯ ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ..... 401

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ
ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ КОМПАНИИ..... 402
Гаврилов Николай Иванович

ОТКЛОНЕНИЯ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ
БЮДЖЕТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ 406
Оленникова Ксения Алексеевна

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ
УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОЙ
И ИНФРАСТРУКТУРНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ..... 417
Мельникова Арина Евгеньевна

**СЕКЦИЯ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК 423**

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И АКМЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
СЛУЖАЩИХ 424
Лазарева Виктория Владимировна

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ
В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ СТРАНЫ: ТЕНДЕНЦИИ
РАЗВИТИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
САМОРЕАЛИЗАЦИИ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ..... 429
Прокуратова Анастасия Андреевна

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СЕКУЛЯРНОМ
ОБЩЕСТВЕ: МЕЖДУ ПРИВАТНЫМ И ПУБЛИЧНЫМ 434
Чистяков Матвей Сергеевич

СЕКЦИЯ БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ..... 438

БУХГАЛТЕРСКИЙ БАЛАНС КАК ОСНОВНАЯ ФОРМА
ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ 439
Хвостова София Игоревна

СЕКЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО..... 443

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТНОШЕНИЙ
В СФЕРЕ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ..... 444
Лесникова Анастасия Андреевна

СЕКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО 450
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ГЕНОЦИДЕ АРМЯН: ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА 451
Варданян Ваник Сиреканович
СЕКЦИЯ МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА..... 460
ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ КИТАЯ В ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО МИРОПОРЯДКА..... 461
Саенко Анастасия Николаевна

СЕКЦИЯ
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ

БЕЗРАБОТИЦА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Галушко Марина Викторовна
Дедеева Светлана Александровна
к.э.н., доценты
Орлова Анна Ивановна
студент
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

Аннотация: В статье обсуждается проблема макроэкономической нестабильности, акцентируется внимание на её основных проявлениях, таких как спады производства, безработица и инфляция. Безработица рассматривается как значительная макроэкономическая проблема, влияющая на благосостояние населения. Подчеркивается, что преодоление экономической нестабильности является ключевой задачей для государства, особенно в условиях повторяющихся экономических кризисов. Авторы указывают на важность постоянного анализа и контроля макроэкономических индикаторов, таких как уровень безработицы, для своевременного реагирования на возникающие проблемы и предотвращения ухудшения экономической ситуации.

Ключевые слова: экономика, безработица, кризис, инфляция, занятость, трудоустройство.

UNEMPLOYMENT AS A MANIFESTATION OF MACROECONOMIC INSTABILITY IN THE RUSSIAN ECONOMY

Galushko Marina Viktorovna
Dedeeva Svetlana Alexandrovna
Orlova Anna Ivanovna

Abstract: The article discusses the problem of macroeconomic instability, focuses on its main manifestations, such as production declines, unemployment and inflation. Unemployment is considered as a significant macroeconomic problem affecting the well-being of the population. It is emphasized that overcoming

economic instability is a key task for the state, especially in the context of recurring economic crises. The authors point out the importance of constant analysis and monitoring of macroeconomic indicators, such as the unemployment rate, in order to respond to emerging problems in a timely manner and prevent a deterioration in the economic situation.

Key words: economy, unemployment, crisis, inflation, employment, employment.

К сожалению, экономическое развитие циклично и подвержено взлетам и падениям. Ключевыми индикаторами неустойчивости в экономике выступают кризисные явления, увеличение числа безработных и инфляционные процессы. Безработица, а именно ситуация, когда значительная доля работоспособных граждан не имеет трудоустройства, представляет собой серьезную проблему с негативными последствиями для экономики в целом и ощутимым влиянием на благосостояние людей, вызывая финансовые затруднения и общественное недовольство.

Для каждой страны в процессе ее развития преодоление экономической нестабильности становится приоритетной целью. Необходимо понимать, что экономическая неустойчивость не является единичным инцидентом, а выступает естественной частью экономических процессов. В связи с этим жизненно важными становятся регулярный контроль и глубокий анализ ключевых макроэкономических данных, в том числе показателей безработицы. Это позволяет своевременно реагировать и предотвращать углубление экономических кризисов. Таким образом, данное исследование имеет актуальность. В рамках поставленной цели исследования планируется решить ряд задач: рассмотреть различные типы и виды безработицы, оценить динамику безработицы в Российской Федерации, а также изучить государственные меры, направленные на борьбу с этим явлением.

Безработица — это такое социально-экономическое явление, которое отражает уровень незадействованной части трудоспособного населения в процессе производства товаров и услуг. Как и занятые, безработные формируют состав рабочей силы страны. Как правило, безработица возникает в связи с несоответствием количества вакансий и превышающим их количеством свободной рабочей силы. К безработным принято относить граждан, состоящих на учете в государственных службах занятости,

пытающихся трудоустроиться на протяжении предшествующего месяца и не имеющих на данный момент официального места работы [1].

Как известно, экономическое развитие любой страны характеризуется неравномерностью, которая проявляется в колебаниях уровней инфляции, безработицы и цикличности развития. В этих условиях экономическая нестабильность способствует повышению рисков и неопределенности для бизнеса и производства [3].

В экономике выделяют несколько видов безработицы:

Фрикционная безработица возникает, когда люди ищут новую работу, добровольно увольняются, увольняются по инициативе работодателя или впервые выходят на рынок труда. Это естественный процесс, связанный с переходом между рабочими местами.

Структурная безработица вызвана изменениями в структуре экономики. Когда меняется спрос на товары и услуги, меняется и потребность в определенных профессиях. Некоторые профессии становятся менее востребованными или исчезают, в то время как спрос на другие растет.

Циклическая безработица связана с экономическими спадами, когда производство сокращается и компании вынуждены увольнять работников.

Сумма фрикционной и структурной безработицы составляет естественный уровень безработицы. Эти виды безработицы считаются неизбежными в рыночной экономике.

Когда экономика приближается к состоянию полной занятости, то есть практически все трудоспособное население находит работу, возникает склонность к повышению цен, что ведет к инфляции. Согласно данной модели, инфляция и безработица исключают друг друга: пока существует безработица, цены остаются неизменными. Но как только уровень безработицы достигает минимума, создаются предпосылки для роста цен и инфляции.

Интересно отметить, что сочетание инфляции и безработицы, связанное с сокращением производства, называется стагфляцией. Для объяснения стагфляции используется зависимость между показателями инфляции и безработицы, известная как кривая Филлипса. Кривая (рис. 1) непосредственно иллюстрирует, как нарастающий уровень безработицы может приводить к снижению инфляции и наоборот, что подчеркивает сложность взаимодействия этих двух экономических явлений в условиях нестабильности [4].

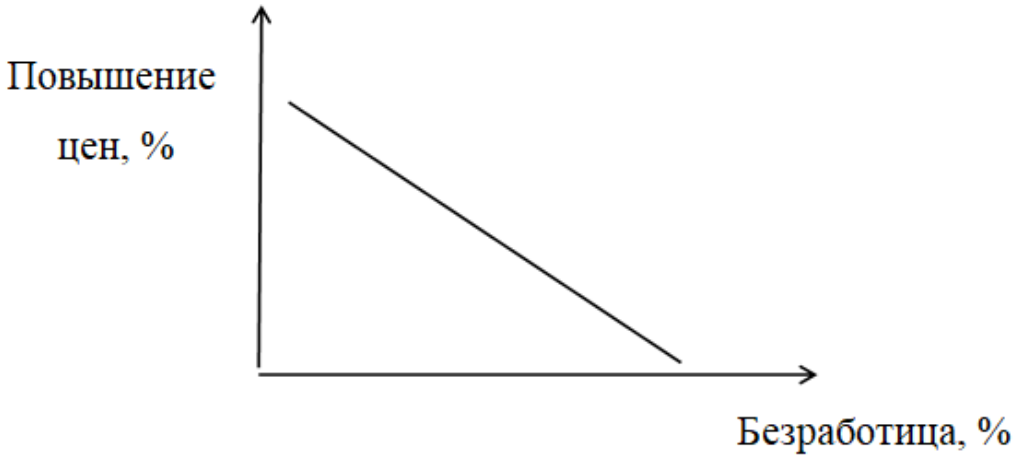

Рис. 1. Кривая Филлипса

Безработица является следствием множества факторов. Одним из них выступает избыток рабочей силы, превышающий текущие потребности национального производства, что особенно характерно для развивающихся стран.

Другой причиной может стать структурная трансформация экономики, в частности под влиянием технологического прогресса. Такая безработица имеет переходный характер, поскольку устаревающие отрасли и технологии постепенно сменяются новыми.

Временный рост числа безработных также наблюдается, когда люди активно ищут работу, которая лучше соответствует их интересам или предлагает более привлекательные условия; это явление известно как фрикционная безработица.

Наиболее серьезное обострение проблемы безработицы происходит во время экономических спадов, что классифицируется как циклическая безработица. Этот вид считается наиболее опасным, поскольку запускает порочный круг: сокращение объемов производства приводит к увольнениям, что, в свою очередь, снижает доходы населения, уменьшает совокупный спрос, вызывает дальнейшее падение производства и, как итог, способствует новому витку роста безработицы.

Иногда государственное регулирование и деятельность профсоюзов могут создавать препятствия на рынке труда, например, через негибкость в установлении заработной платы. В таких условиях работодателям может потребоваться сокращение штата для поддержания рентабельности [2].

Чтобы получить статус безработного по российскому законодательству, необходимо соответствовать нескольким условиям: иметь возраст от 16 лет и старше, зарегистрироваться в службе занятости, активно искать работу и не иметь официального места работы. Этот статус доступен также инвалидам, пенсионерам и студентам, которые хотят работать.

Для решения проблемы молодежной безработицы предлагаются следующие меры:

1. Стимулирование раннего выхода подростков на рынок труда.
2. Внедрение квот на рабочие места для выпускников.
3. Содействие в трудоустройстве для военнослужащих, уволенных в запас.
4. Разработка муниципальных налоговых льгот для работодателей, нанимающих молодых специалистов.
5. Развитие услуг лизинга персонала через кадровые агентства.
6. Запуск специализированных программ адаптации на рынке труда для выпускников вузов, прошедших военную службу.
7. Создание консультационных центров по вопросам занятости для молодежи.

В настоящее время российское правительство фокусирует свои усилия в сфере занятости на нескольких ключевых направлениях. Приоритетом является укрепление потенциала рабочей силы страны.

Также важным аспектом является обеспечение равных возможностей для всех граждан в трудоустройстве и свободном выборе профессии без дискриминации по этническому, гендерному, возрастному, социальному, политическому или религиозному признаку.

Оказывается поддержка трудовым и предпринимательским инициативам граждан, осуществляемым в рамках закона.

Наконец, государство гарантирует социальную защиту в сфере занятости, уделяя особое внимание таким уязвимым группам населения, как инвалиды, молодежь, граждане предпенсионного возраста, военнослужащие запаса, лица, освободившиеся из мест лишения свободы, а также многодетные родители.

Рынок труда в России за последние несколько лет претерпел значительные изменения, пережив и последствия пандемии, и уникальные геополитические вызовы 2022-2023 годов. Интересно, что официальные

данные показывают рекордно низкие уровни безработицы в стране, составившие менее 3%.

Согласно информации, предоставленной Росстатом, в первых месяцах 2025 года в Российской Федерации зафиксирован рекордно низкий показатель безработицы, опустившийся до отметки в 2,8% (табл. 1). В соответствии с методикой, разработанной Международной организацией труда (МОТ), данное значение указывает на наличие приблизительно 2,1 миллиона не имеющих работы граждан Российской Федерации при общей численности трудоспособного населения, насчитывающего около 75 миллионов человек.

Таблица 1

Показатели безработицы

Показатель	Начало 2025 г.	Изменения 2024 г.
Уровень безработицы	2,8%	-0,3 %
Численность безработных	2,1 млн человек	-0,2 млн человек
Численность зарегистрированных безработных	0,68 млн человек	-0,07 млн человек
Коэффициент напряженности на рынке труда	0,4	-0,1

Важно понимать, что официальная статистика может предоставлять не вполне полную картину происходящего, поскольку значительная доля экономической активности происходит в неформальном секторе. Кроме того, многие граждане предпочитают не регистрироваться в качестве безработных официально из-за сложностей бюрократического характера или небольшого размера выплат по безработице.

Сегодняшний рынок труда сталкивается с серьезной нехваткой специалистов: показатель напряженности на рынке труда крайне низок - 0,5, что означает, что на одну вакансию приходится менее половины безработного. Этот недостаток рабочей силы ощущается в подавляющем большинстве отраслей. Ключевыми причинами такого положения дел являются: снижение числа трудоспособных граждан вследствие демографического кризиса, структурные сдвиги в экономике, влияние санкций, эмиграция высококвалифицированных кадров в 2022-2023 годах. Наряду с этим, активная реализация государственных программ поддержки трудоустройства и адаптация предприятий к изменившейся экономической ситуации [5] оказали заметное воздействие на рынок труда.

Рассмотрение динамики безработицы в России за последнее десятилетие (2015-2025 гг.) показывает несколько этапов, связанных с макроэкономическими циклами и внешними потрясениями (табл. 2). За этот период уровень незанятости изменялся, отражая перемены в структуре российской экономики.

Можно выделить такие стадии:

1. 2015-2019 гг.: постепенное сокращение числа безработных после кризиса 2014-2015 гг.
2. 2020 г.: существенный скачок безработицы, спровоцированный пандемией COVID-19.
3. 2021-2022 гг.: быстрое восстановление рынка труда и возвращение к значениям, существовавшим до пандемии.
4. 2023-2025 гг.: устойчивое снижение, достижение рекордно низких уровней.

Таблица 2

Динамика безработицы

Год	Средний уровень безработицы	Ключевые факторы влияния
2015	5,6%	Последствия валютного кризиса, санкции
2017	5,2%	Привыкание к новым экономическим реалиям
2019	4,6%	Нормализация экономической ситуации
2020	5,8%	Последствия пандемии
2022	4,0%	Начало геополитической ситуации
2024	3,1%	Импортозамещение
2025	2,8%	Дефицит кадров

Таким образом, экономическая нестабильность, проявляющаяся в виде безработицы, инфляции и спада производства, представляет собой серьезную макроэкономическую проблему, требующую постоянного анализа и контроля. Безработица, как социально-экономическое явление, отражает уровень не задействованного трудоспособного населения и может быть вызвана различными факторами, включая структурные изменения в экономике и циклические колебания. В России уровень безработицы за последние годы претерпел значительные изменения, достигнув рекордно низких значений в начале 2025 года, что связано с рядом факторов, включая демографические изменения и структурные перестройки. Государственная политика направлена

на поддержку занятости, особенно среди уязвимых групп населения, и включает меры по улучшению условий труда и трудоустройства молодежи. Важно продолжать мониторинг и анализ ситуации на рынке труда для своевременного реагирования на возможные кризисы и поддержания устойчивого экономического развития.

Список литературы

1. Гараева О. А. Современные проблемы занятости населения в России [Текст] / О. А. Гараева // Контентус. 2018. № 8 (73). – С. 7-15.
2. Кашепов А. В., Афонина К. В., Головачёв Н. В. Рынок труда РФ в 2020-2021 гг.: безработица и структурные изменения // Социально-трудовые исследования. 2021.
3. Кульков В. М. Макроэкономика: учебник и практикум для вузов / В. М. Кульков, И.М. Теняков. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2020.
4. Максимова В. Ф., Горяинова Л. В., Куваева М. В., Лигай Г. А., Пашковская М. В., Помаскина О. В. Макроэкономика / Моск. гос. университет экономики, статистики и информатики. – М., – 2001.
5. Мухина И. И., Синдяшкина Е. Н. Занятость и безработица: кризис или новые возможности // Социально-трудовые исследования. 2020.

© Галушко М.В., Дедеева С.А., Орлова А.И.

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

Гордеева Евгения Васильевна
к.э.н., доцент кафедры инновационных технологий в экономике и управлении
Акопян Элла Вартановна
студент
ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»

Аннотация: В статье рассматривается комплексное исследование проблем кибербезопасности и технологического суверенитета Российской Федерации в условиях цифровой трансформации. Анализируется взаимосвязь киберугроз и ключевых аспектов национальной безопасности: политических, экономических, военно-информационных. Особое внимание уделяется специфике вызовов для России, включая геополитический контекст, использование киберпространства для дестабилизации внутренней обстановки и системные риски, обусловленные зависимостью от зарубежных технологий. Сделан вывод о том, что только системный подход, сочетающий правовое регулирование, технологическое развитие и подготовку кадров, позволит России надежно обеспечить национальную безопасность в цифровую эпоху.

Ключевые слова: кибербезопасность, национальная безопасность, технологический суверенитет, цифровая эпоха, киберугрозы, критическая информационная инфраструктура (КИИ), импортозамещение, нормативно-правовое регулирование, международное сотрудничество.

CYBERSECURITY IN THE DIGITAL AGE: ENSURING RUSSIA'S NATIONAL SECURITY AND TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY

Gordeeva Evgenia Vasilievna
Akopuan Ella Vartanovna

Abstract: The article provides a comprehensive study of the issues of cybersecurity and technological sovereignty of the Russian Federation in the

context of digital transformation. It analyzes the relationship between cyber threats and key aspects of national security, including political, economic, and military-information aspects. Special attention is given to the specific challenges faced by Russia, including the geopolitical context, the use of cyberspace for destabilizing the domestic situation, and the systemic risks associated with dependence on foreign technologies. The article concludes that only a systematic approach that combines legal regulation, technological development, and personnel training can ensure Russia's national security in the digital era.

Key words: cybersecurity, national security, technological sovereignty, digital era, cyber threats, critical information infrastructure (CII), import substitution, legal regulation, international cooperation.

Современный этап развития мирового сообщества характеризуется тотальной цифровой трансформацией, которая затрагивает все без исключения сферы общественной жизни, экономики и государственного управления. Согласно данным Международного союза электросвязи (МСЭ), к концу 2023 года число пользователей интернета в мире достигло 5,4 миллиарда человек, что составляет 67% мирового населения. Цифровизация приносит колоссальные преимущества, такие как повышение эффективности государственного управления, развитие новых отраслей экономики (например, финтех, EdTech, Smart City), оптимизация бизнес-процессов и повышение доступности услуг для граждан. Однако параллельно с этим формируется принципиально новая, высокоуязвимая среда. Критическая информационная инфраструктура (КИИ), системы финансового рынка, энергетики, транспорта и здравоохранения становятся глубоко интегрированными в цифровое пространство, что создает новые векторы для потенциальных атак [3]. Таким образом, сама по себе цифровая трансформация становится ключевым фактором, обуславливающим актуальность проблем кибербезопасности. Интенсивная цифровизация сопровождается стремительным ростом количества и сложности киберугроз. По данным компании Positive Technologies, в 2023 году в России 82% организаций столкнулись с кибератаками, причем в 48% случаев атаки были успешными [11]. Угрозы носят комплексный характер и целенаправленно воздействуют на ключевые сферы национальной безопасности:

1) экономическая сфера: атаки на финансовые организации и крупные корпорации приводят к прямым финансовым потерям. Банк России в своем

отчете указывает, что основными угрозами остаются фишинг и вредоносное программное обеспечение, нацеленное на хищение денежных средств [8];

2) общественная безопасность: участились атаки на объекты КИИ. Инциденты с системами жилищно-коммунального хозяйства, транспорта и здравоохранения могут парализовать жизнеобеспечение целых регионов и создать прямую угрозу для жизни и здоровья граждан;

3) военно-политическая сфера: цифровые технологии активно используются для ведения гибридных войн, проведения информационно-пропагандистских кампаний и дестабилизации политической ситуации в других странах [4].

В современной научной литературе кибербезопасность определяется как состояние защищенности информационной инфраструктуры и данных в киберпространстве от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее конфиденциальность, целостность и доступность информации [6]. Данная триада, известная как модель CIA (Confidentiality, Integrity, Availability), составляет ее методологическое ядро:

- конфиденциальность обеспечивает доступ к информации только для авторизованных пользователей, систем или процессов;

- целостность гарантирует точность и полноту информации, а также методы ее обработки, защиты от несанкционированного изменения или уничтожения;

- доступность необходима для обеспечения бесперебойного доступа к информации и связанным с ней активам авторизованных пользователей по мере необходимости.

Национальная безопасность — это состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое развитие Российской Федерации [2]. В условиях цифровизации ее ключевые аспекты претерпели изменения:

- политический аспект: защита государственного суверенитета от попыток внешнего вмешательства с использованием цифровых технологий, обеспечение устойчивости политической системы;

- экономический аспект: защита финансовой системы, КИИ и интеллектуальной собственности от кибератак, обеспечивающая экономическую стабильность;

- военный аспект: оборона страны в киберпространстве, защита систем управления войсками и оружием, разведка и противодействие кибератакам;

- информационный аспект: защита информационного пространства, противодействие манипулятивным кампаниям и дезинформации, обеспечение духовно-нравственных основ общества.

Технологический суверенитет — это способность государства самостоятельно, без критической зависимости от внешних субъектов разрабатывать, производить и применять технологии, имеющие стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности, обороноспособности и устойчивого социально-экономического развития [10]. Он обеспечивает национальную безопасность и обороноспособность, гарантирует устойчивое функционирование экономики и КИИ, сохраняет независимость в принятии внешнеполитических и внутриполитических решений, поддерживает конкурентоспособность на мировой арене.

Индикаторами технологического суверенитета являются:

- доля отечественного ПО и аппаратного обеспечения в госсекторе и КИИ;

- объем внутренних инвестиций в исследования и разработки (R&D);

- наличие собственных производственных мощностей для выпуска критически важной электронной компонентной базы (ЭКБ);

- уровень подготовки национальных ИТ- и киберкадров.

Существуют три основные модели достижения технологического суверенитета:

1) импортозамещение: замена иностранных программных и аппаратных решений на отечественные аналоги. Данная модель позволяет быстро снизить прямую зависимость, но несет риски создания «технологического гетто» и отставания от мирового уровня без сильной базы НИОКР;

2) стратегическая кооперация: формируются технологические альянсы с дружественными странами для совместной разработки и производства, создаются общие стандарты (например, в рамках ЕАЭС, БРИКС);

3) развитие собственных прорывных технологий: стратегические инвестиции в фундаментальные и прикладные исследования для создания конкурентоспособных технологий нового поколения.

Наиболее эффективной для России представляется гибридная модель, комбинирующая ускоренное импортозамещение в критически важных сегментах с параллельным развитием собственных прорывных технологий и активной кооперацией в рамках ЕАЭС и с азиатскими партнерами.

Современные киберугрозы характеризуется высокой динамикой и возрастающей сложностью. Их можно классифицировать по следующим основным типам:

- вредоносное программное обеспечение (ПО): включает в себя ransomware (программы-вымогатели), шпионское ПО, ботнеты;

- фишинг и целевой фишинг (spear-phishing): остаются основным вектором первоначального проникновения в корпоративные и государственные сети. ФинЦЕРТ Банка России отмечает, что более 80% успешных атак на финансовый сектор начинаются с фишинга [8];

- DDoS-атаки: используются для вывода из строя интернет-ресурсов, создания помех и демонстрации силы;

- целевые атаки (APT-группы): высококвалифицированные и хорошо финансируемые группы, часто связанные с государствами. Ведут продолжительные кампании по хищению данных и шпионажу. Для России наиболее актуальны APT-группы, ассоциируемые со странами НАТО [9];

- информационные войны: систематическое использование киберпространства для распространения дезинформации, манипуляции общественным сознанием и подрыва доверия к государственным институтам [7].

Критическая информационная инфраструктура (КИИ) является ключевой мишенью для кибератак, поскольку ее нарушение способно парализовать жизнеобеспечение страны. К объектам КИИ относятся системы энергетики, транспорта, здравоохранения, финансов и связи. Успешная атака на КИИ приводит к нарушению функционирования (остановка производств, сбои в работе транспорта, отключения электроэнергии), каскадному эффекту (сбой в одной системе (энергетика), значительному экономическому ущербу и социальной дестабилизации).

Существуют риски для государственной власти, обороноспособности, экономики и социальной сферы:

1) государственная власть: атаки на информационные системы органов власти, подрыв суверенитета и легитимности через вмешательство в избирательные процессы;

2) оборона: компрометация систем управления войсками и оружием, хищение данных об оборонных разработках, дезорганизация мобилизационных процессов;

3) экономика: прямые финансовые потери, хищение интеллектуальной собственности, подрыв стабильности финансового рынка, репутационные риски для компаний;

4) социальная сфера: нарушение работы социальных служб, систем здравоохранения, распространение панических настроений.

Российская нормативно-правовая база в области кибербезопасности базируется на нескольких ключевых документах. Фундаментом является Федеральный закон № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», который ввел понятие КИИ и установил требования к ее безопасности [1]. Важную роль играет Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных», регулирующий обработку информации о гражданах. Стратегические направления определяются Указом Президента № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и Доктриной информационной безопасности.

Ключевым элементом создания и поддержки отечественных центров мониторинга и реагирования на киберугрозы является развитие системы ГОССОПКА (Государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак). Для этого необходимо расширять охват ГОССОПКА на все объекты КИИ и органы государственной власти, также можно создавать отраслевые подразделения (SOC – Security Operations Center) для мониторинга угроз в реальном времени в таких секторах, как ТЭК, финансы и транспорт. Возможно налаживание эффективного взаимодействия между ГОССОПКА и корпоративными SOC частных компаний для обмена индикаторами компрометации (IoC).

Участие России в международных инициативах по борьбе с киберпреступностью также может помочь, поэтому необходимо продолжать активную работу в профильных органах ООН по продвижению

всеобъемлющей международной конвенции по борьбе с киберпреступностью и углубление сотрудничества в рамках БРИКС, ШОС и ОДКБ по созданию общих систем мониторинга и обмена информацией о киберугрозах [5]. Реализация таких мер требует консолидированных усилий государства, бизнеса и научно-образовательного сообщества. Только комплексный подход, сочетающий правовое регулирование, технологическое развитие и подготовку кадров, позволит России надежно обеспечить свою национальную безопасность и технологический суверенитет в цифровую эпоху.

Таким образом, обеспечение национальной безопасности России в цифровую эпоху требует реализации комплексной государственной стратегии, одновременно направленной на противодействие киберугрозам и достижение технологического суверенитета. Эффективность такой стратегии может быть обеспечена только при системном подходе, сочетающем совершенствование законодательства, развитие собственных технологий, подготовку квалифицированных кадров и формирование международных технологических альянсов.

Список литературы

1. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201707310077

2. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: Официальный интернет-портал правовой информации http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107020014

3. Совет Безопасности РФ. «Основы государственной политики в области обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». URL: http://www.scrf.gov.ru/ security/information/

4. Министерство обороны Российской Федерации. «О современных подходах к ведению гибридной войны». Журнал «Национальная безопасность / nota bene». 2023. №4.

5. Министерство иностранных дел Российской Федерации. «Концепция деятельности в сфере международной информационной безопасности». 2023. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1868466/

6. Международный стандарт ISO/IEC 27000:2018. «Информационная технология. Методы защиты. Системы управления информационной безопасностью. Обзор и терминология».

7. Российский совет по международным делам (РСМД). «Информационное противоборство в условиях гибридной войны». 2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/informatsionnoe-protivoborstvo-v-usloviyakh-gibridnoy-voyny/

8. Банк России. Отчет ФинЦЕРТ за 2023 год. «Основные тенденции кибербезопасности в кредитно-финансовой сфере». URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/150271/fincert_2023.pdf

9. Лаборатория Касперского. «Отчет об активности APT-групп в 2023 году». URL: https://securelist.com/apt-threatscape-2023/114283/

10. Экспертный центр «ИнфоРос». «Технологический суверенитет России: вызовы и пути достижения». Аналитический доклад. 2023. URL: https://inforos.ru/ru/analytics/68917

11. Positive Technologies. «Кибербезопасность 2023: итоги года в России». URL: https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-2023-results/

© Гордеева Е.В., Акопян Э.В.

ПУТИ И ФАКТОРЫ МИНИМИЗАЦИИ ИЗДЕРЖЕК ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Дедеева Светлана Александровна
канд. экон. наук,
доцент кафедры экономической теории,
региональной и отраслевой экономики
Дерябин Максим Витальевич
студент
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

Аннотация: В статье раскрываются ключевые направления минимизации производственных издержек, рассматриваются технологические, организационные и логистические факторы, способные влиять на себестоимость продукции. Показано, как сочетание цифровых решений, грамотного управления ресурсами и оптимизации процессов способствует более рациональному использованию мощностей и укреплению устойчивости предприятия. Приведены графики, отражающие динамику средних и совокупных затрат, что даёт возможность наглядно проследить влияние масштаба выпуска на эффективность затратной политики.

Ключевые слова: издержки, себестоимость, производственные процессы, оптимизация, эффект масштаба, автоматизация, логистика, промышленность, предприятия.

WAYS AND FACTORS OF MINIMIZING THE COSTS OF INDUSTRIAL PRODUCTION

Dedeeva Svetlana Alexandrovna
Deryabin Maxim Vitalievich

Abstract: The article reveals the key areas of minimizing production costs, discusses technological, organizational and logistical factors that can affect the cost of production. It is shown how the combination of digital solutions, competent resource management and process optimization contributes to a more efficient use of capacities and strengthening the sustainability of the enterprise. Graphs reflecting the dynamics of average and total costs are presented, which makes it possible to visually trace the impact of output scale on the effectiveness of cost policy.

Key words: costs, cost, production processes, optimization, scale efficiency, automation, logistics, industry, enterprises.

Сокращение производственных издержек выступает одной из приоритетных задач для предприятий промышленного сектора [2, с. 77]. Рациональное использование материальных, трудовых и энергетических ресурсов напрямую определяет конкурентные позиции продукции на рынке, финансовую стабильность организаций и их способность адаптироваться к изменениям внешней экономической среды [5, с. 64]. В условиях усложнения производственных процессов, роста требований к качеству и усиления зависимости от цифровых технологий управление затратами приобретает комплексный и многоуровневый характер.

Практика показывает, что устойчивое снижение себестоимости невозможно обеспечить за счёт разрозненных мер. Эффективное управление затратами предполагает системную трансформацию производственных процессов, обновление технологической базы, совершенствование взаимодействия между подразделениями и внедрение современных управленческих и информационных решений [1, с. 59]. Существенный экономический эффект достигается при целенаправленном выявлении и устранении внутренних потерь, повышении дисциплины производства и оптимизации потоков материалов и информации [4, с. 98].

Рис. 1. Основные издержки промышленных предприятий

1) Одним из ключевых факторов, влияющих на уровень себестоимости, является технологическое обновление и расширение автоматизации производственных операций [8]. Использование оборудования с числовым программным управлением, роботизированных линий и интеллектуальных систем мониторинга позволяет снизить долю ручного труда, уменьшить количество технологических ошибок и обеспечить стабильное качество выпускаемой продукции. Это особенно важно для отраслей, где точность обработки напрямую отражается на эксплуатационных характеристиках изделий [6, с. 67].

Автоматизация способствует снижению переменных затрат за счёт сокращения времени выполнения операций, уменьшения брака и оптимизации использования ресурсов. Дополнительным эффектом становится повышение предсказуемости производственного цикла, что облегчает планирование закупок, распределение загрузки оборудования и формирование графиков поставок [9].

Следует учитывать, что внедрение высокотехнологичного оборудования сопровождается дополнительными расходами, связанными с техническим обслуживанием, обновлением программного обеспечения и обучением персонала. Однако данные вложения носят инвестиционный характер и создают основу для долгосрочного снижения себестоимости. Современные производственные мощности позволяют минимизировать простои, стабилизировать выпуск и более эффективно использовать имеющиеся ресурсы [8].

2) Организационные механизмы сокращения издержек промышленного производства: технологическое обновление даёт значительный эффект только в сочетании с корректировкой организационной структуры и производственной логики. Внутренние процессы часто содержат скрытые потери, которые не отражаются напрямую в финансовых отчётах, но регулярно увеличивают себестоимость. К таким потерям относятся избыточные запасы, нерациональные перемещения материалов и персонала, простои между операциями, излишние этапы обработки и дефекты, требующие повторного выполнения работ [3, с. 83].

Снижение подобных потерь достигается путём оптимизации маршрутов движения ресурсов, стандартизации операций, внедрения визуальных методов контроля и рациональной организации рабочих мест. Существенную роль играют цифровые модели производственных процессов, позволяющие анализировать альтернативные варианты организации производства, выявлять узкие места и выбирать наиболее эффективные конфигурации. Это сокращает продолжительность операций и снижает затраты на обслуживание оборудования и персонала [4, с. 109].

Сокращение времени переналадки также оказывает сильное влияние на себестоимость. Применение быстро сменяемых инструментов, модульных приспособлений и упорядоченных процедур подготовки оборудования уменьшает простои, повышает гибкость производства и обеспечивает более стабильную загрузку станков.

3) Повышение качества как фактор экономии затрат: Качество продукции тесно связано с уровнем производственных издержек. Любые отклонения от технологических требований приводят к дополнительным

расходам на контроль, исправление дефектов, хранение и транспортировку некачественной продукции. В связи с этим формирование эффективной системы управления качеством является важным инструментом минимизации затрат.

К числу наиболее результативных мер относятся применение автоматизированных измерительных систем, регулярная диагностика оборудования, анализ статистики брака, входной контроль сырья и строгая регламентация технологических операций. Раннее выявление отклонений позволяет предотвратить серьёзные сбои в работе, сократить объём повторной обработки и снизить нагрузку на персонал. В результате повышается стабильность выпуска и уменьшаются совокупные затраты по всей производственной цепочке [7].

4) Цифровизация как инструмент рационального управления затратами: современные цифровые платформы расширяют возможности контроля за расходами и делают производственные процессы более прозрачными. ERP-системы обеспечивают комплексное управление ресурсами; MES-платформы помогают отслеживать загрузку оборудования и состояние текущих заказов; цифровые двойники дают точное отражение параметров машин и линий; аналитические модули позволяют выявлять скрытые зависимости и прогнозировать будущие потребности [9].

Работа с большими массивами данных помогает снижать материальные, временные и трудовые затраты. Более точные прогнозы позволяют оптимизировать графики поставок, снижая объём лишних запасов. Контроль состояния оборудования уменьшает вероятность аварийных остановок. Расширенная аналитика формирует основу для более взвешенных управленческих решений, укрепляя устойчивость предприятия и повышая эффективность распределения ресурсов [10].

5) Рациональное потребление как часть затратной политики: энергетические ресурсы занимают значительную долю в структуре производственных затрат, особенно в энергоёмких отраслях промышленности [5, с. 78]. В этой связи оптимизация энергопотребления становится важнейшим направлением затратной политики предприятия.

Применение энергоэффективного оборудования, модернизация систем электроснабжения, улучшение теплоизоляции производственных помещений и внедрение автоматических регуляторов нагрузки позволяют сократить потребление энергии без снижения объёмов выпуска. Использование интеллектуальных систем мониторинга обеспечивает контроль параметров в режиме реального времени и позволяет оперативно корректировать работу оборудования.

Отдельного внимания заслуживает использование альтернативных источников энергии. Внедрение солнечных панелей, когенерационных установок и биотопливных технологий способствует снижению зависимости от внешних поставщиков и уменьшает чувствительность предприятий к изменению тарифов, что в долгосрочной перспективе положительно отражается на уровне себестоимости.

6) Экономия от масштаба и её влияние на структуру затрат: существенное снижение удельных затрат достигается за счёт увеличения объёмов производства. При росте выпуска постоянные расходы распределяются на большее количество единиц продукции, что приводит к уменьшению средних издержек [2, с. 90]. Оптимальная загрузка производственных мощностей обеспечивает более рациональное использование оборудования, стабилизацию логистических процессов и сокращение складских затрат.

Однако действие эффекта масштаба имеет предел. При превышении оптимального уровня загрузки возникают дополнительные потери, связанные с перегрузкой оборудования, усложнением координации подразделений и ростом доли брака. В результате совокупные затраты начинают увеличиваться. Поэтому предприятиям необходим регулярный анализ объёмов выпуска и состояния мощностей для определения точки минимальных совокупных издержек [4, с. 121].

Для наглядной демонстрации влияния масштаба на затраты были построены два графика: первый отражает изменения средних издержек по мере роста объёмов выпуска, второй показывает динамику совокупных затрат при увеличении производства.

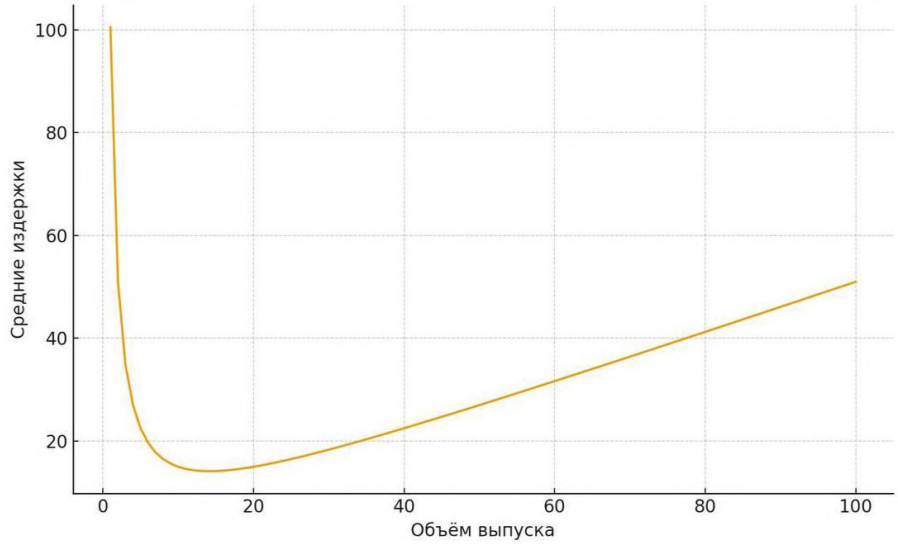

Рис. 2. Динамика средних издержек по мере роста объёма выпуска

На графике показано, как при небольших объёмах выпуска средние издержки остаются высокими, поскольку постоянные расходы распределяются на ограниченное число единиц продукции. По мере увеличения объёма производства линия стремительно снижается, затем постепенно выравнивается, формируя область наиболее эффективной загрузки. При дальнейшем росте выпуск может выходить в зону перегрузки, что приводит к лёгкому росту средних затрат.

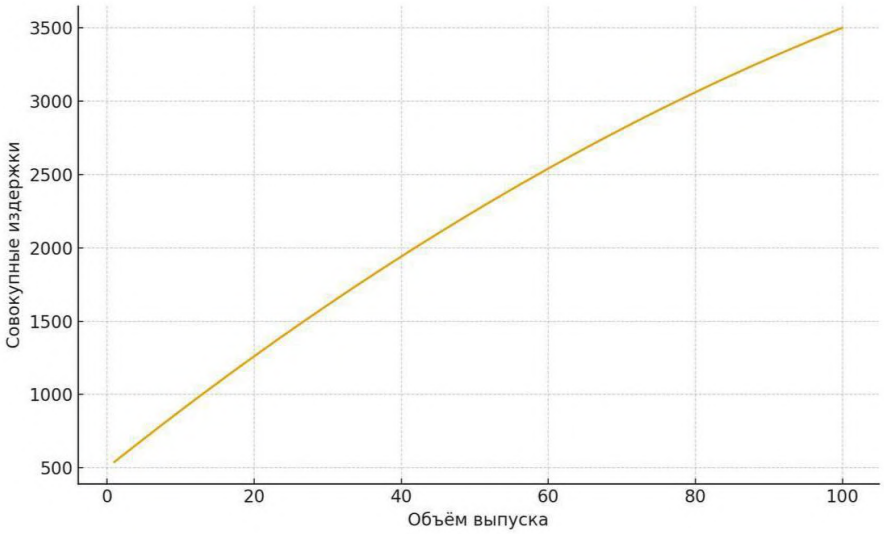

Рис. 3. Совокупные затраты в зависимости от масштабов производства

Второй график демонстрирует совокупные затраты: они увеличиваются вместе с ростом выпуска, однако скорость роста меняется. На начальных

этапах величина затрат растёт замедленно благодаря эффективному использованию ресурсов. Позднее линия становится более крутой, что отражает увеличение затрат из-за перегруженности производственных мощностей, усложнения логистики и роста организационных потерь.

В ходе исследования установлено, что снижение себестоимости промышленной продукции возможно только при комплексном подходе, объединяющем технологические, организационные, цифровые и энергетические решения. Современные производственные системы требуют высокой точности управления ресурсами, прозрачности процессов и способности оперативно адаптироваться к изменениям внешней среды [1, с. 78].

Технологическая модернизация создаёт базу для устойчивого сокращения затрат за счёт уменьшения числа ошибок и нестабильных операций. Организационные методы позволяют выявить и устранить скрытые потери, а повышение качества снижает расходы, связанные с браком и повторной обработкой. Цифровизация усиливает контроль, улучшает прогнозирование и повышает обоснованность управленческих решений. Энергоэффективность и использование альтернативных источников энергии уменьшают зависимость предприятий от внешних факторов.

Совокупное применение указанных направлений формирует устойчивую стратегию минимизации издержек и способствует повышению конкурентоспособности промышленных предприятий в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Ансофф И. Стратегическое управление. – М.: Экономика, 1989. – 358 с.

2. Балабанов И.Т. Экономика предприятия. – М.: Финансы и статистика, 2014. – 543 с.

3. Голубков Е.П. Маркетинговые исследования: теория, методология и практика. – М.: Финпресс, 2010. – 432 с.

4. Котлер Ф., Келлер К. Маркетинг-менеджмент. – СПб.: Питер, 2018. – 816 с. (русский перевод)

5. Портер М. Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 454 с. (русский перевод)

6. Шмален Г. Основы экономики предприятия. – М.: Инфра-М, 2012. – 512 с. (русский перевод)

7. Федеральная служба государственной статистики. Производственные затраты предприятий. URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения 23.11.2025).

8. Минпромторг России. Цифровизация и технологическая модернизация промышленности. URL: https://minpromtorg.gov.ru (дата обращения 27.11.2025).

9. Министерство экономического развития РФ. Повышение производительности труда в промышленности. URL: https://economy.gov.ru (дата обращения 24.11.2025).

10. Правительство РФ. Национальные проекты: Производительность труда. URL: https://government.ru (дата обращения 28.11.2025).

© Дедеева С.А., Дерябин М.В., 2025

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ НА МИКРО- И МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОМ УРОВНЯХ

Концеал Елена Владимировна
к.э.н.
Печенова Мария Андреевна
к.с.-х.н.,
доценты кафедры современных технологий образования взрослых
Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

Аннотация: В статье систематизированы цели интернационализации деятельности организации дополнительного образования взрослых на современном этапе жизни общества, а также формы ее реализации на разных уровнях экономических систем, в том числе микро- и макроэкономическом.

Ключевые слова: интернационализация образования, цели интернационализации, академическая мобильность, экспорт образовательных услуг, образование за рубежом, совместная образовательная деятельность.

THEORY OF INTERNATIONALIZATION OF EDUCATION AT THE MICRO- AND MACROECONOMIC LEVELS

Konceal Elena Vladimirovna
Pechenova Maria Andreevna

Abstract: This article systematizes the goals of internationalizing the activities of adult additional education organizations at the current stage of society, as well as the forms of its implementation at different levels of economic systems, including micro- and macroeconomic levels.

Key words: internationalization of education, goals of internationalization, academic mobility, export of educational services, education abroad, joint educational activities.

Еще с XX века во всем мире наблюдается усиление интеграции экономик и обществ мира, ведущее к глобализации мировой экономики. Процессы интернационализации деятельности организаций затрагивают в настоящее время все сферы и отрасли национальных хозяйств. Системы образования во всем их разнообразии в каждой стране, организации, осуществляющие научно-исследовательскую и образовательную деятельность, процессы интернационализации затрагивают также. Следует сказать даже больше – не только затрагивают, но и пронизывают многосторонне.

Каждая страна сегодня заинтересована в повышении качества национального образования – это напрямую сказывается на уровне развития человеческого потенциала страны, качестве трудовых ресурсов, конкурентоспособности страны на мировом рынке, удовлетворенности населения от потребляемых образовательных услуг. В Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года отмечается, что с этой целью предпринимаются комплексные меры, предусматривающие развитие смешанных форм обучения, сочетающих традиционное обучение с дистанционными формами, применение разнообразных методик обучения, вариативность учебных планов в соответствии с запросами обучающихся, самостоятельность учреждений образования в формировании учебных программ и выборе учебных пособий, формирование необходимых компетенций педагогов, создание современной цифровой образовательной среды, академический обмен, выработку согласованных подходов к оценке качества образования через систему международных программ и развитие независимых форм оценки и, конечно же, интернационализацию [1].

Подходов к понятию «интернационализация» применительно к сфере образования можно встретить в научной литературе немало. Дж. Найт связывает интернационализацию образования с «процессом интеграции международного, межкультурного и глобального измерений в цели, задачи и

потребности высшего образования» [2]. Он также подчеркивает, что «ключевым элементом интернационализации является идея отношений между нациями или культурными идентичностями, подразумевая сохранение национального государства и культуры» [3].

По мнению ведущего теоретика немецкого образования взрослых Й. Кнолля, интернациональность в образовании взрослых определяется не столько наличием различного рода договорных отношений, сколько некоей общей «настройкой» на сосуществование, причастность к одному культурному пространству, которое выходит за границы собственного государства и, таким образом, является гарантией сохранения мира. Такое понимание возникло много десятилетий назад, когда в образовании взрослых впервые заговорили о феномене «интернациональности». Сегодня интернационализация связывается, прежде всего, с открытостью миру или «практической современностью» [4].

Очевидно, что содержание понятия меняется во времени и может быть неодинаковым в пространстве, зависит от состояния системы образования в стране, уровня экономического развития государства, культурных императивов. Целесообразно при этом определить современные подходы к содержанию понятия «интернационализация» с позиции двух аспектов: целей и форм. Так, современное явление интернационализации деятельности образовательной организации направлено не только на достижение высокоинтеллектуальных общественно значимых целей, таких как обмен опытом, распространение инноваций, предоставление дополнительных возможностей гражданам стран-реципиентов образовательных услуг. Коммерческие цели, связанные с географическим расширением рынка сбыта образовательных услуг, получением дополнительного финансирования или дополнительной прибыли, популяризацией имени организации и страны в целом, также стали актуальными, как и в других сферах и отраслях экономики (рис. 1). Впрочем, коммерциализация процессов интернационализации в образовании является существенным двигателем его прогресса на всех уровнях экономических систем и специализированной по продукту формой внешнеэкономической деятельности образовательной организации.

Рис. 1. Цели интернационализации деятельности образовательной организации

Таким образом, в настоящее время интернационализация образовательной деятельности в целом способствует:

– обеспечению доступа людей к образовательным услугам иностранных образовательных организаций, росту их образовательного/профессионального уровня;

– развитию потенциала профессорско-преподавательского состава в ходе обмена опытом;

– распространению достижений и инноваций;

– повышению узнаваемости образовательной организации, страны (что дополнительно сказывается на смежных отраслях);

– росту объемов деятельности образовательной организации;

– привлечению в страну иностранной высоконвертируемой валюты;

– развитию страны и мира в целом.

В свою очередь формы интернационализации образования следует рассматривать с позиции двух уровней: как интернационализацию деятельности образовательных организаций на микроэкономическом уровне, а также интернационализацию образования на уровне страны с учетом современных тенденций развития мировой экономики. На микроэкономическом уровне (уровень функционирования образовательных организаций) формами интернационализации являются (рис. 2):

– направление сотрудников и обучающихся образовательной организации для освоения образовательной программы за рубеж в иностранную организацию;

– реализация образовательной программы иностранному гражданину национальной образовательной организацией (может быть удаленно / дистанционно либо очно с физическим присутствием обучающегося в принимающей стране, где он будет потреблять и другие блага, увеличивая таким образом общий экспорт);

– участие в конкурсах и получение грантов по проектам международной технической помощи (кроме обеспечения финансовой составляющей реализации проекта, они всегда содержат мероприятия по обмену опытом, инновациями, являются одной из форм привлечения иностранного капитала в страну/в деятельность организации);

– проведение совместных научных исследований (независимо от источников финансирования);

– создание кафедр, филиалов и других форм структурных/обособленных подразделений в иностранном государстве (может быть самостоятельной организацией за рубежом либо созданной на базе зарубежных образовательных организаций), а также учреждение новой образовательной организации с иностранным капиталом;

– реализация совместных образовательных программ на основе интегрированных учебных планов с закрепления отдельных сроков

и содержания учебной программы за отдельными образовательными организациями;

– преподавание ППС национальной образовательной организации в иностранной (распространение передового опыта и знаний);

– привлечение для реализации образовательной программы на национальном рынке представителей ППС иностранных образовательных организаций (получение передового опыта и знаний);

– организация/проведение либо участие в международных научных/научно-практических мероприятиях (конференции, круглые столы, симпозиумы, съезды и др.),

– представление выдающихся достижений ученых страны в международные фонды на получение премий (признание заслуг ученого, популяризация имени организации и страны);

– участие в международных рейтингах;

– финансирование образовательной/методической/научно-исследовательской деятельности иностранными инвесторами (например, получение продукции иностранного производителя на безвозмездной основе для внедрения в учебный/научно-исследовательский процесс, получение финансирования на проведение научных и других исследований и др.);

– поставка образовательных/методических/научно-исследовательских технологий (либо их результатов работы по данным направлениям), созданных национальными образовательными организациями, за рубеж (могут быть на договорных коммерческих основаниях, либо безвозмездно с целью популяризации имени национальной организации);

– международная сертификация/аккредитация образовательной деятельности.

Некоторые из указанных форм можно объединить в группу форм академической мобильности обучающихся: стажировки, практики, учеба по совместным образовательным программам, участие в международных мероприятиях за рубежом, проведение занятий в иностранной образовательной организации.

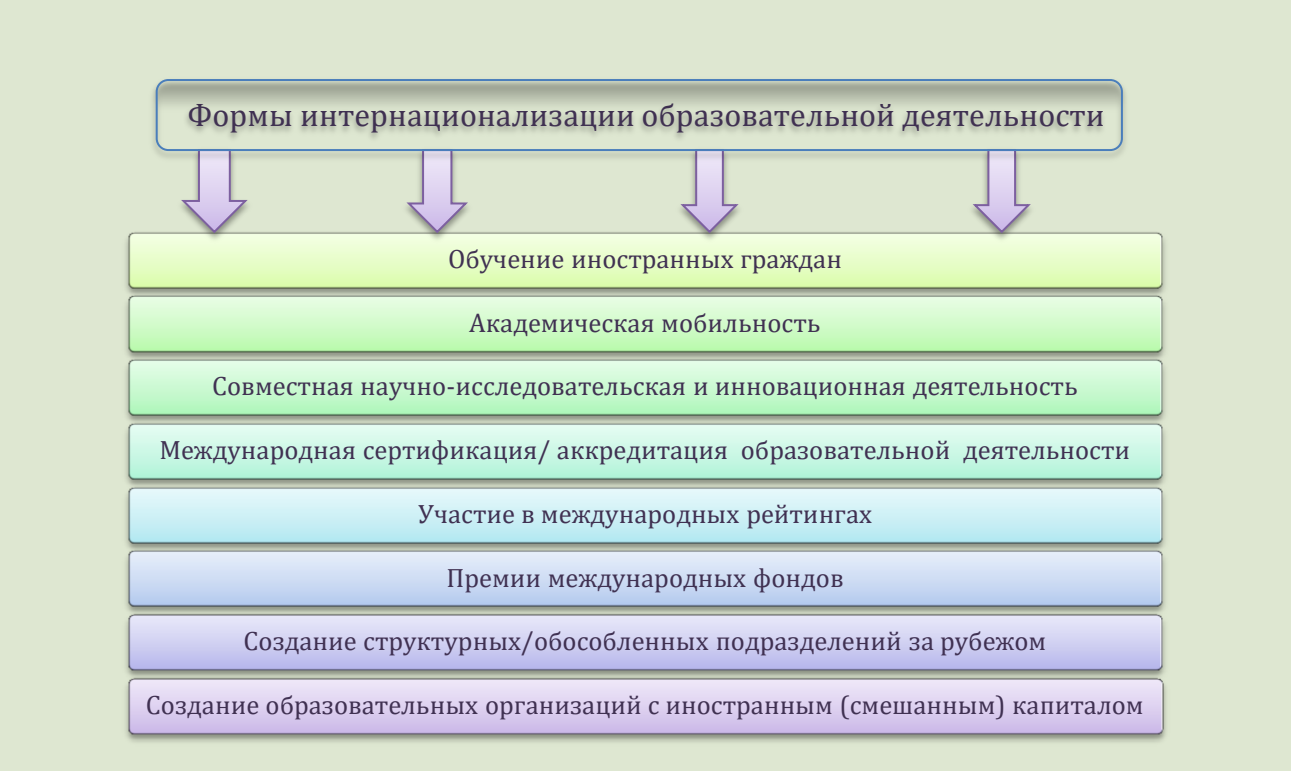

Рис. 2. Формы интернационализации образовательной деятельности на микроэкономическом уровне

Кроме этого, национальная образовательная организация, функционируя в макроэкономической среде, взаимодействуя с подобными себе организациями, имея возможность прямо или косвенно влиять на составляющие этой среды, обязана принимать ее содержание. На уровне макроэкономических систем рынок услуг дополнительного образования взрослых содержит явления и процессы интернационализации образования с участием либо без участия национальных образовательных организаций, меняется с учетом современных тенденций развития мировой экономики и ее структуры, адаптируется под потребности производства в мире, оценивается международными организациями. Основными формами интернационализации на данном уровне являются:

– экспорт услуг дополнительного образования (по инициативе самих обучающихся независимо от национальных образовательных организаций, в частности к ним можно отнести образование граждан страны за рубежом в иностранной образовательной организации по собственной инициативе, по

приглашению иностранной организации, на основе иностранных грантов/стипендий, дистанционно и др.);

– заключение межправительственных соглашений, создающих благоприятную среду налаживания отношений с иностранными образовательными организациями, приемом на обучение иностранных граждан, признание национальных документов об образовании за рубежом и др.;

– процессы гармонизации национальной образовательной системы с функционирующими за рубежом;

– определение концептуальных положений национальной системы образования, повышающих ее позицию в международных рейтингах.

В современном мире интернационализация стала неотъемлемой составляющей сферы высшего образования, ее приоритетность прослеживается в государственной политике, международных соглашениях, стратегиях развития учреждений высшего образования. Система дополнительного образования взрослых Республики Беларусь не осталась в стороне. Задачи интернационализации ставятся и перед ней, несмотря на все ее особенности. Рассмотренные в данной статье цели и формы интернационализации могут быть использованы для анализа своей деятельности учреждениями образования, выявления сильных и слабых сторон, определения направлений работы и развития в интернационализации деятельности, разработки стратегии на средне- и долгосрочный период. При этом следует учитывать, что те или иные формы могут быть несостоятельны в отдельные периоды времени. В этой связи выбор форм интернационализации образовательной деятельности должен осуществляться с учетом специфики деятельности организации, а также образовательной услуги, признания документов об обучении/образовании в иностранном государстве, уровня экономического развития в стране, культурных особенностей, платежеспособности потенциальных участников.

Список литературы

1. Концепция развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года.

2. Internationalization Remodeled: Rationales, Strategies Knight J. and Approaches // Journal for Studies in International Education. 2004. Vol. 8 (1). P. 5–31

3. Найт Дж. Развитие интернационализации: новые подходы... и непредвиденные последствия. Императивы интернационализации. М.: Логос, 2013. С. 69.

4. Knoll J. «Internationalität» in der Erwachsenenbildung /Weiterbildung / J. Knoll; DIE Zeitschrift für Erwachsenenbildung. 1999/2. – Режим доступа: https://www.die-bonn.de/zeitschrift/299/knoll99_01.htm

© Концеал Е.В., Печенова М.А., 2025

БАРТЕР В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ: ПРИЧИНЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Дедеева Светлана Александровна
канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории,
региональной и отраслевой экономики
Галушко Марина Викторовна
доцент кафедры экономической теории,
региональной и отраслевой экономики
Оленчук Виктория Олеговна
студент
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

Аннотация: В статье анализируется роль товарообменных операций в структуре современных экономических отношений. Выявлены ключевые детерминанты обращения хозяйствующих субъектов к безденежным формам расчетов, а также систематизированы отличительные черты функционирования бартерных схем в контексте динамичной рыночной среды. Подчеркивается, что актуальность бартера как экономического института обусловлена его адаптивностью, потенциалом минимизации операционных издержек и способностью компенсировать дефицит ликвидных активов. Особое внимание уделено влиянию цифровых технологий, которые трансформируют традиционный обмен, повышая его эффективность и масштабируемость. На основе анализа научных публикаций и экспертных оценок выявлены тенденции распространения бартерных сделок и вариативность их применения в разрезе различных секторов экономики.

Ключевые слова: товарообмен, безденежные расчеты, альтернативные расчетные механизмы, ликвидность, трансакционные издержки, межфирменная кооперация, цифровизация.

BARTER IN THE MODERN ECONOMY: REASONS FOR USE AND CHARACTERISTIC FEATURES

Dedeeva Svetlana Alexandrovna
Galushko Marina Viktorovna
Olenchuk Victoria Olegovna

Abstract: The article analyzes the role of commodity exchange operations in the structure of modern economic relations. The key determinants of the treatment of economic entities to non-monetary forms of settlements are identified, as well as the distinctive features of the functioning of barter schemes in the context of a dynamic market environment are systematized. It is emphasized that the relevance of barter as an economic institution is due to its adaptability, the potential to minimize transaction costs and the ability to compensate for the shortage of liquid assets. Special attention is paid to the impact of digital technologies, which are transforming traditional exchange, increasing its efficiency and scalability. Based on the analysis of scientific publications and expert assessments, trends in the spread of barter transactions and the variability of their use in different sectors of the economy have been identified.

Key words: barter, exchange, alternative forms of settlement, liquidity, transaction costs, inter-company relations, digital platforms.

Бартер, представляющий собой форму прямой взаимной передачи товаров, работ или услуг без опосредования денежными знаками, продолжает занимать значимую нишу в экономическом обороте. В отечественной научной традиции товарообменные операции принято рассматривать в качестве вспомогательного дополнения к традиционным денежным расчетам, активизирующегося в условиях сжатия ликвидности или роста стоимости финансового посредничества [1, с. 35].

С юридической точки зрения, бартерная сделка корреспондирует с конструкцией договора мены, закрепленной в Гражданском кодексе РФ. Ее отличительной особенностью является то, что взаимное предоставление сторон состоит в передаче товара, а не денег. При этом закон не требует обязательной эквивалентности обмениваемых товаров, допуская неравноценный обмен с установлением доплаты [4].

В современных экономических исследованиях бартер интерпретируется не как реликтовая форма обмена, а как дополнительный, ситуативный инструмент, применяемый в периоды повышенной турбулентности [2, с. 64]. Ученые отмечают, что такой обмен позволяет субъектам хозяйствования поддерживать операционную деятельность, нивелируя последствия временного недостатка оборотных средств. Кроме того, в сложных хозяйственных связях бартер зачастую эволюционирует в систему

многосторонних взаимозачетов, усиливая гибкость экономических взаимодействий [5, с. 176].

Современные исследования фиксируют несколько ключевых функций бартерных схем:

• Снижение зависимости от денежного рынка: бартер позволяет уменьшить риск кассовых разрывов и снизить влияние колебаний ставок и финансовой нестабильности.

• Оптимизация использования ресурсов: предприятия обменивают излишки продукции или услуги на то, что им действительно нужно, без отвлечения денежных средств.

• Снижение затрат на расчёты: бартер может уменьшить транзакционные расходы, связанные с банковскими комиссиями и обслуживанием кредитов [5, с. 178].

Хозяйственная практика последних лет демонстрирует повторяющееся возрастание интереса к безденежным форматам взаимодействия, в результате чего бартер вновь занял заметное место среди вспомогательных инструментов экономической адаптации предприятий [1, с. 39]. Формирование спроса на такие схемы обусловлено совокупностью экономических и институциональных факторов [7, с. 6]. В условиях ценовой нестабильности, роста издержек и ограничений финансового доступа натуральный обмен перестал восприниматься как архаичный элемент прошлых экономических укладов [6, с. 122]. Напротив, бартер всё чаще используется как механизм поддержания устойчивости бизнеса при снижении доступности капитала [8, с. 98].

Даже в развитых экономиках периодически возникают ситуации, при которых традиционные денежные расчёты теряют свою эффективность [6]. Рост долговой нагрузки, увеличение стоимости банковских услуг и замедление оборота средств делают натуральные формы обмена более привлекательными в определенных условиях.

Отсутствие жёсткой привязки к наличию свободных денежных ресурсов позволяет компаниям продолжать хозяйственную деятельность, избегать простоев и стабилизировать производственные процессы [1, с. 44].

Анализ хозяйственной практики позволяет выделить комплекс взаимосвязанных причин, обусловливающих выбор организаций в пользу безденежного обмена.

1. Ликвидностные ограничения и усложнение доступа к финансированию. Дефицит свободных денежных средств, ужесточение условий кредитования и высокий уровень процентных ставок побуждают компании искать альтернативные способы обеспечения ресурсами. Бартер в данном случае позволяет поддерживать оборот, снижая зависимость от конъюнктуры денежного рынка и минимизируя риск кассовых разрывов [8, с. 110].

2. Оптимизация трансакционных издержек. Отказ от денежных расчётов позволяет снизить расходы на банковские комиссии, конвертационные операции и обслуживание кредитов. Упрощение расчетных цепочек повышает экономическую эффективность сделок, что особенно актуально для субъектов малого и среднего бизнеса [6, с. 135].

3. Формирование устойчивых кооперационных связей. В отличие от разовых денежных операций, обменные отношения часто носят долгосрочный характер и закладывают основу для стратегического партнёрства. Взаимная зависимость участников стимулирует соблюдение обязательств и способствует формированию локальных производственно-логистических контуров [9].

4. Инфляционная защита активов. В условиях высокой и непредсказуемой инфляции фиксация условий обмена в натуральной форме служит инструментом хеджирования рисков обесценения денежных средств. Бартер позволяет зафиксировать стоимость сделки в реальных активах, обеспечивая большую предсказуемость для операционного планирования [6, с. 137].

5. Цифровая трансформация обменных процессов. Развитие специализированных онлайн-платформ упрощает поиск контрагентов, оценку эквивалентности и формирование многосторонних цепочек обмена. Использование цифровых инструментов переводит бартер из разряда вынужденных мер в категорию вспомогательных технологий оптимизации ресурсного управления [10].

Особенности функционирования бартерных схем

1. Сложность оценки эквивалентности. Отсутствие универсального денежного измерителя стоимости делает процесс согласования условий сделки многофакторным и переговорным, с учётом качества продукции, рыночной конъюнктуры и логистических затрат. Для упрощения оценки

нередко используются условные расчётные цены или отраслевые ориентиры [2, с. 66].

2. Усложнение структур обмена. На смену классическим двусторонним сделкам приходят разветвленные многосторонние сети, где встречное предоставление осуществляется не напрямую, а через цепочку контрагентов. Это снимает требование сиюминутного совпадения потребностей двух конкретных субъектов и повышает общую ликвидность системы [10].

3. Повышенная устойчивость к внешним шокам. Долгосрочные бартерные отношения характеризуются повышенной устойчивостью к внешним шокам. Сформированные на основе взаимной зависимости связи демонстрируют большую стабильность по сравнению с разовыми рыночными сделками и позволяют сглаживать последствия ценовых колебаний и сбоев в цепях поставок [9].

4. Расширенное правовое сопровождение. Безденежный характер обмена требует более детального правового оформления. Договоры подробно регламентируют состав и качество передаваемых благ, сроки исполнения и ответственность сторон. Хотя это увеличивает объём документооборота, подобная детализация снижает риск конфликтов и повышает уровень доверия между контрагентами [3].

5. Эволюция платформ в инструменты управления ресурсами. Современные цифровые бартерные платформы функционируют как комплексные системы управления ресурсами. Они включают инструменты анализа спроса и предложения, планирования логистики и управления запасами, что позволяет участникам принимать более обоснованные решения в области использования активов и производственных мощностей [10].

Постепенно вокруг таких платформ формируется собственная «экосистема обмена», в рамках которой участники координируют свои действия, опираясь на цифровые регламенты и общие правила. Бартер в рамках таких платформ становится более системным, но, как правило, сохраняет характер операционного, а не стратегического ресурсного менеджмента.

Проблемы и ограничения бартерных схем

1. Фундаментальная неэквивалентность деньгам. Бартер лишен ключевого свойства денег — всеобщей ликвидности и способности быть точным измерителем стоимости. Процесс поиска контрагента с двойным

совпадением потребностей остается трудоемким, а оценка справедливости обмена — субъективной [8, с. 159].

2. Логистическая и операционная сложность. Физический характер обмена ресурсами требует безупречной синхронизации графиков, стандартизации качества и согласованности действий всех участников цепочки. Сбой у одного звена может вызвать каскадные нарушения во всей сети [2, с. 67].

3. Правовые лакуны. Действующее законодательство, в целом регулируя бартер через нормы о мене, не всегда поспевает за развитием сложных цифровых многосторонних схем и механизмов взаимозачетов. Это создает правовую неопределенность и увеличивает издержки на юридическое структурирование сделок [3].

Значение бартера в современной экономике проявляется в его способности стабилизировать деловую активность в условиях временных финансовых ограничений, способствовать развитию региональных хозяйственных связей и формировать более ресурсоэффективные модели взаимодействия [1, с. 46]. Он позволяет перераспределять излишки, оптимизировать загрузку мощностей и снижать зависимость от внешнего финансирования в периоды кризисных явлений.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что бартер сохраняет свою актуальность в структуре современных экономических отношений преимущественно как адаптивный, ситуативный механизм. Его востребованность детерминирована уникальной комбинацией функций: от компенсации временного ликвидностного дефицита и снижения издержек до укрепления кооперационных связей в условиях неопределенности.

Цифровизация открывает новую главу в эволюции бартера, повышая его эффективность и расширяя сферу применения. Наблюдаемый рост доли и усложнение форматов безденежных операций в кризисные периоды свидетельствуют о его роли как важного адаптивного механизма, обеспечивающего дополнительную гибкость экономическим системам, но не подменяющего собой традиционные денежные расчеты.

Список литературы

1. Ляско А.К. Бартер: теория и практика. — М.: ЗАО «Финстатинформ», 2001. — 96 с.

2. Деньги и бартер как две формы отношений экономического обмена // Theoretical Economy. — 2022. — С. 63–74.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. 31.07.2025). — Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 28.11.2025).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. 24.06.2025). — Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 28.11.2025).

5. Нуреев Р. М. Институциональная экономика : учебник. — Москва : НОРМА, 2017. — 448 с.

6. Менкью, Н. Г. Принципы экономикс.(перевод с англ.) — 8-е изд. — Москва: Вильямс, 2021. — 928 с.

7. Полтерович, В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. — 1999. — Т. 35, № 2. — С. 3–22.

8. Самуэльсон, П., Нордхаус, В. Макроэкономика. — 18-е изд. — Москва: Вильямс, 2019. — 586 с.

9. Чеглик Л. Бартер — проблема экономическая [Электронный ресурс] // neg.by. — URL: https://neg.by/novosti/otkrytj/barter----problema-ekonomicheskaya-1681/ (дата обращения 27.11.2025).

10. Торжевский, К. А. Цифровые платформы как инструмент реализации бартерных сделок в условиях ужесточения экономических санкций / К. А. Торжевский // Цифровая экономика. — 2024. — № 4 (10). — DOI: 10.34706/DE-2024-04-10. — URL: https://scinetwork.ru/articles/28067 (дата обращения 23.11.2025).

© Галушко М.В., Дедеева С.А., Оленчук В.О., 2025

КОМПЛЕКСНОЕ РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ В РАМКАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ИНФРАСТРУКТУРА ДЛЯ ЖИЗНИ»: НАПРАВЛЕНИЯ, СТАНДАРТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Новиков Алексей Васильевич
кан. техн. наук, доцент
Табунова Кристина Алексеевна
студент
ФГБОУ ВО «Волжский государственный
университет водного транспорта»

Аннотация: В статье анализируется реализация национального проекта «Инфраструктура для жизни» в части развития инфраструктуры городских и сельских населённых пунктов России. Рассматриваются ключевые нормативно-правовые акты, объёмы и структура финансирования, а также результаты модернизации жилищно-коммунального хозяйства, транспортной и социальной инфраструктуры по данным официальной статистики и отчетности.

Ключевые слова: инфраструктура населенных пунктов, комплексное развитие, национальный проект, современные стандарты.

INTEGRATED DEVELOPMENT OF HUMAN SETTLEMENTS INFRASTRUCTURE WITHIN THE FRAMEWORK OF THE NATIONAL PROJECT «INFRASTRUCTURE FOR LIFE»: DIRECTIONS, STANDARDS AND PROSPECTS FOR IMPLEMENTATION

Novikov Alexey Vasilyevich
Tabunova Kristina Alekseevna

Abstract: The article analyzes the implementation of the national project «Infrastructure for Life» in terms of infrastructure development in urban and rural settlements of Russia. The key regulatory legal acts, the volume and structure of financing, as well as the results of modernization of housing and communal

services, transport and social infrastructure according to official statistics and reporting are considered.

Key words: infrastructure for life, transport infrastructure, integrated development, national project.

В условиях структурных преобразований российской экономики вопросы формирования современной и качественной инфраструктуры приобретают особое значение для повышения уровня жизни населения и раскрытия потенциала территорий. Национальный проект «Инфраструктура для жизни», реализуемый с 2025 года, включает множество направлений, охватывающих жилищную, транспортную, коммунальную и социальную сферы. В данной статье рассматривается исключительно один из самых актуальных разделов — «Развитие инфраструктуры в населённых пунктах», который призван обеспечить комплексное преобразование городских и сельских территорий посредством создания новых общественных пространств, развития транспортной и инженерной инфраструктуры, а также внедрения современных стандартов организации городской среды.

Нормативно-правовое обеспечение развития инфраструктуры в населённых пунктах в рамках национального проекта «Инфраструктура для жизни» основывается на целой системе федеральных законов и подзаконных актов, направленных на создание современной среды для проживания и жизнедеятельности. При этом ключевыми регуляторами выступают как основные президентские указы и комплексные стратегии, так и специально ориентированные постановления правительства и новые редакции федеральных законов отраслевого характера.

Среди них особое значение имеют Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», устанавливающий стратегические приоритеты пространственного развития и формирующий отправную точку для всего спектра нормативного регулирования в рассматриваемой области. Далее, Постановление Правительства РФ от 11 августа 2025 года № 2149-р утверждает план реализации Стратегии пространственного развития до 2030 года с прогнозом до 2036 года, акцентируя особое внимание на поддержке и модернизации опорных населённых пунктов, а также развитии для них транспортной,

энергетической и социальной инфраструктуры, что должно обеспечить достижение национальных целей в сфере качества жизни [6].

Существенную роль играет формируемый перечень опорных населённых пунктов (2160 объектов), по каждому из которых разрабатываются и утверждаются региональные программы социально-экономического и инфраструктурного развития на основе протокола заседания Правительственной комиссии по региональному развитию РФ от 16 декабря 2024 года № 143пр и поручения Президента от 4 августа 2024 г. № Пр-1533.

Среди новейших правовых новаций выделяются Федеральный закон от 26 декабря 2024 г. № 486-ФЗ «О комплексном развитии территорий», предусматривающий обязательное развитие социальной инфраструктуры при жилищном строительстве, а также Федеральные законы от 8 августа 2024 г. № 311-ФЗ (повышение надежности и ответственности в подготовке к отопительному сезону) и № 283-ФЗ (налоговые стимулы для индивидуального жилищного строительства). Кроме того, определён вклад ведомственных приказов Минстроя России в части расчёта показателей качества среды жизни, аналитики территориального планирования и регламентации региональных программ (например, Приказ Минстроя России от 25 июля 2025 г. № 446/пр) [5].

В рамках проекта реализуется широкий спектр задач: формирование комфортной городской среды, модернизация и капитальный ремонт объектов коммунального хозяйства, улучшение параметров жилищного фонда, развитие сетей чистого водоснабжения и повышение энергоэффективности. Существенную роль играет совершенствование дорожной сети, предусматривающее строительство и реконструкцию как федеральных, так и региональных и муниципальных дорог, запуск новых маршрутов общественного транспорта, а также развитие цифровых сервисов в управлении инфраструктурой. Особое внимание уделяется формированию мастер-планов городов и долгосрочных программ развития опорных населённых пунктов, что направлено на создание устойчивой сети социальных объектов, развитие индивидуального жилищного строительства и внедрение современных стандартов благоустройства городской среды [4].

Анализ текущего состояния сферы инфраструктуры в населённых пунктах Российской Федерации базируется на данных последних официальных отчетов Министерства строительства и жилищно-

коммунального хозяйства РФ, а также мониторингов национального проекта «Инфраструктура для жизни», опубликованных в 2024-2025 годах. Согласно ежегодному отчету Минстроя, в первом полугодии 2025 года выполнен капитальный ремонт и модернизация более 8 тысяч километров сетей коммунальной инфраструктуры, а также введены в эксплуатацию свыше 4 миллионов квадратных метров жилой площади [5].

Статистические исследования и аналитические материалы Росстата фиксируют положительную динамику снижения аварийности на инженерных сетях и улучшения обслуживания населения в городах с численностью свыше 100 тысяч человек, однако в малых городах и сельских территориях по-прежнему наблюдается высокий уровень износа коммуникаций — до 60% объектов требуют модернизации в ближайшие пять лет [7].

Новостные материалы и публикации профильных агентств сообщает об активном ходе реализации федеральной программы по строительству и реконструкции дорожной сети: в 2025 году в рамках нацпроекта планируется построить и обновить порядка 26 тысяч километров дорог различного уровня, включая 50 ключевых обходов городов и магистралей. При этом независимые обзоры подчеркивают, что темпы развития транспортной и коммунальной инфраструктуры остаются недостаточными для полного преодоления инфраструктурного разрыва между регионами, а также испытывают серьезные вызовы из-за недостаточного финансирования ряда территорий и технологической отсталости отдельных компонентов системы [1].

Объёмы финансирования национального проекта «Инфраструктура для жизни» в 2025 году демонстрируют значительный рост по сравнению с предыдущим периодом, что обусловлено расширением масштабов реализации ключевых инициатив в сфере развития коммунальной, транспортной и социальной инфраструктуры в населённых пунктах Российской Федерации.

Согласно официальным данным Министерства финансов и Министерства строительства РФ, общий бюджет на 2025 год превышает 1,2 триллиона рублей, из которых около 750 миллиардов рублей направляется на капитальный ремонт и модернизацию инженерных сетей, а также обновление жилищного фонда и объектов социальной инфраструктуры. Важной статьёй является финансирование дорожного строительства и реконструкции: планируется вложить свыше 300 миллиардов рублей на

проектирование и возведение порядка 26 тысяч километров новых и капитально отремонтированных дорог, включая расширение сети объездных трасс, что значительно улучшит транспортную доступность как крупных, так и малых городов. Финансирование осуществляется в форме сочетания федеральных субсидий, региональных бюджетных средств и внебюджетных инвестиций, включая механизмы государственно-частного партнёрства, что позволяет увеличить эффективность использования ресурсов и обеспечить устойчивость проектов [7] [1].

Тем не менее, анализ отчетности свидетельствует о сохраняющихся вызовах, связанных с необходимостью большей скоординированности финансовых потоков между федеральным и региональным уровнями, а также контролем эффективного использования выделенных средств в целях достижения стратегических индикаторов национального проекта.

Обзор достигнутых результатов национального проекта «Инфраструктура для жизни» к середине 2025 года демонстрирует существенный прогресс в повышении качества и доступности инфраструктурных объектов в населённых пунктах Российской Федерации, что подтверждается регулярными данными Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ и отраслевых аналитических отчетов [8].

В жилищной сфере введены в эксплуатацию свыше 4,3 миллиона квадратных метров нового жилого фонда, из которых 75% приходится на малоэтажное и индивидуальное строительство, что соответствует стратегической задаче диверсификации жилищного строительства и повышения доступности жилья в регионах. Значимые результаты достигнуты и в транспортной инфраструктуре: в 2025 году введено в эксплуатацию около 8 тысяч километров отремонтированных и построенных дорог различного уровня, включая ввод более 20 региональных объездных маршрутов и магистралей, что способствует оптимизации транспортных потоков и повышению безопасности дорожного движения. Особое внимание уделяется развитию социальной инфраструктуры, включая строительство и капитальный ремонт образовательных, медицинских и культурных учреждений, реализуемых в тесном взаимодействии с региональными администрациями, что повышает социальную устойчивость и качество жизни населения [2].

Реализация национального проекта «Инфраструктура для жизни» сталкивается с рядом существенных проблем и препятствий, которые влияют

на эффективность достижения поставленных целей. Одним из ключевых вызовов является значительное региональное неравенство в развитии инфраструктуры и уровне бюджетного обеспечения. Согласно отчетам Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ, несмотря на общую сумму финансирования свыше 1,2 триллиона рублей в 2025 году, отдельные регионы испытывают дефицит собственных ресурсов, что приводит к задержкам в реализации проектов и снижает темпы обновления инженерных систем, особенно в сельских и малых городах. Например, по данным Росстата, в некоторых субъектах Российской Федерации до 60% коммунальных сетей находятся в аварийном состоянии, что требует значительных дополнительных инвестиций, часто отсутствующих в местных бюджетах.

Помимо финансовых трудностей, распространенной проблемой является высокий уровень бюрократических барьеров и административных процедур, которые замедляют согласование проектной документации и получение разрешений на строительство. Это особенно остро проявляется в многоуровневом взаимодействии федеральных, региональных и муниципальных властей, где недостаточная координация ведет к дублированию функций и временным задержкам. В результате по ряду инфраструктурных объектов сроки воплощения планов сдвигаются на несколько месяцев и даже лет, что отражается в регулярных новостных публикациях и критических обзорах общественных организаций [3].

Технические и кадровые вопросы представляют еще одну зону риска. Износ существующих инфраструктурных объектов достигает в ряде регионов критического уровня, при этом отсутствует достаточное количество квалифицированных специалистов в области проектирования, строительства и управления инфраструктурой. По экспертным оценкам, более 25% инфраструктурных проектов задерживаются из-за нехватки профессиональных кадров и технологической устарелости используемых решений. При этом внедрение современных цифровых технологий и системы «умного города» происходит медленнее запланированных темпов, что снижает прозрачность и оперативность контроля выполнения мероприятий на местах [1] [2].

Наконец, социально-экономические особенности отдельных территорий создают дополнительные сложности. В регионах с оттоком населения и снижением экономической активности спрос на новые объекты

инфраструктуры сокращается, что ухудшает инвестиционную привлекательность и ограничивает возможности для долгосрочного планирования и развития. На примере некоторых северных и отдалённых районов Сибири и Дальнего Востока отмечается дефицит финансирования и инфраструктурной поддержки, что несет риски дальнейшего социального и экономического отставания [2].

В совокупности данные проблемы требуют комплексного подхода к их преодолению, включающего улучшение механизмов бюджетного планирования, сокращение бюрократических процедур, повышение квалификации кадрового потенциала, а также развитие цифровых инструментов мониторинга и управления инфраструктурой. Только интегрированное решение указанных препятствий обеспечит своевременное и качественное выполнение национального проекта, направленного на устойчивое развитие инфраструктуры в населённых пунктах Российской Федерации.

Список литературы

1. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2024 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова [и др.] ; отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова. – Вологда : Вологодский научный центр РАН, 2025. – 385 с.

2. Жуков Р. А., Козлова Н. О., Морозюк С. А., Зимин Н. А. Прототип информационной системы моделирования и прогнозирования показателей «улучшение качества среды для жизни в опорных населенных пунктах» // Вестник Тульского филиала Финансового университета при Правительстве РФ. – 2025. – № 7. – С. 182–187.

3. Ноздрачев А. Ф. Акты государственной политики в механизме административно-правового регулирования // Административное право и процесс. – 2024. – № 11. – С. 3–12.

4. Отчеты Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации за 2024–2025 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minstroyrf.gov.ru/ (дата обращения 11.10.2025).

5. Постановление Правительства РФ от 11 августа 2025 г. № 2149-р «План реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2030 года».

6. Приказ Минстроя России от 25 июля 2025 г. № 446/пр «О показателях качества среды проживания».

7. Статистика Федеральной службы государственной статистики (Росстат) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения 11.10.2025).

8. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

© Новиков А.В., Табунова К.А., 2025

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В БОРЬБЕ С НАЛОГОВЫМИ УКЛОНЕНИЯМИ В КРУПНОМ БИЗНЕСЕ

Галушко Марина Викторовна
Дедеева Светлана Александровна
к.э.н., доцент
Парфенова Виктория Александровна
студент
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу роли прокуратуры Российской Федерации в борьбе с налоговыми уклонениями в секторе крупного бизнеса. Рассматриваются ключевые механизмы надзора, взаимодействие прокуратуры с ФНС и Следственным комитетом, статистика выявленных правонарушений и объемов возвращенных в бюджет средств. Особое внимание уделено анализу резонансных дел и сопоставлению российской практики с подходами США и стран ЕС. Дополнительно обсуждаются этические аспекты и влияние изменений законодательства периода 2020-2025 гг.

Ключевые слова: прокуратура; налоговые уклонения; крупный бизнес; налоговый контроль; бюджетные потери; финансовые расследования; международная практика; уголовная ответственность.

THE ROLE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN COMBATING TAX EVASION IN LARGE BUSINESS

Galushko Marina Viktorovna
Dedeeva Svetlana Aleksandrovna
Parfenova Victoria Aleksandrovna

Abstract: The article provides a comprehensive analysis of the role of the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation in combating tax evasion

within the large-business sector. It examines key supervisory mechanisms, the interaction between the prosecution authorities, the Federal Tax Service, and the Investigative Committee, as well as statistics on detected violations and the amounts recovered for the state budget. Special attention is given to the analysis of high-profile cases and to comparing Russian law-enforcement practices with approaches used in the United States and the European Union. The article additionally discusses ethical considerations and the impact of legislative changes introduced between 2020 and 2025.

Key words: prosecutor's office; tax evasion; large business; tax control; budget losses; financial investigations; international practice; criminal liability.

Уклонение от уплаты налогов является одним из наиболее распространенных экономических преступлений, наносящих ущерб государственному бюджету и подрывающих справедливость налоговой системы. Особенно значимы такие нарушения в секторе крупного бизнеса, где суммы недоимок могут исчисляться десятками миллиардов рублей. Прокуратура РФ играет центральную роль в выявлении, пресечении и координации расследований подобных преступлений [13]. Ее деятельность включает надзор за соблюдением закона налоговыми органами, утверждение обвинительных заключений, участие в судебных процессах и контроль исполнения решений. В условиях роста цифровизации и глобализации экономики актуальным становится анализ эффективности механизмов борьбы с уклонением и сравнение российской модели с зарубежными.

Наиболее известным примером вмешательства прокуратуры в дела о налоговых преступлениях является дело одной крупной нефтяной компании [7, 10]. В 2003-2004 гг. прокуратура предъявила руководству обвинения в уклонении от уплаты налогов на сумму более 27 млрд рублей. Главная схема заключалась в использовании фирм-«прокладок» в льготных регионах, что позволило значительно занижать налоговую базу. Процесс стал одним из самых масштабных в истории России, приведя к фактическому банкротству компании [12].

Другие дела последнего десятилетия включают расследования схем дробления бизнеса – распространенной практики, когда крупная компания

искусственно разбивается на множество малых, чтобы применять упрощенную систему налогообложения. В 2018-2023 гг. такие схемы были выявлены в крупных торговых сетях, металлургических холдингах и логистических корпорациях. Прокуратура активно использовала экспертные заключения, финансовую аналитику и решения ФНС для возбуждения уголовных дел [4].

Процесс расследования налоговых преступлений в Российской Федерации регулируется нормами Уголовно-процессуального кодекса – ст. 144, 145, 183, 195-198 и Налогового кодекса – ст. 82, 93, 93.1, а ключевая роль в обеспечении законности принадлежит прокуратуре, которая осуществляет надзор за деятельностью налоговых органов и Следственного комитета, координирует межведомственные проверки и обеспечивает комплексность собираемых доказательств – ст. 37, 38 УПК РФ [1, 2]. Механизм работы включает анализ налоговых деклараций, финансовых операций и отчетности организаций; проведение выемок документов, осмотров, допросов и направлений запросов в кредитные организации и контрагентам; назначение экономических, бухгалтерских и финансово-аналитических экспертиз; использование массивов больших данных ФНС [4], автоматизированных систем выявления аффилированных структур и транзакционных связей; применение рискориентированных моделей оценки налогового поведения.

Важное значение имеют международные каналы обмена информацией – как по линии FATF [5], так и в рамках соглашений об избежании двойного налогообложения, сети CRS (Common Reporting Standard), Конвенции ОЭСР [6] по административной взаимопомощи, что позволяет выявлять схемы трансграничного уклонения, скрытое движение капитала и вывод прибыли в низконалоговые юрисдикции [10]. Такой комплекс механизмов обеспечивает более высокую эффективность расследований и создает условия для своевременного пресечения налоговых преступлений в сфере крупного бизнеса.

На рис. 1 представлена динамика налоговых преступлений, отражающая эффективность усиленных мер контроля.

Рис. 1

ФНС и прокуратура ежегодно публикуют данные о результатах борьбы с уклонением [4]. В 2024 г. средняя сумма доначислений по крупным компаниям составила 65 млн рублей на одну проверку. По данным Генеральной прокуратуры, только за 2023-2024 гг. в бюджет было возвращено более 120 млрд рублей, включая добровольное погашение задолженности после возбуждения уголовных дел [3,11]. Кроме того, были предотвращены схемы уклонения на сумму свыше 7 млрд рублей, связанные с национальными проектами.

В США ключевую роль играют Налоговая служба (IRS) и Министерство юстиции [8]. Используются доктрины экономической сущности и деловой цели, позволяющие признавать схемы недействительными, если они не имеют реальной хозяйственной мотивации. В ЕС ключевой акцент делается на обмене данными между странами и борьбе с трансграничными уклонениями [9].

Российская модель отличается высокой степенью централизации и ведущей ролью прокуратуры. На рис. 2 показано сравнение налоговой нагрузки трех регионов.

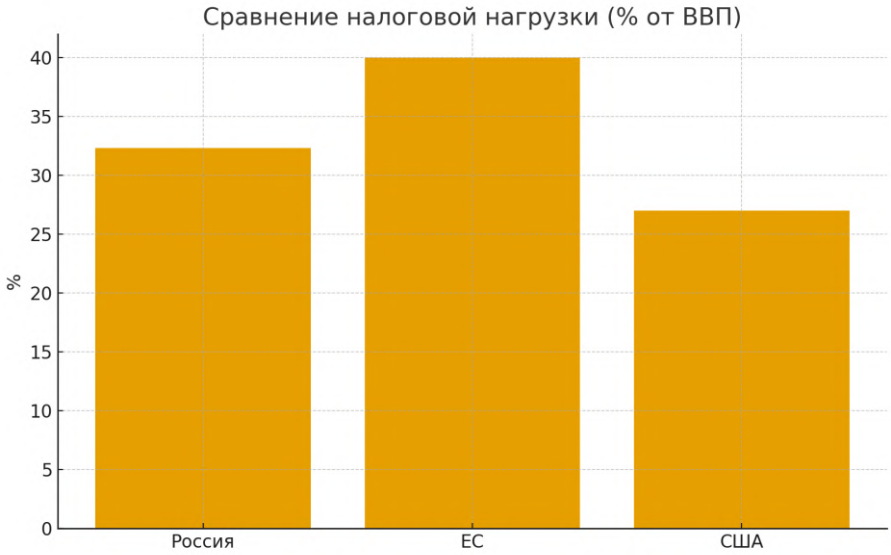

Рис. 2

За период 2020-2025 гг. в налоговое законодательство РФ было внесено более 30 значимых поправок. Введен единый налоговый счет, позволяющий бизнесу централизованно управлять обязательствами; ужесточены штрафы за грубые нарушения; введена новая шкала НДФЛ; совершенствованы правила контролируемых иностранных компаний [12]. Эти изменения усилили давление на недобросовестных налогоплательщиков и повысили эффективность расследований.

Несмотря на эффективность расследований, работа прокуратуры вызывает и этические вопросы. К ним относится риск политизации уголовных дел, возможное давление на бизнес, потенциальные злоупотребления инструментами уголовного преследования. Для минимизации рисков необходимы прозрачность, судебный контроль и упор на профилактику правонарушений, а не репрессивные меры [3].

Прокуратура занимает ключевое место в системе противодействия налоговым уклонениям в России. Анализ показывает, что её усилия приводят к значительным поступлениям в бюджет и повышению прозрачности экономической деятельности крупного бизнеса. Однако эффективность должна сочетаться с соблюдением прав предпринимателей, исключением политизированных решений и гармонизацией российских механизмов с международными практиками.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 01.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – М., 2025. – URL: http://pravo.gov.ru

2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая и вторая): федер. закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ, от 05.08.2000 № 117-ФЗ (в ред. от 01.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – М., 2025. – URL: http://pravo.gov.ru

3. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Доклад о состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации за 2023–2024 годы. – М.: Генеральная прокуратура РФ, 2025. – 146 с. – URL: https://genproc.gov.ru

4. Федеральная налоговая служба. Статистика налоговых правонарушений и результаты налогового контроля за 2021–2024 гг. – М.: ФНС России, 2025. – URL: https://www.nalog.gov.ru

5. Катаева А. Я. Защита экономических прав граждан средствами прокурорского надзора // Молодой учёный. – 2024. – № 49 (548). – С. 503–505. – URL: https://moluch.ru/archive/548/120150

6. Малютин М. П., Маркосян Г. А., Папазян Ж. К. Некоторые особенности расследования налоговых преступлений // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2018. – № 1. – С. 22–27. – URL: https://urvkubsu.elpub.ru/jour/article/view/22

7. Панов И. Н. Предотвращение уклонения от налогов: современные подходы и проблемы применения // Налоговед. – 2023. – № 12. – С. 15–27. – URL: https://nalogoved.ru

8. OECD. Model Tax Convention on Income and on Capital. – Paris: OECD Publishing, 2023. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/serials/model-tax-convention-on-income-and-on-capital-full-version_57a089d7.html

9. Internal Revenue Service. IRS Data Book 2023. – Washington, DC: IRS, 2024. – URL: https://www.irs.gov/statistics/soi-tax-stats-irs-data-book

10. Журнал «Нефтегазовая вертикаль», 1998, №9, с. 18–21 https://search.rsl.ru/ru/record/01002407411

11. Срок за неуплату: как усиливается налоговый контроль в России // Forbes Russia. – 2024. – URL: https://www.forbes.ru

12. Министерство финансов Российской Федерации. Анализ налоговой политики и условий развития экономики: прогноз 2023–2025 гг. – М.: Минфин РФ, 2022. – 212 с. – URL: https://minfin.gov.ru

13. Роль органов прокуратуры в предупреждении налоговых преступлений // CyberLeninka. – URL: https://cyberleninka.ru

© Галушко М.В., Дедеева С.А., Парфенова В.А.

ПРОБЛЕМЫ И ВЕКТОРЫ ПРОДВИЖЕНИЯ ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В СИСТЕМАХ МЕГАПОЛИСОВ: БАРЬЕРЫ И ИНСТРУМЕНТЫ ИНТЕГРАЦИИ

Швец Юрий Юрьевич
к.э.н., доцент
НИИ ОЗММ ДЗМ

Аннотация: В статье исследуются ключевые проблемы и факторы, затрудняющие внедрение и продвижение модели ценностно-ориентированного здравоохранения (ЦОЗ) в условиях крупных городских агломераций (мегаполисов). Авторами проводится анализ специфических барьеров, включая фрагментарность оказания помощи между множеством медицинских организаций, сложность интеграции информационных систем, преобладание традиционной модели финансирования по объёмам услуг, а также низкий уровень готовности медицинских работников и пациентов к изменениям. В качестве основных инструментов интеграции ЦОЗ рассматриваются: создание интегрированных медицинских округов (Accountable Care Organizations), внедрение единой цифровой платформы для сбора данных о результатах лечения и затратах, разработка пилотных проектов по оплате за эпизод лечения для ключевых нозологий, а также реализация программ обучения для управленческих и медицинских кадров. Делается вывод, что успешное продвижение ЦОЗ в мегаполисе требует не отдельных реформ, а комплексной трансформации, координируемой на уровне городского департамента здравоохранения.

Ключевые слова: ценностно-ориентированное здравоохранение, мегаполис, система здравоохранения, интеграция, барьеры внедрения, управление здоровьем населения, клинико-экономическая эффективность, цифровая трансформация.

PROBLEMS AND VECTORS OF PROMOTING VALUE-BASED HEALTHCARE IN METROPOLITAN HEALTH SYSTEMS: BARRIERS AND INTEGRATION TOOLS

Shvets Yuri Yuryevich

Abstract: The article explores the key problems and factors that hinder the implementation and promotion of the value-based healthcare (VBHC) model in large urban agglomerations (metropolises). The authors analyze specific barriers, including the fragmentation of care among multiple healthcare organizations, the complexity of integrating information systems, the predominance of the traditional fee-for-service financing model, and the low level of readiness of healthcare workers and patients for change. The main integration tools for VBHC are considered: the creation of accountable care organizations (ACOs), the implementation of a unified digital platform for collecting data on treatment outcomes and costs, the development of pilot projects for bundled payments for key nosologies, and the implementation of training programs for management and medical staff. It is concluded that the successful promotion of VBHC in a metropolis requires not isolated reforms, but a comprehensive transformation coordinated at the level of the city health department.

Key words: value-based healthcare, metropolis, healthcare system, integration, implementation barriers, population health management, clinical and economic efficiency, digital transformation.

Введение. Мегаполисы, концентрируя значительные ресурсы и население с высокой плотностью, одновременно представляют собой наиболее сложные экосистемы для внедрения инновационных моделей здравоохранения. Модель ценностно-ориентированного здравоохранения (ЦОЗ), доказавшая свою эффективность в ряде стран, сталкивается при попытке её масштабирования в крупных городах с уникальным набором институциональных, организационных и технологических барьеров [1, с. 112]. Актуальность исследования определяется необходимостью разработки адаптированных стратегий продвижения ЦОЗ, учитывающих специфику мегаполисов для повышения результативности системы при оптимизации затрат.

Анализ ключевых барьеров продвижения ЦОЗ в мегаполисе. Высокая степень фрагментации оказания медицинской помощи является главным структурным препятствием. Житель мегаполиса за полный цикл лечения одного заболевания может последовательно обращаться в городскую поликлинику, несколько стационаров разного уровня и профиля, частные диагностические центры. Каждое звено действует обособленно, имеет свою

систему учёта и финансирования, что делает невозможным расчёт единой «стоимости цикла лечения» и комплексную оценку результатов для пациента.

Технологический барьер связан с отсутствием единой городской цифровой платформы, способной интегрировать клинические данные, финансовые транзакции и показатели, значимые для пациента (PROMs и PREMs). Многочисленные, но несовместимые между собой медицинские информационные системы (МИС) в разных учреждениях создают «цифровые разрывы».

Финансово-экономический барьер – это инерция модели оплаты за объём (fee-for-service), которая глубоко укоренена в системе ОМС и бюджетном планировании городских учреждений. Данная модель создаёт прямые экономические стимулы для увеличения количества услуг, противоречащие философии ЦОЗ, где ценностью является здоровье пациента, а не количество оказанных процедур.

Культурно-кадровый барьер включает в себя:

- консерватизм медицинского сообщества, привыкшего к автономии в принятии клинических решений;
- недостаток компетенций у руководителей лечебных учреждений в области управления на основе данных и клинико-экономического анализа;
- низкую информированность и пассивность пациентов, которые не вовлечены как партнёры в процесс лечения [2, с. 89].

Эти барьеры взаимосвязаны и усиливают друг друга, образуя «порочный круг» инерции (рис. 1).

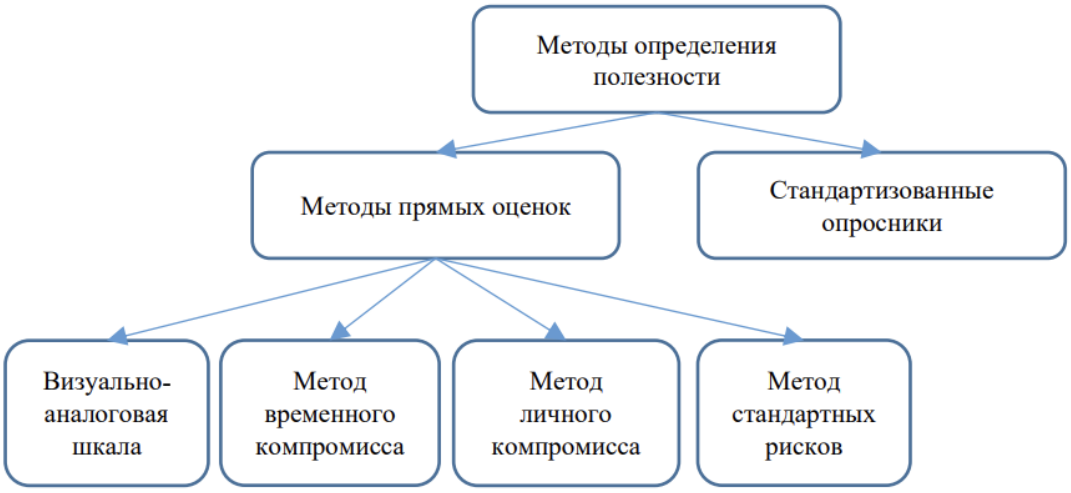

Рис. 1. Цикл ключевых барьеров внедрения ЦОЗ в мегаполисе

Источник: Составлено автором по материалам Мусина Н.З., Федяева В.К. Методы расчета QALY как интегрального показателя эффективности в процессе комплексной оценки лекарственных препаратов. ФАРМАКО-ЭКОНОМИКА. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. 2017;10(1):66-71. https://doi.org/10.17749/2070- 4909.2017.10.1.066-071

Инструменты и стратегии интеграции. Для преодоления фрагментации наиболее перспективным инструментом является формирование интегрированных медицинских округов (ИМО) в рамках мегаполиса. ИМО – это добровольные сети, объединяющие поликлиники, стационары, реабилитационные и диагностические центры, ответственные за здоровье прикреплённого населения. Финансирование ИМО может осуществляться по смешанной модели: подушевой норматив плюс оплата за эпизод лечения для сложных случаев.

Технологической основой должен стать Единый городской информационно-аналитический портал здравоохранения. Его функции: агрегация данных из всех МИС, расчёт показателей стоимости цикла лечения и клинических исходов, визуализация данных для руководителей и врачей.

Стратегия финансовой трансформации должна быть поэтапной. На первом этапе целесообразно запустить пилотные проекты по оплате за эпизод (Bundled Payment) для 3-5 социально значимых заболеваний (например, острый инфаркт миокарда, эндопротезирование тазобедренного сустава) с участием заинтересованных ИМО. Это создаст «точки роста» для новой модели.

Таблица 1

Стратегические инструменты продвижения ЦОЗ в мегаполисе

Барьер	Инструмент преодоления
Фрагментация помощи	Создание Интегрированных Медицинских Округов (ИМО)
Разрозненность данных	Внедрение Единой городской цифровой платформы для ЦОЗ
Финансирование за объём	Поэтапный переход к смешанным моделям (подушевое + оплата за эпизод) через пилотные проекты
Кадровая и культурная	Разработка и реализация программ резистентность непрерывного образования по ЦОЗ для врачей, руководителей и пациентов

Заключение. Продвижение ЦОЗ в системе здравоохранения мегаполиса представляет собой сложную управленческую задачу, требующую системного подхода. Ключом к успеху является не заимствование зарубежных моделей в чистом виде, а их адаптация к локальным условиям при одновременном устранении системных барьеров. Наиболее эффективной представляется стратегия, инициируемая и координируемая городским департаментом здравоохранения, сочетающая создание благоприятной нормативной базы, инвестиции в цифровую инфраструктуру и реализацию пилотных проектов с последующим масштабированием. Трансформация в сторону ЦОЗ способна превратить систему здравоохранения мегаполиса из затратной, реагирующей на болезнь, в эффективную инвестиционную систему, управляющую здоровьем населения.

Список литературы

1. Телешева Е.С., Горбунов А.В. Управление здравоохранением в крупном городе: вызовы и модели трансформации. – М.: Издательство «Медицина-Плюс», 2024. – 245 с.

2. Porter M.E., Lee T.H. The Strategy That Will Fix Health Care // Harvard Business Review. – 2023. – Vol. 101, № 10. – P. 50-70.

3. Kaplan R.S., Witkowski M.L. Better Accounting Transforms Health Care Delivery // Accounting Horizons. – 2024. – Vol. 38, № 1. – P. 23-45.

© Швец Ю.Ю.

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ РОССИИ НА МАТЕРИАЛАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЭФФЕКТИВНАЯ ТРАНСПОРТНАЯ СИСТЕМА»

Новиков Алексей Васильевич
кан. техн. наук, доцент
Захаров Владислав Дмитриевич
студент
ФГБОУ ВО «Волжский государственный
университет водного транспорта»

Аннотация: В статье рассматриваются цели, структура, нормативная база и основные направления реализации национального проекта «Эффективная транспортная система» в России. Проект направлен на формирование современной и безопасной транспортной инфраструктуры, повышение доступности перевозок и интеграцию различных видов транспорта в единую логистическую систему страны.

Ключевые слова: национальные проекты; транспортная система; инфраструктура; государственное управление; нормативная база; инвестиции; устойчивое развитие; логистика; Россия.

ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF NATIONAL PROJECTS IN RUSSIA BASED ON THE MATERIALS OF THE NATIONAL PROJECT «EFFICIENT TRANSPORT SYSTEM»

Novikov Alexey Vasilyevich
Zakharov Vladislav Dmitrievich

Abstract: The article discusses the goals, structure, regulatory framework and main directions of the implementation of the national project «Efficient Transport System» in Russia. The project aims to create a modern and safe transport infrastructure, increase the accessibility of transportation and integrate various modes of transport into a single logistics system of the country.

Key words: national projects; transport system; infrastructure; public administration; regulatory framework; investments; sustainable development; logistics; Russia.

Идея создания национальных проектов в России появилась в начале 2000-х годов в рамках разработки стратегических концепций и программ развития страны. Эти проекты стали логическим продолжением федеральных целевых программ (ФЦП), которые применялись с 2002 года для решения приоритетных задач. Термин «национальный проект» впервые официально прозвучал в 2005 году, когда президент России Владимир Путин объявил о начале реализации четырех приоритетных национальных проектов: «Здоровье», «Доступное и комфортное жилье — гражданам России», «Образование» и «Развитие агропромышленного комплекса». Целью создания этих национальных проектов было сосредоточение бюджетных и административных ресурсов на ключевых направлениях социально-экономического развития, чтобы повысить качество жизни граждан страны. Позднее, с 2016 года, национальные проекты приобрели новую структуру и руководство — был создан Совет по стратегическому развитию и приоритетным проектам для координации работы. В 2018-2024 годах национальные проекты были расширены и переформатированы с учетом новых стратегических задач. Идея национальных проектов возникла как инструмент концентрации усилий государства для масштабного и системного развития главных сфер жизни общества, включая здравоохранение, образование, жилье и сельское хозяйство, обеспечивая долгосрочную модернизацию и повышение уровня жизни в России [1].

Национальный проект «Эффективная транспортная система» является одним из ключевых направлений социально-экономического развития России, направленным на повышение качества транспортных услуг, обеспечение доступности и безопасности перевозок, а также развитие транспортной инфраструктуры во всех регионах страны. Проект реализуется в соответствии с указами Президента Российской Федерации и является частью системы стратегического планирования, рассчитанной до 2030 года. Его основная цель — создание современной, надежной и устойчивой транспортной сети, отвечающей потребностям населения и бизнеса, способствующей развитию внутренней и внешней экономической интеграции. В рамках проекта предусматривается модернизация автомобильных и железнодорожных

магистралей, развитие авиационного сообщения, морских портов и внутреннего водного транспорта, внедрение цифровых технологий управления трафиком, а также комплекс мер по сокращению транспортных издержек. Реализация данных инициатив имеет особое значение для обеспечения пространственного развития России, повышения мобильности населения и конкурентоспособности региональных экономик, что в конечном итоге способствует укреплению национальной экономики и улучшению качества жизни граждан [3].

Нормативная база национального проекта «Эффективная транспортная система» формирует комплексное правовое и управленческое пространство для реализации масштабных изменений и модернизации транспортной инфраструктуры России до 2030 года. В её основу положены Указы Президента Российской Федерации, в частности опубликованный в 2024 году указ о национальных целях развития до 2030 и 2036 годов, который поручил Правительству разработать и реализовать данный проект [5].

На уровне министерств и ведомств Минтранс РФ разрабатывает и утверждает приказы и дорожные карты, регламентирующие развитие Единой опорной транспортной сети. В задачи входят модернизация автомобильных дорог, железнодорожных магистралей (включая высокоскоростные направления, например, Москва–Санкт-Петербург), развитие аэродромной сети, морских и речных портов, а также цифровизация и внедрение интеллектуальных транспортных систем. Эти меры базируются на стратегиях, реализуемых с 2019 года, и дополняются новыми инициативами на период 2025-2030 гг.

Значимую роль играют федеральные законы и нормативные акты, принятые в 2024-2025 гг., регулирующие транспортно-логистическую деятельность, включая изменения в Кодексе об административных правонарушениях по контролю за транспортом и нововведения в законодательстве о прямых смешанных перевозках, вступающие в силу с 2025 года. Особое внимание уделяется цифровизации отрасли – внедрению Национальной транспортно-логистической платформы, что позволяет увеличить прозрачность грузоперевозок и эффективность управления транспортными потоками [3].

Органы государственного надзора и управления, такие как Росавтодор и Ространснадзор, руководствуются нормативными документами, связанными с обеспечением безопасности и качеством дорог, строительством и

эксплуатацией транспортной инфраструктуры, а также отвечают за внедрение норм современных строительных и технических стандартов [6].

Таким образом, нормативная база проекта объединяет президентские указы, комплекс нормативных документов министерств, федеральные законы и подзаконные акты, а также отраслевые стандарты и инициативы по цифровизации, что обеспечивает многогранный и системный подход к реализации национального проекта «Эффективная транспортная система» с ориентацией на устойчивое развитие и повышение качества транспортных услуг во всех регионах России до 2030 года. Все эти документы создают правовую основу для финансирования, контроля и оценки результатов проекта, которые планируется достичь к концу текущего десятилетия.

Национальный проект «Эффективная транспортная система» включает в себя комплексное развитие ключевых направлений транспортной отрасли, направленных на кардинальное улучшение инфраструктуры и повышение качества транспортных услуг во всех регионах России. Одним из приоритетных направлений является масштабная модернизация и строительство автомобильных дорог федерального значения, включающая не только капитальный ремонт и реконструкцию существующих трасс, но и создание новых транспортных коридоров, которые обеспечивают более быструю и безопасную перевозку пассажиров и грузов. Особое внимание уделяется развитию дорожной инфраструктуры с применением инновационных технологий и современных стандартов качества, что способствует снижению аварийности и улучшению экологической безопасности [5].

Железнодорожный транспорт рассматривается как одна из опорных систем в реализации проекта. В программу входит развитие высокоскоростных пассажирских маршрутов, модернизация грузовых терминалов и логистических узлов, внедрение новых технологий для повышения скоростных и грузовых характеристик, а также расширение сети железнодорожных путей, в частности в отдалённых регионах. Это позволяет не только повысить пропускную способность, но и интегрировать железнодорожный транспорт в единую мультимодальную систему перевозок. Авиационная отрасль в рамках проекта ориентирована на обновление аэропортовой инфраструктуры, модернизацию воздушных линий и повышение безопасности полётов. Особое значение придается развитию водного сообщения для удалённых регионов страны, что обеспечивает их

транспортную доступность и способствует социально-экономическому развитию.

Морской и внутренний водный транспорт включают развитие морских портов и терминалов, модернизацию речных путей, улучшение судоходства и транспортно-логистических сервисов. Эти направления ориентированы на повышение эффективности экспортно-импортных операций и интеграцию морских и речных перевозок в общенациональную транспортную систему. Одним из ключевых аспектов проекта является внедрение цифровых и интеллектуальных транспортных систем (ИТС), которые предлагают решения для управления транспортными потоками в режиме реального времени, обеспечения безопасности движения, снижения пробок и оптимизации логистики. Внедрение ИТС способствует созданию Единой транспортной системы РФ с применением современных информационных технологий, что делает перевозки более прозрачными и управляемыми [5].

Кроме того, проект охватывает развитие городской и пригородной транспортной инфраструктуры, включая создание современных транспортно-пересадочных узлов, развитие общественного электротранспорта и систем безбарьерной среды для маломобильных групп населения. Это способствует повышению мобильности населения, снижению нагрузки на городские дороги и улучшению экологической обстановки в крупных городах [3].

В целом, проект «Эффективная транспортная система» представляет собой системное и многомерное развитие транспорта России, охватывающее все основные виды транспорта — автомобильный, железнодорожный, авиационный, морской и речной, городские и цифровые транспортные решения. Его реализация направлена на обеспечение устойчивого экономического роста, повышение качества жизни граждан и интеграцию транспортной системы России в глобальные логистические сети в срок до 2030 года [5].

Ключевые мероприятия нацпроекта:

- высокоскоростная железнодорожная магистраль между Москвой и Санкт-Петербургом (время в пути между столицами сократится до 2 часов 15 минут);
- 14 аварийно-спасательных судов, 4 атомных ледокола, 4 ледокола на органическом топливе, 1 многофункциональное судно атомно-технического обслуживания в акватории Севморпути;

• 150 млн тонн прироста провозной способности железных дорог в Восточном, Азово-Черноморском и Северо-Западном направлениях, а также на МТК «Север-Юг»*;

• 225 млн тонн прироста мощности морских портов в Восточном, Азово-Черноморском и Северо-Западном направлениях, а также на МТК «Север-Юг»;

• не менее 75 модернизированных аэродромных комплексов;

• 27 построенных и реконструированных приоритетных пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации;

• национальная цифровая транспортно-логистическая платформа [2].

** Параметры указаны индикативно и могут быть уточнены по итогам рассмотрения инвестиционной программы ОАО «РЖД» на совещаниях в Правительстве и заседаниях совета директоров ОАО «РЖД» на соответствующий период.*

Основные показатели национального проекта к 2030 году:

• авиационная подвижность населения Российской Федерации – 1,08 ед.;

• рост мощности инфраструктуры Единой опорной транспортной сети – 182%;

• объём перевозок грузов в акватории Северного морского пути – 109,1 млн тонн.

На национальный проект «Эффективная транспортная система» в России в 2026 году планируется выделить около 186 млрд рублей, в 2027 году — примерно 219 млрд рублей, а в 2028 году — около 165 млрд рублей. Общий объем вложений в проект за три года составит почти 570 млрд рублей. Эти средства направляются на развитие магистральной инфраструктуры Единой опорной транспортной сети и реализацию федеральных проектов в рамках национального проекта [4].

По направлениям финансирования:

• большая часть бюджета идет на железнодорожные проекты, включая развитие высокоскоростных железнодорожных магистралей (ВСМ), где в 2026 году планируется вложить около 23 млрд рублей;

• финансирование дорожной инфраструктуры, включая строительство и реконструкцию федеральных, региональных и платных дорог, также занимает значительную долю бюджета — порядка нескольких триллионов

рублей в более широком плане на 2024-2030 гг., с привлечением бюджетных и внебюджетных источников;

- в бюджете учитываются также инвестиции из Фонда национального благосостояния и привлеченные средства транспортных компаний;
- направления финансирования включают крупные инфраструктурные проекты, поддержку социально значимых перевозок и цифровизацию транспортной отрасли.

Доля финансирования из федерального бюджета в проекте составляет около 8% общей суммы, при том, что общий объем финансирования к 2030 году оценивается в 7,2 трлн рублей с преимущественной долей внебюджетных источников [2].

Национальный проект «Эффективная транспортная система» уже показал значительные успехи в различных направлениях, что является важным этапом на пути к модернизации транспортной инфраструктуры России. Среди ключевых достижений можно выделить капитальный ремонт и строительство новых автомобильных дорог федерального значения, что существенно улучшило связность регионов и снизило время перевозок. В железнодорожной сфере отмечается рост скорости пассажирских перевозок, запуск новых высокоскоростных линий и модернизация грузовых терминалов, что повысило пропускную способность и улучшило логистику. В авиационной отрасли реализуются меры по обновлению аэропортовой сети, что улучшило доступность перелетов, особенно в отдалённые регионы страны. Заметно продвинулись и цифровые технологии в транспорте — внедряются интеллектуальные транспортные системы для управления трафиком, повышается уровень безопасности и прозрачности перевозок. В части внутренних водных путей зафиксированы улучшения в организации перевозок, начались мероприятия по модернизации флота и инфраструктуры, что положительно сказалось на пассажирских и грузовых перевозках [1].

Однако национальный проект сталкивается с рядом существенных проблем, которые замедляют темпы и эффективность его реализации. Во-первых, сохраняются сложности в обновлении судового флота и инфраструктуры внутренних водных путей — несмотря на серьезность задачи, темпы строительства новых судов остаются низкими, а большая часть действующего флота продолжает эксплуатироваться сверх нормативного срока. Во-вторых, проект характеризуется высокой масштабностью

и сложностью координации множества субъектов и ведомств, что приводит к административным задержкам и проблемам с эффективным управлением.

Финансовое обеспечение проекта, хотя и значительное, порой сталкивается с неполным или несвоевременным освоением выделенных средств, что также влияет на реализацию намеченных мероприятий. Недостаточная интеграция между различными видами транспорта и цифровыми системами затрудняет формирование единой эффективной транспортной сети. Кроме того, сложной остается проблема адаптации инфраструктуры к экологическим требованиям и новым технологиям, что требует дополнительных инвестиций и времени [3].

Таким образом, несмотря на очевидные достижения и положительную динамику, национальному проекту «Эффективная транспортная система» предстоит решить комплекс сложных технических, организационных и финансовых задач. Успех проекта во многом зависит от укрепления координации действий между федеральными, региональными и частными структурами, повышения эффективности управления финансами и активного внедрения инновационных технологий в транспортной отрасли. Только комплексное преодоление существующих проблем позволит в полной мере реализовать потенциал национального проекта и добиться устойчивого развития транспортной системы России к 2030 году.

Список литературы

1. Борисик М. П., Иванова Е. С., Рюмкина К. А. Современные проблемы транспортной логистики РФ // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2022. № 1 [Электронный ресурс]. URL: https://ekonomika.snauka.ru/2022/01/17400 (дата обращения 11.10.2025).

2. КонсультантПлюс. Федеральные законы и нормативные акты, регулирующие транспортную сферу [Электронный ресурс]. URL: https://consultant.ru/documentation/laws/transport (дата обращения 10.10.2025).

3. Министерство транспорта Российской Федерации. Стратегия развития внутреннего водного транспорта [Электронный ресурс]. Официальный сайт Минтранса РФ. URL: https://mintrans.gov.ru/projects/rivertransport (дата обращения 04.10.2025).

4. Министерство транспорта Российской Федерации. Финансирование национального проекта «Эффективная транспортная система» [Электронный ресурс]. Официальный сайт Минфина России. URL: https://minfin.gov.ru/transport_projects_budget (дата обращения 04.10.2025).

5. Правительство Российской Федерации. Национальный проект «Эффективная транспортная система» [Электронный ресурс]. Официальный сайт Правительства России. URL: https://government.ru/projects/efftranssystem (дата обращения 01.10.2025).

6. Росавтодор. Нормативные документы и планы развития транспортной инфраструктуры [Электронный ресурс]. URL: https://rosavtodor.gov.ru/normative-documents (дата обращения 05.10.2025).

© Новиков А.В., Захаров В.Д., 2025

УДК 330.88

ХАРАКТЕРИСТИКИ БИЗНЕС-СРЕДЫ И КЛЮЧЕВЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ РИСКИ В СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МИРА

Кравченко Анна Владимировна
аспирант 2 курса
Научный руководитель: **Клименко Ольга Ивановна**
д.э.н., профессор
Белгородский университет кооперации, экономики и права

Аннотация: В статье представлены характеристики бизнес-среды, отображаемые содержанием современных концепций мироустройства (VUCA, VUCA-Prime, BANI, SHIVA, TACI) и их составляющими, обоснованными авторами концепций. Обобщение характеристик бизнес-среды приведено в хронологическом порядке, по мере их появления в научном обороте. Установлено, что, несмотря на различие эпитетов, используемых для характеристик бизнес-среды в разных концепциях представления мира, в каждом аспекте исследования бизнеса признается объективность усложнения среды и непредсказуемость ее изменений. Определены ключевые предпринимательские риски, характерные для бизнес-среды в VUCA и BANI-мире.

Ключевые слова: современные концепции представления мира, характеристики бизнес-среды, предпринимательские риски в бизнес-среде VUCA и BANI-мира.

CHARACTERISTICS OF THE BUSINESS ENVIRONMENT AND KEY ENTREPRENEURIAL RISKS IN MODERN WORLD VIEW CONCEPTS

Kravchenko Anna Vladimirovna
Scientific adviser: **Klimenko Olga Ivanovna**

Abstract: The article presents the characteristics of the business environment, which are reflected in the content of modern worldview concepts (VUCA, VUCA-Prime, BANI, SHIVA, TACI) and their components, as justified by the authors of

the concepts. The generalization of the characteristics of the business environment is presented in chronological order, as they appeared in scientific circulation. It has been established that despite the differences in the epithets used for the characteristics of the business environment in different worldview concepts, each aspect of business research recognizes the objectivity of the environment's complexity and the unpredictability of its changes. The key entrepreneurial risks specific to the business environment in the VUCA and BANI world have been identified.

Key words: modern concepts of worldview, characteristics of the business environment, and entrepreneurial risks in the VUCA and BANI business environments.

Современное видение мироустройства характеризуется кардинальными изменениями, вызванными ускорением его перехода на многополярную модель, расширением состава участников экономических союзов, масштабированием зоны их деятельности, развитием интеграционных процессов и многими другими тенденциями, приводящими к закономерным изменениям бизнес-среды на всех уровнях ее иерархии – от глобального до локального.

Признание усложнения бизнес-среды и непредсказуемости ее изменений в трудах современных исследователей выступает «догмальным», неоспариваемым положением, его аргументация раскрывается в разных аспектах исследования бизнеса: цивилизационном [1], управленческом [2], инструментальном [4], рисковом [5], компетентностном [6], цифровом [7], предпринимательском [8], стратегическом [9] и пр.

Резкое возрастание научного интереса к проблемам бизнеса в нестабильном и постоянно меняющемся мире наблюдается, начиная с 1985 года, с момента создания первой современной концепции – VUCA, дающей понимание мироустройства посредством определения актуальных для него характеристик.

На протяжении последующих тридцати лет концепция VUCA-мира выступала базисной для появления ее различных модификаций – VUCA-Prime, BANI, SHIVA, TACI, с корректировками составов характеристик, выражаемых разными эпитетами (табл. 1).

Таблица 1

Характеристики бизнес-среды в современных концепциях представления мира

Год	Автор(ы)	Концепции	Характеристики бизнес-среды	
			англоязычные	русскоязычные
1985	Уоррен Беннис, Берт Нанус	VUCA	volatility uncertainty complexity ambiguity	изменчивость неопределенность сложность двусмысленность
2007	Роберт Йохансен	VUCA-Prime		
2016	Джемейс Кашио	BANI	brittle anxious nonlinear incomprehensible	хрупкость тревожность нелинейность непостижимость
2022	Марк Розин	SHIVA	split horrible inconceivable vicious arising	расщепленность ужасность невообразимость беспощадность возрождаемость
2022	Сергей Дерябин	TACI	turbulent accidental chaotic inimical	турбулентность случайность хаотичность враждебность

Составлено по: [3]

Основной причиной возникновения современных концепций представления мира и их закрепления в научном обороте изначально явились изменения политической и военной среды.

В бизнес-среде (предпринимательской) концепция VUCA-мира распространилась в конце 2000-х гг., выступила методологическим базисом для создания новых финансовых институтов – венчурных фондов, функционалом которых является управление жизненным циклом рисковых проектов с непредсказуемым результатом их реализации.

Позже концепция VUCA-мира органически, по «бесшовному» типу интегрировалась в сферу экономики, тиражировалась субъектами бизнеса особенно быстрыми темпами, что было обусловлено ростом предпринимательских рисков и расширением их разнообразия.

Кроме предметной сферы, подвергся трансформации и масштаб реализации положений концепции VUCA-мира в экономической практике.

Этот аспект исследован Хасановым А.Э. [8], обосновавшим, что до 2014 года, в котором произошло историческое воссоединение Республики Крым с Россией, повлекшее за собой санкционные «войны», парадигма VUCA-мира преимущественно распространялась на микроэкономическом уровне бизнеса, а после 2014 года охватила макроэкономику на национальном и глобальном уровнях.

Автор, с мнением которого мы полностью согласны, объясняет переход концепции VUCA-мира от микро- к макроуровню бизнеса возникновением новых предпринимательских рисков, которые, на наш взгляд, следует признать ключевыми по критерию их влияния на развитие бизнеса.

Полагаем, что таковыми рисками следует признать ограничения международной торговли, искусственно созданные недружественными странами; сокращение объема иностранных инвестиций в отечественную экономику; введение запрета доступа к глобальным информационным ресурсам, сервисам и программным продуктам для российских пользователей; разрыв деловых связей в сфере обмена инновациями и технологиями.

На наш взгляд, заслуживают однозначно позитивной оценки результаты исследования влияния VUCA-факторов на российский бизнес, проведенного Хасановым А.Э. за восемь лет – с 2015 по 2022 гг. В данном исследовании VUCA-факторы представлены тремя официальными статистическими показателями (предпринимательская активность, индекс делового климата, уровень предпринимательской уверенности), а также пятью VUCA-факторами влияния на бизнес в авторской формулировке: нетарифные экспортные ограничения, ограничения зарубежного финансирования, «заморозка» совместных инвестиционных проектов, ухудшение логистических связей, репутационные риски сотрудничества с российским бизнесом [8, с. 423].

Как уже отмечалось нами выше, в концепте VUCA-мира представление бизнес-среды модифицируется в иных современных концепциях. К примеру, концепция BANI-мира дает понимание влияния цифровизации на бизнес-среду. Катализатором масштабирования данной концепции выступила национальная программа «Цифровая экономика» (2017 г.), изменившая стратегические ориентиры развития бизнеса.

Преимущества цифровизации бизнеса из-за их очевидности не требуют доказательств, но в то же время цифровое переформатирование бизнеса приводит к появлению новых рисков и угроз. Так, сквозная цифровизация бизнес-процессов привела к существенному росту хакерских атак и попыток

несакционированного доступа к информационным ресурсам официальных порталов органов исполнительной власти, банковских структур и иных экономических институтов, включая субъекты бизнес-сообщества.

Ключевым фактором формирования конкурентоспособности бизнеса стала степень использования цифровых технологий и прикладных решений, вследствие чего доминирующая роль в развитии внутреннего и внешнего рынков перешла к IT-компаниям, с адекватным снижением роли товаропроизводителей в данном процессе. Усилилась технологическая зависимость отечественных субъектов бизнеса от транснациональных корпораций в части трансфера технологий в целом и информации, в частности.

Возросли масштабы трудовой эмиграции в IT-сфере вследствие появления возможностей дистанционной занятости, представления иностранными компаниями более выгодных условий труда и размера вознаграждения его результатов для отечественных IT-специалистов.

Решения, направленные на предотвращение перечисленных угроз и их трансформацию в риски, представлены в разработках практически каждого автора, занимающегося исследованием проблемы обеспечения устойчивости бизнеса в условиях VUCA, BANI, SHIVA, TACI-мира.

Прообразом научного поиска в данной предметной области, как известно, является концепция VUCA-Prime, автор которой – Р. Йохансен [9] для четырех VUCA-характеристик (изменчивость, неопределенность, сложность, двусмысленность) предложил четыре «меры противодействия», отраженные в одноименном акрониме:

– vision (видение – стратегирование бизнес-целей и фокусировка на их достижении);

– understanding (понимание – максимальная информированность о факторах влияния на бизнес);

– clarity (ясность – развитие критического мышления менеджмента и персонала);

– agility (гибкость – оперативное реагирование на изменения бизнес-среды).

Список литературы

1. Арефьев М.А. SPOD, VUCA, BANI как цивилизационные характеристики современности / М. А. Арефьев, А. В. Зыкин, Е. В. Карпичев, Н.Ю. Фоминых // Социодинамика. – 2024. – № 10. – URL:// https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71653 (дата обращения 09.12.2025). – Текст : электронный.

2. Де Шауэр О. Л. Неопределенность как характеристика современного мира : управленческий аспект / О. Де Шауэр // Universum : экономика и юриспруденция : электронный научный журнал. – 2022. – 6(93). – URL:// https://7universum.com/ru/economy/archive/item/13733 (дата обращения 09.12.2025). – Текст : электронный.

3. Кирикова А. VUCA, BANI, SHIVA, TACI : буквы, объясняющие мир / А. Кирикова // РБК. – URL://https://trends.rbc.ru/ trends/futurology/ 62866fde9a794701a4c38ae4?from=copy (дата обращения: 09.12.2025). – Текст : электронный.

4. Матушкин М. А. Методы и инструменты управления предприятием в условиях VUCA-реальности / М. А. Матушкин. – Текст : непосредственный // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2018. – № 5(74). – С. 92-95.

5. Попова Е. В. Управление рисками в VUCA-мире / Е. В. Попова. – Текст : непосредственный // Modern Science. – 2021. – № 1-1. – С. 78-81.

6. Сокерина С. В. Модель навыков и качеств сотрудника «нового типа» в условиях VUCA-реальности / С. В. Сокерина. – Текст : непосредственный // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2022. – Том 11. – № 1. – С. 62-68.

7. Трофимова Н. Н. Проблемы цифровой трансформации предприятий в современном VUCA-мире / Н. Н. Трофимова. – Текст : непосредственный // Научный журнал «Эпомен». – 2021. – № 56. – С. 54-61.

8. Хасанов А.Э. VUCA и BANI-мир – новая реальность для российского предпринимательства / А.Э. Хасанов. – Текст : непосредственный // Московский экономический журнал. – 2023. - № 4. – С. 419-433.

9. Хватков Г. Модель VUCA : как процветать в хаосе? / Г. Хватков // Skillbox Media. – URL:// https://skillbox.ru/media/management/model-vuca-kak-

protsvetat-v-khaose/?ysclid=miwyabua7s64150765 (дата обращения: 10.12.2025). – Текст : электронный.

10. Щепеткина И.В. Адаптация стратегического менеджмента к реалиям мира VUCA / И.В. Щепеткина, Л.Ю. Помыткина. – Текст : непосредственный // Лидерство и менеджмент. – 2022. – Том 9. – № 2. – С. 481-491.

© Кравченко А.В., 2025

УДК 332.143

ЦИФРОВЫЕ РАЗРЫВЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК: ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В НОВЫХ РЕАЛИЯХ

Курочкин Никита Дмитриевич
аспирант
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»

Аннотация: В статье анализируются проблемы цифровых разрывов в региональных экономиках России и их влияние на конкурентоспособность территорий в контексте обеспечения экономической безопасности. Рассматриваются современные тенденции цифровой трансформации, выявляются ключевые факторы формирования цифрового неравенства между регионами, а также предлагаются механизмы минимизации негативных последствий для экономической безопасности субъектов Российской Федерации. Особое внимание уделяется вопросам формирования единого цифрового пространства и созданию условий для устойчивого развития регионов.

Ключевые слова: цифровые разрывы, региональная экономика, конкурентоспособность, экономическая безопасность, цифровая трансформация, цифровое неравенство, информационная инфраструктура.

DIGITAL DIVIDES AND THEIR IMPACT ON THE COMPETITIVENESS OF REGIONAL ECONOMIES: PROBLEMS OF ENSURING ECONOMIC SECURITY IN NEW REALITIES

Kurochkin Nikita Dmitrievich

Abstract: The article analyzes the problems of digital divides in regional economies of Russia and their impact on the competitiveness of territories in the context of ensuring economic security. Modern trends of digital transformation are

considered, key factors of digital inequality formation between regions are identified, and mechanisms for minimizing negative consequences for the economic security of Russian Federation subjects are proposed. Particular attention is paid to the issues of forming a unified digital space and creating conditions for sustainable regional development.

Key words: digital divides, regional economy, competitiveness, economic security, digital transformation, digital inequality, information infrastructure.

Уровень развития всей мировой экономики на сегодняшний день характеризуется ускоренной цифровой трансформацией всех сфер жизнедеятельности общества. При этом стоит отметить, что данный процесс протекает с разной скоростью и эффективностью как на глобальном уровне, так и внутри отдельных государств и регионов. Это приводит к возникновению новой формы неравенства – цифровым разрывам. В условиях санкций и нестабильной геополитической обстановки для Российской Федерации данная проблема приобретает особую актуальность для обеспечения экономической безопасности регионов. Цифровые разрывы между регионами формируют асимметрию в доступе к технологиям, знаниям и рынкам, что напрямую влияет на их конкурентоспособность и устойчивость [1, с. 341].

В качестве цифровых разрывов в региональном контексте следует понимать комплексное и системное явление, которое включает в себя уровень различия между регионами в уровне развития информационной инфраструктуры, доступности цифровых технологий для бизнеса и населения, качестве цифровых компетенций, а также эффективности использования цифровых инструментов в целях развития экономики. На практике наблюдается наличие значительных цифровых разрывов между различными субъектами России, что представляет большую угрозу для экономической безопасности страны в целом. Данная угроза связана с тем, что именно они способствуют углублению территориального неравенства, а также значительному снижению инвестиционной привлекательности отстающих регионов [2, с. 54].

В условиях стремительной цифровизации экономическая безопасность региона заключается в состоянии защищенности региональной экономики от внутренних и внешних угроз, которые возникают в процессе цифровой трансформации. При этом цифровые разрывы образуют системные риски для

региональной экономической безопасности, включая деградацию производственного потенциала, сокращение налоговой базы, отток квалифицированных кадров и зависимость от внешних поставщиков цифровых решений. В связи с этим можно говорить о том, что цифровизация является не только драйвером развития экономики, но одновременно с этим и генератором новых угроз.

Рассмотрим уровень цифровизации регионов России в таблице 1.

Таблица 1

Уровень цифровизации регионов России

Группа регионов	Доля регионов	Индекс цифровизации (баллы)	Уровень инвестиций в ИКТ (% от ВРП)
Высокий уровень	15%	75-100	4,5-6,2
Средний уровень	45%	50-74	2,1-4,4
Низкий уровень	40%	25-49	0,8-2,0

Проведя анализ данных таблицы, можно прийти к выводу о значительной дифференциации регионов по уровню цифровизации. Лидирующие позиции занимают Москва, Санкт-Петербург, Татарстан, Московская и Калужская области, тогда как наименее развитыми в цифровом плане остаются регионы Северного Кавказа, Дальнего Востока и Сибири. Такое неравенство создает предпосылки для формирования «цифрового неравенства» в доступе к экономическим возможностям, образовательным ресурсам и государственным услугам [3, с. 134].

Одним из главных показателей успеха любой экономики, в том числе и региональной, является её конкурентоспособность. В цифровую эпоху она определяется способностью адаптироваться к новым технологическим реалиям, создавать инновационные продукты и услуги, а также эффективно интегрироваться в глобальные цифровые цепочки создания стоимости. Регионы с высоким уровнем цифровизации демонстрируют более высокие темпы экономического роста, привлекают больше инвестиций и создают новые рабочие места в высокотехнологичных отраслях [4, с. 58].

При этом стоит отметить, что цифровые разрывы между субъектами создают существенные барьеры для повышения конкурентоспособности отстающих регионов. Отсутствие современной цифровой инфраструктуры,

низкий уровень цифровых компетенций населения и слабая поддержка со стороны региональных властей формируют порочный круг цифрового отставания. В результате такие регионы теряют конкурентные преимущества, их экономика остается сырьевой и низкопроизводительной, что угрожает их долгосрочной экономической безопасности [5, с. 71].

Как упоминалось ранее, цифровые разрывы имеют комплексный характер, так как оказывают влияние на все сферы экономической безопасности регионов, поэтому меры по борьбе с ними должны носить комплексный характер (табл. 2).

Таблица 2

Факторы влияния цифровых разрывов на экономическую безопасность регионов

Фактор влияния	Степень влияния (баллы)	Основные риски	Меры по снижению рисков
Инфраструктурный	9,2	Отставание в развитии связи	Государственные программы развития ИКТ-инфраструктуры
Кадровый	8,7	Дефицит IT-специалистов	Развитие цифрового образования и переподготовки кадров
Институциональный	7,5	Слабость нормативной базы	Совершенствование законодательства в сфере цифровизации
Финансовый	8,9	Недостаток инвестиций	Создание специальных фондов поддержки цифровых проектов

Стратегии преодоления цифровых разрывов и обеспечения экономической безопасности региональных экономик должны основываться на комплексном подходе, включающем развитие цифровой инфраструктуры, формирование цифровых компетенций населения, создание благоприятного бизнес-климата для цифровых компаний и внедрение современных механизмов цифрового управления. Особое внимание следует уделить созданию «цифровых кластеров» в отстающих регионах, которые могут стать драйверами инновационного развития и привлечения инвестиций [6, с. 214].

Государственная политика в области снижения цифровых разрывов должна быть направлена на формирование единого цифрового пространства

страны с учетом специфики регионального развития. Это требует совершенствования механизмов межбюджетных отношений, создания специальных программ поддержки для отстающих регионов, а также развития межрегионального сотрудничества в цифровой сфере. Важным элементом является также формирование системы мониторинга цифровых разрывов и их влияния на экономическую безопасность регионов [7, с. 101].

В заключение следует отметить, что цифровые разрывы представляют собой комплексную проблему, требующую системного подхода к ее решению. Обеспечение экономической безопасности региональных экономик в условиях цифровизации невозможно без преодоления территориального неравенства в доступе к цифровым технологиям и ресурсам. Только при условии создания равных возможностей для цифрового развития всех регионов страны можно говорить о формировании устойчивой и конкурентоспособной национальной экономики, способной противостоять современным вызовам и угрозам.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются разработка методик оценки экономической эффективности программ по снижению цифровых разрывов, анализ влияния цифровизации на структурную трансформацию региональных экономик, а также изучение международного опыта преодоления цифрового неравенства в условиях федеративных государств.

Список литературы

1. Миролюбова Т. В., Николаев Р. С. Цифровая экономика и цифровая трансформация региональной экономики: измерение и особенности // Вестник ПГУ. Серия: Экономика. 2024. №3. – С. 340-354.

2. Гусева Т. А., Жигирева Е. Г., Сухов В. В. Цифровая трансформация в регионах россии: актуальные тенденции, различия и вызовы // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. №7 (125). – С. 52-61.

3. Реутова Э. В., Реутов Е. В. К вопросу о цифровых разрывах в региональном развитии // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2020. №4 (53). – С. 132-139.

4. Абрамова Е. А. Цифровая экономика как ключевой фактор эффективного управления современными бизнес-процессами // Известия ВУЗов ЭФиУП. 2018. №4 (38). – С. 56-60.

5. Кузовкова Т. А., Салютина Т. Ю. Риски цифровой трансформации экономики и общества и инструментарий управления экономической безопасностью бизнеса в цифровой среде // Век качества. 2024. №1. – С. 63-87.

6. Кознов А. Б. Формирование инновационных экосистем в условиях цифровизации экономики // Вестник Академии знаний. 2024. №4 (63). – С.213-215.

7. Макин А. Н., Кисляков А. Н. Современные методы оценки эффективности стратегического планирования цифровой трансформации и масштабирования бизнеса // Kant. 2024. №4 (53). – С. 97-103.

© Курочкин Н.Д.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИНАНСОВЫХ МЕХАНИЗМОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Шукуров Сомон Абдуманонович
аспирант
ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет социальных технологий» (РГУ СоцТех)
Научный руководитель: **Головина Лидия Алексеевна**
к.э.н., доцент кафедры «Экономика и управление»
ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет социальных технологий» (РГУ СоцТех)

Аннотация: В статье проводится комплексный анализ структурных изменений финансовой системы под воздействием цифровых технологий. Рассматривается переход от традиционной институциональной модели к экосистемному подходу, основанному на децентрализации и алгоритмизации процессов. Особое внимание уделено внедрению смарт-контрактов, технологии распределенного реестра (DLT) и перспективам использования цифровых валют центральных банков (CBDC). Выявлены ключевые риски трансформации, включая вопросы кибербезопасности и регуляторного арбитража.

Ключевые слова: цифровая экономика, финансовые механизмы, FinTech, блокчейн, смарт-контракты, цифровая валюта, трансформация банковского сектора, экономическая безопасность.

TRANSFORMATION OF FINANCIAL MECHANISMS IN THE CONTEXT OF THE DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

Shukurov Somon Abdumanonovich
Scientific adviser: **Golovina Lidia Alekseevna**

Abstract: The article provides a comprehensive analysis of structural changes in the financial system under the influence of digital technologies. The transition from the traditional institutional model to an ecosystem approach based on decentralization and algorithmization of processes is considered. Particular

attention is paid to the introduction of smart contracts, distributed ledger technology (DLT), and the prospects for using central bank digital currencies (CBDC). Key transformation risks are identified, including cybersecurity issues and regulatory arbitrage.

Key words: digital economy, financial mechanisms, FinTech, blockchain, smart contracts, digital currency, banking sector transformation, economic security.

Современный этап развития мировой и национальной экономики характеризуется глубинной трансформацией всех хозяйственных процессов под влиянием цифровизации. Финансовая сфера, выступающая кровеносной системой экономики, одной из первых принимает на себя вызовы технологической революции. Изменения, происходящие сегодня, носят не эволюционный, а революционный характер, фундаментально меняя архитектуру финансовых отношений и природу взаимодействия экономических агентов.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью переосмысления роли традиционных финансовых институтов в условиях экспансии FinTech-решений и децентрализованных финансов (DeFi). Если ранее технологии выполняли вспомогательную функцию, автоматизируя рутинные операции, то сегодня они становятся базисом для создания принципиально новых бизнес-моделей.

Целью работы является выявление ключевых направлений трансформации финансовых механизмов и оценка сопутствующих рисков в условиях цифровой экономики.

Смена парадигмы финансового посредничества

Традиционная модель финансового рынка базировалась на наличии централизованных посредников (банков, бирж, страховых компаний), которые обеспечивали доверие между участниками сделки, проводили клиринг и оценку рисков. Цифровизация ставит под сомнение необходимость существования посредников в их классическом виде.

Ключевым драйвером изменений выступает технология распределенного реестра (Distributed Ledger Technology – DLT) и блокчейн. Они позволяют перенести функцию «доверия» с институционального уровня на алгоритмический. Программный код, исполняемый в децентрализованной сети, гарантирует неизменность данных и исполнение обязательств без участия третьей стороны.

Сравнительная характеристика подходов к организации финансовых взаимодействий представлена в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ традиционных и цифровых финансовых механизмов

Параметр сравнения	Традиционная модель (Банкоцентричная)	Цифровая модель (Экосистемная / DeFi)
Центр эмиссии и контроля	Центральный банк, коммерческие банки	Алгоритм консенсуса, децентрализованная сеть
Скорость транзакций	Зависит от операционного времени (T+1, T+2)	Режим реального времени (24/7)
Стоимость операций	Высокие комиссии за посредничество	Стремление к минимизации издержек (Gas fee)
Прозрачность	Коммерческая тайна, закрытые реестры	Публичный блокчейн (прозрачность транзакций)
Доступ к услугам	Географические и бюрократические барьеры	Глобальный доступ при наличии интернета

Как показывает анализ данных таблицы 1, цифровые механизмы обеспечивают более высокую эффективность за счет снижения транзакционных издержек и ускорения оборачиваемости капитала.

Роль смарт-контрактов и токенизации активов

Важнейшим элементом новой финансовой архитектуры становятся смарт-контракты – самоисполняемые алгоритмы, прописанные в блокчейне. Они автоматически отслеживают выполнение условий сделки и осуществляют перевод средств или активов. Это исключает риск неплатежей и существенно сокращает затраты на юридическое сопровождение и аудит.

Вторым значимым трендом является токенизация реальных активов (RWA – Real World Assets). Недвижимость, сырьевые товары, предметы искусства могут быть оцифрованы и разделены на микродоли (токены). Это демократизирует инвестиционный процесс, открывая доступ к капиталу для широкого круга инвесторов и повышая ликвидность ранее низколиквидных активов.

Цифровые валюты центральных банков (CBDC)

Государства не могут игнорировать цифровую трансформацию. Ответом на экспансию частных криптовалют становится разработка

цифровых валют центральных банков (CBDC), таких как цифровой рубль. Внедрение CBDC создает третий формат денег (наряду с наличными и безналичными), который является прямым обязательством Центрального банка.

Для финансовых механизмов это означает:

1. **Повышение прозрачности бюджетных расходов.** Технология «окрашивания» денег позволяет контролировать целевое использование средств, выделяемых на госконтракты или социальные выплаты.

2. **Снижение стоимости эквайринга.** Прямые расчеты в цифровой валюте снижают издержки бизнеса на банковские комиссии.

3. **Упрощение трансграничных переводов.** CBDC могут стать основой для новых шлюзов международных расчетов, независимых от системы SWIFT.

Риски и вызовы цифровизации

Несмотря на очевидные преимущества, трансформация финансовых механизмов несет в себе системные угрозы, которые требуют детального рассмотрения. Структура рисков представлена на рисунке 1.

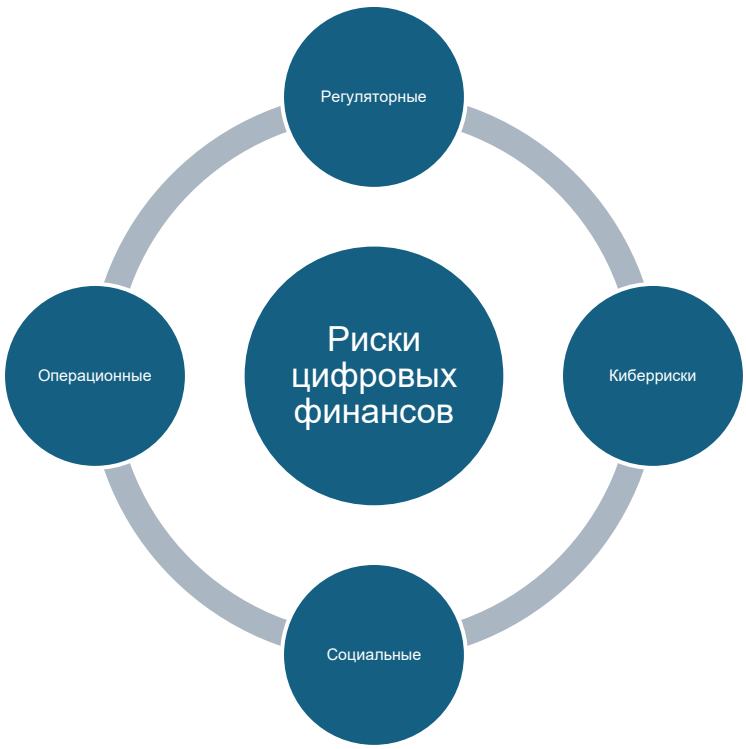

Рис. 1. Классификация рисков цифровой трансформации финансового сектора

1. **Киберриски и информационная безопасность**. Концентрация данных в цифровом виде делает финансовую инфраструктуру уязвимой для хакерских атак. Взлом смарт-контрактов или бирж может привести к невосполнимой потере активов.

2. **Регуляторный лаг**. Законодательная база традиционно отстает от темпов развития технологий. Отсутствие четкого правового статуса цифровых активов создает «серые зоны» и возможности для легализации преступных доходов.

3. **Технологическое неравенство.** Ускоренная цифровизация может привести к исключению из экономических процессов социальных групп, не обладающих необходимыми цифровыми компетенциями или доступом к инфраструктуре.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что трансформация финансовых механизмов необратима. Мы наблюдаем переход от вертикально интегрированных финансовых институтов к горизонтальным цифровым экосистемам. Банки вынуждены трансформироваться в IT-компании, конкурируя не столько продуктами, сколько качеством пользовательского опыта и скоростью обработки данных.

Перспективы развития финансового сектора связаны с гибридной моделью, сочетающей надежность государственного регулирования (через механизмы CBDC и цифровой надзор) с гибкостью и эффективностью децентрализованных технологий. Для успешной адаптации к новым условиям необходима модернизация нормативно-правовой базы и повышение уровня финансовой и цифровой грамотности населения.

Список литературы

1. Бондаренко Т. Г. Финансовые рынки в условиях цифровизации: вызовы и возможности // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2024. – № 2 (116). – С. 45–52.

2. Головина Л. А., Агафонова М. С. Цифровая трансформация экономики и ее влияние на финансовый сектор // Научное обозрение: теория и практика. – 2023. – Т. 13. – № 5. – С. 840–848.

3. Лапина Е. Н., Шумская Е. А. Технологии блокчейн в финансовой сфере: проблемы и перспективы // Финансовая экономика. – 2024. – № 1. – С. 115–120.

4. Скиннер К. Цифровой человек: четвертая революция в истории человечества, которая затронет всех. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. – 304 с.

5. Тапскотт Д., Тапскотт А. Технология блокчейн: то, что движет финансовой революцией сегодня. – М.: Эксмо, 2023. – 448 с.

6. Цифровая экономика: учебник для вузов / под ред. И. А. Хасаншина. – М.: Горячая линия – Телеком, 2024. – 288 с.

© Шукуров С.А., 2025

УДК: 330.1:331.556.4(575.3)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ЭФФЕКТОВ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Рахимов Обиджон Абдунабиевич
старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и аудита
Международный университет туризма
и предпринимательства Таджикистана

Аннотация: Статья посвящена разработке методологической рамки для анализа влияния трудовой миграции на воспроизводство национального капитала. На примере Республики Таджикистан выявлены системные дилеммы и ограничения, порождаемые моделью, зависимой от миграционной ренты.

Ключевые слова: трудовая миграция, воспроизводство капитала, методология, денежные переводы, человеческий капитал, социальный капитал.

METHODOLOGICAL BASIS FOR ANALYSIS OF THE REPRODUCTIVE EFFECTS OF LABOR MIGRATION

Rakhimov Obidzhon Abdunabievich

Abstract: This article develops a methodological framework for analyzing the impact of labor migration on the reproduction of national capital. Using the example of the Republic of Tajikistan, it identifies the systemic dilemmas and limitations generated by a model dependent on migration rents.

Key words: labor migration, reproduction of capital, methodology, money transfers, human capital, social capital.

Введение

Актуальность исследования. В условиях глобализации и углубления региональной интеграции трудовая миграция превратилась из периферийного социального явления в ключевой макроэкономический фактор, трансформирующий репродуктивные процессы как стран-доноров, так и

стран-получателей. Эта проблема особенно актуальна для экономик с высокой долей эмиграции, таких как Республика Таджикистан, где денежные переводы составляют более 30% ВВП. Однако существующие оценки часто ограничиваются анализом прямых финансовых потоков, игнорируя их комплексное влияние на воспроизводство человеческого, социального и институционального капитала, а также структурные сдвиги в экономике. Преодоление этого упрощения требует разработки и систематизации адекватных методологических подходов, что определяет высокую научную и практическую значимость данного исследования.

Теоретические основы исследования. Исследование опирается на классическую и современную теорию воспроизводства К. Маркса [1] и Дж. М. Кейнса [2], которая рассматривает экономику как циклический процесс обновления капитала. Концепция человеческого капитала, представленная в работах Г. Беккера [3], Т. Шульца [4], и институциональная теория Д. Норта [5] используются для анализа нематериальных форм капитала. Понимание миграции как структурного элемента глобальной экономики опирается на работы С. Кастельса [6] и Д. Масси [7] в области социологии и экономики миграции. Синтез этих подходов позволяет рассматривать миграцию не как внешний шок, а как эндогенный фактор, интегрированный в национальную систему воспроизводства.

Цель статьи заключается в систематизации и критическом анализе существующих методологических подходов к оценке влияния трудовой миграции на воспроизводственные процессы, а также в разработке на их основе комплексной аналитической рамки, пригодной для полит-экономического исследования.

Гипотеза исследования состоит в том, что преобладающие узко-экономические методы оценки миграции (фокус на ВВП и переводы) являются недостаточными для понимания ее полного воспроизводственного воздействия. Эффективный анализ требует **комплексного подхода**, интегрирующего макроэкономические, демографические, социологические и институциональные методы для оценки как позитивных (финансовые инъекции, снижение давления на рынок труда), так и негативных (деформация человеческого капитала, институциональная стагнация) долгосрочных эффектов.

Методы исследования. Для достижения цели используется сочетание общих и специализированных научных методов: метод систематизации

и сравнительного анализа научных концепций; структурно-функциональный анализ для выявления взаимосвязей между миграционными и репродуктивными компонентами; и институциональный анализ для оценки влияния на формальные и неформальные правила.

Анализ научной литературы. Анализ литературы позволил выделить три ключевых методологических подхода: макроэкономический, социально-демографический и институциональный. Специфика региона и Республики Таджикистан отражена в прикладных исследованиях таджикских авторов по финансовым аспектам миграции [8; 9; 10], ее текущим тенденциям [11], регулированию [12] и стратегической эффективности [13]. Однако был выявлен методологический пробел: отсутствует целостная политико-экономическая модель, интегрирующая эти многоуровневые подходы, для анализа репродуктивных эффектов миграции, то есть ее долгосрочного системного воздействия на цикл обновления национального капитала. Данная статья призвана восполнить этот пробел.

Основное содержание

Современная научная мысль предлагает широкий спектр методов для изучения миграции, каждый из которых, однако, охватывает лишь отдельные аспекты этого сложного явления. Критический анализ этих подходов выявляет их сильные стороны и фундаментальные ограничения в контексте изучения воспроизводственных эффектов.

1. Макроэкономические и неоклассические методы. Этот подход, основанный на работах классических экономистов и экономики развития, фокусируется на анализе миграции как фактора перераспределения труда и капитала. Его ядро составляют модели, оценивающие влияние на ключевые агрегаты: рост ВВП в странах-источниках и странах-получателях, платежный баланс через потоки частных денежных переводов, а также динамику занятости и заработной платы. Сильные стороны этого подхода включают его **операционализируемость** – возможность работать с системной статистикой и строить количественные модели, позволяющие оценить масштаб явления [14; 15]. Однако этот метод оказывается недостаточным для анализа воспроизводства. Он игнорирует качественные трансформации человеческого капитала, институциональные сдвиги и долгосрочные структурные последствия, вместо этого сосредотачиваясь на краткосрочных и среднесрочных макроэкономических корреляциях.

2. Демографические и социологические подходы. Эти подходы, представленные, в частности, в работах С. Кастельса [6] и Д. Масси [7], подчеркивают микроуровень и социальный контекст. Они исследуют меняющиеся демографические структуры (старение, гендерный дисбаланс), трансформацию человеческого капитала через призму «утечки мозгов» или, наоборот, приобретения навыков, а также роль транснациональных сетей и социальной мобильности. Их главный вклад заключается в сосредоточении внимания на агентах и социальных связях, что позволяет понять мотивацию мигрантов и неэкономические последствия для сообществ. Однако ограничение этих методов заключается в сложности перевода их результатов в экономический анализ воспроизводства. Качественные оценки изменений социального капитала или семейных моделей трудно количественно оценить и интегрировать в модели экономического роста, что затрудняет оценку их конечного вклада в производительность и накопление национального богатства.

3. Институциональный и политико-экономический подходы. Парадигмы институциональной и политической экономии, возникающие еще у Д. Норта [5] и Р. Пребиша [16], предлагают наиболее всеобъемлющую перспективу. Здесь миграция рассматривается как элемент более широкой системы, влияющий на формальные институты (миграционное законодательство, рынок труда) и неформальные нормы (предпринимательская культура, отношение к сбережениям). Эти подходы позволяют анализировать миграцию как механизм перераспределения ренты и фактор сохранения периферийной модели развития, где экономика страны-донора специализируется на экспорте рабочей силы, а не товаров с высокой добавленной стоимостью. Их преимущество заключается в систематическом характере и объяснительной силе для долгосрочных траекторий. Однако они страдают от высокого уровня абстракции и трудностей в операционализации. Выявление причинно-следственных связей между миграцией и изменениями, например, в качестве государственного управления, является сложной методологической задачей, а предлагаемые объяснения часто носят спекулятивный характер.

Таким образом, ни один из существующих подходов сам по себе не является адекватным инструментом для всесторонней оценки того, как миграция изменяет способность национальной экономической системы к самообновлению. Макроэкономический метод игнорирует качественные и

социальные аспекты, социологический подход слабо связан с экономическими результатами, а подход политической экономии трудно применить к конкретным измерениям. Данный анализ подтверждает исследовательскую гипотезу и указывает на необходимость методологического синтеза.

Для преодоления ограничений существующих методологий необходимо четко определить объект анализа – ключевые аспекты процесса воспроизводства капитала, затронутые трудовой миграцией, и связанные с этим методологические проблемы. Воспроизводство финансового и физического капитала сталкивается с проблемой «черного ящика» конечного использования денежных переводов. Статистика фиксирует объем переводов, но не может надежно отслеживать, какая доля конвертируется в производительные инвестиции, а какая – в потребительские расходы или сбережения в сфере недвижимости, что затрудняет оценку истинного вклада миграции в структурные сдвиги в экономике.

Оценка воздействия на человеческий капитал – еще более сложная задача. Помимо очевидного эффекта «утечки мозгов», миграция приводит к глубоким качественным изменениям: трансформациям в образовательных и карьерных стратегиях молодежи, изменениям показателей здоровья и изменениям в демографическом поведении. Эти изменения носят скрытый и долгосрочный характер, их практически невозможно измерить с помощью стандартных экономических показателей.

Наконец, наиболее трудноуловимыми являются последствия, затрагивающие институциональный и социальный капитал. Миграция может одновременно подрывать и укреплять нормы доверия, формировать новые модели потребительского поведения и требовать адаптации государственных институтов.

В ответ на выявленные методологические пробелы предлагается аналитическая модель, основанная на синтезе трех взаимосвязанных принципов. Системный принцип предполагает рассмотрение миграции не как внешнего фактора, а как эндогенного элемента единой репродуктивной системы национального капитала, где изменения в одном компоненте (например, финансовом) неизбежно влияют на состояние других (человеческих и институциональных). Многоуровневый принцип требует одновременного анализа на микроуровне (поведение домохозяйств и бюджеты), мезоуровне (отраслевые и региональные рынки труда, местные институты) и макроуровне (структурные пропорции экономики, национальная

политика), что позволяет выявлять прямые и обратные связи между индивидуальными решениями и макроэкономическими результатами. Принцип историзма и зависимости от предшествующего развития требует учета специфики существующей социально-экономической структуры, которая определяет направления и формы миграционных потоков, создавая основу для возможных сценариев трансформации.

Операционализация этой модели включает в себя выбор составных показателей для каждого уровня и аспекта воспроизводства. На макроуровне это может включать не только долю денежных переводов в ВВП, но и коэффициент их трансформации в валовое капиталовложение, а также индексы структурных изменений в экономике. На микроуровне это включает динамику расходов домохозяйств мигрантов на образование, здравоохранение и предпринимательство, зафиксированную в панельных исследованиях. На мезоуровне ключевыми являются данные о региональной дифференциации рынков труда и качестве местных институтов. Интеграция данных из национальной статистики, выборочных обследований и международных рейтингов позволяет перейти от фрагментарных оценок к построению целостной картины репродуктивных эффектов миграции.

Предложенная комплексная концептуальная модель находит практическое применение в анализе ключевых дилемм развития экономики Республики Таджикистан. Применяя многоуровневый принцип к дилемме «финансовые трансферты против производительных инвестиций», анализ выходит за рамки простого наблюдения высокой доли трансфертов в ВВП (около 30%) [14]. На микроуровне рассматриваются модели расходов домохозяйств, демонстрирующие высокую долю потребления и низкую долю инвестиций в бизнес. На мезоуровне оценивается слабость финансовых институтов и институциональной среды (системный принцип), блокирующая каналы преобразования сбережений в кредиты для малых и средних предприятий. На макроуровне это проявляется в стагнации доли производительного накопления в структуре ВВП, что указывает на сохранение модели «миграционной ренты», а не производительного роста.

Вторую дилемму, «экспорт рабочей силы против дефицита квалифицированных кадров», необходимо рассматривать через призму историзма и зависимости от предшествующего развития. Существующая структура экономики и рынка труда исторически ориентирована на экспорт неквалифицированной и низкоквалифицированной рабочей силы. Системный

принцип позволяет увидеть, как это приводит к искажению воспроизводства человеческого капитала: стратегии образования молодежи адаптируются к требованиям внешних рынков, в то время как внутри страны возникает дефицит кадров для экономической диверсификации. Это создает системную «ловушку навыков»: миграция временно снижает давление на рынок труда, но одновременно лишает экономику стимулов и ресурсов для создания современных рабочих мест, увековечивая ее периферийный статус. Таким образом, проверка данной модели на примере Республики Таджикистан наглядно демонстрирует ее способность выявлять тонкие системные взаимосвязи и лежащие в их основе механизмы, поддерживающие неустойчивую модель воспроизводства.

Обсуждение результатов. Исследование подтвердило, что изолированное применение традиционных методов недостаточно для анализа лежащих в основе репродуктивных эффектов миграции. Предложенная комплексная концептуальная модель, основанная на принципах системности, многоуровневости и историзма, доказала свою эффективность, позволив выявить ключевые дилеммы и системные ловушки в таджикской экономике. Результаты согласуются с выводами институциональной и эволюционной политической экономии, но вносят вклад в операционализацию этих подходов для конкретного случая миграции. Главный методологический вывод заключается в необходимости сместить акцент с анализа потоков на изучение трансформаций структур и институтов, определяющих долгосрочные траектории развития.

Ограничения исследования. Основное ограничение исследования носит концептуальный и методологический характер и связано с трудностью полной количественной формализации предложенной качественной аналитической модели. Операционализация некоторых взаимосвязей, особенно на институциональном уровне, остается сложной задачей для дальнейших исследований.

Выводы и предложения. Исследование позволило систематизировать методологические подходы к анализу миграции и разработать всеобъемлющую аналитическую основу, базирующуюся на принципах системности, многоуровневого подхода и историзма. Проверка этого подхода на примере Республики Таджикистан выявила ключевые системные дилеммы и подтвердила гипотезу о том, что доминирующая модель, основанная на миграционной ренте, воспроизводит структурные дисбалансы и препятствует

переходу к расширенному производственно-ориентированному воспроизводству национального капитала. В качестве практического вывода предлагается сосредоточить экономическую политику на преодолении этих дисбалансов путем создания институциональных механизмов, преобразующих финансовые потоки от миграции в производительные инвестиции, и согласования развития человеческого капитала с целями национальной диверсификации.

Список литературы

1. Marx K. Capital: A Critique of Political Economy. Volume I / K. Marx; trans. Ben Fowkes. – Penguin Classics. – London: Penguin Books, 1982. – 1141 p.
2. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / Д.М. Кейнс. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 342 с.
3. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / Г. Беккер; пер. с англ., сост., науч. ред. Р.И. Капелюшников. – Москва: Издательский дом «Высшая школа экономики», 2003. – 672 с.
4. Schultz T.W. Investment in Human Capital / T.W. Schultz. – New York: Free Press, 1971. – 296 p.
5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – Москва: Начала, 1997. – 180 с.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
7. Massey D.S. Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium / D.S. Massey, J. Arango, G. Hugo, A. Kouaouci, A. Pellegrino, J.E. Taylor. – Oxford: Clarendon Press, 1999. – 376 p.
8. Авгонов Н.А. Маблағҳои интиқолии муҳоҷирони меҳнатӣ ва нақши онҳо дар ташаккули даромад ва пасандозҳои аҳолӣ / Н.А. Авгонов // Идоракунии давлатӣ. – 2023. – № 4-2(64). – С. 120-133.
9. Каримов Б.Ҳ. Сармоягузорӣ ҳамчун омили пешбарандаи рушди сайёҳӣ ва инфрасохтори он / Б.Ҳ. Каримов, З. Аҳмади // Паёми Донишгоҳи давлатии тиҷорати Тоҷикистон. – 2023. – № 4-1(49)

10. Каримов Б.Х. Основы возникновения понятия маркетинга и его развитие в Республике Таджикистан / Б.Х. Каримов, А. Давлаталии // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – 2025. – № 4. – С. 78-87.

11. Комилзода А.К. Равандҳои муосири муҳоҷирати меҳнатӣ: назария ва амалия / А.К. Комилзода, К.С. Одиназода. – Душанбе: Таджикский национальный университет, 2019. – 166 с.

12. Одиназода К.С. Танзими давлатии бозори меҳнат дар шароити равандҳои муҳоҷират: назария, методология ва амалия / К.С. Одиназода. – Душанбе: Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана, 2025. – 302 с.

13. Саъдуллозода Н.С. Нишондиҳандаҳои самаранокии статегии муҳоҷирати қувваи корӣ дар шароити ҷаҳонишавии иқтисодиёт / Н.С. Саъдуллозода, Ҳ.Ҳ. Искандарзода // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва ҷамъиятӣ. – 2024. – № 11. – С. 224-229

14. World Bank. Migration and Development Brief [Electronic source] / Access mode: URL: https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2023

15. Влияние денежных переводов из-за рубежа на социально-экономическое развитие Таджикистана / М.Храмова, С. Рязанцев, А. Рахмонов, О. Касымов // Центральная Азия и Кавказ. – 2020. – Т. 23, № 4. – С. 85-103.

16. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? / Р. Пребиш; пер. с исп. – Москва: Институт Латинской Америки РАН, 1992. – 337 с.

© Рахимов О.А.

УДК 005.35

ВЛИЯНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НА ФИНАНСОВУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ НЕФТЕГАЗОВЫХ КОМПАНИЙ: СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Шиленкова Валерия Дмитриевна
магистрант
Оренбургский государственный университет
Научный руководитель: **Чмышенко Екатерина Владимировна**
к.э.н., доцент
Оренбургский государственный университет

Аннотация: На данном этапе развития экономической науки трудно переоценить влияние корпоративной социальной ответственности на финансовую и экономическую устойчивость компаний с точки зрения их стратегического развития. Особенно данный фактор актуален для нефтегазовых компаний, чья деятельность сопряжена с экологическими и социальными рисками, которые потенциально могут оказать негативное влияние на долгосрочную прибыльность и репутацию бизнеса.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, финансовая устойчивость, нефтегазовый сектор, стратегическое управление, устойчивое развитие, экологическая ответственность, социальные инвестиции.

THE IMPACT OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY ON THE FINANCIAL AND ECONOMIC SUSTAINABILITY OF OIL AND GAS COMPANIES: THE STRATEGIC ASPECT

Shilenkova Valeria Dmitrievna
Scientific adviser: **Chmyshenko Ekaterina Vladimirovna**

Abstract: At this stage in the development of economics, it is difficult to overestimate the impact of corporate social responsibility on the financial and economic sustainability of companies in terms of their strategic development. This factor is especially relevant for oil and gas companies, whose activities involve

environmental and social risks that can potentially have a negative impact on the long-term profitability and reputation of the business.

Key words: corporate social responsibility, financial stability, oil and gas sector, strategic management, sustainable development, environmental responsibility, social investments.

В настоящее время развитие бизнеса неизменно сопровождается повышением общественных требований к предприятиям, например в части решения проблем социального и экологического характера. В особенности это касается компаний нефтегазовой отрасли, которые, как отмечают Д.Э. Мальков и А.В. Комарова, являются частью «градосистемообразующей для целых регионов» отрасли, а также оказывают непосредственное воздействие на окружающую среду [3, с. 434].

При этом негативные примеры данного воздействия с определенной периодичностью публикуются в СМИ, что формирует предубежденное отношение общества к деятельности компаний в указанной сфере и обосновывает необходимость реализации программ корпоративной социальной ответственности.

Так, в статье Р. Бабаевой лидером списка компаний, которые больше всего вредят климату, названа крупнейшая нефтяная компания в Саудовской Аравии, российская энергетическая компания – на втором месте [5]. Проанализируем статистику выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, осуществляемых одной из российских нефтегазовых Компаний (рис. 1.) [6].

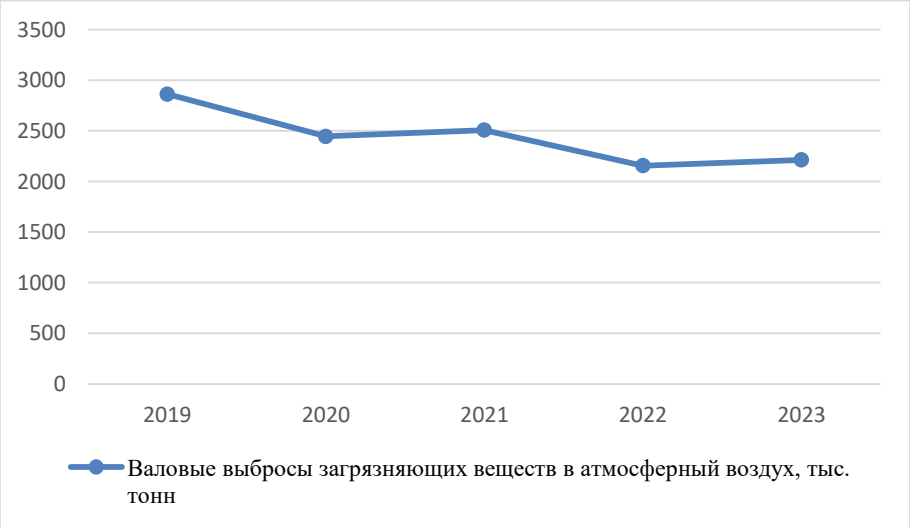

Рис. 1. Валовые выбросы Компании загрязняющих веществ в атмосферный воздух (составлено автором на основе [6])

Несмотря на то, что Компания демонстрирует тенденцию к снижению валовых выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, о чем свидетельствует анализ статистики за несколько лет, компания продолжает оставаться одним из крупнейших загрязнителей, что подчеркивает необходимость активизации мер по внедрению политики социальной ответственности для формирования позитивного имиджа и сокращения экологического следа: такая политика должна включать не только дальнейшее снижение выбросов за счет модернизации технологий и оборудования, но и инвестиции в возобновляемые источники энергии, развитие водородной энергетики, минимизацию утечек метана, а также повышение прозрачности экологической отчетности и активное взаимодействие с международными организациями для разработки стандартов в области снижения выбросов парниковых газов.

На территории Оренбургской области выброс загрязняющих веществ стационарными объектами нефтегазовой промышленности представлен следующими показателями [7]:

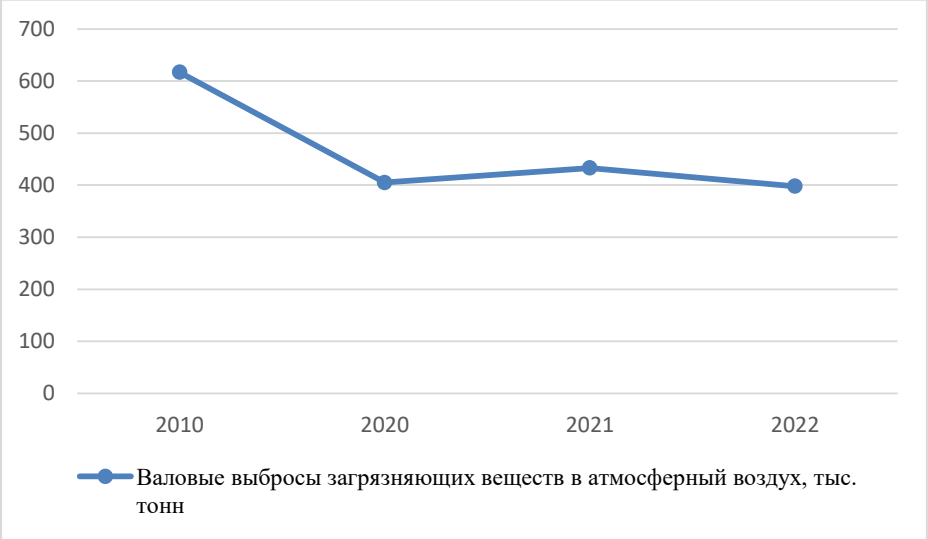

Рис. 2. Валовые выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух объектами нефтегазовой промышленности на территории Оренбургской области (составлено автором на основе [6])

Анализ динамики показывает, что, несмотря на колебания год от года, общий тренд свидетельствует о снижении объемов выбросов загрязняющих веществ. Однако абсолютные значения остаются высокими, что подтверждает статус компаний нефтегазового сектора как одного из значительных источников антропогенного воздействия на атмосферу. Всё это формирует

отношение к нефтегазовым предприятиям как к компаниям, причиняющим вред окружающей среде и загрязняющим её, что создает определенный имидж компаний, сокращает уровень доверия и лояльности населения к их деятельности.

Одним из инструментов решения указанной проблемы выступает корпоративная социальная ответственность как часть структуры стратегического развития, сообщающая обществу и заинтересованным сторонам о положительных изменениях в политике компаний и их новых инициативах, направленных на минимизацию экологического воздействия и улучшение качества жизни местных сообществ. Такой подход обеспечивает возможность формирования более сбалансированного имиджа нефтегазовых компаний, демонстрируя их приверженность принципам устойчивого развития и ответственного ведения бизнеса. Как отмечает С.Э. Шинькарюк, путем использования корпоративной социальной ответственности как PR-стратегии предприятие может продемонстрировать свою ответственность перед обществом, чтобы укрепить свою репутацию и обеспечить долгосрочное развитие [4, с. 169].

В таблице 1 представлены мероприятия корпоративной социальной ответственности, которые оказывают прямые и косвенные эффекты от их реализации на финансово-экономическую устойчивость нефтегазовых предприятий.

Таблица 1

Влияние корпоративной социальной ответственности на финансово-экономическую устойчивость нефтегазовых предприятий (составлено автором на основе [6])

Мероприятие	Прямые эффекты	Косвенные эффекты
Проведение регулярных внутренних аудитов экологической безопасности и корпоративного соответствия с привлечением независимых экспертов, а также обучение персонала по требованиям экологического законодательства.	Снижается регулярность привлечения юридического лица и должностных лиц к ответственности в экологической сфере.	Снижается количество штрафных санаций (в том числе и экономического характера) в отношении компании.

Продолжение таблицы 1

Внедрение автоматизированных систем мониторинга и контроля соблюдения экологических норм в производстве, в том числе основанных на технологиях искусственного интеллекта	Снижается риск возникновения чрезвычайных ситуаций техногенного характера, связанных с деятельностью нефтегазовых мероприятий	Положительно сказывается на имидже компании, способствуя привлечению компании и партнеров.
Установление постоянного диалога с регулирующими органами через участие в рабочих группах, разработка совместных рекомендаций по упрощению процедур лицензирования и согласования, а также публичная отчетность по ESG-показателям.	Снижение регуляторных рисков и административных барьеров через активное взаимодействие с государственными органами, при одновременном снижении уровня недовольств граждан результатами деятельности предприятий	Снижается количество жалоб на предприятие в государственные органы и в средства массовой информации
Разработка и публикация стратегии устойчивого развития с четкими KPI по экологии, социальной политике и управлению, а также получение международной сертификации (например, GRI, SASB, TCFD) для привлечения «зеленого» финансирования и снижения стоимости капитала.	Упрощение доступа к капиталу (экологическому, социальному, управленческому) благодаря соответствию ESG-критериям	Повышение репутации компании на международных рынках и усиление доверия со стороны потребителей, партнеров и местных сообществ, что способствует долгосрочной стабильности бизнеса и снижению рисков, связанных с общественным недовольством или бойкотами.

Вместе с тем отметим, что при реализации политики КСО в сфере экологии и экологической ответственности предприятия должны опираться на документы, в которых фиксируются основные положения данной политики. Среди них национальные стандарты, в частности ГОСТ Р ИСО 14001-2016 «Системы экологического менеджмента. Требования и руководство по

применению», ГОСТ Р ИСО 26000-2012 «Руководство по социальной ответственности», а также федеральные законы, в частности Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», а также нормы кодифицированных правовых актов, устанавливающие ответственность за совершение правонарушений в указанной среде (например, Кодекс об административных правонарушениях РФ, Уголовный кодекс РФ).

Эта совокупность нормативно-правовых документов предусматривает минимальный перечень прав и корреспондирующих им обязательств предприятия. Существует и другая группа документов, носящих рекомендательный характер, которая определяет дополнительные обязательства фирмы, выходящие за законодательно устанавливаемые рамки. Среди них – Руководство по отчетности устойчивого развития (2000), которое предлагает ряд методик по составлению соответствующей отчетности, выступающей также индикатором оценки устойчивого развития по различным основаниям, в частности социальным и экологическим [8]. Также важно отметить Кодекс корпоративного поведения (2002 г.), который носит рекомендательный характер и включает в себя принципы корпоративного управления, среди которых также отражен подход КСО.

Двойственный подход, обеспечиваемый соблюдением обязательных и рекомендательных норм, позволяет не только обеспечивать соответствие нормам права, но и добровольно внедрять передовые практики, способствуя устойчивому развитию, повышению доверия со стороны общества и долгосрочной конкурентоспособности бизнеса.

Однако реализация программ КСО сталкивается с рядом существенных вызовов, которые могут существенно ограничить их эффективность.

1. Недостаточное финансирование программ. Так, инвесторы могут сомневаться в целесообразности выделения средств на мероприятия в данной сфере, не видя краткосрочных перспектив.

2. Отсутствие четкой стратегии и KPI для оценки результатов может вызвать опасения относительно того, что инвестиции не принесут желаемого результата, а также предопределить снижение активности сотрудников в данной сфере.

3. Сотрудники могут не обладать необходимыми навыками для разработки и реализации сложных и наукоемких проектов в указанной сфере; отсутствие понимания принципов ESG (экологические, социальные и управленческие аспекты) может привести к ошибкам в планировании

и исполнении инициатив; низкий уровень осведомленности о важности корпоративной социальной ответственности среди сотрудников может снизить их вовлеченность в программы, что негативно скажется на результатах [9].

4. Риск поверхностного подхода к реализации указанной стратегии без совершения действий, направленных на достижение конкретных измеримых результатов.

Для минимизации указанных выше рисков компании должны создавать системы управления корпоративной социальной ответственностью, обучать сотрудников, внедрять международные стандарты, предоставлять обществу прозрачные отчеты о проделанной деятельности и проводить регулярный аудит своих программ.

В будущем роль корпоративной социальной ответственности в нефтегазовой отрасли будет только возрастать, что связано с постоянным увеличением общественных требований, а также ужесточением экологических норм и стандартов.

Таким образом, корпоративная социальная ответственность является важным стратегическим инструментом, обеспечивающим финансовую и экономическую устойчивость нефтегазовых компаний. Через реализацию программ корпоративной социальной ответственности компании могут минимизировать риски, укреплять свои позиции на рынке и создавать долгосрочную ценность для всех заинтересованных сторон. Однако успешная реализация указанного направления требует системного подхода, включающего четкую стратегию, адекватное финансирование, квалифицированный персонал, эффективную систему управления, а также учет проблемных аспектов.

Список литературы

1. Григорьев Л. Социальная ответственность нефтегазовых компаний // Энергетический бюллетень. – 2015. – № 30. – С. 1–33.

2. Кельчевская Н. Р., Черненко И. М., Попова Е. В. Влияние корпоративной социальной ответственности на инвестиционную привлекательность российских компаний // Экономика региона. — 2017. — Т. 13, вып. 1. — С. 157-169

3. Мальков Д.Э., Комарова А.В. Корпоративная социальная ответственность как один из основных элементов стратегии развития предприятий нефтегазового комплекса // Московский экономический журнал. –2023. – № 3. – С. 430–438.

4. Шинькарюк С. Э. Корпоративная социальная ответственность предприятий нефтегазовой отрасли как PR-стратегия: анализ практик // Молодой ученый. – 2024. – № 20 (519). – С. 168–171.

5. Бабаева Р. Ученые составили список компаний, которые больше всего вредят климату [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://trends.rbc.ru/trends/green/681b2dc09a794718b1e2c26e (дата обращения 05.05.2025).

6. Экологический отчет ПАО «Газпроом» за 2023 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazprom.ru/f/posts/24/142887/gazprom-environmental-report-2023-ru.pdf (дата обращения 05.05.2025).

7. Статистический ежегодник Оренбургской области. 2023: Стат.сб./Оренбургстат. – О65 Оренбург, 2023. – 464 с.

8. Вередюк О.В. Нормативное регулирование корпоративной социальной ответственности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. –2009. – № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/normativnoe-regulirovanie-korporativnoy-sotsialnoy-otvetstvennosti (дата обращения 05.05.2025).

9. Корпоративное управление и ESG-трансформация российских компаний [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://esg-library.mgimo.ru/upload/iblock/a3f/roq1z2bpelw9x11rbyeao6nu5391o8tf/0_gyYbNw5tBIDiqSlydeB656vUMNj68d1F.pdf?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения 05.05.2025).

© Шиленкова В.Д.

УДК 658.152

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: МЕХАНИЗМЫ ВСТРАИВАНИЯ НОРМАТИВНЫХ ТРЕБОВАНИЙ В КОРПОРАТИВНЫЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ

Иванисова Ксения Эдуардовна
студент
Научный руководитель: **Глотова Анастасия Сергеевна**
кандидат экономических наук, доцент кафедры
прикладной экономики и экономической безопасности
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет» НИУ «БелГУ»

Аннотация: В статье проводится всесторонний анализ теоретических предпосылок и практических аспектов слияния принципов риск-ориентированного регулирования в корпоративные системы управления угрозами. Исследуется трансформация регуляторных подходов от директивного контроля к опережающей модели, базирующейся на оценке опасностей. Детально раскрываются теоретико-методологические основы риск-ориентированного надзора, включая экономические, юридические и кибернетические составляющие. Определяются основные рычаги и пошаговая процедура встраивания нормативных предписаний в стратегические и операционные бизнес-процессы организации.

Ключевые слова: риск-ориентированное регулирование, корпоративная система управления угрозами, комплаенс, слияние, регуляторные предписания, операционная результативность, сквозные деловые процессы, Единый реестр нормативных угроз, организационная культура.

THEORETICAL FOUNDATIONS OF RISK-ORIENTED REGULATION: MECHANISMS FOR INTEGRATING REGULATORY REQUIREMENTS INTO CORPORATE RISK MANAGEMENT SYSTEMS

Ivanisova Ksenia Eduardovna
Scientific adviser: **Glotova Anastasia Sergeevna**

Abstract: The article provides a comprehensive analysis of the theoretical background and practical aspects of merging the principles of risk-based regulation into corporate threat management systems. It explores the transformation of regulatory approaches from directive control to an anticipatory model based on hazard assessment. The article delves into the theoretical and methodological foundations of risk-based supervision, including its economic, legal, and cyber components. It identifies the key levers and step-by-step procedure for integrating regulatory requirements into the organization's strategic and operational business processes.

Key words: risk-based regulation, corporate threat management system, compliance, merger, regulatory requirements, operational efficiency, end-to-end business processes, Unified Register of Regulatory Threats, and organizational culture.

Механизмы управления рисками, встроенные в процессы организации, имеют существенные преимущества с точки зрения экономии затрат, особенно в условиях высокой конкуренции, в которых ведут свою деятельность многие компании. Разработка и внедрение новых процедур, помимо уже существующих, увеличивают издержки. Организация может избежать внедрения дополнительных процедур и увеличения издержек за счёт акцентирования внимания на уже существующих операциях и на повышении их вклада в эффективное управление рисками, а также на интеграции процесса управления рисками и основной производственной деятельности. Кроме того, практика встраивания механизмов управления рисками в бизнес-процессы организации позволяет руководству выявить новые возможности для роста бизнеса.

Откликом на эти трудности стало появление и активное концептуальное и практическое распространение риск-ориентированного регулирования. Риск-ориентированный надзор представляет собой коренной философский и методологический сдвиг в парадигме контроля: от проверки формального следования единым для всех правилам – к упреждающему управлению фактическими угрозами, неповторимыми для каждого конкретного субъекта

хозяйствования. В этой новой модели надзорный орган перестаёт быть бездействующим инспектором, подтверждающим соблюдение регламентов, и становится деятельным стейкхолдером, чья стратегическая цель – уменьшение шансов материализации неблагоприятных событий в поднадзорной сфере (будь то финансовая устойчивость, экологическая безопасность, защита прав потребителей или здравие населения).

Главной задачей для корпоративного менеджмента, таким образом, становится не просто учреждение обособленной функции комплаенс, исполняющей роль «приводного ремня» от надзорного органа, а глубокое органическое встраивание нормативных предписаний, переосмысленных и структурированных сквозь призму управления опасностями, в существующие и развивающиеся корпоративные системы управления рисками.

Теоретической базой риск-ориентированного регулирования служит совокупность взаимодополняющих концепций из сферы экономики, менеджмента, права и теории систем, что подчёркивает его междисциплинарный характер:

1. Экономические теории: принцип соразмерности и проблема «Принципал-Агент»:

- Концепция асимметрии сведений и дилемма «Принципал-Агент» лежат в фундаменте риск-ориентированного регулирования. Принципал изначально владеет меньшим объёмом данных о текущих операциях, угрозах и методах их смягчения внутри фирмы (агента), нежели её руководство. Риск-ориентированное регулирование, передавая фирме существенную часть обязанностей по выявлению, оценке и контролю за угрозами, способствует уменьшению этой асимметрии, превращая организацию из пассивного субъекта надзора в активном источнике значимой информации о себе. Это формирует более действенную модель сотрудничества.
- Принцип соразмерности (пропорциональности) является основой риск-ориентированного регулирования с позиции экономической эффективности. Он подразумевает, что напор, глубина и частота вмешательства надзора должны быть прямо пропорциональны уровню угрозы, исходящей от деятельности конкретного предприятия. Такой подход даёт возможность рационально распределить ограниченные ресурсы как надзора (сфокусировавшись на наиболее рискованных объектах), так и фирмы

(направляя усилия и капиталовложения на наиболее критичные с точки зрения надзора сферы), избегая лишних затрат там, где угрозы минимальны.

2. Концепции менеджмента и кибернетики:

- Системный взгляд. Риск-ориентированное регулирование рассматривает контролируемый объект не как совокупность отдельных частей, подлежащих точечной проверке, а как единую, сложно устроенную систему, где угрозы взаимосвязаны, изменчивы и способны вызвать цепную реакцию. Это требует от надзора и фирмы целостного, объединённого подхода к управлению рисками, учитывающего синергетику и расхождения между различными видами рисков.
- Нормативные требования в управлении рисками (Enterprise Risk Management - ERM). Актуальные стандарты ERM, такие как COSO ERM, ISO 31000 и ГОСТ Р ИСО 31000, с их акцентом на включение риск-менеджмента в стратегию и рабочие процессы, заложили концептуальную основу для риск-ориентированного регулирования. Надзор, по сути, требует от фирмы имплементировать и результативно задействовать у себя постулаты ERM применительно к регуляторным рискам.
- Прогностическая аналитика и стохастическое моделирование. В основе риск-ориентированного регулирования лежит стратегический переход от реакции постфактума на уже случившееся к прогнозированию потенциальных неблагоприятных событий заранее. Это обязывает фирмы активно применять современные методики количественной и качественной оценки угроз, сценарного анализа, стресс-тестирования и задействования потенциала больших данных и искусственного интеллекта для создания прогностических моделей.

3. Юридическая доктрина. Риск-ориентированное регулирование находит своё выражение в правовых постулатах, таких как «законность», «аргументированность» и «соразмерность» обременений задачам публичной пользы. Он представляет собой более адаптивный и целесообразный механизм правового регулирования в сравнении с императивными предписаниями.

В своём развитии корпоративные системы управления рисками, как правило, преодолевает несколько принципиально разных этапов: от точечного реагирования на отдельные инциденты до формирования интегрированной системы, встроенной в систему фундаментальных ценностей, операционных процедур организации и её стратегического руководства.

Этап 1. Стихийный, разрозненный. Менеджмент угроз имеет несистемный, реактивный характер. Действия предпринимаются п**остфактум** для устранения последствий уже произошедших событий. Отсутствуют формализованные процедуры, ответственность нечёткая.

Этап 2. Функционально-отделенный. Создаются первые формализованные алгоритмы и назначаются ответственные за отдельные группы угроз (финансовые, операционные, кадровые). Однако угрозы контролируются в рамках функциональных «ячеек» без взаимной координации.

Этап 3. Интегрированный, деятельный. Создаётся общая система руководства всеми типами угроз, опираясь на мировые эталоны (COSO ERM, ISO 31000). Управление угрозами становится всеобъемлющей процедурой, внедрённой в стратегическое проектирование и опорные деловые операции. Руководство опасностями сфокусировано на перспективе, на недопущении нежелательных ситуаций и задействовании шансов.

В организациях существует ряд основных черт корпоративной системы управления рисками (рис. 1).

Рис. 1. Основные черты современной развитой корпоративной системы управления рисками

Процесс слияния требований риск-ориентированного регулирования в корпоративных системах управления рисками не является разовым актом, а представляет собой последовательный, циклический и постоянный процесс организационных преобразований. Он включает в себя несколько сопряжённых и логически вытекающих один из другого ступеней и способов:

Шаг 1. Тщательная трактовка и операционная декомпозиция нормативных предписаний.

Первый и основополагающий момент – перевод формальных, зачастую умозрительных, регуляторных указаний на конкретный язык рисков и деловых процессов, понятный руководству и работникам организации.

Шаг 2. Создание и поддержка Централизованного каталога нормативных угроз.

Вместо сохранения множества разрозненных и часто расходящихся списков предписаний различных надзорных органов и внутренних инструкций требуется сформировать единый централизованный и развивающийся каталог.

Централизованный каталог нормативных угроз становится «главным источником» для всех структур, занятых вопросами комплаенса, угроз и внутреннего контроля.

Шаг 3. Глубокая имплементация в сквозные деловые процессы: от замысла к выполнению.

Это важный и наиболее трудный шаг, на котором нормативные указания перестают быть «задачей для правового отдела» и становятся неотъемлемой составляющей ежедневной работы организации.

Этап 4. Приведение в соответствие системы внутреннего контроля и внутреннего аудита.

Структура внутреннего контроля и внутреннего аудита должна быть коренным образом изменена согласно новой парадигме:

- Внутренний контроль трансформируется от эпизодических проверок исполнения предписаний к постоянному отслеживанию и анализу результативности управления основными рисками, включая регуляторные. Акцент смещается с проблемы «Все ли выполнено по предписанию?» на вопрос «Действенны ли наши меры контроля для снижения угрозы до приемлемой отметки?».
- Внутренний аудит — это организованная в интересах собственника система контроля, которая даёт оценку эффективности работы системы внутреннего контроля в организации, оценку действующей системы управления рисками, а также оценку эффективности корпоративного управления. Главная цель внутреннего аудита выявлять риски и давать рекомендации по усовершенствованию внутренних процессов в компании.

Этап 5. Внедрение риск-ориентированной отчётности и коммуникации.

Представление сведений регулятору, совету директоров, акционерам и топ-менеджменту компании претерпевает кардинальную трансформацию.

Вместо формальных отчётов о числах проведённых аудитов и выявленных мелких недочётов, фокус смещается на анализ, способствующий принятию управленческих решений.

Рис. 2. Ключевые факторы принятия управленческих решений

Это требует формирования единых информационных панелей, систем бизнес-аналитики и отчётности, которые сводят информацию из корпоративных систем управления рисками и систем внутреннего контроля.

Всесторонний теоретический и методологический обзор убедительно доказывает, что риск-ориентированное регулирование является закономерным и объективно нужным шагом эволюции отношений между властью и бизнесом в условиях усложняющейся мировой экономической среды. Его действенное воплощение на макроуровне тесно сопряжено с коренной перестройкой внутренних подходов предприятий к управлению угрозами на микроуровне.

Поэтапная схема встраивания нормативных требований в корпоративную систему управления рисками – от глубокого толкования регуляторной политики и формирования Единого реестра нормативных угроз до их естественной интеграции в сквозные бизнес-процессы и изменения систем надзора и отчётности – является практическим планом действий для компаний, стремящихся перейти от инертного, оборонительного комплаенса к деятельному и стратегически ценному управлению регуляторным риском.

Такой подход позволяет не только снизить вероятность штрафов и взысканий, но и получить осязаемые и неосязаемые конкурентные преимущества посредством увеличения гибкости, операционной

продуктивности, прозрачности и, в конечном счете, стратегической стабильности дела. В длительной перспективе фирмы, удачно прошедшие эту метаморфозу, оказываются лучше подготовленными к любым потрясениям и получают существенное стратегическое превосходство на рынке.

Список литературы

1. Иванов Е. В. Риск-ориентированное регулирование в финансовом секторе: теория и практика : учебник для вузов / Е. В. Иванов, С. К. Петрова. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 415 с.
2. Сидоров А. Н. Корпоративные системы управления рисками: интеграция регуляторных требований : учебное пособие для магистратуры / А. Н. Сидоров, М. И. Козлова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : ИНФРА-М, 2024. — 328 с.
3. Васильев Р. О. Цифровая трансформация риск-менеджмента: методы встраивания нормативных требований : монография / Р. О. Васильев, Т. П. Николаева. — Санкт-Петербург : Питер, 2025. — 276 с.
4. Орлова Л. М. ESG-риски в системе корпоративного управления: регулирование и compliance : учебное пособие / Л. М. Орлова, Д. В. Фёдоров. — Москва : КноРус, 2024. — 294 с.
5. Громов А. К. Практика риск-ориентированного управления: кейсы интеграции регуляторных требований : учебное пособие / А. К. Громов, Е. С. Белова. — Москва : Дашков и К, 2024. — 412 с.

© Иванисова К.Э., 2025

АНАЛИЗ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЗА 2020-2025 ГГ. И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ НА БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛИТИКИ КРЕДИТОВАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РФ

Пармаксыз Эвелина Андреевна
Соколова Алина Артемовна
студенты
Научный руководитель: **Носова Татьяна Павловна**
к.э.н.
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина

Аннотация: В статье проведен комплексный анализ трансформации потребительского поведения домашних хозяйств России под влиянием денежно-кредитной политики Банка России в период 2020-2025 гг. Выявлены ключевые взаимосвязи между изменением ключевой ставки, макро-пруденциальными мерами и основными индикаторами потребительской активности. На основе эконометрического и сценарного подходов разработан прогноз на 2027 год, согласно которому наиболее вероятным является становление новой, более рациональной и сбалансированной модели потребления, характеризующейся умеренной кредитной активностью и диверсификацией сбережений.

Ключевые слова: потребительское поведение, Банк России, ключевая ставка, макропруденциальная политика, розничное кредитование, сбережения, прогнозирование.

ANALYSIS OF CONSUMER BEHAVIOR FOR 2020-2025 AND FORECASTING FOR THE COMING YEARS BASED ON CHANGES IN THE LENDING POLICY OF THE CENTRAL BANK OF RUSSIA

Parmaksyz Evelina Andreevna
Sokolova Alina Artemovna
Scientific adviser: **Nosova Tatyana Pavlovna**

Abstract: This article provides a comprehensive analysis of the transformation of consumer behavior among Russian households under the influence of the Bank of Russia's monetary policy from 2020 to 2025. Key interrelationships between changes in the key rate, macroprudential measures, and main indicators of consumer activity are identified. Based on econometric and scenario approaches, a forecast for 2027 is developed, according to which the most probable outcome is the establishment of a new, more rational and balanced model of consumption characterized by moderate credit activity and diversification of savings.

Key words: consumer behavior, Bank of Russia, key rate, macroprudential policy, retail lending, savings, forecasting.

Формирование потребительского поведения является сложным, многогранным процессом, находящимся под влиянием целого ряда экономических, социальных и психологических факторов. Однако в современной рыночной экономике ключевую роль в регулировании совокупного потребительского спроса играет денежно-кредитная политика, проводимая Центральным банком [2, 3, 17]. В Российской Федерации политика Банка России, в особенности в части установления ключевой ставки и макропруденциального регулирования, оказывает системообразующее и непосредственное влияние на финансовые решения домашних хозяйств, определяя их склонность к сбережению или потреблению, а также доступность и стоимость кредитных ресурсов.

Потребительское поведение представляет собой совокупность действий и решений, принимаемых индивидом или домохозяйством в процессе выбора, приобретения, использования и утилизации товаров и услуг с целью удовлетворения собственных потребностей. Оно формируется под влиянием множества факторов, среди которых основными являются экономические, социальные, психологические, культурные и институциональные условия.

С точки зрения экономической теории, потребитель стремится максимизировать полезность при ограниченном бюджете. Однако в современных условиях данная модель значительно усложнена влиянием таких переменных, как уровень дохода, ожидания будущего, инфляция, доступность кредитных средств, уровень доверия к финансовой системе и макроэкономическая нестабильность.

В период 2020-2025 гг. в России потребительское поведение формировалось в условиях высокой неопределённости, нестабильности валютного курса, ускоренной цифровизации и изменения структуры рыночного предложения, что значительно усилило роль внешних факторов, в частности денежно-кредитной политики Центрального банка РФ.

В исследуемый период на потребительское поведение россиян повлияла совокупность взаимосвязанных факторов, представленных в таблице 1.

Таблица 1

Основные факторы изменения потребительского поведения в 2020-2025 гг.

Фактор	Содержание	Влияние на поведение потребителей
Денежно-кредитная политика ЦБ РФ	Изменение ключевой ставки и условий кредитования	Сокращение или рост спроса на кредиты и ипотеку [2, 3, 5]
Инфляция	Рост потребительских цен	Снижение реальной покупательной способности [18]
Реальные доходы населения	Динамика заработных плат и занятости	Сокращение уровня потребления [18]
Пандемия COVID-19	Ограничения на продвижение и работу предприятий	Рост онлайн-покупок и «домашнего» потребления [9, 15]
Санкции и геополитика	Ограничение импорта и выход иностранных брендов	Переход на отечественные и азиатские аналоги [11, 15]
Курсовые колебания рубля	Девальвация и нестабильность валюты	Импульсивные покупки и снижение доверия к рублю [1, 8]
Развитие финансовых технологий	Онлайн-банкинг, рассрочки, BNPL	Стимулирование потребления [1, 20]
Социальная нестабильность	Рост тревожности и неопределенности	Осторожное или паническое поведение [9, 15]
Государственные программы поддержки	Льготная ипотека и выплаты	Искажение рыночного спроса [9, 15]

Наиболее значимыми из них является политика Центрального банка РФ и уровень инфляции. Их влияние носит комплексный и системный характер.

Центральный банк Российской Федерации осуществляет регулирование экономики посредством инструментов денежно-кредитной политики, среди которых ключевым является ключевая процентная ставка. Она определяет стоимость заимствований для коммерческих банков и, как следствие, уровень процентных ставок по кредитам и депозитам для населения.

Ее динамика в рассматриваемом периоде была крайне волатильной, что наглядно отражено в Таблице 2

Таблица 2

Динамика ключевой ставки Банка России и ее последствия (2020-2025 гг.)

Период	Действие ЦБ	Уровень ставки, %	Прямое воздействие	Пример реакции потребителей
2020 – начало 2021	Смягчение политики для поддержки экономики во время пандемии	Снижение с 6,25% до 4,25%	Стремительный рост доступности ипотеки и потребкредитов. Ставки по вкладам достигли исторических минимумов	«Ажиотажный спрос на ипотеку: россияне бросились покупать жилье из-за рекордно низких ставок» [7]. Рост объемов ипотечного кредитования более чем на 60% в 2022 году [5, 7].
2021 – начало 2022	Ужесточение денежно-кредитной политики для сдерживания растущей инфляции	Рост до 8,5%	Удорожание кредитов для населения и бизнеса. Повышение привлекательности банковских вкладов. Замедление роста кредитования	«Повышение ключевой ставки влияло на потребительское поведение, так как за счет роста ставки повышалась стоимость денег и снижалась их доступность. В результате денег на руках у людей становилось меньше, спрос на товары и услуги падал, цены не росли» [8].

Продолжение таблицы 2

2022 – начало 2023	Резкое ужесточение для сдерживания инфляции и стабилизации финансового рынка	Рост до 20% весной 2022, далее постепенное снижение и сохранение на уровне 7,5-8,5%	Резкое удорожание всех видов кредитов. Остановка рынка на господдержанной ипотеки. Рост ставок по вкладам	«Рынок кредитов для населения рухнул: банки приостановили выдачу, ставки взлетели» [8]. В марте 2022 спрос на потребкредиты упал на 30-40%
Конец 2023 - 2025	Продолжение жесткой денежно-кредитной политики для борьбы с устойчивой инфляцией и поддержания макроэкономической стабильности	Постепенный рост ставки до 21% и ее сохранение	Ограничение кредитной активности и сдерживание потребительского спроса. Стабилизация рубля. Поддержание высоких ставок по депозитам	«Рост ключевой ставки заставил россиян пересмотреть планы на крупные покупки». Опросы НАФИ фиксируют рост доли граждан, откладывающих покупку автомобиля или техники из-за дороговизны кредитов [9].
2025	Смягчение денежно-кредитной политики в условиях замедления инфляции и необходимости стимулирования экономического роста	Снижение ставки с 21% до 16,5%	Удешевление кредитов для бизнеса и населения. Снижение доходности по банковским вкладам. Постепенное оживление кредитной активности и инвестиций	«У тех, кто оформил кредит или ипотеку по рыночным ставкам от 25% годовых, уже сейчас есть возможность получить более выгодные условия» [8]. Речь идет о рефинансировании. Так же улучшились условия для тех, кто только планировал оформлять кредит или ипотеку.

Изменение ключевой ставки оказывает прямое воздействие на потребительское кредитование:

– при повышении ключевой ставки кредиты дорожают, спрос на заемные средства снижается;

– при снижении ключевой ставки кредиты становятся более доступными, что стимулирует рост потребления.

Таким образом, динамика потребительского спроса напрямую зависит от решений ЦБ РФ. Это особенно заметно на рынках жилья, автомобилей, бытовой техники и других товаров длительного пользования.

Кроме ставки, Банк России применяет макропруденциальные меры (надбавки к коэффициентам риска, ограничения по показателю долговой нагрузки), что также снижает или увеличивает доступность кредитов для различных групп населения [1, 4, 6].

Таблица 3

Влияние макропруденциальных мер ЦБ на потребительское поведение

Инструмент / Мера	Суть и сроки введения	Прямое воздействие на рынок	Пример реакции потребителей
Показатель долговой нагрузки (ПДН)	Введение с 1 октября 2023 года ограничения в 50% для большинства кредитов.	Ограничение круга заемщиков, способных получить кредит. Снижение объемов высокорисковых выдач.	«Каждый пятый заемщик не прошел проверку по ПДН» [10]. По данным Национального кредитного бюро доля отказов выросла, особенно среди молодежи и лиц с низкими доходами.
Надбавки к коэффициентам риска по необеспеченным потребкредитам	Поэтапное повышение в 2021–2023 гг.	Увеличение стоимости таких кредитов для банков, рост ставок для заемщиков и сокращение предложения.	«Банки сокращают ассортимент потребкредитов» [20]. Аналитики отмечали снижение доли дорогих необеспеченных кредитов в портфелях.

Продолжение таблицы 3

Ограничения по ипотеке с низким первоначальным взносом	Введение с 1 апреля 2023 года повышенных коэффициентов риска для ипотеки с LTV > 80%.	Стимулирование банков требовать более крупный первоначальный взнос. Сокращение предложения программ.	«Рынок ипотеки с маленьким первоначальным взносом сжимается» [12]. Семьи дольше копят на первый взнос.

Данные меры оказывают прямое воздействие на доступность кредитов, отсекая наиболее рисковые сегменты заемщиков и заставляя население пересматривать свои финансовые стратегии в сторону большей осторожности и накопления.

Инструментарий Банка России образует единый комплекс, который оказывает прямое и быстрое воздействие на параметры рынка кредитов и вкладов. Анализ официальных данных и новостных источников убедительно доказывает, что через изменение стоимости и доступности заемных средств, а также привлекательности сбережений, ЦБ напрямую детерминирует финансовые возможности и стимулы домохозяйств. Потребительское поведение демонстрирует высокую эластичность по отношению к мерам мегарегулятора: ужесточение политики ведет к «кредитному сжатию» и росту сберегательной активности, а смягчение — к кредитному буму и активизации потребительского спроса [1, 2, 4, 9].

После того как мы проанализировали взаимосвязь политики Центрального Банка РФ и потребительского поведения за период 2020-2025 гг., нам открывается возможность спрогнозировать на основе этих данных потребительское поведение будущих периодов. Но для начала рассмотрим, какие существуют подходы к прогнозированию потребительского поведения:

1. Эконометрическое моделирование

Данный подход основан на построении статистических моделей, выявляющих устойчивые зависимости между потребительскими индикаторами и факторами, на них влияющими.

– Модели временных рядов: позволяют анализировать динамику показателей во времени. Например, можно смоделировать будущие объемы розничного кредитования на основе их прошлых значений и динамики ключевой ставки.

– Регрессионный анализ: позволяет количественно оценить влияние независимых переменных на зависимую. В нашем случае зависимой переменной (Y) может выступать, например, индекс потребительской уверенности (ИПУ) Росстата или объем выданных потребительских кредитов [14]. В качестве независимых переменных (X) используются:

– Ключевая ставка ЦБ РФ

– Уровень инфляции.

– Реальные доходы населения.

– Уровень безработицы.

– Макропруденциальные индикаторы (например, агрегированный показатель ПДН).

2. Сценарный прогноз на основе экспертных оценок (Дельфи-метод)

Суть этого подхода заключается в проведении анонимных опросов группы экспертов (аналитиков ЦБ, экономистов, представителей крупных банков) с последующим агрегированием их мнений.

В рамках данного исследования целесообразно построить три сценария на предстоящие периоды, основанных на различных траекториях политики ЦБ:

– Базовый сценарий (наиболее вероятный): предполагает, что ЦБ будет постепенно снижать ключевую ставку по мере замедления инфляции.

– Консервативный (пессимистичный) сценарий: предполагает сохранение ключевой ставки на высоком уровне или ее дальнейшее повышение из-за сохранения инфляционных рисков.

– Оптимистичный сценарий: предполагает ускоренное снижение инфляции и смягчение политики ЦБ.

3. Анализ больших данных (Big Data) и альтернативные индикаторы

Это современный и быстроразвивающийся подход, который позволяет получать прогнозные оценки в режиме, близком к реальному времени.

– Анализ поисковых запросов: Мониторинг частоты запросов в поисковых системах типа Яндекс или Google (например, «взять кредит», «лучший вклад», «ипотека условия», «распродажа автомобилей») служит опережающим индикатором намерений потребителей.

– Анализ транзакционных данных: Агрегированные и анонимизированные данные банков о расходах по картам показывают, в каких категориях растут или падают траты, еще до публикации официальной статистики.

– Анализ активности в социальных сетях: Изучение настроений (sentiment analysis) в обсуждениях, связанных с экономикой, кредитами и крупными покупками, помогает оценить потребительские ожидания.

Наиболее эффективным для целей данного исследования является комбинированный подход. Эконометрические модели на основе официальных данных ЦБ и Росстата позволяют построить количественный прогноз и проверить статистическую значимость влияния ставки ЦБ [5, 14]. Затем этот прогноз должен быть скорректирован с учетом результатов сценарного анализа, который интегрирует в себя качественные оценки экспертов о будущей политике и структурных изменениях в экономике. Анализ больших данных может служить дополнительным инструментом для верификации и уточнения выводов. Такой синтез методов позволяет создать наиболее полную и обоснованную прогнозную модель потребительского поведения будущие периоды.

Теперь рассмотрим прогнозирование политики Центрального Банка и потребительского поведения разных авторов на период 2026-2028 гг.

Прежде всего, проанализируем прогноз непосредственно Банка России, который был опубликован в октябре 2025 года [3, 17, 19].

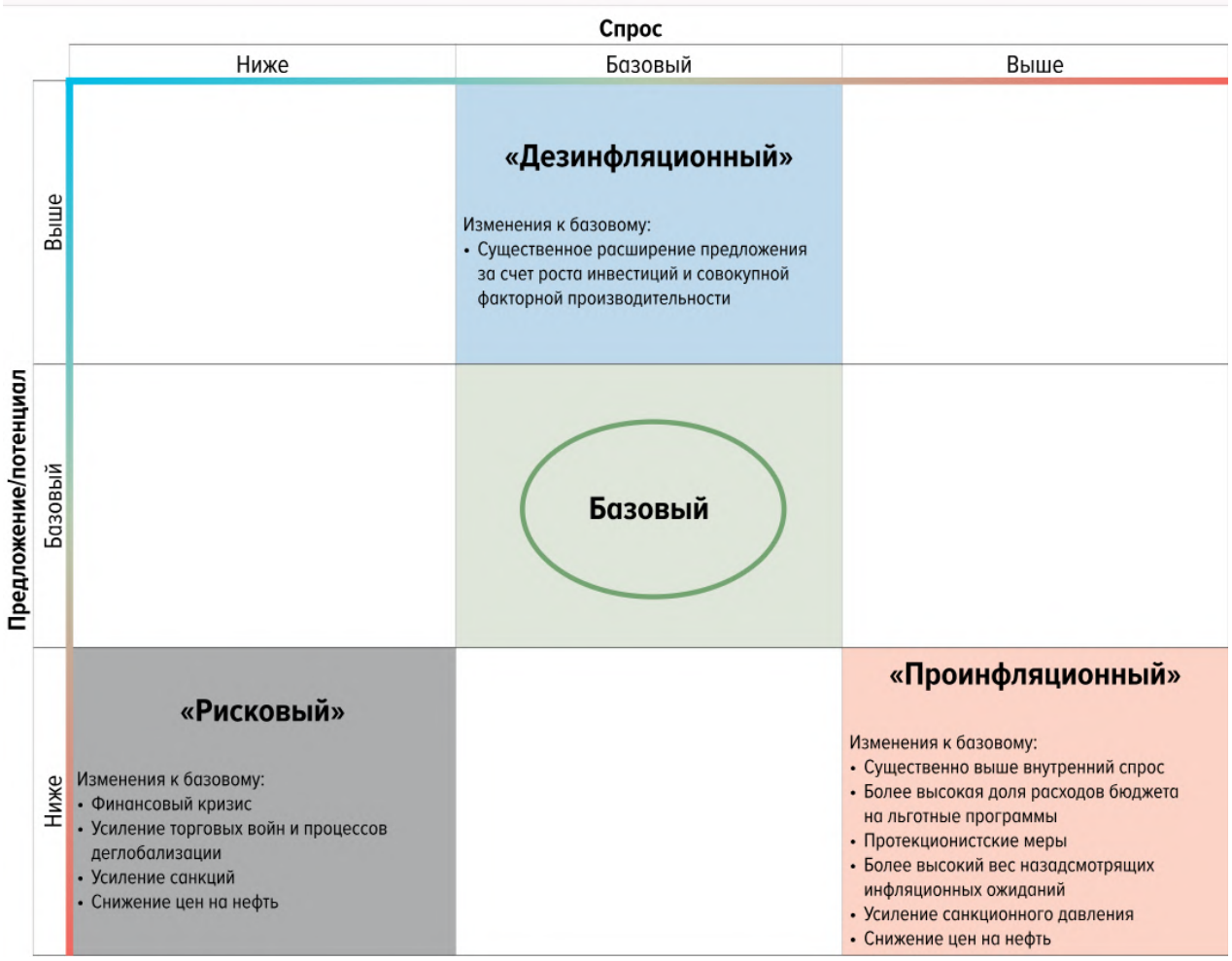

Рис. 1. Четыре сценария ЦБ

Ситуация последних пяти лет подтверждает, что параметры мировой и российской экономики могут меняться крайне быстро. Чтобы принимать взвешенные решения по ДКП и быть готовым к любому развитию событий, Банк России разрабатывает несколько сценариев, отличающихся друг от друга предпосылками в части внешних и внутренних условий.

Базовый сценарий

	2024 (факт)	2025	2026	2027	2028
Годовая инфляция, %	9,5	6,5–7,0	4,0-5,0	4,0	4,0
Ключевая ставка, в среднем за год, % годовых	17,5	19,2	13,0–15,0	7,5–8,5	7,5–8,5
Валовой внутренний продукт, % к предыдущему году	4,3	0,5–1,0	0,5–1,5	1,5–2,5	1,5–2,5
— в %, IV квартал к IV кварталу предыдущего года	4,5	(-0,5)–0,5	1,0–2,0	1,5–2,5	1,5–2,5

Рис. 2. Базовый сценарий ЦБ

Базовый сценарий. Он предполагает, что уже в 2025 году инфляция снизится до 6,5-7%, в 2026 году – до 4-5 %, вернется к 4% в 2027 году и стабилизируется. Для этого ЦБ будет поддерживать жесткие денежно-кредитные условия, в т.ч. высокую ключевую ставку. Средняя ключевая ставка с 27 октября до конца 2025 года составит 16,4-16,5%, в 2026 году – 3-15%. После стабилизации инфляции на уровне 4% ставка будет в 2027 году и далее – 7,5-8,5%. Вклад потребительского спроса в динамику ВВП в 2026-2027 годах увеличится по мере снижения процентных ставок.

Сценарий «Дезинфляционный»

	2024 (факт)	2025	2026	2027	2028
Годовая инфляция, %	9,5	6,5–7,0	3,5–4,5	4,0	4,0
Ключевая ставка, в среднем за год, % годовых	17,5	19,2	11,0–13,0	7,5–8,5	7,5–8,5
Валовой внутренний продукт, % к предыдущему году	4,3	0,5–1,0	2,5–3,5	2,0–3,0	1,5–2,5
— в %, IV квартал к IV кварталу предыдущего года	4,5	(-0,5)–0,5	2,5–3,5	2,0–3,0	1,5–2,5

Рис. 3. Дезинфляционный сценарий ЦБ

Дезинфляционный сценарий. Он позитивнее. ЦБ РФ сможет раньше перейти к смягчению ДКП. Предполагается, что средняя ключевая ставка в 2026 году будет 11-13%. С 2027 года она стабилизируется на уровне 7,5-8,5%. Предполагается, что более эффективное освоение инвестиций и ускоренный рост совокупной факторной производительности приведут к более существенному росту предложения товаров и услуг. Расширяющееся совокупное предложение полностью покроет внутренний спрос в 2026-2027 годах. Темпы роста экономики в 2026-2027 годах будут выше, чем в базовом сценарии. Ускорение роста реальных заработных плат не окажет серьезного проинфляционного эффекта благодаря увеличению производительности труда [3].

Сценарий «Проинфляционный»

	2024 (факт)	2025	2026	2027	2028
Годовая инфляция, %	9,5	6,5–7,0	5,0–6,0	4,0	4,0
Ключевая ставка, в среднем за год, % годовых	17,5	19,2	16,0–18,0	10,5–11,5	8,5–9,5
Валовой внутренний продукт, % к предыдущему году	4,3	0,5–1,0	1,0–2,0	0,5–1,5	1,5–2,5
— в %, IV квартал к IV кварталу предыдущего года	4,5	(-0,5)–0,5	1,0–2,0	0,5–1,5	1,5–2,5

Рис. 4. Проинфляционный сценарий ЦБ

Проинфляционный сценарий. При нем потребуется больше времени и более жесткая ДКП, чтобы вернуть инфляцию к целевому уровню. Ключевая ставка в 2026 году составит 16-18%, в 2027 году – 10,5-11,5%, а к 2028 году она снизится до 8,5-9,5%. Вероятность реализации данного сценария выше, чем предыдущего. В этом сценарии охлаждение внутреннего спроса и снижение инфляционного давления окажутся менее устойчивыми. Более высокому спросу сопутствует меньший объем предложения из-за усиления санкционного давления [3].

Сценарий «Рисковый»

	2024 (факт)	2025	2026	2027	2028
Годовая инфляция, %	9,5	6,5–7,0	10,5–12,5	8,0–10,0	4,0-4,5
Ключевая ставка, в среднем за год, % годовых	17,5	19,2	17,5–19,5	18,0–20,0	10,0–11,0
Валовой внутренний продукт, % к предыдущему году	4,3	0,5–1,0	(-3,5)–(-2,5)	(-3,0)–(-2,0)	2,0–3,0
— в %, IV квартал к IV кварталу предыдущего года	4,5	(-0,5)–0,5	(-7,0)–(-6,0)	0,0–1,0	3,0–4,0

Рис. 5. Рисковый сценарий ЦБ

Рисковый сценарий. Будет реализован, если значительно ухудшатся внешние условия и это негативно повлияет на российскую экономику, приведет к ускорению инфляции. Потребуется более жесткая ДКП. Ключевая ставка с 17,5-19,5% в 2026 году вырастет до 18-20% в 2027 году. В 2028 году она составит 10-11%. Вероятность такого развития событий низкая [3].

Рассмотрим мнение аналитиков относительно прогноза Центрального Банка:

Аналитик БКС:

«Траектория средней ставки 13-15% в 2026 году и 7,5-8,5% в 2027-2028 годах соответствует нашим ожиданиям. Для рынка ОФЗ это сигнал: длинные выпуски могут показать доходность 15-20% за два года, если Центробанк последовательно пойдёт на смягчение. Риск — проинфляционный шок, который заставит держать ставку выше дольше» [11].

Доцент кафедры экономики ВШЭ:

«Главный вопрос — насколько быстро охладится внутренний спрос. Если зарплаты продолжат расти темпами 15-20% годовых, а компании будут перекладывать издержки на цены, Центробанк не сможет быстро снижать ставку. Проинфляционные риски остаются актуальными до середины 2026 года».

Представитель ипотечного отдела банка ВТБ:

«Рыночная ипотека начнёт дешеветь ближе к лету 2026 года, если прогноз ЦБ сбудется. Ставки могут опуститься с текущих 20-22% до 16-18%

к концу года. Субсидированные программы останутся на фиксированных уровнях: 6% для семейной, 8% для IT и Дальнего Востока» [20].

Благодаря вышепроведенному анализу, мы собрали полное представление о зависимости потребительского поведения от политики Центрального Банка РФ, а также ознакомились с методами прогнозирования и реальными прогнозами от Банка России. На основе всех этих данных смодулируем собственное прогнозирование на период 2026-2030 гг. Предположим:

Ожидается, что Банк России продолжит политику таргетирования инфляции, но с учётом необходимости поддержания экономического роста [3, 17]. Ключевая ставка будет постепенно снижаться — с 13-15% в 2026 году до 9-10% в 2027 году. Это станет возможным благодаря замедлению инфляции до 4-5% и стабилизации макроэкономической ситуации. Однако возможны периоды сохранения высокой ставки в случае роста инфляционных ожиданий или ухудшения внешней конъюнктуры [3, 17, 19].

В период 2028-2030 гг. при условии устойчивого снижения инфляции до целевого уровня 4%, ключевая ставка стабилизируется на уровне 6,5-8%. Банк России может начать использовать более гибкие формы денежно-кредитной политики, включая целевые программы рефинансирования для стимулирования инвестиций в приоритетные сектора экономики.

Доступность и структура кредитования претерпят значительные изменения. В 2026-2027 годах ставки по рыночной ипотеке снизятся с 20-22% до 14-16%, а к 2030 году – до 11-13%. Субсидированные программы (семейная, IT, дальневосточная ипотека) сохранятся, но могут быть пересмотрены в сторону ужесточения условий для снижения нагрузки на бюджет. Будет расти спрос на рефинансирование ипотечных кредитов, взятых в период высокой ставки.

Если говорить о потребительских кредитах, то будет ожидаться ужесточение макропруденциальных мер (ПДН, надбавки к рискам), которое приведёт к сокращению доли необеспеченных кредитов в портфелях банков. Ставки по потребкредитам останутся высокими (18-25%) вплоть до 2028 года, затем возможно снижение до 15-18%. Банки будут активнее внедрять скоринг-модели на основе больших данных, что повысит доступность кредитов для добросовестных заёмщиков.

Население продолжит диверсифицировать сбережения, отдавая предпочтение более доходным и гибким инструментам. Доля банковских

вкладов в структуре сбережений снизится с 70% до 50-55% к 2030 году. Ставки по вкладам будут постепенно снижаться вслед за ключевой ставкой — с 12-14% в 2026 году до 6-8% к 2030 году.

Произойдёт переход от модели «потребление ради статуса» к модели «осознанное потребление» [9, 15]. Увеличатся расходы на образование, здоровье, фитнес, психологию, качественный отдых и цифровые развлечения. К 2030 году доля услуг в потребительских расходах может достигнуть 45-50%.

Покупки станут более рациональными: предпочтение будет отдаваться качеству, экологичности и долговечности. Вырастет спрос на товары с возможностью апгрейда и ремонта.

Онлайн-покупки сохранят популярность, но с акцентом на безопасность и персонализацию. Будут активно развиваться сервисы подписки (например, на одежду, технику, продукты).

К 2030 году потребительское поведение в России окончательно трансформируется в сторону рациональности, осознанности и диверсификации. Политика Банка России будет не только реагировать на инфляционные риски, но и активно влиять на структурные изменения в финансовом поведении домохозяйств. Важным условием устойчивого роста станет синхронизация денежно-кредитной политики с мерами по повышению реальных доходов населения и развитию финансовой грамотности.

Проведенное исследование позволило провести комплексный анализ трансформации потребительского поведения домашних хозяйств России под влиянием денежно-кредитной политики Банка России в ретроспективе 2020-2025 годов и разработать обоснованный прогноз на 2026-2030 гг.

В ходе работы были последовательно решены поставленные задачи. Во-первых, был выявлен параболический характер изменений в поведении потребителей: от кредитно-инвестиционного бума в период сверхнизкой ключевой ставки (2020-2021 гг.) через фазу «кредитного сжатия» и роста нормы сбережений во время резкого ужесточения политики (2022-2025 гг.) к фазе адаптации и формирования новых, более рациональных моделей финансового поведения.

Во-вторых, детально проанализированы инструменты ЦБ РФ. Установлено, что ключевая ставка выступает основным драйвером стоимости кредитов, в то время как комплекс макропруденциальных мер (показатель долговой нагрузки, надбавки к коэффициентам риска) оказывает прямое

воздействие на их доступность, позволяя регулятору точечно охлаждать перегретые сегменты рынка.

В-третьих, на основе синтеза эконометрического подхода и сценарного метода был разработан прогноз. Ключевой вывод заключается в том, что к 2030 году с высокой долей вероятности сформируется новая норма потребительского поведения, характеризующаяся:

1. Рационализацией и осознанностью: Потребители, наученные опытом экономической волатильности, будут демонстрировать более высокий уровень финансовой грамотности, планирования и избирательности в покупках.
2. Умеренной кредитной активностью: даже в условиях ожидаемого снижения ключевой ставки до 6,5-8% не произойдет возврата к безудержному кредитному потреблению. Спрос будет смещен в сторону целевых и обеспеченных займов.
3. Структурным сдвигом в расходах: будет наблюдаться постепенный рост доли расходов на услуги (образование, здоровье, качественный отдых) при стабилизации и более осознанном подходе к покупке товаров длительного пользования.

Таким образом, политика Банка России не просто циклически влияет на потребительский спрос, а выступает мощным фактором структурной перестройки потребительских практик. Ожидается, что к 2030 году результатом этой политики станет переход к более сбалансированной и устойчивой модели потребления, менее зависимой от конъюнктурных кредитных стимулов и в большей степени ориентированной на долгосрочную финансовую стабильность домохозяйств. Для дальнейшего успешного развития экономики необходима синхронизация мер денежно-кредитной политики с мерами по стимулированию реальных доходов населения, что создаст основу для здорового, а не кредитно-зависимого роста внутреннего спроса.

Список литературы

1. Обзор финансовой стабильности. Банк России. – 2022. – № 3.
2. Доклад о денежно-кредитной политике. Банк России. – Декабрь 2024.

3. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. Банк России. – 2024.

4. Обзор финансовой стабильности. Банк России. – 2023. – № 1.

5. Статистика финансового рынка. Раздел «Ставки по кредитам и депозитам». Банк России. – URL: https://cbr.ru/statistics/

6. Информация о показателе долговой нагрузки (ПДН). Банк России. – URL: https://cbr.ru/collection/collection-file/40115/pdn_qa.pdf

7. РБК: «Россияне взяли рекордную ипотеку» – URL: https://www.rbc.ru/finances/26/01/2021/600c31c19a79470c2d39f7e9

8. «Коммерсантъ»: «Кредиты населению затормозились в росте» – URL: https://www.kommersant.ru/doc/5253929

9. НАФИ: «Финансовое поведение россиян в условиях роста ключевой ставки» – Пресс-выпуск, декабрь 2023.

10. Национальное кредитное бюро: «Влияние ПДН на рынок кредитования» – Пресс-релиз, IV квартал 2023.

11. «Финэк»: «Тренды на рынке розничного кредитования» – Аналитический отчет, 2024.

12. РИА Новости: «Ипотека с маленьким взносом стала менее доступной» – URL: https://ria.ru/20230401/ipoteka-1862794321.html

13. Доугерти К. Введение в эконометрику. – М.: ИНФРА-М, 2021.

14. Росстат: Методология расчета индекса потребительской уверенности. – URL: https://rosstat.gov.ru/

15. Обзоры и прогнозы деловой активности населения. Аналитические отчеты НАФИ и ВЦИОМ. – 2023-2024 гг.

16. Яндекс.Вордстат – сервис для анализа поисковых запросов. – URL: https://wordstat.yandex.ru/

17. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. Банк России. – 2024. (Использовано для анализа заявленных целей и принципов политики).

18. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2025-2027 годы. Министерство экономического развития РФ. – 2024. (Использовано для анализа макропараметров, влияющих на доходы населения).

19. Обзоры финансовой стабильности и Доклады о денежно-кредитной политике за 2023-2024 гг. Банк России (Использованы для анализа текущих трендов и заявлений регулятора).

20. Аналитические обзоры рынка розничного кредитования. Национальное кредитное бюро (НКБ), Рейтинг Бюро. – 2024 (Использованы для оценки текущего состояния кредитного поведения).

© Пармаксыз Э.А., Соколова А.А.

СЕКЦИЯ МЕНЕДЖМЕНТ И МАРКЕТИНГ

ИЗУЧЕНИЕ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ МЕТОДОВ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ СОТРУДНИКОВ

Володарская Елена Борисовна
доцент
Высшая школа лингвистики и педагогики
Брянцев Артем Дмитриевич
Халилов Артем Юрьевич
студенты
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

Аннотация: Данный текст представляет собой научно-аналитическое руководство по нематериальной мотивации сотрудников. В нем объясняются теоретические основы внутренней мотивации, опираясь на классические модели (Маслоу, Герцберг), и предлагаются конкретные недорогие методы ее повышения: признание достижений, возможности для развития, повышение автономии и улучшение командного климата.

Ключевые слова: нематериальная мотивация; внутренняя мотивация; сотрудники; управление; методы с низкими затратами; признание; обратная связь; вовлеченность сотрудников; психологические потребности.

STUDY OF INTANGIBLE METHODS OF INCREASING EMPLOYEE MOTIVATION

Volodarskaya Elena Borisovna
Bryantsev Artem Dmitrievich
Khalilov Artem Yurievich

Abstract: This text is a scientific and analytical guide to non-material employee motivation. It explains the theoretical foundations of intrinsic motivation, drawing on classical models (Maslow, Herzberg), and offers specific, low-cost methods for enhancing it: recognition of achievements, development opportunities, increased autonomy, and improved team climate.

Key words: non-material motivation; internal motivation; employees; management; low-cost methods; recognition; feedback; employee engagement; psychological needs.

Employee motivation is one of the key tasks of modern management, as the level of employee engagement directly impacts organizational performance, the quality of results, and the company's competitiveness. Traditionally, it is believed that increasing motivation requires significant financial resources: incentive systems, bonuses, corporate events, and other costly initiatives. However, numerous studies in the field of organizational behavior show that intangible factors can have an equally powerful impact on motivation as monetary incentives [1].

The purpose of this article is to conduct a scientific and analytical study of non-material motivation methods that can be implemented without significant financial investment, as well as to substantiate their effectiveness and describe the mechanisms for their practical application in organizations of various sizes.

Motivation is a combination of internal and external factors that motivate a person to act in a certain way, direct their efforts toward achieving goals, and maintain the required level of activity. Management theory distinguishes two key types of motivation.

Extrinsic motivation – based on external incentives: monetary compensation, bonuses, premiums, and other material rewards.

Intrinsic motivation – formed through personal interest, meaning in work, satisfaction with the process, and opportunities for development.

Modern motivation models (Maslow, Herzberg, Deci, and Ryan) emphasize that intrinsic motivation is more stable, long-term, and less dependent on financial costs. This is why companies strive to develop non-material forms of employee incentives.

Non-material motivation is based on human psychological needs: the need for recognition, belonging, self-actualization, respect, and autonomy. These needs cannot be fully satisfied by monetary incentives. They require systematic improvements in the organizational environment [2].

It is important to note that employees motivated by intrinsic factors demonstrate higher levels of initiative, responsibility, innovation, and stress resilience. Thus, for managers, non-material motivation becomes a strategic tool for improving organizational performance.

Recognition of performance is one of the most accessible and effective motivational tools. This can manifest itself in various forms: public mention of achievements at meetings; letters of thanks and messages; "Employee of the Week/Month" systems; managerial comments on specific employee successes.

The psychological effect of recognition is to satisfy the need for esteem, which helps strengthen intrinsic motivation and foster a positive attitude toward work.

Self-realization and skill development are important drivers of motivation. Even with a limited budget, an organization can provide employee development through: internal training sessions conducted by company specialists; cross-departmental experience sharing; access to a corporate knowledge base; participation in free webinars and business games; mentoring and coaching.

Development increases employee confidence, reduces turnover, and promotes long-term engagement.

Autonomy — the ability to make independent decisions within one's professional life — is a core component of intrinsic motivation.

Practical ways to increase managerial trust: let employees choose task order, offer flexible schedules, involve them in decisions, and delegate by competency.

Such autonomy raises productivity and creativity, improves engagement and retention, and accelerates problem-solving. Measure impact via output per person, engagement scores, retention rates and number of employee-initiated improvements.

Important caveat: autonomy needs clear goals, feedback and guardrails to ensure alignment with team and company objectives [3].

Organizational climate is essential for motivation. Low levels of conflict, support from colleagues, and fair treatment from management create a favorable work environment. Effective tools can include: regular team meetings; discussion of work processes with the participation of all employees; openness from management; transparency of goals and expectations.

Even minimal changes in communication can significantly increase engagement.

These measures include inexpensive but psychologically significant gestures: congratulations on personal milestones; providing extra time off; a comfortable work environment (cleanliness, comfortable furniture, access to coffee/water).

Such actions enhance the sense of team membership and increase job satisfaction.

Before implementing changes, managers must determine what factors motivate a specific team. This can be done through: anonymous surveys; interviews; analyzing the causes of turnover; monitoring work processes.

Assessment allows for the selection of the most effective methods.

Based on the assessment, a plan for implementing intangible motivational tools is developed. It should include: goals; a list of measures; implementation deadlines; responsible persons [4].

A pilot launch is essential, allowing methods to be tested on a small group of employees.

After implementation, it is necessary to evaluate the results using: performance metric analysis; follow-up surveys; engagement monitoring; employee turnover analysis.

Evaluation allows for adjustments to the motivation program and adaptation to changing conditions.

The benefits of non-monetary motivation for an organization include: using low-cost methods to reduce employee turnover, increase productivity, improve communication, foster innovation and initiative, and enhance overall job satisfaction. Non-monetary motivation is a sustainable tool that creates long-term value and helps maintain competitiveness.

It also strengthens the employer brand, retains key talent and lowers recruitment costs. Practical measures — recognition, meaningful work, autonomy, career development, flexible schedules and psychological safety — amplify these effects. Their impact can be measured by engagement scores, retention rates, internal promotion ratios and productivity indicators, making non-material motivation both effective and trackable.

Motivating employees without significant financial investment is not just an option, but a strategic necessity for modern organizations. Non-financial motivation methods based on recognition, trust, development, autonomy, and improved communication have a profound impact on employee behavior and increase their engagement [5].

The key to success is consistency: isolated, one-off initiatives rarely produce a noticeable effect. Only consistent and thoughtful efforts to improve the organizational climate and strengthen internal incentives can lead to sustainable growth in performance.

Therefore, managing motivation without significant investment is an important area of managerial activity and can be implemented in any company with the right goals and the use of available non-financial tools.

References

1. Cameron J., Pierce W. D. Rewards and Intrinsic Motivation: Resolving the Controversy. – Westport : Bergin & Garvey, 2002. – 209 p.
2. Deci E. L., Ryan R. M. The «What» and «Why» of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior // Psychological Inquiry. – 2000. – Vol. 11, № 4. – P. 227–268.
3. Herzberg F., Mausner B., Snyderman B. B. The Motivation to Work. – 2nd ed. – New York : John Wiley & Sons, 1959. – 157 p.
4. Maslow A. H. A Theory of Human Motivation // Psychological Review. – 1943. – Vol. 50, № 4. – P. 370–396.
5. Meyer J. P., Allen N. J. A Three-Component Conceptualization of Organizational Commitment // Human Resource Management Review. – 1991. – Vol. 1, № 1. – P. 61–89.

© Володарская Е.Б., Брянцев А.Д., Халилов А.Ю.

МАРКЕТИНГОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИЕЙ РЕГИОНА

Грачева Ирина Викторовна
магистрант 3 курса
Научный руководитель: **Чимитдоржиев Жан Жанович**
к.м.н., доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации -
Дальневосточный институт управления»

Аннотация: Для необходимости реализации национальных программ развития управление деловой репутацией субъекта РФ становится важным элементом в борьбе за инвестиции, как от федерального центра, так и от предпринимателей. Целью исследования является анализ роли и эффективности маркетинговых коммуникаций как инструмента формирования и продвижения деловой репутации региона на примере Хабаровского края. В работе применяются методы сравнительного анализа (на основе данных Национального рейтинга инвестиционного климата «Агентства стратегических инициатив»), контент-анализа коммуникационных активностей края и аналитики поисковых запросов (Яндекс.Вордстат). Результаты исследования выявили противоречие между относительно высоким формальным рейтингом края (одиннадцатое место в Российской Федерации, данные 2023 года) и низким уровнем спонтанного интереса целевой аудитории к его инвестиционному потенциалу. Установлено, что существующий комплекс маркетинговых коммуникаций носит преимущественно информационный характер и недостаточно ориентирован на активное привлечение инвесторов. На основе проведенного анализа предложены практические рекомендации по оптимизации digital-стратегии, включающие использование баннерной рекламы на высокопосещаемых региональных интернет-ресурсах, сотрудничество с альтернативными медиа и проведение системного медиамониторинга для управления репутационными рисками. Выводы статьи могут быть использованы органами власти регионов для повышения эффективности коммуникационной политики в целях улучшения инвестиционной привлекательности.

Ключевые слова: деловая репутация региона, территориальный маркетинг, маркетинговые коммуникации, инвестиционная привлекательность, Хабаровский край, цифровые коммуникации, репутационный менеджмент.

MARKETING COMMUNICATIONS IN REGIONAL BUSINESS REPUTATION MANAGEMENT

Gracheva Irina Viktorovna
Scientific adviser: **Chimitdorzhiev Zhan Zhanovich**

Abstract: To implement national development programs, managing the business reputation of a Russian region is becoming an important element in the competition for investment, both from the federal center and from entrepreneurs. The aim of this study is to analyze the role and effectiveness of marketing communications as a tool for building and promoting a region's business reputation, using Khabarovsk Krai as an example. The study utilizes comparative analysis (based on data from the National Investment Climate Rating of the Agency for Strategic Initiatives), content analysis of the region's communication activities, and search query analytics (Yandex.Wordstat). The study's results reveal a discrepancy between the region's relatively high formal ranking (eleventh place in the Russian Federation, 2023 data) and the low level of spontaneous interest in its investment potential among the target audience. It was established that the existing marketing communications mix is primarily informational in nature and insufficiently focused on actively attracting investors. Based on the analysis, practical recommendations for optimizing digital strategies are proposed, including the use of banner advertising on highly trafficked regional online resources, collaboration with alternative media, and systematic media monitoring to manage reputational risks. The article's findings can be used by regional authorities to improve the effectiveness of communications policies and enhance investment attractiveness.

Key words: regional business reputation, territorial marketing, marketing communications, investment attractiveness, Khabarovsk Krai, digital communications, reputation management.

Глобальные геополитические сдвиги и трансформация мирохозяйственных связей актуализируют для России задачу сохранения и наращивания инвестиционной активности как основы экономического роста. В этой борьбе за ограниченные капиталы конкурентное преимущество получают регионы, способные не только формировать благоприятные институциональные условия, но и эффективно транслировать свой потенциал вовне. Таким образом, деловая репутация региона, понимаемая как совокупное мнение целевых аудиторий (инвесторов, предпринимателей, жителей региона, жителей других регионов РФ и стран) о его социально-экономических перспективах и надежности, превращается в стратегический нематериальный актив.

Немаловажным инструментом управления этим активом выступают маркетинговые коммуникации, задача которых – это целенаправленное информирование, позиционирование и формирование устойчивых положительных ассоциаций. В отличие от корпоративного сектора, где инструментарий репутационного менеджмента хорошо изучен, его адаптация к региональному уровню требует учета специфики публичного управления и многоаспектности «продукта», которым для нас является территория.

Теоретические основы территориального маркетинга и конкурентоспособности регионов заложены в работах Ф. Котлера, А. Панкрухина, С. Анхольта, а вопросы инвестиционного климата исследованы А. Гранбергом, Е. Бухвальдом и др. Однако научная проблема заключается в недостаточной проработке практических механизмов интеграции маркетинговых коммуникаций в систему управления деловой репутацией российских регионов, особенно в контексте цифровой трансформации медиапотребления.

Целью данной статьи является оценка эффективности комплекса маркетинговых коммуникаций в управлении деловой репутацией региона и разработка практических рекомендаций по его оптимизации на примере Хабаровского края. Для достижения цели решались следующие задачи: синтез теоретических подходов к понятию деловой репутации региона; анализ позиции Хабаровского края в национальных рейтингах; оценка существующих коммуникационных практик края; выявление проблемные зоны на основе анализа запросов в сети интернет; предложение мер по повышению результативности коммуникационной стратегии.

Деловая репутация в контексте региона представляет собой синтетическую категорию, интегрирующую экономические, социальные и имиджевые компоненты. Если в корпоративном управлении гудвилл имеет стоимостную оценку, то репутация региона – это, прежде всего, социально-психологическая конструкция, основанная на восприятии (Абрамов, 2004; Панкрухин, 2006). Её формирование подвержено влиянию исторических, географических и политических факторов, что требует от управления повышенного внимания к субъективной составляющей.

В условиях межрегиональной конкуренции территории вынуждены применять инструменты маркетинга для продвижения своих уникальных преимуществ (Котлер, Асплунд, Рейн, Хайдер, 2005).

Комплекс маркетинговых коммуникаций (МК) для региона может включать:

- Рекламу и паблисити: подведомственные органам государственной власти СМИ, аккаунты первых лиц в соцсетях, информационное сопровождение в независимых медиа.
- Стимулирование сбыта (продвижение): участие в федеральных и международных экономических форумах (например, Восточный экономический форум и Петербургский международный экономический форум), отраслевые выставки (например, «Сделано в Хабаровском крае»).
- Личные продажи: прямые встречи руководства региона с представителями бизнес-сообществ.
- Связи с общественностью (PR): системная работа по построению диалога с жителями и бизнесом через Центры управления регионов, общественные приемные, атласы проблемных объектов.

Эффективное управление деловой репутацией посредством МК представляет собой циклический процесс, включающий этапы: анализ текущего состояния и целевых аудиторий → разработка стратегии позиционирования → реализация комплекса коммуникаций → мониторинг обратной связи и оценка эффективности → корректировка стратегии.

Проанализируем позиционирование и коммуникационную активность Хабаровского края. Объективным индикатором деловой репутации может служить Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата Агентства стратегических инициатив (АСИ). Хабаровский край в 2023 году занял одиннадцатое место среди всех субъектов Российской Федерации и второе среди регионов Дальневосточного федерального округа, уступив

только Сахалинской области. Это свидетельствует о наличии относительно благоприятных институциональных условий. В каталог лучших практик АСИ включено 26 проектов края. Регион обладает 58 свободными инвестиционными площадками, информация о которых потенциально является ключевым содержательным элементом коммуникаций. Анализ существующего комплекса МК показывает, что в крае задействован широкий спектр инструментов:

1. Event-маркетинг: активное участие в Восточном экономическом форуме с презентацией промышленного и туристического потенциала.

2. Цифровые коммуникации: ведение официальных аккаунтов губернатора и правительства в социальных сетях («ОК», «ВКонтакте», Telegram, MAX).

3. Традиционные СМИ: работа подведомственных телеканала «Губерния» и газеты «Тихоокеанская звезда».

4. Туристический брендинг: наряду с геральдикой разработан слоган «Хабаровский край – родина китов и самолетов», маскот Китолёт, проводится ежегодно Всероссийский туристический форум «Открой Дальний Восток», запускаются конкурсы на представление лучших локальных туристических маршрутов.

5. Инструменты работы с обратной связью: функционирование Центров управления регионом (ЦУР) и Атласа проблемных объектов (около 9000 обращений, atlas27.ru), что позволяет работать с «клиентским опытом» жителей, инвесторов, предпринимателей, внутренних туристов. Улучшение клиентского опыта повышает лояльность аудитории, укрепляет деловую репутацию, так как деловая репутация – это конкретные дела, о которых нужно рассказывать во внешней среде, повышая охват информацией.

Коммуникационная инфраструктура соответствует современным требованиям.

Критическую оценку эффективности МК позволяет дать анализ поисковых запросов (Яндекс.Вордстат, данные за август-сентябрь 2024 г.). Выявлены следующие диспропорции:

1. Низкий инвестиционный интерес. Запрос «Инвестиции Хабаровский край» вводился в среднем 16 раз в месяц за год. В августе 2024 года он был сделан лишь 92 раза, что в 50 раз меньше, чем запросы, связанные с органами

власти края (губернатор, правительство и т.д.).

2. Высокая конкуренция в поиске. Посещаемость сайта «Агентство привлечения инвестиций и развития инноваций Хабаровского края» оценивается как низкая, что затрудняет получение органического трафика без дополнительных усилий.

3. Неэффективное использование трафика. Основной трафик по запросу «Хабаровский край» генерируют коммерческие площадки Avito и Drom, а не официальные инвестиционные или информационные ресурсы органов государственной власти. Это указывает на упущенную возможность таргетирования рекламы на целевую аудиторию.

Таким образом, ключевая проблема заключается в коммуникационном разрыве: при наличии развитой инфраструктуры и контента информация об инвестиционных возможностях не находит своего адресата. Коммуникации носят пассивно-информационный характер и не стимулируют спрос со стороны инвесторов.

Для преодоления выявленного разрыва предлагается сфокусироваться на digital-оптимизации и повышении активности.

Кросс-промо на высокопосещаемых ресурсах – размещение таргетированной баннерной рекламы инвестиционного портала на популярных региональных сайтах, включая Avito и Drom, с креативом, ведущим на лендинг с конкретными предложениями.

Размещение на главном портале края (который имеет высокий трафик) «вирусных» материалов и статей об успешных инвестиционных кейсах с прямой ссылкой на профильный ресурс Агентства привлечения инвестиций и развития инноваций Хабаровского края.

Расширение медиа-партнерства и системное сотрудничество не только с официальными, но и с альтернативными медиа, блогерами и экспертами для увеличения охвата и доверия аудитории.

Внедрение системы медиамониторинга типа «Медиалогия» или «Скан-Интерфакс» для: а) выявления репутационных рисков и оперативного реагирования; б) анализа успешных коммуникационных практик регионов-лидеров рейтинга АСИ (ТОП-5) с целью их адаптации.

Активизация «личных продаж» через организацию не только встреч, но и регулярных онлайн-презентаций (вебинаров) для представителей бизнеса из других регионов с участием первых лиц и успешных инвесторов.

Проведенное исследование подтвердило гипотезу о наличии существенного потенциала для повышения эффективности управления деловой репутацией региона через оптимизацию маркетинговых коммуникаций. На примере Хабаровского края показано, что формально выстроенная коммуникационная инфраструктура не гарантирует достижения стратегических целей по привлечению инвестиций из-за пассивной модели работы с аудиторией.

Деловая репутация региона – это управляемый актив, эффективность работы с которым напрямую зависит от способности коммуникаций генерировать активный интерес, а не просто информировать.

Анализ цифрового следа, поисковых запросов, является необходимым инструментом для диагностики разрыва между предлагаемым контентом и реальным спросом целевых групп.

Стратегия МК должна смещаться в сторону активного привлечения и вовлечения.

Для устойчивого результата необходим системный репутационный менеджмент, включающий постоянный мониторинг медиаполя, анализ лучших практик и быструю адаптацию стратегии.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на сравнительный анализ эффективности конкретных digital-инструментов в региональном репутационном менеджменте.

Список литературы

1. Chibuike R. Corporate Reputation & Firm Performance: Empirical Literature Evidence / R. Chibuike // International Journal of Business and Management. April. – 2011. – № 4.

2. Абрамов В.Л. Управление конкурентоспособностью экономических систем // Маркетинг. 2004. – 296 с.

3. Дойль П. Маркетинг, ориентированный на стоимость. СПб.: Питер, 2008. – 480 с.

4. Маркетинг мест: привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы / Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. – 384 с.

5. Панкрухин А.П. Маркетинг территорий. 2-е изд. - СПб.: Питер, 2006. – 416 с.

6. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации [Электронный ресурс] // Агентство стратегических инициатив. – URL: https://asi.ru/rating/ (дата обращения 01.10.2024).

7. Инвестиционный портал Хабаровского края [Электронный ресурс]. – URL: https://invest.khabkrai.ru/ (дата обращения 01.10.2024).

© Грачева И.В.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ОПЕРАЦИОННЫХ РИСКОВ В ЦЕПОЧКЕ РЕАЛИЗАЦИИ ТУРИСТСКОГО ПРОДУКТА И СПОСОБЫ ИХ МИНИМИЗАЦИИ

Мицкая Валерия Игоревна
магистрант 3 курса
Научный руководитель: **Мазанкова Татьяна Васильевна**
к.э.н., доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации – Дальневосточный институт управления»

Аннотация: Статья посвящена разработке комплексной модели идентификации и анализа операционных рисков, присущих каждому звену цепочки реализации туристского продукта. В работе выделены ключевые риски, предложены методы их количественной и качественной оценки, а также сформулированы практические рекомендации по минимизации рисков.

Ключевые слова: операционный риск, риск-менеджмент, туристский продукт, бизнес-процессы, турагентство.

MODELING OPERATIONAL RISKS IN THE TOURISM PRODUCT SUPPLY CHAIN AND WAYS TO MINIMIZE THEM

Mitskaya Valeria Igorevna
Scientific supervisor: **Mazankova Tatyana Vasilievna**

Abstract: The article is devoted to the development of a comprehensive model for the identification and analysis of operational risks inherent in each link in the chain of sales of a tourist product. The paper highlights key risks, suggests methods for their quantitative and qualitative assessment, and provides practical recommendations for minimizing risks.

Key words: operational risk, risk management, travel product, business processes, travel agency.

Особенность управления операционными рисками в туризме заключается в их рассредоточении по длинной и сложной цепочке формирования и реализации турпродукта, значительная часть которой контролируется контрагентами извне (авиакомпании, отели, страховые, транспортные компании, визовые центры, консульства), а не только внутренними процессами в фирме. Классические методы управления, сфокусированные на внутренних процессах компании, оказываются недостаточными.

Операционные риски – риски убытков вследствие неадекватных или ошибочных внутренних процессов, действий персонала и систем, либо внешних событий – представляют собой основную угрозу стабильности и прибыльности деятельности туроператора [1]. В отличие от стратегических или рыночных рисков, они заложены в самой повседневной работе компании. Их игнорирование ведет не только к прямым финансовым потерям (штрафы, компенсации, судебные издержки), но и к необратимому репутационному ущербу, подрыву доверия клиентов и партнеров.

Целью статьи является описание бизнес-процессов реализации турпродукта и идентификация рисков на каждом этапе, предложены методы их количественной и качественной оценки, предложен практический инструментарий для системного управления операционными рисками.

Цепочка реализации турпродукта может быть представлена в виде четырех ключевых стадий (табл. 1), каждая из которых содержит точки повышенного риска.

Таблица 1

Ключевые стадии реализации турпродукта

Этап 1: Подбор, консультирование, продажа	
Процессы:	Маркетинг, формирование подборок с вариантами, экспертный анализ в соответствии с запросом туриста, согласование выбранного варианта, заключение договора, прием оплаты.
Риски	- риск предоставления неверной информации: ошибка менеджера в описании услуги (отель, питание, трансфер, перелет), неверное указание дат, что ведет к претензиям и репутационным потерям; - риск скачков стоимости турпродукта/ сбоя в оплате: стоимость может резко вырасти в зависимости от спроса, колебаний курса валют и т.д., что может привести к срыву брони. технический сбой платежных систем, ошибка в реквизитах, мошенничество; - риски правового/юридического характера: ошибки в договоре, отсутствие подписанных доп. соглашений, что снижает правовую защиту компании в споре.

Продолжение таблицы 1

Этап 2: Бронирование турпродукта	
Процессы:	Бронирование авиаперелетов, отелей, экскурсий, трансферов, оформление страховки, оформление виз (при необходимости)
Риски	- риск ненадежности контрагента: односторонний отказ от подтвержденного бронирования, несоответствие заявленной категории отеля реальности; - визовый риск: задержка оформления визы / отказ консульства в выдаче; - логистические риски: отмена или перенос рейса, потеря багажа и т.д. - страховые риски: неверно подобранный страховой продукт, не покрывающий реальный случай, или отказ страховой компании в выплате; - риск некорректной выдачи документов в путешествие.
Этап 3: Сопровождение во время поездки	
Процессы	Встреча принимающей компанией/проводы, работа представителя принимающей компании/отелей, решение непредвиденных проблем.
Риски	- риск некачественного сервиса на месте: некомпетентность гида/представителя, конфликт с принимающей стороной; - риск неполноценного предоставления забронированных услуг (принудительное понижение категории номера); - риск форс-мажора: внезапная болезнь или травма туриста, стихийное бедствие, политические волнения в стране пребывания.
Этап 4: Завершение поездки и постпродажное обслуживание	
Процессы	Обратная связь от клиента, урегулирование спорных ситуаций.
Риски	- репутационный риск: неправильная или несвоевременная реакция на жалобу клиента, эскалация конфликта в социальных сетях и на агрегаторах отзывов; - финансовый риск: необоснованные выплаты компенсаций.

Источник: составлено автором

Для управления выявленными рисками необходимо оценить их значимость. Предлагается использовать матрицу вероятности и последствий (матрицу рисков) для каждого этапа.

1. Качественная оценка: экспертным путем (руководители отделов, опытные менеджеры) каждому риску присваивается балл по шкалам:

– вероятность (P): 1 – очень низкая, 2 – низкая, 3 – средняя, 4 – высокая, 5 – очень высокая;

– влияние (I): 1 – незначительное (мин. финансовые потери), 5 – катастрофическое (крупные убытки, остановка деятельности, репутационный крах);

– уровень риска (R) = P x I. Риски с R > 10 требуют немедленных корректирующих действий;

2. Количественная оценка (где возможно): для ключевых рисков (например, риск отмены рейса) можно рассчитать ожидаемые финансовые

потери (Expected Loss, EL) по формуле: EL = Вероятность события (PE) x Сумма возможного убытка (LGE). Данные для PE можно брать из внутренней статистики инцидентов или отраслевых отчетов.

3. Моделирование сценариев для рисков с высоким уровнем R (например, кибератака) разрабатываются детальные сценарии развития событий и планы действий в чрезвычайной ситуации (Incident Response Plan), что соответствует принципам процессного управления [4].

Минимизация рисков требует интеграции управленческих, технологических и договорных инструментов в единую систему [2]. Автором предлагаются следующие превентивные меры:

1. Стандартизация и контроль внутренних процессов:

– внедрение регламентов и чек-листов для каждого этапа работы менеджера (продажа, бронирование, подготовка документов);

– система двойного контроля для ключевых операций: подтверждение реквизитов платежа, сверка данных в заявках;

– регулярные тренинги персонала не только по продажам, но и по юридическим аспектам, действиям в форс-мажорных ситуациях, сервису [3].

2. Управление рисками в цепочке поставок (контрагенты):

– разработка и актуализация реестра надежных контрагентов;

– жесткие договорные условия;

– диверсификация поставщиков по каждому направлению для снижения зависимости от одного партнера.

3. Внедрение технологических решений:

– CRM-система с интегрированным модулем риск-менеджмента, где риски отмечаются и отслеживаются в карточке клиента/заявки;

– автоматизация документооборота: генерация договоров и уведомлений на основе шаблонов, исключающая «ручные» ошибки;

– система мониторинга цифровой репутации для быстрого выявления и реакции на негативные отзывы;

– резервное копирование данных и защита от кибератак.

4. Финансовые и страховые инструменты

– создание резервного фонда для оперативного урегулирования непредвиденных ситуаций с клиентами;

– прозрачная и справедливая политика компенсаций, основанная на детальной документации каждого инцидента.

Таким образом, цель работы выполнена: предложенная модель дает руководителю турагентства наглядный инструмент для приоритезации угроз и концентрации ресурсов на наиболее уязвимых участках работы. Ключ к минимизации рисков лежит не в их полном устранении (что в турбизнесе невозможно), а в создании системы, способной поглощать удары без критического ущерба для бизнеса. Внедрение подобной системы является инвестицией в устойчивость, доверие и спокойствие туристов, достойную репутацию и, в конечном итоге, в рыночную стоимость компании.

Список литературы

1. ГОСТ Р ИСО 31000-2019 «Менеджмент риска. Принципы и руководство».

2. Иванова Л.М. Операционные риски в сфере услуг: особенности идентификации и управления // Экономика и предпринимательство. – 2021. – № 12 (137). – С. 987-991.

3. Каплан Р.С., Нортон Д.П. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. – М.: Олимп-Бизнес, 2014.

4. Петров С.А. Совершенствование бизнес-процессов туроператора на основе риск-ориентированного подхода // Сервис в России и за рубежом. – 2022. – Т. 16, № 1. – С. 156-168.

5. Портер М. Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. – М.: Альпина Паблишер, 2020.

© Мицкая В.И.

ВНЕШНИЕ РИСКИ В УПРАВЛЕНИИ ПРЕДПРИЯТИЕМ: ПУТИ И МЕТОДЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ

Алексеев Данил Дмитриевич
студент
Сибирский институт управления филиал – РАНХиГС
Научный руководитель: **Казанцев Юрий Юрьевич**
к.э.н., доцент
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС

Аннотация: В статье рассмотрены внешние риски в управлении предприятием, включая геополитические, экономические и рыночные угрозы, актуальные для 2025 года. Проанализированы методы их локализации, такие как сценарное планирование, диверсификация и создание дочерних структур. Предложены практические рекомендации по минимизации рисков для российских компаний в условиях неопределенности.

Ключевые слова: внешние риски, управление предприятием, локализация рисков, риск-менеджмент, диверсификация, сценарное планирование.

EXTERNAL RISKS IN ENTERPRISE MANAGEMENT: WAYS AND METHODS OF LOCALIZATION

Alekseev Danil Dmitrievich
Scientific adviser: **Kazantsev Yuri Yurievich**

Abstract: The article examines external risks in enterprise management, including geopolitical, economic, and market threats relevant for 2025. Methods of their localization, such as scenario planning, diversification, and creation of subsidiary structures, are analyzed. Practical recommendations for minimizing risks for Russian companies in conditions of uncertainty are proposed.

Key words: external risks, enterprise management, risk localization, risk management, diversification, scenario planning.

В условиях глобальной нестабильности 2025 года внешние риски представляют значительную угрозу для устойчивости предприятий, включая изменения в геополитической обстановке, волатильность валютных курсов и санкционные ограничения. Эти риски возникают за пределами контроля организации и влияют на операционную деятельность, инвестиции и финансовое планирование. По данным исследований, российские компании активно адаптируются, переходя к сценарному подходу и локализации поставок.

Классификация внешних рисков

Внешние риски классифицируются по сферам проявления: валютные, кредитные, транспортные и страновые, особенно актуальные для внешнеэкономической деятельности. В 2025 году ключевыми угрозами стали киберриски и геополитические кризисы, требующие оперативного реагирования. Для промышленных предприятий преобладают рыночные колебания и изменения в регуляторной среде. Внешние риски группируются по типам: макроэкономические (инфляция >10%, девальвация рубля), политические (санкции, эмбарго), рыночные (падение спроса на 15-25%) и технологические (кибератаки с ущербом до 5% выручки). Оценка использует матрицу вероятность-убытки и коэффициент риска ($R = P \times I$, где P – вероятность, I – воздействие). В 2025 году средний коэффициент внешних рисков для промышленности РФ составил 0,65-0,85.

Таблица 1

Основные внешние риски для предприятий в 2025 году

Вид риска	Характеристика	Примеры воздействия
Геополитические	Санкции, конфликты	Ограничение экспорта
Экономические	Инфляция, валютные колебания	Рост затрат на импорт
Рыночные	Изменение спроса, конкуренция	Снижение выручки
Киберриски	Утечки данных, атаки	Финансовые потери

Таблица демонстрирует необходимость комплексного анализа для локализации угроз (табл. 1).

Методы локализации внешних рисков

Локализация рисков предполагает ограничение их воздействия через создание дочерних предприятий с обособленным балансом и поиск партнеров

для совместных проектов. Ключевые методы: 1) избежание (диверсификация рынков >3 направлений); 2) снижение (хеджирование 70% валютных позиций); 3) передача (страхование 80% активов); 4) принятие с резервами (10-15% EBITDA). Сценарное планирование разрабатывает базовый, пессимистичный и оптимистичный сценарии с вероятностями 60%, 25%, 15% соответственно. Создание локальных дочерних структур в ЕАЭС снижает страновые риски на 40-50%. Диверсификация поставок и рынков сбыта снижает зависимость от внешних факторов, а сценарное планирование позволяет моделировать бюджеты на основе стресс-тестов. Автоматизация анализа данных усиливает прогнозирование, минимизируя операционные потери. Основные методы включают избежание (выход с рынка), снижение (диверсификация поставщиков), передачу (страхование, хеджирование) и принятие с резервами. Сценарное планирование моделирует 3-5 сценариев с вероятностями, позволяя корректировать стратегии. Создание дочерних компаний в дружественных юрисдикциях локализует валютные риски.

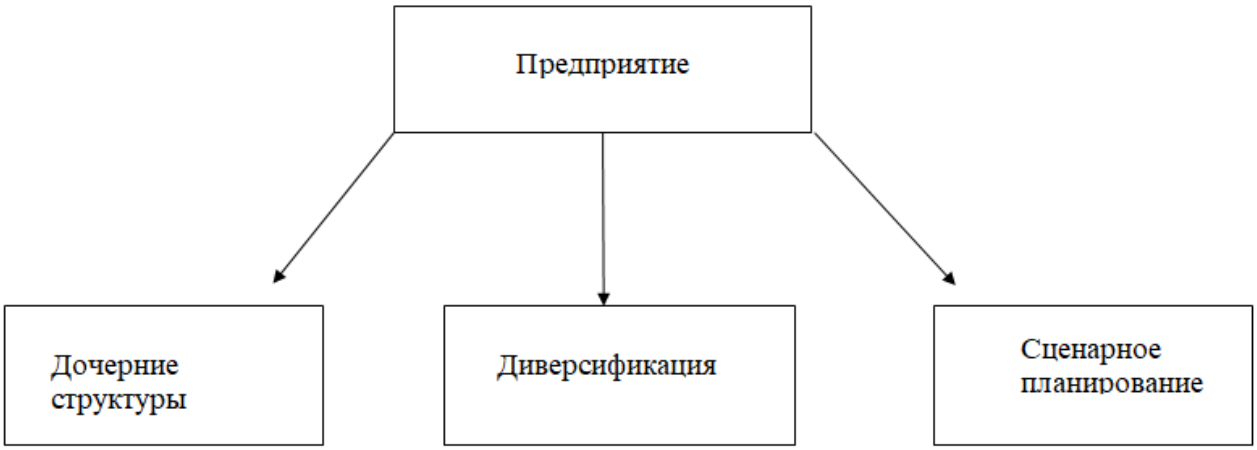

Рис. 1. Модель локализации внешних рисков

Методы включают также компенсацию через страхование и быструю окупаемость инвестиций. Внедрение COSO-методологии с элементами SWOT-анализа обеспечивает контроль и мониторинг. COSO-рамки интегрируют риски в корпоративное управление, повышая эффективность на 25-30%

Кейсы и эмпирические данные

Пример: нефтяная компания “R” локализовала санкционные риски через СП с Китаем и Индией, увеличив экспорт на 25% в 2024-2025 гг. В ритейле

компания “G” применила диверсификацию поставок, сократив дефицит на 35%. Стресс-тестирование в Сбербанке моделировало сценарии рецессии, скорректировав резервы на 18%.

Таблица 2

Эффективность методов локализации (кейсы 2025 г.)

Метод	Кейс	Снижение рисков (%)
Диверсификация	Компания «G»	35
Хеджирование	Компания «Z»	45
Дочерние структуры	Компания «R»	50
Цифровизация	Компания «C»	28

Кейсы подтверждают практическую ценность методов (табл. 2).

Практические рекомендации

Для российских предприятий рекомендуется ориентация на локализацию производства и использование российских технологий в 2025 году. Необходимо интегрировать риск-менеджмент в стратегическое планирование с регулярным стресс-тестированием. Ожидается рост роли цифровизации для оперативного реагирования на угрозы. Рекомендуется разработать риск-политику с ежегодным аудитом и KPI для менеджеров. Интеграция AI для прогнозирования рисков сократит реакцию до 24 часов. Для студентов и молодых специалистов полезно моделировать риски в Excel с Monte-Carlo симуляцией. Внедрение позволит предприятиям повысить устойчивость на 40% в условиях 2025 года.

Список литературы

1. Как российские компании будут работать с внешними рисками в 2025 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://planning.korusconsulting.ru/news/kak-rossiiskie-kompanii-budut-rabotat-s-vneshnimi-riskami-v-2025-godu (дата обращения 09.12.2025).

2. Список методов управления рисками [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://gorexpert.ru/articles/upravlenija-riskami/ (дата обращения 09.12.2025).

3. УДК 332.025 Управление рисками при внешнеэкономической деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://rep.bstu.by/bitstream/handle/data/45722/21-26.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения 09.12.2025).

4. Методы управления рисками на предприятиях в современных реалиях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://progressive-economy.ru/wp-content/uploads/2024/06/metody-upravleniya-riskami.pdf (дата обращения 09.12.2025).

© Алексеев Д.Д.

ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА PIXAR КАК ИННОВАЦИОННОЙ И КРЕАТИВНОЙ КОМПАНИИ: РОЛЬ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Ахметова Алиса Руслановна
студент
Научный руководитель: **Овчинников Александр Викторович**
к.и.н., доцент
ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет»

Аннотация: Рассматривается роль маркетинговых коммуникаций на примере формирования имиджа Pixar как инновационной и креативной компании. Выделяется значимость сильного имиджа в условиях современной среды, а соответственно и роль маркетинговых коммуникаций в его создании и поддержании. Pixar, как студия, известная инновационными и креативными анимационными фильмами, демонстрирует прогрессивное сочетание перечисленных факторов для формирования уникального и запоминающегося впечатления о компании. Исследование будет посвящено анализу понятия и сущности имиджа, рассмотрению различных подходов к его определению, а также изучению маркетинговых коммуникаций, используемых Pixar.

Ключевые слова: Pixar Animation Studios, маркетинговые коммуникации, формирование имиджа, бренд-менеджмент, инновационность, креативность, эмоциональная глубина, анимационная индустрия, целевая аудитория, контент-маркетинг, социальная ответственность, визуальный стиль.

THE FORMATION OF PIXAR'S IMAGE AS AN INNOVATIVE AND CREATIVE COMPANY: THE ROLE OF MARKETING COMMUNICATIONS

Akhmetova Alisa Ruslanovna
Scientific adviser: **Ovchinnikov Alexander Viktorovich**

Abstract: This article examines the role of marketing communications in shaping Pixar's image as an innovative and creative company. It emphasizes the importance of a strong image in today's competitive environment, as well as the role of marketing communications in its creation and maintenance. Pixar, a studio renowned for its innovative and creative animated films, demonstrates an effective combination of these factors to create a unique and memorable impression of the company. The research will be devoted to analyzing the concept and essence of image, exploring various approaches to its definition, and studying the marketing communications employed by Pixar.

Key words: Pixar Animation Studios, marketing communications, image formation, brand management, innovation, creativity, emotional depth, animation industry, target audience, content marketing, social responsibility, visual style.

Введение

В современном конкурентном мире нельзя переоценить важность сильного корпоративного имиджа. Совокупность восприятий, ассоциаций и эмоций, вызываемых брендом, имеет первостепенное значение для успеха во всех отраслях. Данное исследование подчеркивает значимость формирования имиджа, особенно в контексте Pixar Animation Studios. Pixar, как известная американская студия компьютерной анимации, прославившаяся своими получившими признание критиков и коммерчески успешными анимационными фильмами, представляет собой хороший пример для изучения. Сочетание инновационных идей и креативного исполнения позволяет студии создать уникальное и запоминающееся впечатление. А растущая значимость маркетинговых коммуникаций в формировании и поддержании желаемого корпоративного имиджа делает Pixar особенно актуальным объектом для изучения в современном мире. Данная работа будет исследовать понятие и сущность имиджа, различные подходы к определению имиджа компании, маркетинговые коммуникации Pixar.

1. Теоретические основы формирования имиджа компании

1. Понятие и сущность имиджа компании:

Корпоративный имидж представляет собой восприятие компании различными группами людей, такими как клиенты, инвесторы и сотрудники. Он охватывает ассоциации и впечатления, которые возникают у людей при упоминании определенного бренда [1]. Например, имидж Coca-Cola основан на концепции праздника, где любой человек может почувствовать себя

счастливым. Благодаря четко определенному имиджу, Coca-Cola лидирует в отрасли по брендингу и продажам продуктов, потому что они нравятся своей аудитории, оставляют неизгладимое впечатление и дарят праздничное настроение.

Термин «имидж» появился в начале XX века в США. В то время в стране происходил экономический спад, наблюдался дискомфорт в обществе, образ страны был резко негативным, и это мешало продвижению бизнеса на международной арене. Первым «имиджмейкерам» была поставлена задача – создать положительный имидж страны, продвинуть его для того, чтобы завоевать мировую культуру и стать стандартом во всём мире.

В научный оборот категория «имидж» была введена в 1960-х годах американским экономистом К. Боулдингом, который является основоположником нового направления в науке, исследующего имидж — имиджеведение.

В России понятие «имидж» широко вошло в практику в 90-е годы XX века. Появился спрос на профессиональное формирование имиджа со стороны артистов, спортсменов, политиков.

Содержание и механизмы классификации имиджа различны, но они связаны между собой. По отношению и к организации, и к индивиду можно говорить об имидже внешнем и внутреннем. Внешний имидж организации – это ее образ, представление о ней, формирующееся в окружающей ее среде, в сознании «контрагентов» этой организации – клиентов, потребителей, конкурентов, органов власти, средств массовой информации, общественности. Внешний имидж индивида складывается из различных форм его вербального, визуального, этического, эстетического выражения и поведения, а субъектами являются те люди, которые вступают с ним в прямой или опосредованный контакт.

Исследователи предлагают три подхода к классификации имиджа:

- функциональный, при котором выделяют разные его типы, исходя из различного функционирования имиджа;
- контекстный, при котором эти типы находятся в разных контекстах реализации;
- сопоставительный, при котором сравнивают близкие имиджи.

Ф. Джевкинз, сторонник функционального подхода, выделяет следующие типы имиджа:

- зеркальный – имидж, свойственный нашему представлению о себе;

- текущий – имидж, характерный для взгляда со стороны;
- желаемый – имидж, отражающий то, к чему мы стремимся;
- корпоративный – имидж организации в целом, а не отдельных ее подразделений или результатов работы;
- множественный – имидж, формирующийся при наличии ряда независимых структур вместо единой корпорации [2].

2. Анализ маркетинговых коммуникаций Pixar

Pixar Animation Studios – это не просто студия, создающая анимационные фильмы. Это бренд, олицетворяющий инновации, креативность и эмоциональную глубину. Успех Pixar обусловлен не только высоким качеством анимации и оригинальностью сюжетов, но и грамотной маркетинговой стратегии, направленной на создание прочной связи с аудиторией.

Начнем с того, что Pixar построил свой имидж на нескольких краеугольных камнях, которые отличают его от других анимационных студий:

1. Инновационность. Pixar был новатором в области компьютерной анимации, и это до сих пор формирует восприятие бренда. Компания постоянно внедряла новые технологии и методы, поднимая планку качества в индустрии.

2. Креативность. Оригинальные сюжеты, яркие персонажи и новаторский подход к рассказыванию историй – визитная карточка Pixar. Компания не боится экспериментировать и затрагивать сложные темы, делая свои фильмы интересными для зрителей всех возрастов.

3. Эмоциональность. Pixar умеет вызывать сильные эмоции у зрителей. Фильмы Pixar заставляют переживать, сочувствовать персонажам и задумываться над важными вопросами.

4. Высокое качество. Графика, сюжет, персонажи находятся – все это высокого качества, которое ассоциируется с брендом Pixar.

5. Социальная ответственность. В своих фильмах Pixar часто затрагивает важные социальные темы, такие как экология, толерантность, семейные ценности и самопознание.

Контент маркетинговых материалов Pixar тщательно продуман и направлен на создание эмоциональной связи с аудиторией. Pixar транслирует в своих маркетинговых коммуникациях сообщения о креативности, инновациях, эмоциональной глубине и высоком качестве своих фильмов. Компания подчеркивает важность семьи, дружбы и самопознания. Яркие

цвета, запоминающиеся персонажи, высокое качество анимации – все это создает уникальный визуальный стиль, который легко узнаваем и ассоциируется с брендом Pixar. Pixar умело использует юмор, трогательные моменты и вдохновляющие истории, чтобы вызвать сильные эмоции у зрителей. Маркетинговые материалы часто включают сцены из фильмов, демонстрирующие эмоциональную глубину и захватывающий сюжет [3].

Демографические характеристики: Аудитория Pixar включает в себя людей разного возраста, пола, образования и места проживания. Однако основная целевая аудитория – это семьи с детьми.

Интересы и предпочтения: Аудитория Pixar интересуется анимацией, кино, развлечениями, искусством и культурой. Они ценят креативность, инновации и эмоциональную глубину.

Уровень лояльности: Аудитория Pixar очень лояльна к бренду. Многие зрители с нетерпением ждут выхода новых фильмов Pixar и с удовольствием покупают продукцию с символикой Pixar.

Каналы получения информации: Аудитория Pixar получает информацию о фильмах и деятельности компании из разных источников, включая социальные сети, официальный сайт, рекламу, прессу и отзывы других зрителей.

Заключение

Pixar успешно использует маркетинговые коммуникации для создания сильного и узнаваемого бренда. Компания умело сочетает креативность, инновации и эмоциональную глубину в своих фильмах и маркетинговых материалах. Благодаря грамотной стратегии Pixar смог завоевать сердца миллионов зрителей по всему миру и занять лидирующие позиции в индустрии анимации. Дальнейший успех Pixar зависит от способности компании продолжать инновации, создавать оригинальные истории и поддерживать прочную связь со своей аудиторией, используя все доступные каналы и инструменты маркетинговых коммуникаций.

Список литературы

1. Чапаева М. В. Проектирование имиджа : учебное пособие. — Москва : Изд-во «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2013. – 139.

2. История Pixar (Документальный фильм). – Режиссер Лесли Айверкс США, 2007.

3. Postmypost.io : сайт для создания и публикации контента (дата обращения 24.11.2025).

© Ахметова А.Р.

БОРЬБА С ВЫГОРАНИЕМ СОТРУДНИКОВ: ЗАДАЧИ МЕНЕДЖМЕНТА И РОЛЬ ВНУТРЕННЕГО МАРКЕТИНГА

Калистратова Мира Евгеньевна
студент
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

Аннотация: В статье рассматривается профессиональное выгорание как результат управленческих ошибок. Анализируются ключевые организационные факторы его возникновения и экономические последствия для бизнеса. Предлагается комплексная модель профилактики, основанная на интеграции операционного менеджмента и внутреннего маркетинга. Утверждается, что данный подход позволяет трансформировать заботу о благополучии персонала в устойчивое конкурентное преимущество компании.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, управление персоналом, внутренний маркетинг, профилактика выгорания, корпоративная культура, эмоциональное истощение, вовлеченность сотрудников.

FIGHTING EMPLOYEE BURNOUT: MANAGEMENT OBJECTIVES AND THE ROLE OF INTERNAL MARKETING

Kalistratova Mira Evgenievna

Abstract: The article examines professional burnout as a result of managerial errors. It analyzes the key organizational factors contributing to burnout and its economic consequences for businesses. The article proposes a comprehensive prevention model based on the integration of operational management and internal marketing. It argues that this approach can transform the company's commitment to employee well-being into a sustainable competitive advantage.

Key words: professional burnout, personnel management, internal marketing, burnout prevention, corporate culture, emotional exhaustion, employee engagement.

The modern business environment is increasingly confronted with the phenomenon of professional burnout, which has ceased to be an exclusively

personal problem of the employee and has transformed into a serious economic and managerial difficulty. The World Health Organization classifies burnout as a syndrome that occurs due to chronic stress in the workplace that has not been successfully overcome. This defines burnout as a consequence of systemic failures in the organization of work, and not as a result of individual staff failure.

The most complete theoretical explanation of burnout is provided by Kristina Maslach's model, which identifies three key links that form a vicious circle. The first is emotional exhaustion — a state of chronic physical and mental fatigue, a feeling of emptiness that does not go away even after rest [1, p. 91]. The second link is cynicism and detachment, or depersonalization, which manifests itself as a protective reaction of the psyche in the form of emotional distance from work, which can be expressed in indifference, callousness or sarcasm towards colleagues and professional responsibilities. The third link is a decrease in professional effectiveness, characterized by a loss of faith in one's own competencies and a subjective sense of failure. It increases emotional exhaustion and cynicism, thereby closing the destructive cycle of burnout.

From an economic point of view, burnout is a direct threat to business efficiency, and its main causes are directly related to systemic management errors.

The main organizational factors provoking burnout are: chronic overload, lack of control and autonomy, inadequate remuneration and lack of recognition and career prospects, conflict of personal and corporate values, as well as lack of support in the team [2, p. 305].

The economic consequences of these managerial miscalculations are divided into direct (rising costs for sick leave, insurance, and recruitment) and indirect, which cause strategic damage: reduced productivity, creativity, quality of service, and reputation, as well as blocking innovation due to employees' lack of strength and desire to develop.

The study shows that professional burnout transforms from an individual problem into a large-scale managerial deficit, the cost of which is paid by the company both through direct financial expenses and the loss of competitive advantages in the market.

During the analysis of the problem of professional burnout, it turned out that in most cases its roots lie in the organization of work, and not in the personal resources of employees. This means that the key responsibility for preventing the syndrome lies with the company's management.

Since the main causes of burnout are related to the organization of work, it is managerial decisions that become the main tool for prevention. The strategy should be based on three interrelated components: system monitoring, process optimization, and the formation of a supportive culture.

The first component is the implementation of a system for regular monitoring of the state of the team. This includes quarterly anonymous quantitative surveys to assess stress, fatigue, and satisfaction, supplemented by an analysis of the reasons for dismissals and statistics on referrals to a psychologist [3, p. 71]. This approach provides an objective analysis and early detection of problematic trends.

The second component is clear regulation of work processes and load rationing. It is necessary to set realistic deadlines, rank tasks, provide employees with operational autonomy, and introduce measures to limit work communications after hours, including "quiet hours." This eliminates the organizational causes of chronic overwork.

The third, fundamental component is the formation of a corporate culture based on psychological security and recognition. Managers should have constructive feedback skills and hold regular one-on-one meetings. A culture of support should be supported by a transparent reward system and public recognition of achievements.

Burnout prevention — daily management decisions: load management, reasonable autonomy and psychological support, investing in a stable and effective team.

In addition to eliminating the objective causes of stress, a strategy is needed to influence the emotional state of employees. This function is performed by internal marketing, which positions the staff as the key audience of the company. Its purpose is to create a positive perception of the work, demonstrating the value of the contribution, the meaning of the activity and the prospects for the development of the employee. This creates sustained emotional engagement, reducing the risks of professional burnout.

The basis is the introduction of a transparent communication policy that ensures a controlled two-way information flow. A system of regular communication channels, including corporate leadership briefings, internal information portals, and question-and-answer sessions, should communicate the company's strategy and demonstrate the connection between personal efforts and overall results. Effective

communication is narrative in nature, transforming business goals into stories that are close to employees [4, p. 73].

The second tool is the active internal promotion of well-being programs [5, p. 60]. Investments in initiatives such as psychological assistance, health programs, or flexible schedules achieve their goals only if they are systematically positioned. The goal is to eliminate stigma and demonstrate practical benefits through cases and testimonies from colleagues, transforming formal options into real and sought-after corporate values.

The third direction is the systematic building of a strong internal employer brand to create a sense of pride and belonging. Its foundations are: a system of regular recognition of merit (non-material awards, public commendations), the development of mentoring programs and horizontal exchange of experience, as well as support for corporate communities of interest. These measures purposefully strengthen social and professional ties within the team, creating a supportive environment that serves as a key buffer against chronic stress.

Internal marketing, performing this function, strengthens emotional engagement and social connections, forms a positive perception of work, which directly affects the stability and effectiveness of the company's key asset — its staff.

The analysis shows that the sustainable prevention of professional burnout is possible only with the creation of a systemic alliance between operational management and internal marketing. Their disparate initiatives do not produce a synergistic effect.

As a result of the research, a holistic staff well-being management model was developed in which management practices and strategic communication mutually reinforce each other, creating an integrated environment for employee support. The key element of the model is the management cycle, which consists of four stages: diagnosis, planning, implementation and evaluation.

The first stage is joint diagnosis. Management provides data on problems in processes (overloads, turnover), and internal marketing provides survey results and feedback. Together, they formulate a specific problem, for example, "chronic stress due to unclear planning."

The second stage is changes in processes (management area). Based on the diagnosis, the management makes specific adjustments.: revises planning, introduces new meeting rules, and optimizes workload. This is the "technical" part that eliminates the objective causes of stress.

The third stage is communication and engagement (internal marketing area). The task is to translate management decisions into the language of benefits for the employee, remove resistance and create a positive attitude. This is achieved through explanatory videos from management, visual infographics, the publication of successful implementation cases and the organization of feedback. Marketing "sells" changes, making them desirable and understandable.

The fourth stage is a joint assessment and adjustment. After implementation, management analyzes operational metrics (speed of work, number of errors), and internal marketing measures changes in sentiment through surveys. The data obtained is discussed, which allows us to adjust the approach and restart the cycle.

Thus, this model represents a continuous management loop. Management creates a healthy "skeleton" of processes, and internal marketing forms their positive "emotional shell". Only their integration allows us to systematically maintain staff engagement and sustainability, which directly affects business productivity and stability.

The study found that professional burnout is a consequence of managerial mistakes, not a personal weakness of an employee. It leads to direct financial losses and a long-term decline in the company's competitiveness due to falling productivity and reputation. Effective prevention requires simultaneous work in two directions: through rational process management (realistic planning, autonomy, monitoring) and through internal marketing (honest communication, promotion of values and support). This integrated approach creates an environment that prevents team exhaustion and transforms concern for staff well-being into a sustainable competitive advantage for the business.

References

1. Trukhan E. A. The concept of burnout by K. Maslak: syndrome and process // Bulletin of the Moscow Information Technology University – Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering. — 2024. — № 1. — pp. 85-96.

2. Kozhogeldiev A. S., Kozhogeldieva, K. M., Kozhogeldieva, M. A. Psychology of stress and methods of preventing professional burnout to maintain labor efficiency // Epoch of Science. — 2024. — № 4. — pp. 302-307.

3. Arkhipova N. I., Abaev, A. L. Internal marketing as an effective tool of personnel management in the organization // Bulletin of the Russian State

University of Economics. The series «Economics. Management. The right». — 2016. — № 3. — pp. 65-75.

4. Sorvina T. A., Chesnova, O. A. The use of internal marketing tools to improve the organization's personnel management system // Personnel and intellectual resources management in Russia. — 2016. — № 3. — pp. 70-75.

5. Molodchik N. A., Sosnina P. O. The Well-Being program: Russian Practices // Personnel and intellectual resources management in Russia. — 2023. — № 1. — pp. 57-62.

© Калистратова М.Е.

УДК 338.45

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ИНДИЙСКИХ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ РЫНКАХ

Чэнь Чанжуй
аспирант
Российский университет дружбы народов

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу проблем в области интеллектуальной собственности (ИС), с которыми сталкиваются индийские фармацевтические компании при экспансии на международные рынки. Исследование выявляет глубинный конфликт между их традиционной дженериковой бизнес-моделью, сформированной в условиях особого национального патентного режима, и строгими глобальными стандартами защиты ИС. Автор последовательно рассматривает нормативно-правовые основы, специфические патентные и регуляторные барьеры, а также финансовые, стратегические и операционные последствия данных проблем для компаний. Делается вывод о системном характере вызовов, требующих от индийских производителей трансформации бизнес-модели. Ключевым условием успешной глобальной конкуренции признается переход к инновационно-ориентированной стратегии с формированием собственного портфеля ИС, активным использованием легальных механизмов и совершенствованием управления патентными рисками.

Ключевые слова: индийские фармацевтические компании, интеллектуальная собственность, международные рынки, дженерики, патентные барьеры.

INTELLECTUAL PROPERTY ISSUES OF INDIAN PHARMACEUTICAL COMPANIES IN INTERNATIONAL MARKETS

Chen Changrui

Abstract: This article provides a comprehensive analysis of the intellectual property (IP) challenges facing Indian pharmaceutical companies as they expand

into international markets. The study reveals a fundamental conflict between their traditional generic business model, developed under a special national patent regime, and strict global IP protection standards. The author examines the legal and regulatory framework, specific patent and regulatory barriers, and the financial, strategic, and operational implications of these challenges for companies. The article concludes that these challenges are systemic, requiring Indian manufacturers to transform their business models. A key condition for successful global competition is recognized as the transition to an innovation-driven strategy, including building an in-house IP portfolio, actively leveraging legal mechanisms, and improving patent risk management.

Key words: indian pharmaceutical companies, intellectual property, international markets, generics, patent barriers.

Введение

Роль индийской фармацевтической промышленности как «аптеки развивающегося мира» предопределила ее значимое место в глобальной системе здравоохранения. Успех этой отрасли исторически базировался на производстве доступных дженериков, что стало возможно благодаря особенностям национального патентного законодательства прошлых лет [1]. Однако экспансия на высокомаржинальные международные рынки, прежде всего в страны с развитой экономикой, кардинально меняет операционную среду для индийских компаний. Ключевым системным барьером на этом пути выступает сфера интеллектуальной собственности, где стандарты и правоприменительная практика радикально отличаются от привычных индийским производителям.

Фундаментальная проблема заключается в глубинной конфликтности между устоявшейся дженериковой бизнес-моделью, ориентированной на быстрое воспроизводство существующих молекул, и строгими патентными режимами, защищающими инновации фармакологических корпораций развитых стран. Это противоречие трансформируется из правового аспекта в стратегический управленческий вызов. Оно затрагивает все уровни деятельности компании: от научных исследований и разработок до маркетинга и судебной защиты. Таким образом, анализ проблем интеллектуальной собственности выходит за узкие юридические рамки, приобретая критическое значение для управления международной конкурентоспособностью и долгосрочным развитием бизнеса.

Целью данной статьи является системная идентификация и структурирование ключевых проблем в области защиты и менеджмента интеллектуальной собственности, возникающих перед индийскими фармацевтическими компаниями при выходе и закреплении на международных рынках. Для достижения поставленной цели предполагается решить задачи по анализу нормативно-правового контекста, выявлению специфических патентных и регуляторных барьеров, а также оценке их стратегических последствий. Методологическую основу работы составляет теоретический анализ, включающий рассмотрение экономико-управленческих концепций интернационализации, и системный подход, позволяющий рассматривать проблемы ИС как взаимосвязанный комплекс факторов, влияющих на бизнес-модель в целом.

Теоретические и правовые основы интеллектуальной собственности в фармацевтической отрасли

Специфика интеллектуальной собственности в фармацевтической промышленности определяется уникальным характером ее объектов и высочайшими барьерами для создания рыночного продукта. Ключевым объектом защиты выступают фармацевтические патенты, которые в силу длительности и дороговизны процесса разработки нового химического соединения предоставляют правообладателю исключительное рыночное право на значительный период. Эта защита распространяется не только на саму активную фармацевтическую субстанцию, но и на специфические лекарственные формы, способы получения и даже новые медицинские применения известных веществ. Особую ценность представляют данные клинических исследований, охраняемые как коммерческая тайна или в рамках специальных правовых режимов, например, периода исключительности данных в США и ЕС. Данный период, формально не являясь патентом, создает фактический правовой барьер для регистрации дженериков даже после истечения срока патентной защиты оригинального препарата. Товарные знаки, в свою очередь, обеспечивают узнаваемость и лояльность потребителей, формируя дополнительный уровень защиты рынка для инновационных компаний.

Правовая среда, регулирующая данные объекты, носит многоуровневый и зачастую противоречивый характер. Базовым международным соглашением является Соглашение ТРИПС ВТО, которое установило минимальные

стандарты защиты ИС для всех стран-членов организации, включая обязательность патентной защиты во всех областях техники, в том числе фармацевтики [2]. Однако жесткость этих стандартов, особенно в контексте доступа к жизненно важным лекарствам в развивающихся странах, привела к принятию Дохинской декларации о соглашении ТРИПС и общественном здоровье. Данная декларация подтвердила право стран использовать такие гибкие механизмы, как принудительное лицензирование и параллельный импорт, для защиты здоровья населения. Реализация этих принципов на национальном уровне создает значительную правовую неоднородность. Законодательства ключевых для экспорта рынков США и Европейского союза — создают сложные системы, балансирующие между стимулированием инноваций и поощрением конкуренции со стороны дженериков.

Именно в этом правовом поле возникает фундаментальная концептуальная коллизия, лежащая в основе большинства проблем индийских компаний. С одной стороны, действует принцип строгой патентной эксклюзивности как основа возврата инвестиций в НИОКР. С другой стороны, существует концепция «фармацевтических исключений» и права на доступ к лекарственным средствам как элемента общественного блага. Эта коллизия переводит вопросы интеллектуальной собственности из сугубо юридической плоскости в область политической экономии и глобального управления здравоохранением. Индийские производители, традиционно действовавшие в парадигме доступности, оказываются в ситуации, где их основная бизнес-модель сталкивается с правовыми нормами, сформированными для защиты противоположной парадигмы инновационной эксклюзивности. Понимание этой теоретико-правовой дихотомии является необходимой основой для анализа конкретных операционных проблем, с которыми данные компании сталкиваются на международной арене.

Ключевые проблемы индийских фармацевтических компаний в области ИС на международных рынках

Выход индийских фармацевтических компаний на международные рынки сопряжен с необходимостью функционирования в принципиально иной правовой и конкурентной парадигме, где система интеллектуальной собственности выступает основным структурообразующим элементом. Преодоление патентных барьеров представляет собой наиболее ресурсоемкую и рискованную задачу. Индийские производители, стремящиеся вывести

дженериковые версии препаратов на ключевые рынки, такие как США и Европейский союз, вынуждены активно использовать механизмы оспаривания патентов. В США это процедура Сертификация по пункту IV в рамках Hatch-Waxman Act, которая, будучи легальным инструментом, автоматически провоцирует патентные споры с инновационными компаниями. Участие в таких судебных разбирательствах требует привлечения высококвалифицированных юридических команд и сопряжено с огромными финансовыми затратами. Даже успешный для дженериковой компании исход в виде получения статуса первопроходца и 180-дневной эксклюзивности продаж не гарантирует от последующих исков, а проигрыш дела ведет не только к прямым убыткам, но и к задержке выхода продукта на несколько лет, что полностью нивелирует конкурентное преимущество.

Параллельно с патентными рисками существенную проблему формируют строгие регуляторные требования к данным, предъявляемые агентствами вроде FDA (США) и EMA (ЕС). Процесс одобрения дженерика требует предоставления доказательств биоэквивалентности, но также зависит от соблюдения периодов эксклюзивности данных, предоставленных оригинатору. Эти периоды, не являясь патентами, создают самостоятельный правовой барьер. Более того, индийским компаниям, развивающим собственные инновационные направления, приходится решать противоположную задачу защищать свои ноу-хау и данные клинических испытаний как коммерческую тайну. Недостаточный опыт построения комплексных систем защиты конфиденциальной информации внутри организаций создает уязвимости, повышая риски промышленного шпионажа или утечек, что может подорвать инвестиции в собственные исследования и разработки.

Право на использование результатов клинических испытаний оригинатора, защищаемое специальными регуляторными нормами, трансформируется в значимое рыночное ограничение. Даже после истечения срока действия базового патента на молекулу, данные, представленные оригинатором в регуляторные органы, в течение определенного периода не могут быть использованы для регистрации дженерика. Это лишает индийские компании возможности применять ускоренные процедуры одобрения, вынуждая их проводить собственные полномасштабные исследования, что

экономически нецелесообразно для дженериков и резко повышает порог входа на рынок.

Неоднородность патентного законодательства и правоприменительной практики в различных юрисдикциях формирует лабиринт, навигация в котором требует экстраординарных управленческих усилий. Стратегия, успешная в США, может оказаться неработоспособной в Европе, Японии или Канаде из-за различий в подходах к оценке изобретательского уровня, трактовке границ патентных притязаний или процедуре оспаривания. Компании вынуждены разрабатывать и финансировать отдельные юридические стратегии для каждого целевого рынка, что рассредоточивает ресурсы и усложняет принятие централизованных решений [3]. Эта фрагментация правового поля делает глобальную экспансию не единым процессом, а серией изолированных, высокоспециализированных проектов с непредсказуемым совокупным результатом.

Наконец, совокупность указанных факторов порождает устойчивые репутационные риски. Активное участие в патентных спорах, даже в рамках правового поля, способствует формированию в восприятии западных партнеров, инвесторов и отчасти потребителей образа индийской компании как агрессивного «нарушителя» прав ИС, а не равноправного участника инновационной экосистемы. Этот стереотип затрудняет установление стратегических альянсов с ведущими фармацевтическими корпорациями, доступ к совместным исследованиям и негативно влияет на рыночную капитализацию. Таким образом, проблемы в области интеллектуальной собственности проявляются не только в правовой и финансовой плоскостях, но и в плоскости управления деловой репутацией, что в долгосрочной перспективе может ограничить возможности для трансформации бизнес-модели в сторону большей инновационности.

Последствия и вызовы для индийских фармацевтических компаний

Совокупность проблем в сфере интеллектуальной собственности формирует для индийских фармацевтических компаний комплекс взаимосвязанных последствий, затрагивающих все уровни управления и ставящих под вопрос устойчивость их традиционной бизнес-модели в международном контексте. Наиболее ощутимым прямым следствием являются значительные финансовые издержки. Постоянное участие в патентных спорах в юрисдикциях развитых стран требует ассигнований,

сопоставимых с инвестициями в исследования и разработки. Судебные процессы, связанные с оспариванием патентов или защитой от исков о нарушении, поглощают многомиллионные бюджеты, а их непредсказуемый исход вносит высокую волатильность в финансовое планирование. Еще более критичным финансовым последствием выступает ситуация судебного запрета на вывод продукта на рынок или длительной задержки одобрения. Потеря возможности первой выйти на рынок с дженериком после истечения патента оригинатора, особенно в рамках 180-дневной эксклюзивности в США, трансформируется в упущенную выгоду в сотни миллионов долларов, подрывая экономическую целесообразность всей разработки.

Эти финансовые риски непосредственно порождают глубокие стратегические вызовы. Историческая зависимость от модели, основанной на обратном инжиниринге и производстве дженериков по истечении патентной защиты, становится основным источником уязвимости. Компании оказываются перед необходимостью фундаментальной трансформации в сторону инновационно-ориентированной R&D-модели. Однако такой переход сопряжен с капиталоемкими долгосрочными инвестициями в фундаментальные исследования, создание собственного портфеля патентов на новые химические субстанции и биопрепараты [5]. Формирование конкурентоспособного глобального портфеля активов интеллектуальной собственности представляет отдельную сложнейшую задачу, требующую не только научного потенциала, но и глубокой экспертизы в патентном планировании, оформлении заявок и стратегическом маневрировании в разных правовых системах. Необходимость балансировать между финансированием дорогостоящих судебных баталий за существующие дженериковые продукты и инвестициями в рискованные инновационные проекты создает серьезную дилемму распределения ресурсов.

На операционном уровне вызовы проявляются в вынужденной адаптации всех бизнес-процессов к условиям правовой гетерогенности. Процедуры разработки, регистрации и вывода на рынок каждого продукта должны проектироваться с учетом специфических патентных ландшафтов и регуляторных требований каждой целевой страны. Это приводит к фрагментации операционной деятельности, усложнению логистических цепочек и необходимости содержания разветвленных юридических и регуляторных департаментов, специализирующихся на отдельных регионах.

Управление продуктовым портфелем также теряет свою целостность: решения о продолжении или прекращении разработки препарата принимаются не только на основе медицинской и рыночной целесообразности, но в первую очередь исходя из анализа патентных рисков и стоимости их нивелирования в каждой конкретной юрисдикции.

Кумулятивный эффект финансового давления, стратегической неопределенности и операционной сложности закономерно ослабляет конкурентные позиции индийских компаний на глобальном рынке. Ограничение доступа к ключевым высокомаржинальным рынкам из-за непреодолимых патентных барьеров сужает потенциальную базу роста. Потеря возможности своевременного выхода на рынок ведет к систематическому недополучению доли рынка, которую захватывают конкуренты, сумевшие лучше адаптироваться к требованиям интеллектуальной собственности. В долгосрочной перспективе это может законсервировать индийские компании в сегменте низкомаржинальных дженериков для развивающихся рынков, отодвинув их на периферию глобальной фармацевтической индустрии, где основная ценность создается за счет инноваций и эффективного управления патентными активами. Таким образом, проблемы в области ИС трансформируются из тактических юридических затруднений в экзистенциальный вызов, требующий пересмотра самой философии ведения бизнеса.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что проблемы индийских фармацевтических компаний в области интеллектуальной собственности на международных рынках носят комплексный и системный характер. Они проистекают из фундаментального противоречия между устоявшейся дженериковой бизнес-моделью, сформировавшейся в специфических условиях национального правового поля, и жесткими требованиями глобальных патентных режимов, охраняющих интересы инновационных корпораций. Эти проблемы проявляются не как изолированные юридические сложности, а как взаимосвязанные вызовы, затрагивающие финансовую устойчивость, стратегическое развитие, операционную деятельность и долгосрочную конкурентоспособность.

Преодоление данных вызовов требует от индийских компаний осуществления глубокой структурной трансформации. Ключевым

направлением является постепенный, но неуклонный переход от парадигмы обратного инжиниринга к созданию собственного портфеля инноваций, подкрепленного стратегическим патентованием. Не менее важна институционализация тщательного патентного юридическая экспертиза как обязательной процедуры, предваряющей выход на любой новый рынок. Эффективное использование легальных инструментов, включая лицензионные соглашения, оспаривание слабых патентов и механизмы вроде параграфа IV в США, должно основываться на глубоком анализе рисков и построении превентивных правовых стратегий. Стратегической целью становится формирование сбалансированного глобального портфеля активов ИС, который обеспечивает не только защиту собственных разработок, но и создает возможности для перекрестного лицензирования и укрепления переговорных позиций. На надгосударственном уровне активное участие в формировании международной повестки, затрагивающей баланс между правами ИС и обеспечением доступа к лекарствам, является способом отстаивания долгосрочных отраслевых интересов.

Таким образом, в современных условиях глобальной конкуренции эффективное управление интеллектуальной собственностью перестает быть вспомогательной функцией и преобразуется в критический стратегический ресурс. Для индийских фармацевтических компаний успешная интеграция в мировые рынки напрямую зависит от способности сделать систему ИС основой новой инновационно-ориентированной бизнес-модели.

Список литературы

1. Губина М. А. Импортозамещение и/или экспортная ориентация: опыт фармацевтической промышленности Индии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2019. – Т. 35, № 2. – С. 197–222.

2. Лядова Ю. В., Пирожкова Е. С., Ефременко А. А. Фармацевтический рынок. Импортозамещение: проблемы и их решения // Образование. Наука. Производство: сб. материалов конф. – 2022. – С. 399–406.

3. Михель Д. В., Резник О. Н. Биокапитализм и незападный мир: биотехнологии, глобализация, суверенитет и ценности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика: Реф. журн. – 2023. – № 2. – С. 5–36.

4. Уттара Д. Индийский подход к глобальным инновациям в области здравоохранения на национальном уровне // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2011. – Т. 6, № 3. – С. 96–104.

5. Сюй Юань Глобальное управление интеллектуальной собственностью: обзор литературы и перспективы исследований // Журнал Чунцинского университета (изд. по соц. наукам). – 2024. – Т. 30, № 2. – С. 170–181.

© Чэнь Чанжуй

СЕКЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

УДК 37.012.3

ФОРМИРОВАНИЕ БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ В ТРУДАХ М. ВЕБЕРА И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ

Сквозников Александр Николаевич
доцент, кандидант исторических наук
Руднева Виктория Андреевна
студент
Самарский государственный экономический университет

Аннотация: В статье рассматривается концепция рациональной бюрократии Макса Вебера, её ключевые принципы и влияние на современные управленческие практики. Авторы анализируют основные характеристики модели Макса Вебера и также показывают, как они легли в основу организации государственных и корпоративных структур. Авторы приходят к выводу, что теория Вебера по-прежнему актуальна как аналитический инструмент: она позволяет не только понять механизмы эффективности бюрократических систем, но и определить пути их модернизации с учётом современных требований к гибкости и клиентоориентированному управлению.

Ключевые слова: бюрократия, рациональная бюрократия, иерархия, Макс Вебер, бюрократические дисфункции, управленческие практики, цифровизация управления.

FORMATION OF THE BUREAUCRATIC MODEL OF THE ORGANIZATION IN THE WORKS OF M. WEBER AND ITS INFLUENCE ON MODERN MANAGEMENT

Skvoznikov Alexander Nikolaevich
Rudneva Victoria Andreevna

Abstract: This article examines Max Weber's concept of rational bureaucracy, its key principles, and its influence on modern management practices. The authors analyze the main characteristics of Max Weber's model and

demonstrate how they formed the foundation for the organization of government and corporate structures. The authors conclude that Weber's theory remains relevant as an analytical tool: it allows us not only to understand the mechanisms behind the effectiveness of bureaucratic systems but also to identify ways to modernize them, taking into account modern demands for flexibility and customer-oriented management.

Key words: bureaucracy, rational bureaucracy, Max Weber, hierarchy, managerial practices, bureaucratic dysfunctions, digitalization of management.

Анализ идей о бюрократии, предложенных Максом Вебером, и их воздействия на современные управленческие практики сохраняет свою актуальность благодаря тому, что концепция Вебера о рационально организованной бюрократии стала фундаментом традиционной управленческой теории и по сей день оказывает воздействие на корпоративные методы работы.

Актуальность изучения состоит в несоответствии между теоретически высокой продуктивностью бюрократической системы управления и её реальными функциональными нарушениями. В социологической системе М. Вебера феномен бюрократии неразрывно связан с двумя теориями и даже вытекает из них. Это типология господства и рационализация. В соответствии со своей методологией М. Вебер выделяет три «чистые типа законной власти»:

1) Традиционный тип. Основан на священной исторически сложившейся властной системе, в которой полномочия зачастую передаются в династии из поколения в поколение.

2) Харизматический тип. Основан на вере в исключительные и даже сверхъестественные свойства личности, вокруг которой может образовываться культ «избранного», «спасителя».

3) Рациональный тип. Основан на подчинении легально установленному объективному безличному порядку и определенному на его основе руководителю в силу формальной легальности его распоряжений и в пределах последней [3].

По Веберу, в основе рационального типа власти лежит целерациональное действие, являющееся элементом теории рационализации. Он пишет, что тенденцией всемирно-исторического процесса является рационализация социального действия [2]. Именно рациональность лежит

в основе создания и укрепления капиталистического строя в западной цивилизации. Рационализации подвергаются хозяйство, политика, мысли и чувства людей. В приоритет ставятся именно соображения разума.

Методы исследования включают изучение первичных источников – анализ трудов Макса Вебера, в частности, его работу «Экономика и общество», которая детально раскрывает теорию рационального управления.

Р. П. Шпакова в своих работах анализирует взаимодействие между административной системой и правомерностью управления, а также её влияние на политические структуры. Исследователи Р. Мертон, Ф. Селзник и А. Гоулднер анализировали «неэффективность административных структур». Ученые исследовали разнообразные элементы веберовской модели управления: начиная от теоретической базы и заканчивая практическими последствиями для нынешних структур [7, с. 56].

Таблица 1

Основные труды и аналитические аспекты исследований теории бюрократии Макса Вебера

№	Исследователь(и)	Ключевые работы	Объект анализа и ключевые результаты
1	Петр Петрович Гайденко, Юрий Николаевич Давыдов	«Исторический контекст и логическое мышление». «Социологические идеи Макса Вебера и возрождение его концепций»	Исследовательский обзор веберовских понятий (управленческая структура, логичность, правомерность) и их воздействие на эволюцию социальной теории
2	В. П. Макаренко	«Концепция организационной структуры и руководства по Веберу и капиталистические теории управления»	Трансформация административных систем; влияние управления на индустриальную эпоху
3	Р. П. Шпакова	«Правомерность и принципы демократии (наставления Вебера)». «Авторитет политического управления: Вебер и актуальность темы»	Связи между административной системой и правомерностью управления; их роли

Концепция рациональной бюрократии Макса Вебера занимает центральное место среди основных идей в социальной науке управления

и структурного анализа, существенно влияя на эволюцию современных управленческих практик. Основной принцип веберовской бюрократической системы состоит в полной регламентации административных процедур. Вебер подчеркивал важность структурированной иерархии в успешной организации, где подчиненность каждого звена вышеуровневому четко определена, а права и обязанности расставлены ясно [1, с. 123]. Вебер подчеркивал важность четких инструкций, иерархии и специализации для эффективности бюрократии. Принятие решений осуществляется по принципу формализованности процедур, опираясь исключительно на конкретные критерии, исключая влияние личностных предпочтений или симпатий.

Вебер видел бюрократическую систему не только как средство администрирования, но и как отражение общего направления к упорядочению социальной структуры. По его мнению, бюрократический механизм гарантирует аккуратность и оперативность в рамках заданных правил, однако Вебер предупреждал о рисках бюрократической инерции и отчуждения [2, с. 132].

Специалист предостерегал от чрезмерного увлечения данной концепцией. Он подчеркивал, что чрезмерное расширение административного механизма способно вызвать захват полномочий служащими, особенно при слабом наличии сдерживающих факторов. Вебер рекомендовал мощные политические структуры и эффективную законодательную систему для ограничения влияния бюрократии и предотвращения её превращения в независимый институт власти. Вклад концепции Вебера в современную управленческую практику невозможно недооценивать. Концепция его мыслей послужила фундаментом для организации административных структур во множестве государств, характеризующихся строгими иерархиями, регламентированными процессами и разделением обязанностей по специальностям [3, с. 32]. Принципы Вебера реализуются в Госструктурах. В эпоху цифровизации и расширения международных связей традиционные иерархические системы корректируют свою деятельность под современные требования.

Современные подходы сочетают веберовские принципы с гибкостью, снижая бюрократическую жестокость [6, с. 21].

Таким образом, концепция Макса Вебера сохраняет свою значимость даже в эпоху XXI века. Её значимость обусловлена не только представлением оптимальной структуры руководства, но также включает предупреждение об

угрозе чрезмерного формализма. Концепция Вебер помогает руководителям и аналитикам разобраться в принципах функционирования иерархий и определить методы их корректировки под изменяющиеся обстоятельства. Это основа для глубокого разбора актуальных подходов управления организациями и создания гибких, ориентированных на человека решений, балансирующих между логичностью и адаптивностью.

Список литературы

1. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. / Сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016-2019, 550с. https://library.cbr.ru/catalog/lib/books/ 471675/

2. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко; коммент. А. Ф. Филиппова. — М.: Прогресс, 2023.

3. Макаренко В. П. Теория бюрократии М. Вебера и буржуазные концепции организации и управления / В.П. Макаренко. // Вопросы философии. – 2023. Москва : Б. и. N 3: – С. 126-134.

4. История и рациональность : социология Макса Вебера и веберовский ренессанс / П. П. Гайденко, Ю. Н. Давыдов. – 2-е изд., стер. – Москва : URSS, 2021. https://djvu.online/file/vjX5aVAGE7C00

5. Легитимность и демократия (уроки Вебера). Шпакова Р. П., Профессор. Рубрика: Кафедра. Правильная ссылка на статью ... – Полис. Политические исследования. 2022. № 2. – С. 169.

https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=2624&jn=polis&jn=polis&jid=1794

6. Порус Владимир Натанович (1943-). Научная рациональность как тема эпистемологии : диссертация ... доктора философских наук в форме науч. докл. : 09.00.01. – Москва, 2022. — 59 с. : 20x14 см.

7. Шпакова Р.П.: Легитимность политической власти: Вебер и современность. Наука. – Москва, 2021. 145с. http://lawlibrary.ru/ article1009851.html

© Сквозников А.Н., Руднева В.А., 2025

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: СУЩНОСТЬ, ОТРАСЛЕВОЙ СОСТАВ, ПРОБЛЕМЫ

Прокаев Сергей Александрович
аспирант
Научный руководитель: **Коваленко Елена Георгиевна**
д.э.н., профессор
ФГБОУ ВО «НИ МГУ им. Н.П. Огарёва»

Аннотация: В статье рассмотрены сущность, отраслевой состав и проблемы развития социальной инфраструктуры сельских территорий. Рассмотрены основные аспекты развития сельской социальной инфраструктуры. Поднимается проблема независимости развития села от различных внешних факторов, недостаточной управленческой эффективности органов исполнительной власти. Приведены доводы, показывающие недостаточную эффективность принимаемых мер государственной поддержки, а также управленческого потенциала на местах.

Ключевые слова: социальная инфраструктура, устойчивое развитие сельских территорий, меры государственной поддержки, комплексный подход, экономическое развитие, сельская местность, управленческий потенциал.

SOCIAL INFRASTRUCTURE OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RURAL AREAS: ESSENCE, INDUSTRY COMPOSITION, PROBLEMS

Prokaev Sergey Aleksandrovich
Scientific adviser: **Kovalenko Elena Georgievna**

Abstract: This article examines the nature, industry composition, and problems of development of social infrastructure in rural areas. The main aspects of the development of rural social infrastructure are considered. The author highlights the problem of rural development being independent of various external factors and the insufficient management effectiveness of executive authorities. The article

presents arguments demonstrating the insufficient effectiveness of current government support measures and the lack of local management capacity.

Key words: social infrastructure, sustainable rural development, government support measures, integrated approach, economic development, rural areas, management capacity.

Развитие социальной инфраструктуры – это важнейший аспект устойчивого развития сельских территорий. На государственном уровне и также в органах публичной власти субъектов РФ неоднократно поднимался данный вопрос, предпринимаются реальные меры в этом направлении. Сегодня очевидно, что устойчивое развитие сельских территорий напрямую связано с развитием АПК и продовольственной безопасностью страны. Проблема независимости развития села от различных внешних факторов современного воздействия – задача, которую должны решать региональные и местные органы исполнительной власти. Иными словами, устойчивое развитие сельских территорий – сегодня важнейший процесс в нашей стране, а от его результативности во многом будет зависеть не только продовольственная безопасность, но и в целом развитие экономики. На это направлена реализация государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий», утвержденной постановлением Правительства РФ от 31 мая 2019 г. № 696 (Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий» // Правительство России. Текст: электронный [сайт]. — URL: http://government.ru/rugovclassifier/878/events/ (дата обращения 01.12.2025)), создаются условия для улучшения качества жизни на селе, для развития малого и среднего бизнеса в муниципалитетах и субъектах РФ.

В научных исследованиях проблем устойчивого развития сельских агломераций неоднократно отмечалось наличие прямой корреляции между качеством жизни на селе (в т.ч. наличия развитой социальной инфраструктуры) и объемами производства промышленной и сельскохозяйственной продукции агропромышленного комплекса (Овчинников, 2023). Государственные программы и разработанные стратегии развития также подтверждают актуальность этой проблемы и наличие прямой взаимосвязи между экономическим ростом и социальной комфортностью сельского населения.

Несмотря на то, что государственными органами власти сегодня предпринимаются попытки различными способами стимулировать устойчивое

развитие сельских территорий, многие проблемы остаются нерешенными и требуют дополнительных исследований со стороны научного сообщества и внимания на региональном уровне. На законодательном уровне формируются меры поддержки и стратегии пространственного развития, однако накопленные проблемы на селе не решаются в установленные сроки и количественных параметрах по причине не только дефицита экономических ресурсов, но и управленческого потенциала. Иными словами, текущее положение жизнеобеспечения сельских жителей отражается на качестве и доступности базовых социальных услуг (медицинских, образовательных, культуры и др.), что сказывается на уровне и качестве жизни населения в сельских населенных пунктах и оказывает значительное влияние на миграционные потоки (отток трудоспособного населения из сельской местности в города). Данные факты и подтверждают актуальность проблематики устойчивого развития сельских территорий в части недостаточности социальной инфраструктуры.

Термин «социальная инфраструктура» обозначает совокупность отдельных объектов, а также комплексов, систем, обеспечивающих жизнедеятельность населения местности. Она включает совокупность зданий, сооружений, элементов и платформ, основное функциональное назначение которых удовлетворять потребности населения, с целью обеспечения нормальных условий проживания и всесторонней развития личности. Социальная инфраструктура имеет следующий отраслевой состав: жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ), здравоохранение, образование, культура, физкультура и спорт, торговля и общественное питание, транспорт и дорожное хозяйство, система связи, безопасность, то есть все то, что обеспечивает населению комфортные условия проживания.

Таким образом, сущность социальной инфраструктуры выражена в формировании условий существования (быта, работы, развития, досуга) населения сельской территории. Она призвана удовлетворять весь спектр потребностей населения местности в части обеспечения качества жизнедеятельности (Мисько, 2024).

Исследователи отмечают следующие проблемы социальной инфраструктуры устойчивого развития сельских территорий:

- существенное неравенство качества и количества жизненно необходимых услуг в городе и селе, что усиливает инфраструктурный разрыв (Шибаева, 2023);

- слабая транспортная инфраструктура, обеспечивающая барьеры доступа к необходимым инфраструктурным объектам в сельской местности (Тихий, 2021);

- недостаточное количество благоустроенного жилья, что способствует к дополнительной миграции сельского населения в города;

- низкая оплата труда и недостаток рабочих мест для квалифицированного персонала, приводящая к миграции молодежи из сельской местности (Абдукодиров, 2022).

Можно констатировать, что приведенные выше проблемы выступают препятствием устойчивому развитию сельских территорий в современной России. Учитывая, что решение задач развития социальной инфраструктуры в конкретных населенных пунктах входит в полномочия органов местного самоуправления, которые часто не имеют для этого достаточных ресурсов, очень важно повсеместно найти подход к их решению в обозримой перспективе, поскольку только это может обеспечить безопасность страны на долгие годы вперед.

Необходимо отметить, что для решения этих проблем предпринимаются постоянные попытки как со стороны государства по введению дополнительных мер поддержки, так и со стороны исследователей предложить все новые и новые инициативы, но в полной мере пока не найдено достаточного набора инструментов и ресурсов (Белоусова, 2022).

Социально-экономическая ситуация в сельской местности на территории нашей страны крайне неоднородна и препятствует устойчивому развитию. Конечно, далеко не все проблемы связаны именно с социальной инфраструктурой, но процесс депопуляции в сельской местности прямо пропорционален отсутствию необходимых условий проживания. Это напрямую связано с сельской безработицей, плохо развитыми транспортной системой и системой автомобильных дорог, нецентрализованными газо- и водоснабжением сельских населённых пунктов, низким уровнем обеспечения качественной питьевой водой, отсутствием канализации и т.п. (Овчинникова, 2020).

Федеральные и региональные власти разрабатывают и реализуют различные государственные программы и национальные проекты, касающиеся развития села, и по оценкам они достаточно успешны. Вместе с тем эти меры не приводят к кардинальному улучшению жизнедеятельности на селе, поскольку в большинстве случаев они касаются крупных сельских

населенных пунктов с численностью более 2 000 жителей, а их в стране менее 2%.

Необходимо отметить, что недостаточный количественный и качественный уровень существующей социальной инфраструктуры и медленные темпы развития новой (отвечающей современным потребностям населения) оказывают непосредственное влияние и на социально-экономическое положение субъектов РФ, снижающих перспективы периферийных территорий. Растет дифференциация между уровнем и качеством жизни сельского населения внутри самих административно-территориальных образований (субъектов РФ, муниципальных округов и районов) по степени удаленности от центра, поэтому население мигрирует в более крупные населенные пункты или города. Таким образом, неравномерные возможности отдельных территорий в части удовлетворения потребностей населения в социальной инфраструктуре усугубляет процесс их устойчивого развития.

Негативным фактором устойчивого развития сельской местности является дефицит молодых специалистов, несмотря на программы государственной поддержки по привлечению выпускников высших и средних профессиональных образовательных учреждений в сельские территории. Однако этого недостаточно для кадрового обеспечения сельского хозяйства и развития села (Крутикова, 2021). Как известно, молодое работоспособное население покидает сельскую местность для получения образования и повышения квалификации, а по возвращении обратно сталкивается с низким качеством жизнеобеспечения и желанием вернуться в город.

Для решения этих проблем необходим комплексный подход с формированием устойчивого восприятия села как наиболее привлекательного места жительства и построения своей жизни для населения страны. В рамках этой системы отметим наиболее важные моменты:

- укрепление полномочий местных властей с обеспечением экономической основы местного самоуправления. В этом случае ключевым фактором выступает грамотный подход контроля от централизованной власти без активного участия в самом процессе управления на местах;
- привлечение частных инвестиций для развития сельской местности посредством преференций, бонусов или иных аспектов поощрения. Финансирование крупных инфраструктурных проектов необходимо осуществлять на основе государственно-частного партнерства;

- активизировать цифровизацию всех процессов в сельских территориях, поскольку современные технологии в значительной степени сокращают инфраструктурные барьеры между городом и селом;

- комплексный подход ко всем направлениям развития сельской территории через разработку стратегического плана с учетом ее социальных, экономических, экологических и инфраструктурных особенностей и участием региональных и муниципальных властей, всех организаций, бизнеса и населения.

Представленные выше аспекты развития сельской социальной инфраструктуры требуют максимальной концентрации и управленческой эффективности от всех уровней публичной власти для того, чтобы в сельских территориях можно было не только достичь экономического роста производства и сформировать высокооплачиваемые рабочие места, но и обеспечить качественную среду проживания населения, т.е. создать условия, максимально приближенные к возможностям социальной комфортности жизни городского населения при сохранении уникальности сельской местности. Молодое и работоспособное население села должно иметь доступ и к качественному основному и дополнительному образованию (повышению квалификации, переподготовке), медицине, культурным мероприятиям и т.п. Необходимо добиться такого результата, чтобы молодежь, выросшая в сельской местности, не стремилась в город на постоянное место жительства, а выбирало «малую родину» для организации своей жизни.

Таким образом, развитие социальной инфраструктуры на селе напрямую зависит от используемых методов и подходов в управлении (менеджменте территорий). Способность эффективно управлять природными и человеческими ресурсами может стать тем фундаментом, на котором будет держаться процесс устойчивого развития сельских территорий. В качестве рекомендации органам исполнительной публичной власти предлагается рассмотреть возможность создания и функционирования «центров компетенций» в сфере социально-экономического развития и пространственной трансформации с участием представителей бизнес-сообщества, некоммерческих организаций, институтов развития тех субъектов, в которых имеются успешные кейсы реализации пространственного и комплексного развития, а также представителей научного сообщества.

Список литературы

1. Абдукодиров Х.А. Пути улучшения социальной инфраструктуры села как основа устойчивого развития / Х.А. Абдукодиров, Р. Нишонзода // Вестник Таджикского государственного университета коммерции. – 2022. – № 2(41). – С. 32–40. – EDN NOHJJP.

2. Белоусова А.Д. Влияние социальной дифференциации на экономический рост / А.Д. Белоусова, Ю.В. Левочкина. – Текст: электронный // Юный ученый. – 2022. – № 5 (57). – С. 40-45. – URL: https://moluch.ru/young/archive/57/303 (дата обращения 30.11.2025).

3. Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий» // Правительство России. Текст: электронный [сайт]. – URL: http://government.ru/rugovclassifier/878/events/ (дата обращения 01.12.2025).

4. Крутикова В.В. От устойчивого развития сельских территорий к комплексному развитию / В.В. Крутикова, А.В. Бойков, С.О. Валов // Наука и Образование. – 2021. – Т. 4, № 4. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47987582 (дата обращения 29.11.2025).

5. Мисько О.Н. Оценка обеспеченности социальной инфраструктурой как инструмент реализации социально-экономической политики региона / О.Н. Мисько, А.Б. Елацков, В.Н. Москаленко. // Управленческое консультирование. – 2024. – № 2(182). – С. 126-147. – URL: https://DOI 10.22394/1726-1139-2024 2-126-147 (дата обращения 02.12.2025).

6. Овчинников А.Н. Развитие сельской социальной инфраструктуры: актуальность проблемы, теоретические основы и экономическая сущность базовых понятий / А.Н. Овчинников – Текст: электронный // RUSSIAN JOURNAL OF MANAGEMENT. – 2023. – Том 11, № 3. – С.307–318. – URL: https://doi.org/10.29039/2409-6024-2023-11-3-307-318 (дата обращения 02.12.2025).

7. Овчинникова Н.Г. Практические подходы к устойчивому развитию сельских территорий в России / Н.Г. Овчинникова, Т.С. Водолазская // Экономика и экология территориальных образований. – 2020. – Т. 4, № 3. – С. 27–37. – URL: https://doi.org/10.23947/2413-1474-2020-4-3-25-37 (дата обращения 01.12.2025)

8. Суханова Т.В. Роль сельской социальной инфраструктуры в устойчивом развитии сельских территорий на примере Нижегородской области / Т.В. Суханова, А.Н. Гусев // Вестник евразийской науки. – 2024. –

Т. 16, № 6. – URL: https://esj.today/PDF/91ECVN624.pdf (дата обращения 01.12.2025).

9. Тихий В.И. Трансформация сельского расселения и устойчивость развития сельских территорий в регионе / В.И. Тихий, О.В. Корева // ИнтерКарто. ИнтерГИС – 2021. – Т. 27, № 4. – С. 232–243. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47346817 (дата обращения 30.11.2025).

10. Шибаева Н.А. Комплексное развитие сельских территорий как основа устойчивого развития регионов России / Н.А. Шибаева, М.А. Катальникова. // Друкеровский вестник. – 2023. – № 2 (52). – С. 185–192. – URL: https:// DOI 10.17213/2312-6469-2023-2-185-192 (дата обращения 02.12.2025).

© Прокаев С.А.

DOI 10.46916/22122025-978-5-00215-952-9

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ИХ РЕШЕНИЕ

Викторович Андрей Валерьевич
магистрант
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»

Аннотация: В статье дано описание процесса цифровой трансформации. Указаны цели цифровой трансформации и её значение для органов местного самоуправления. Приведены примеры достижений, полученных в результате цифровизации. Описана основная проблема развития цифровизации и варианты её решения.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, цифровая трансформация, мобильный интернет, фиксированный интернет, аналитические исследования, центр обработки данных.

DIGITAL TRANSFORMATION OF MUNICIPAL GOVERNANCE: CHALLENGES AND SOLUTIONS

Viktorovich Andrey Valerievich

Abstract: The article describes the process of digital transformation. The objectives of digital transformation and its significance for local governments are indicated. Examples of achievements achieved as a result of digitalization are given. The main problem of digitalization development and its solutions are described.

Key words: local governments, digital transformation, mobile Internet, fixed Internet, analytical research, data processing center.

Современное муниципальное управление всё больше и больше использует информационно-коммуникационные технологии для достижения своих целей и задач. Введение этих технологий в процессы управления имеет множество преимуществ и позволяет повысить эффективность и качество предоставляемых услуг гражданам. Возрастающая значимость информа-

ционно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в развитии основных сфер жизнедеятельности современного общества и муниципального управления обусловила перевод в последнее время вопросов использования информационных технологий в разряд приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации. Повсеместно муниципальные и региональные органы власти внедряют новые технологии, для реализации различных целей современного управления. Развивая информационную среду и информационную политику, государство вовлекает граждан в процессы управления. Современные технологии также помогают муниципальным учреждениям делать публичные заявления и отслеживать множество процедур. Также использование информационных технологий имеет огромное значение в повышении экономической конкурентоспособности и работоспособности органов местного самоуправления. Поэтому информатизация органов муниципальной власти является одной из приоритетных задач нашей страны.

Цифровая трансформация органов местного самоуправления – ключевое направление государственной информационной политики. Её цель – повысить эффективность муниципальной работы за счёт современных технологий, обеспечить гражданам доступ к информационным ресурсам и сформировать условия для роста цифровой экономики. Благодаря цифровизации удаётся автоматизировать рабочие процессы, сделать взаимодействие с жителями и бизнесом более простым, а государственное управление – более прозрачным. Внедрение ИКТ в муниципальное управление позволяет выстроить современную модель работы властей, улучшить качество госуслуг и создать инновационную основу для развития страны.

Благодаря утверждению (принятию) некоторых нормативно-правовых актов, таких как указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг.» [1], постановление Правительства Российской Федерации от 10 октября 2020 года № 1646 «О мерах по повышению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий, финансовое обеспечение которых осуществляется (планируется осуществлять) за счет средств федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов» [2], а также указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309

«О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [3] по состоянию на 1 октября 2025 г. показатели цифровизации достигнуты [4].

Кроме этого, согласно открытым данным аудитория Робота Макса составляет 2 млн. уникальных пользователей в день, что является следствием того, что 86 сервисов «жизненная ситуация» доступно на портале «Госуслуги» и региональных порталах. Также стоит отметить, что в России (по сравнению с 2019 годом) в 2024 году число активных абонентов фиксированного интернета увеличилось на 18%, а число активных абонентов мобильного интернета увеличилось на 28,8%. Скорость фиксированного интернета за этот же период увеличилась на 45,4%, а мобильного – на 34,5 %. Это привело к увеличению интернет-трафика до 184,1 эксабайт в 2024 году [5].

Увеличение потоков данных, которыми обмениваются пользователи мобильного интернета и фиксированного интернета является следствием успешной цифровой трансформации как общества в целом, так и государственного управления в частности. Указанные потоки данных служат основой для разработки грамотных подходов и эффективных мер регулирования различных сфер жизни и администрирования. Своевременный доступ к качественной и точной информации становится важным условием работы организаций и ведомств. На основе этой информации проводятся аналитические исследования, выводы и прогнозы, необходимые для функционирования отраслей экономики, в том числе могут рассчитываться и возможные риски либо угрозы.

Для обеспечения бесперебойного доступа к интернету (обеспечения информационной безопасности) и развития облачных сервисов (увеличения скорости обработки массивов данных) необходимо внедрять современные технологические решения, состоящие не только в строительстве волоконно-оптических линий по технологии DWDM (Dense Wavelength Division Multiplexing, плотное волновое мультиплексирование), но увеличения количества основного элемента информационной инфраструктуры – центров обработки данных.

Стоит отметить, что Россия находится на 8-м месте в мире по количеству центров обработки данных – 251 шт. (рис. 1) [6].

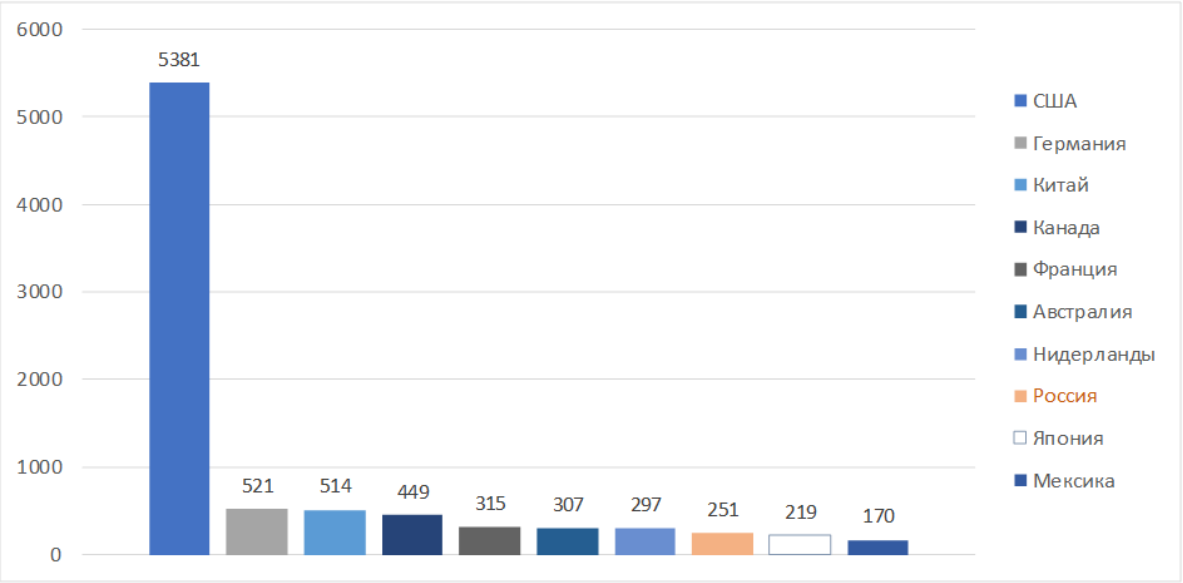

Рис. 1. Количество ЦОД по странам

География присутствия центров обработки данных очевидна – это экономически активные территории. По данным за 2023 год в России центры обработки данных (стойко-места) размещены в основном в крупнейших городах – Москва (53 390 стойко-места) и Санкт-Петербург (7 500 стойко-мест), а в остальных регионах России размещено только 9 200 стойко-мест (рис. 2) [6]. Подобная существенная диспропорция размещения центров обработки данных обуславливает низкую степень цифровизации регионов.

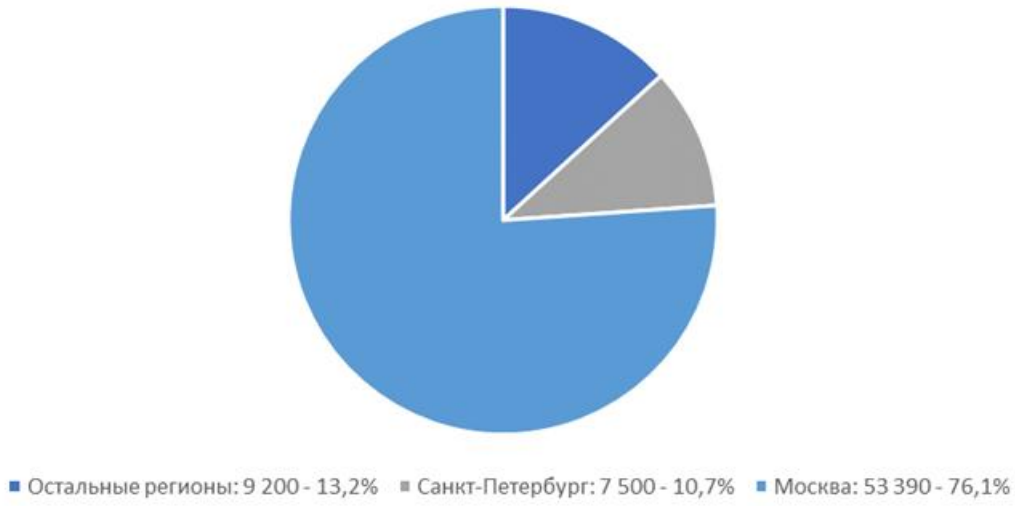

Рис. 2. Распределение эксплуатируемых стойко-мест в регионах России

АНО «Ассоциация стратегических инициатив по продвижению новых проектов» при Правительстве России был подготовлен рейтинг качества жизни. В нём явно отслеживается тенденция присутствия регионов успешных в цифровой трансформации в первой десятке рейтинга качества жизни: в ТОП-10 вошли г. Москва, г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Тюменская область, ХМАО-Югра, Московская область, Сахалинская область, Тульская область, Нижегородская область, Республика Башкортостан [7].

Таким образом, имея множество преимуществ, цифровая трансформация не может появиться там, где нет условий для этого. Необходимо укреплять не только цифровое доверие и достигать высокой цифровой зрелости граждан и организаций, но и максимально возможно расширять информационную инфраструктуру в регионах.

Список литературы

1. Российская Федерация. Указы. «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-203 гг.»: [утверждена Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203]. – URL:https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=216363&cacheid=74FB7050B59770C772158698746AC1D1&mode=splus&rnd=RXj96xTmi8mqi7Do#xfUE6xTcnVn01rwS1 (дата обращения 01.12.2025).

2. Российская Федерация. Постановления. Постановление Правительства РФ от 10.10.2020 г. № 1646 «О мерах по повышению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий, финансовое обеспечение которых осуществляется (планируется осуществлять) за счет средств федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов»: текст в редакции Постановления Правительства РФ от 17.02.2022 г. №195, от 01.02.2023 г. №145, от 1 июля 2024 г. №900, от 18 марта 2025 г. №332, от 9 июня 2025 г. №861: [подписан Председателем Правительства РФ М.В. Мишустиным 10 октября 2020 г.]. – URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364874/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения 01.12.2025).

3. Российская Федерация. Указы. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036

года»: [утверждена Указом Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309]. – URL:https://www.consultant.ru/law/hotdocs/84648.html (дата обращения 01.12.2025).

4. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Официальный сайт. – URL:https://digital.gov.ru/target/naczionalnaya-czel-razvitiya-czifrovaya-transformacziya (дата обращения 01.12.2025).

5. Белая книга цифровой экономики: онлайн-версия [сайт]. – 2025. – URL:https://цифроваяэкономика.рф/inform_infr/#section-data (дата обращения 01.12.2025).

6. Белая книга цифровой экономики: онлайн-версия [сайт]. – 2023. – https://цифроваяэкономика.рф/ (дата обращения 05.12.2025).

7. Рейтинг качества жизни: онлайн-версия [сайт]. – 2025. – https://asi.ru/government_officials/quality-of-life-ranking/ (дата обращения 05.12.2025).

© Викторович А.В.

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВЫХ РЕШЕНИЙ НА СОКРАЩЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ БАРЬЕРОВ ПРИ ПРОЕКТИРОВАНИИ И УТВЕРЖДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Загриева Аделя Рифнуровна
студент
Научный руководитель: **Чебенева Ольга Евгеньевна**
доцент, канд. экон. наук, доцент
Казанский национальный исследовательский
технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ

Аннотация: Статья посвящена исследованию воздействия цифровых технологий на процедуру проектирования и утверждения государственных инвестиционных проектов. Рассматриваются основные административные барьеры, возникающие на этапе разработки и одобрения проектов, а также изучается, каким образом цифровая трансформация способна минимизировать бюрократические преграды и ускорить принятие решений.

Ключевые слова: цифровые решения; административный барьер; проектирование; государственный инвестиционный проект; электронный документооборот.

ANALYSIS OF THE IMPACT OF DIGITAL SOLUTIONS ON REDUCING ADMINISTRATIVE BARRIERS IN THE DESIGN AND APPROVAL OF STATE INVESTMENT PROJECTS

Zagrieva Adelya Rifnurovna
Scientific adviser: **Chebeneva Olga Evgenievna**

Abstract: This article examines the impact of digital technologies on the design and approval process for public investment projects. It examines the key administrative barriers that arise during the project development and approval process, and explores how digital transformation can minimize bureaucratic obstacles and accelerate decision-making.

Key words: digital solutions; administrative barrier; design; public investment project; electronic document management.

Цифровизация административных барьеров предполагает перевод всех требований государственной структуры (общеобязательных и рекомендательных) в электронный вид. Государственная структура РФ уже движется в направлении цифровизации административных барьеров [1].

Согласно Указу Президента РФ №309 от 7 мая 2024 года, определены ключевые направления цифровой трансформации государственного управления. В частности, перед государственным сектором поставлена задача обеспечить к 2030 году 99% предоставление массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронном виде. Также к 2030 году ожидается полный переход (до 100%) органов местного самоуправления и государственных/муниципальных учреждений на электронный документооборот. Для достижения этих целей разработан национальный проект «Экономика данных, и цифровая трансформация государства». Миссия – осуществить комплексную цифровую трансформацию государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы. Это предполагает обеспечение надежной кибербезопасности, бесперебойного интернет-доступа, подготовку квалифицированных IT-специалистов, развитие цифрового госуправления, а также поддержку отечественных цифровых платформ, программного обеспечения, инновационных разработок и искусственного интеллекта.

По данным Министерства цифрового развития, «на начало 2024 года более 90% государственных услуг предоставляются в электронном формате через портал Госуслуги, а количество пользователей платформы Госуслуги превысило 90 миллионов, что свидетельствует о высоком уровне вовлечённости граждан в цифровое взаимодействие с государством» [2].

Несмотря на имеющиеся проблемы и риски, уже сейчас эффект от внедрения ИИ в отечественную экономику оценивается в 1 трлн руб., а к 2030 г. он достигнет 10 трлн руб. [3]. По оценкам экспертного сообщества, «к 2030 году вклад искусственного интеллекта в мировую экономику составит 15,7 триллионов долларов» [4].

Государственное финансирование играет значительную роль в развитии национальной экономики, однако сложность процедуры оформления документов и длительная процедура согласования приводят к значительным

задержкам реализации проектов. Современные цифровые технологии способны снизить временные и трудозатраты, устранить дублирующиеся операции и уменьшить коррупционную составляющую.

Причинами наличия высоких административных барьеров традиционно называют избыточную регуляцию, отсутствие единого подхода к оценке рисков и слабую координацию действий разных уровней власти. Современные условия требуют внедрения современных цифровых технологий, позволяющих ускорить принятие решений и повысить прозрачность процедуры инвестирования. Среди типичных препятствий выделяются:

– многократное согласование документации в различных ведомствах и органах исполнительной власти;

– отсутствие единого стандарта и четкого регламента прохождения этапов проектной документации;

– сложность проверки подлинности документов и сведений;

– недостаточный контроль соблюдения требований и стандартов;

– потеря информации и низкий уровень прозрачности процедур [5].

Цифровые инновации значительно упрощают и ускоряют процессы согласования и утверждения проектов. Сегодня активно применяются следующие ключевые цифровые решения:

1. Электронный документооборот и цифровая подпись. Внедрение единой системы электронного документооборота и использование электронных подписей является одним из первых шагов к устранению бюрократических преград.

– Сокращение времени на обработку документов на 50-70%, благодаря устранению физического перемещения документов и ускоренному процессу визирования.

– Уменьшение операционных расходов на печать, доставку и хранение документов на 30-50%.

– Возможность одновременной обработки большего количества документов, что позволяет увеличить производительность на 20-30%.

2. Автоматизированный контроль и аудит проектной документации. Эти системы автоматически проверяют документы на соответствие нормативным требованиям, выявляют возможные несоответствия и позволяют оперативно вносить необходимые корректировки.

– Автоматизированная проверка уменьшает количество ошибок в документах на 20-40%, что повышает точность принимаемых решений.

– Сокращение времени на внесение изменений и исправление ошибок на 30-50%.

– Улучшенная координация между участниками процесса позволяет ускорить утверждение проектов на 25-40%.

3. Облачное хранение данных. Централизованное хранение информации в облаке обеспечивает всем участникам процесса свободный доступ к необходимым данным. Такой подход повышает прозрачность, минимизирует риск потери информации и ускоряет передачу и обработку документов.

– Свободный доступ ко всей необходимой информации участникам процесса сокращает время ожидания на 20-30%.

– Резервное копирование и защита данных уменьшают риски потерь на 80-90%.

– Совместная работа в режиме реального времени ускоряет принятие решений на 15-25%.

4. Модули самообслуживания и удаленный доступ. Предоставление гражданам и организациям возможности самостоятельно решать вопросы и получать услуги удаленно позволяет существенно экономить рабочее время и финансовые ресурсы. Государственные органы могут дистанционно обрабатывать запросы и предоставлять консультации заявителям.

– Удаленный доступ позволяет сэкономить рабочее время на 30-40%, исключая необходимость посещения офисов и ожидание очередей.

– Сокращение транспортных расходов и экономия на командировках на 40-60%.

– Быстрый отклик на запросы и жалобы клиентов повышает удовлетворенность на 20-30% [6].

Пример эффективного цифрового инструмента для управления проектами в государственном секторе – Системы управления программами и проектами Липецкой области. Эта система победитель конкурса ПРОФ.IT-2023 и заняла первое место в номинации «Государственное и муниципальное управление: ситуационные центры и центры принятия решения», демонстрирует, как цифровые решения способствуют успешной реализации государственных инициатив на региональном уровне (рис. 1) [7].

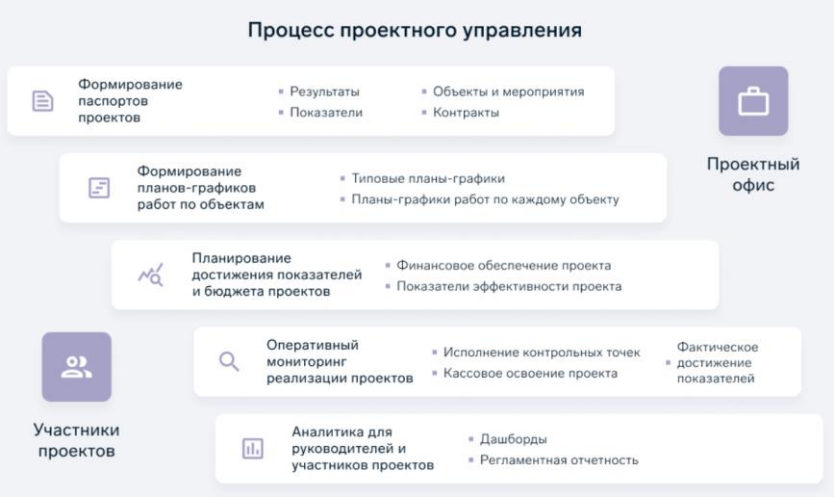

Рис. 1. Процесс проектного управления

Возможности адаптации решения позволяют распространить этот опыт на региональном и муниципальном уровнях для повышения качества управления при решении задач стратегического планирования и развития.

Несколько практических примеров внедрения цифровых решений в различных странах мира (табл. 1):

Таблица 1

Примеры внедрения цифровых решений в различных странах мира

Страна	Цифровое решение
Эстония	Создана единая государственная платформа e-Government, позволяющая осуществлять большинство операций онлайн, включая подачу заявок на субсидии и оформление разрешительной документации
Сингапур	Реализуется инициатива Smart Nation, нацеленная на полную цифровизацию государственных услуг и создание умных городов
Китай	Инициатива Belt and Road Initiative предусматривает активное использование цифровых технологий для реализации крупномасштабных инфраструктурных проектов

Несмотря на очевидные преимущества, связанные с внедрением цифровых технологий, их повсеместное применение осложняется рядом факторов:

– Ограниченность ресурсного обеспечения и технической оснащенности отдельных государственных органов.

– Необходимость проведения мероприятий по повышению квалификации и адаптации персонала к новым цифровым инструментам и методам работы.

– Несовершенство действующего законодательства и отсутствие адекватных нормативных актов, регламентирующих использование цифровых технологий.

– Существующие риски в области кибербезопасности и потребность в обеспечении конфиденциальности обрабатываемых данных.

На сегодняшний день есть значительный положительный эффект от внедрения цифровых решений в процесс проектирования и утверждения государственных инвестиционных проектов. Хотя полное устранение административных барьеров возможно только при комплексном подходе и совместной работе всех заинтересованных сторон, существующие технологии уже сегодня позволяют значительно упростить и ускорить прохождение этапов согласования и утверждения проектов. Дальнейшее развитие и расширение использования цифровых решений должно стать важнейшим фактором модернизации системы государственного управления и повышения инвестиционной привлекательности страны.

Список литературы

1. Кощеев В.А., Шаповалов С.В. Снижение административных барьеров в строительной сфере РФ на цифровой основе // Московский экономический журнал. 2023. № 5. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/snizhenie-administrativnyh-barierov-v-stroitelnoy-sfere-rf-na-tsifrovoy-osnove/viewer

2. Даллас А. Цифровизация в России: новые векторы развития в 2024 году. [Электронный ресурс]. URL: https://www.sostav.ru/blogs/277074/50927 (дата обращения 11.11.2025).

3. Экспериментальные правовые режимы. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy (дата обращения 11.11.2025).

4. Мишустин рассказал об эффекте от внедрения ИИ в экономику и госуправление. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20240202/effekt-1924957864.html (дата обращения 05.11.2025).

5. Камолов, С. Г. Цифровое государственное управление: учебник для вузов / С. Г. Камолов, Н. Д. Александров. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 287 с.

6. Косоруков А.А. Цифровые технологии в системе государственного и муниципального управления: учебник / Косоруков А.А. — Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2024. — 207 с.

7. Цифровые инструменты управления программами и проектами в госсекторе. [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/article/1816959/ (дата обращения 11.11.2025)

© Загриева А.Р., 2025

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Афанасова Мария Александровна
Игнатьева Анна Николаевна
студенты
Научный руководитель: **Хисамутдинова Эльмира Наилевна**
к.э.н., доцент
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Аннотация: В статье исследуется роль административно-правовых ограничений для госслужащих в обеспечении экономической безопасности России. Анализ законодательства, статистики и динамики ИВК выявляет противоречие между развитой системой запретов и высокими коррупционными рисками. Авторы делают вывод, что эффективность ограничений снижается из-за недостаточной прозрачности и избирательности правоприменения, и предлагают меры по цифровизации, изменению акцентов правоохранительной деятельности и укреплению независимости контролирующих органов для трансформации формальных норм в рабочий инструмент защиты экономических интересов государства.

Ключевые слова: административно-правовые ограничения, государственные служащие, экономическая безопасность, коррупция, противодействие коррупции, индекс восприятия коррупции, конфликт интересов, госзакупки.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL RESTRICTIONS FOR CIVIL SERVANTS AS AN INSTRUMENT FOR ENSURING ECONOMIC SECURITY IN THE RISSIAN FEDERATION

Afanasova Maria Aleksandrovna
Ignateva Anna Nikolaevna
Scientific adviser: **Hisamutdinova Elmira Nailevna**

Abstract: The article examines the role of administrative and legal restrictions for civil servants in ensuring Russia's economic security. An analysis of legislation, statistics, and CPI dynamics reveals a contradiction between a developed system of prohibitions and high corruption risks. The authors conclude that the effectiveness of restrictions is reduced due to lack of transparency and selective law enforcement, and propose measures for digitalization, shifting law enforcement priorities, and strengthening the independence of supervisory bodies to transform formal norms into an effective tool for protecting state economic interests.

Key words: administrative and legal restrictions, civil servants, economic security, corruption, anti-corruption, corruption perceptions index (CPI), conflict of interest, public procurement.

В соответствии с пунктом 11 части 1 статьи 15 Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» гражданский служащий обязан соблюдать ограничения, выполнять обязательства и требования к служебному поведению, не нарушать запреты, которые установлены Федеральным законом № 79-ФЗ и другими федеральными законами [1], в частности федеральными законами от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2], от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [3] и от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» [4].

Введение законом ограничений и запретов в сфере служебного поведения преследует цель обеспечить эффективное исполнение должностных обязанностей гражданскими служащими, предупредить использование служебных полномочий в корыстных целях и способствовать объективному принятию управленческих решений.

В целях достижения данных задач законодатель устанавливает совокупность конкретных требований, ограничений и запретов, определяющих правовые и этические рамки профессиональной деятельности

государственных служащих. Указанные ниже меры направлены на минимизацию коррупционных рисков, защиту публичного интереса от влияния личной заинтересованности и обеспечение общественного доверия к институтам государственного власти. Основные механизмы реализации подлежат систематизации по нескольким группам, каждая из которых ориентирована на пресечение типичных и наиболее рискованных ситуаций.

1. Служащим запрещено заниматься предпринимательской деятельностью или управлять коммерческими структурами, чтобы исключить конфликт между личными и финансовыми интересами и государственными обязанностями [1,2].

2. Обязательная ежегодная подача сведений об активах и расходах служит инструментом контроля, позволяя выявлять необоснованное обогащение и повышая прозрачность [6].

3. Государственный служащий обязан выявить и урегулировать ситуации, где его личная заинтересованность может повлиять на объективность решений [5].

4. Запрещено принимать подарки или выгоды в связи с исполнением обязанностей, чтобы избежать оказания влияния на служебные решения [6].

5. Вводится «период охлаждения», запрещающий бывшим государственным служащим занимать определенные должности в структурах, которые они ранее контролировали, для предотвращения использования связей и инсайдерской информации [5].

Эти меры формируют комплексную систему защиты от коррупции. Их реальная эффективность зависит не только от законодательства, но и от строгости контроля, правоприменительной практики и уровня антикоррупционной культуры. Кроме того, необходимо регулярно обновлять и ужесточать антикоррупционные ограничения, обеспечивая их прозрачность, независимый мониторинг и реальные санкции за нарушения.

Эмпирическую основу оценки эффективности антикоррупционных ограничений составляют данные официальной статистики. Анализ показывает неоднозначную динамику: с одной стороны, фиксируется активная работа правоохранительных систем по выявлению нарушений, с другой стороны, эти

данные указывают на сохранение значительных коррупционных рисков, напрямую угрожающих экономической стабильности.

Ключевые показатели регистрации коррупционных преступлений представлены в таблице 1. Они позволяют оценить масштабы и структуру выявляемых правонарушений.

Таблица 1

Статистика по преступлениям коррупционной направленности

Показатель	2023 год	2024 год
Всего коррупционных преступлений	36 400	38 500
Осуждено за коррупцию	22 014 человек	21 729
Из них: взятки	20 279	23 240
Получение взятки в крупном размере	1 800	1 933
Ущерб от коррупционных преступлений	Добровольно компенсировано 5,4 млрд. руб.; изъято имущества на 36,4 млрд. руб.	

Источник: составлено авторами на основе открытых данных [7]

Как видно из таблицы, статистика фиксирует рост регистрируемых коррупционных деяний, особенно в части взяточничества. Это может свидетельствовать как об усилении работы по выявлению, так и о высокой латентной распространенности явления. Значительный объем материального ущерба, исчисляемый десятками миллиардов рублей, подрывает финансовые основы экономической безопасности в стране. Отдельным вызовом является устойчивый рост числа преступлений в сфере государственных закупок, где коррупционные схемы приводят к неэффективному расходованию стратегических бюджетных средств. Таким образом, система административных ограничений существует в условиях рисков, когда повышение выявляемости само по себе не приводит к качественному снижению уровня коррупционных угроз.

Для более комплексной оценки необходимо обратиться к независимым экспертным мнениям, отражающим системное восприятие проблемы. Таким индикатором является Индекс восприятия коррупции, его динамика представлена на рисунке 1.

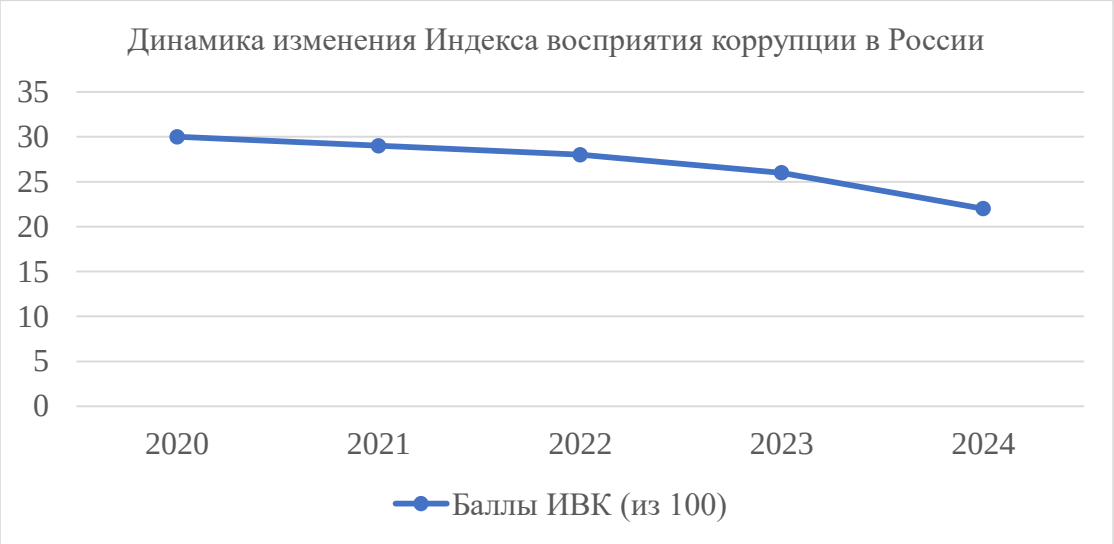

Рис. 1. Динамика изменения Индекса восприятия коррупции в России за 2020-2024 годы [8]

Источник: составлено авторами на основе открытых данных

Как видно из рисунка, Российская Федерация демонстрирует последовательную и резко негативную динамику. Падение баллов с 30 до 22 за последние 5 лет свидетельствует о значительном ухудшении восприятия уровня коррупции в государственном секторе как со стороны международных экспертов, так и представителей бизнеса.

Сопоставив данные анализа, можно выявить ключевое методологическое противоречие. Рост официальной статистики выявляемости коррупционных преступлений, который мог бы интерпретироваться как признак усиления борьбы, сопровождается падением авторитетного международного индекса. Это противоречие указывает на глубокие системные проблемы, которые не могут быть решены лишь увеличением количества проверок и возбужденных дел. Снижение ИВК сигнализирует о деградации институциональных основ – недостаточной прозрачности, ослаблении независимых механизмов контроля, включая гражданское общество и СМИ, и избирательности правоприменения. В таких условиях даже строгие формальные административные ограничения для госслужащих теряют свою превентивную силу, поскольку действуют в среде, где снижены риски разоблачения сложных коррупционных схем, особенно в высокобюджетных сферах. Таким образом, коррупция перерастает из проблемы отдельных нарушений в фактор системного риска для экономического суверенитета и безопасности страны.

Совершенствование действующей системы должно идти по трем взаимосвязанным направлениям: переход от декларативности к реальной профилактике, пересмотр подходов к ответственности и формирование независимой институциональной экосистемы.

Ключевым направлением является глубокая цифровизация и радикальное повышение прозрачности процессов, что переведет административные ограничения из режима ретроспективных проверок в режим превентивного управления рисками. Речь идет не просто об оцифровке существующих бумажных процедур, а о создании сквозных цифровых платформ, где в автоматическом режиме пересекаются данные о госзакупках, бюджетных расходах, имуществе и доходах государственных служащих и их близких родственников. Внедрение риск-ориентированного электронного контроля позволит алгоритмам, а не заявлениям, выявлять аномалии: например, когда компания, аффилированная с родственником ответственного лица, необоснованно выигрывает тендер или когда решение регулятора неожиданно изменяет рыночную стоимость активов определенного круга лиц. Такой автоматизированный мониторинг цепочек собственности и конфликтов интересов трансформирует формальный запрет на предпринимательскую деятельность в работающий инструмент экономической безопасности, блокируя возможности для скрытого перераспределения государственных ресурсов в частные интересы.

Однако сами по себе даже самые совершенные превентивные технологии не сработают без кардинального изменения философии правоприменения. Нынешний рост уголовных дел, сконцентрированных в основном на сравнительно мелких взятках, должен уступить место стратегии, нацеленной на снижение латентности и расследование сложных, высокоорганизованных финансовых схем в стратегических отраслях. Экономическую безопасность подрывают не столько конверты с наличными, сколько коррупционные модели в сфере крупных госзакупок, банковском секторе, управлении государственными корпорациями и распределении субсидий, где ущерб исчисляется миллиардами. Смещение фокуса на эти сферы требует от контрольно-надзорных и правоохранительных органов не количественных показателей, а качественной аналитической работы, глубокого понимания финансовых механизмов и построения доказательств по многослойным схемам. Именно это, а не число осужденных, станет истинным

индикатором того, что административные ограничения начали выполнять функцию защитного барьера для экономики.

Эффективность любых, даже самых передовых, формальных ограничений полностью обусловлена качеством институциональной среды, в которой они действуют. Анализ динамики ИВК прямо указывает на проблему доверия к институтам. Поэтому центральной рекомендацией является обеспечение реальной, а не декларативной, независимости контрольно-следственных и судебных органов. Без этого любые попытки расследования сложных схем в высших эшелонах власти или в связанных с ними бизнес-структурах обречены. Независимость должна подкрепляться максимальным стимулированием общественного и профессионального медийного контроля. Только такой комплексный подход, синтезирующий передовые технологии, стратегическое правоприменение и сильные институты, позволит трансформировать административно-правовые ограничения из формального свода запретов в живой и эффективный инструмент защиты национальных экономических интересов.

Антикоррупционные запреты для государственных служащих, несмотря на кажущуюся строгость, не достигают главной цели – снижения уровня коррупции, которая трансформируется в более изощренные и латентные формы. Это происходит потому, что формальные ограничения не подкреплены независимыми институтами контроля, прозрачностью и эффективным правоприменением в отношении сложных финансовых схем. Следовательно, необходима системная реформа, включающая внедрение цифрового превентивного контроля, обеспечение реальной независимости судебно-следственных органов и смещение фокуса на расследование крупных коррупционных преступлений в стратегических отраслях экономики.

Список литературы

1. О государственной гражданской службе Российской Федерации [федер. закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 02.08.2004. - № 31. – Ст. 3215.

2. О противодействии коррупции [федер. закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 29.12.2008. – № 52. (ч.1). – Ст. 6228.

3. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам [федер. закон от 03.12.2012 г. № 230-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 10.12.2012. – № 50. – Ст. 6953.

4. О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами [федер. закон от 07.05.2013 г. № 79-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 13.05.2013. – № 19. – Ст. 2306.

5. О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции»: [указ Президента РФ от 02.04.2013 г. № 309] // Собрание законодательства РФ. – 08.04.2013. – № 14. – Ст. 1670.

6. О представлении гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера: [указ Президента РФ от 18.05.2009 г. № 559] // Собрание законодательства РФ. – 25.09.2009. – № 21. – Ст. 2544.

7. Данные о коррупции в России [Электронный ресурс] // Официальный сайт РБК. – URL: https://www.rbc.ru/society/16/06/2025/6837ed979a79471aa4b6c83d (дата обращения 10.12.2025).

8. Индекс коррупции [Электронный ресурс] // Trading Economics. – URL: https://ru.tradingeconomics.com/russia/corruption-index (дата обращения 10.12.2025).

© Афанасова М.А., Игнатьева А.Н.

МОДЕЛИ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОДХОДОВ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ

Попов Сергей Александрович
студент
Научный руководитель: **Олифиров Александр Васильевич**
д.э.н., профессор
ФГБОУ ВО «Херсонский государственный
педагогический университет»

Аннотация: В статье проводится сравнительный анализ ключевых международных и отечественных моделей цифровых компетенций для государственных служащих. Анализ выявил, что, в отличие от универсальных международных моделей, российская система носит практико-ориентированный, иерархический характер с акцентом на работу с национальными информационными системами и безопасность. Выводы статьи указывают на необходимость стратегического синтеза сильных сторон обеих традиций для преодоления существующих пробелов и эффективной подготовки кадров к цифровой трансформации государственного управления.

Ключевые слова: цифровые компетенции, государственные служащие, цифровая трансформация.

DIGITAL COMPETENCE MODELS FOR CIVIL SERVANTS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF INTERNATIONAL APPROACHES AND DOMESTIC PRACTICE

Popov Sergey Alexandrovich
Scientific adviser: **Olifirov Alexander Vasilievich**

Abstract: The article provides a comparative analysis of key international and domestic models of digital competencies for civil servants. The analysis revealed that, unlike universal international models, the Russian system has a practice-oriented, hierarchical nature with an emphasis on working with national information systems and security. The conclusions of the article indicate the need

for a strategic synthesis of the strengths of both traditions in order to overcome existing gaps and effectively train personnel for the digital transformation of public administration.

Key words: digital competencies, civil servants, digital transformation.

Масштабная цифровизация публичного управления делает развитие цифровых компетенций государственных служащих безусловной необходимостью. Современные вызовы — переход к сервисной модели государства, управление на основе данных и обеспечение кибербезопасности — требуют от госаппарата освоения принципиально новых умений. При этом универсальный подход к определению, структурированию и развитию этих компетенций отсутствует, поскольку практика их формирования существенно различается как на международном, так и на национальном уровне.

Целью статьи является проведение всестороннего обзора ключевых международных и отечественных моделей цифровых компетенций, разработанных и применяемых для государственных служащих.

На международном уровне существует ряд инициатив и рамок, направленных на определение и развитие цифровых компетенций. Хотя многие из них изначально разрабатывались для граждан в целом, они служат основой для адаптации под специфические нужды государственного сектора.

Одной из наиболее влиятельных и широко признанных международных моделей является Европейская рамка цифровых компетенций для граждан (DigComp), разработанная Объединенным исследовательским центром Европейской комиссии [1].

Отчеты ОЭСР, такие как «Skills for a High-Performing Civil Service», «Government at a Glance» и публикации по цифровому правительству, регулярно анализируют прогресс стран в развитии цифровых компетенций и предлагают бенчмарки и рекомендации.

В своих программах поддержки цифровой трансформации стран-партнеров Всемирный банк часто акцентирует внимание на необходимости наращивания потенциала государственных служащих в области цифровых навыков. Их подход часто включает разработку индивидуальных планов обучения, связанных с конкретными проектами по электронному правительству, управлению данными и кибербезопасности. Ключевые области включают цифровую грамотность, использование ИКТ для управления

проектами, анализ данных для принятия решений и навыки кибербезопасности.

Индекс EGDI является комплексным показателем, который, в частности, включает Индекс человеческого капитала (HCI), оценивающий уровень образования и грамотности населения [2]. Это напрямую свидетельствует о том, что страны с высоким рейтингом обладают более квалифицированными кадрами, включая госслужащих с развитыми цифровыми компетенциями. Позиция России: 43-е место в рейтинге 2024 года (EGDI 0.8533), в 2022 году была на 42-м месте (0.8162). Сильные стороны — человеческий капитал (0.9065 в 2022 году), слабые — онлайн-услуги (0.7368). Анализ позиции России в международных рейтингах обуславливает необходимость перехода к рассмотрению внутренних механизмов формирования цифровых компетенций, которые, в отличие от универсальных международных рамок, имеют свою ярко выраженную специфику.

В России не существует единой унифицированной «национальной модели» цифровых компетенций, жестко утвержденной для всех государственных органов. Вместо этого, наблюдается комплексный подход, который включает, профили компетенций, разрабатываемые Минцифры России и образовательные учреждения, такие как РАНХиГС. Так, Минцифры России совместно с HeadHunter запустило национальную систему подтверждения ИТ-компетенций, через которую за несколько месяцев прошли оценку сотни тысяч человек [3].

Комплексный подход включает профили компетенций, разрабатываемые Минцифры России, рекомендации по формированию и развитию цифровых компетенций, которые могут быть адаптированы ведомствами. Эти рекомендации часто включают в себя разделение компетенций на базовые, продвинутые и специализированные с учетом должностных категорий.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) реализует образовательные программы для подготовки «Руководителей по цифровой трансформации (CDO)» с учетом их стратегической роли в создании и осуществлении цифровой стратегии [4]. Являясь ключевым центром подготовки и переподготовки госслужащих, РАНХиГС активно участвует в разработке и внедрении моделей цифровых компетенций. Эти модели часто интегрируются в образовательные программы, куда входят базовая цифровая

грамотность, информационная безопасность, работа с государственными информационными системами, цифровое взаимодействие с гражданами и бизнесом, анализ данных, цифровое лидерство и управление проектами.

Также активно изучается и адаптируется для государственного сектора опыт негосударственных структур, таких как корпоративный университет Сбербанка и других крупных корпораций в формировании цифровых компетенций для сотрудников [5]. Магистерская программа «Цифровая трансформация в публичном управлении», разработанная с участием экспертов Сбербанка, стартовала в Президентской академии в сентябре 2025 года. Она предназначена для выпускников бакалавриата, специалитета и действующих управленцев, которые хотят освоить современные технологии для эффективной работы в госсекторе и бизнесе.

Ключевыми особенностями российских моделей цифровых компетенций являются: акцент на национальные ИС и безопасность; централизованная система обучения и развитие лидеров, что реализуется через государственные образовательные учреждения. Ярким примером является проект «Цифровые кафедры» в РАНХиГС, который курируется Минобрнауки и Минцифры России и нацелен на массовую подготовку кадров для цифровой экономики, включая госслужащих. Параллельно с этим целенаправленно формируется институт руководителей цифровой трансформации (CDTO), чья роль эволюционировала от поддержки ИТ к стратегическому руководству глубокими изменениями в бизнес-моделях и корпоративной культуре [6].

Также обязательными составляющими являются информационная безопасность из-за особенностей геополитической ситуации и стратегической важности данных и государственный подход к обучению: Большой объем обучения и переподготовки осуществляется через государственные образовательные учреждения (РАНХиГС, РГГУ и др.) и ведомственные учебные центры.

Таким образом, эффективное формирование цифровых компетенций государственных служащих требует глубокого понимания как глобальных тенденций, так и национальной специфики. Это обуславливает необходимость постоянной адаптации и развития систем обучения и оценки кадров для успешного построения цифрового государства, способного отвечать современным вызовам и эффективно предоставлять услуги гражданам.

Список литературы

1. Европейская комиссия. DigComp 2.2: The Digital Competence Framework for Citizens. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2022. – 111 с. – URL: https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC128415 (дата обращения 01.12.2025).

2. «Индекс развития электронного правительства» [Электронный ресурс] // Центр управления регионом Московской области. – URL: https://mosregdata.ru/article/e-government-development-index (дата обращения 01.12.2025).

3. В вузах появятся проректоры по цифровизации [Электронный ресурс]. – URL: https://news.tek.fm/news/439732 (дата обращения 01.12.2025).

4. Профессия «Руководитель по цифровой трансформации (CDO – Chief Data Officer)»: программа в СИУ РАНХиГС [Электронный ресурс]. – Поступи онлайн. – URL: https://nsk.postupi.online/vuz/siu-ranhigs/professiya/rukovoditel-po-cifrovoj-transformacii-cdo---chief-data-officer/ (дата обращения 01.12.2025).

5. «Цифровая трансформация госсектора»: открыт набор на программу для будущих руководителей [Электронный ресурс] // Сайт Орловского филиала РАНХиГС. – URL: https://orn.ranepa.ru/news/tsifrovaya-transformatsiya-gossektora-otkryt-nabor-na-programmu-dlya-budushchikh-rukovoditeley/ (дата обращения 01.12.2025).

6. Эволюция CDTO: как изменилась роль руководителя по цифровой трансформации [Электронный ресурс] // Sber.pro. – URL: https://sber.pro/publication/evolyutsiya-cdto-kak-izmenilas-rol-rukovoditelya-po-tsifrovoi-transformatsii/ (дата обращения 01.12.2025).

© Попов С.А.

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Попова Галина Викторовна
студент
Научный руководитель**: Олифиров Александр Васильевич**
д.э.н., профессор
ФГБОУ ВО «Херсонский государственный
педагогический университет»

Аннотация: В статье представлена методика комплексной оценки информационной открытости органов государственной гражданской службы (ГГС) в сфере образования. Результаты исследования выявили значительную поляризацию уровня открытости и структурный дисбаланс: высокие показатели технологической доступности (77,5%) контрастируют с низкой прозрачностью в сфере кадровой политики (49,33%) и общественного взаимодействия (48,89%). Полученные данные свидетельствуют о доминировании односторонней модели информирования и определяют приоритетные направления для выработки единых стандартов с целью повышения эффективности диалога власти и общества.

Ключевые слова: информационная открытость, государственная гражданская служба, органы управления образованием.

A SYSTEMATIC ANALYSIS OF THE INFORMATION OPENNESS OF THE STATE CIVIL SERVICE IN THE FIELD OF EDUCATION

Popova Galina Viktorovna
Scientific adviser: **Olifirov Alexander Vasilievich**

Abstract: The article presents a methodology for a comprehensive assessment of the information openness of the state civil service in the field of education.The results of the study revealed a significant polarization in the level of openness and structural imbalance: high rates of technological accessibility (77.5%) contrast with low transparency in the field of personnel policy (49.33%) and public

interaction (48.89%). The data obtained indicate the dominance of the one-sided model of information and identify priority areas for the development of common standards in order to increase the effectiveness of the dialogue between government and society.

Key words: information openness, state civil service, educational authorities.

Актуальность исследования уровня информационной открытости органов государственной гражданской службы (ГГС) в сфере образования определяется необходимостью перехода от декларативных принципов к измеримым и сравнимым показателям прозрачности. Анализ сайтов органов власти как ключевых каналов коммуникации с обществом требует комплексной методики, способной преобразовать разрозненные данные в целостную диагностическую картину.

Цель статьи представить системный метод оценки информационной открытости, включающий формирование репрезентативной выборки, расчет интегральных показателей и применение статистического аппарата для сравнения результатов. Практическая значимость работы заключается в выявлении не только общего уровня, но и структурных проблем, препятствующих эффективному диалогу между властью и обществом.

Эмпирическая база исследования составляет 30 официальных сайтов региональных органов управления образованием, отобранных методом стратифицированной выборки для обеспечения репрезентативности [1]. Методология включает три этапа: 1) расчет интегрального показателя открытости (ИПИО); 2) описательная статистика для анализа распределения результатов; 3) сравнительный анализ по пяти ключевым критериям (кадровая политика, противодействие коррупции, результаты деятельности, общественное взаимодействие, технологическая доступность).

Этап 1: Формирование сводного массива данных и расчет интегральных показателей. Первоначальным шагом стало создание консолидированной базы данных на основе заполненных кодировочных анкет. Все данные были систематизированы в Microsoft Excel, что позволило приступить к количественным расчетам.

Расчет критериальных показателей. Для каждого из пяти ключевых критериев открытости (кадровая политика, противодействие коррупции, результаты деятельности, общественное взаимодействие, технологическая доступность) [2, 3] рассчитывалась оценка в баллах для каждого органа

власти. Она определялась путем суммирования баллов по всем индикаторам, входящим в данный критерий.

Расчет Интегрального показателя информационной открытости (ИПИО). Для получения комплексной оценки общего уровня открытости каждого сайта был введен ИПИО. Чтобы обеспечить сопоставимость результатов, показатель рассчитывался как нормализованное значение в процентах по формуле:ИПИО = (Фактический балл сайта / Максимально возможный балл) * 100%. Данный показатель стал ключевой метрикой для последующего ранжирования, группировки и сравнительного анализа.

Этап 2: Описательная статистика и визуализация сводных результатов. На данном этапе был проведен статистический анализ распределения рассчитанных Интегральных показателей информационной открытости (ИПИО) по всей выборке. Были вычислены основные меры описательной статистики: медиана, мода, стандартное отклонение и квартили.

Результаты расчетов выявили следующее: медиана составила 59,21%, что указывает на то, что типичный («средний») сайт реализует чуть более половины от всех анализируемых требований открытости. Мода равна 84,21%, что свидетельствует о наличии выраженной группы сайтов «лидеров», задающих высокую планку открытости. Стандартное отклонение оказалось высоким – 25,87%, что прямо указывает на крайнюю неоднородность и сильный разброс данных в выборке: уровень открытости сайтов резко отличается.

Более детальную структуру этой неоднородности раскрывает анализ квартилей: нижний квартиль (25% аутсайдеров): ИПИО ниже 42,11%. Для этой группы характерен критически низкий уровень информационной прозрачности; интерквартильный размах (средние 50% сайтов): ИПИО находится в диапазоне от 42,11% до 78,95%. Здесь сосредоточена основная масса ресурсов, демонстрирующих средний уровень открытости с положительной динамикой в верхней части диапазона; верхний квартиль (25% лидеров): ИПИО выше 89,47%. Данная группа представляет собой пул лучших практик, чей опыт является эталонным.

Таким образом, статистический анализ констатировал поляризованность и неравномерность уровня открытости. Значительный разброс данных указывает на отсутствие единых стандартов и системного подхода, актуализируя задачу выявления и распространения лучших практик.

Этап 3: Сравнительный анализ по критериям и выявление лучших практик. Для выявления системных сильных и слабых сторон был проведен сравнительный анализ средних значений по пяти ключевым критериям (Таблица 1).

Таблица 1

Оценка уровня информационной открытости органов власти по ключевым критериям (среднее значение, %)

№	Критерий	Среднее значение
1	Открытость кадровой политики и организации ГГС	49,33
2	Открытость в сфере противодействия коррупции	57,50
3	Открытость результатов деятельности и стратегического планирования	51,11
4	Открытость для общественного взаимодействия и обратной связи	48,89
5	Технологическая и навигационная доступность информации	77,50

Сложившаяся картина демонстрирует разрыв между технической возможностью и содержательной наполненностью. Приоритетными направлениями для совершенствования являются все содержательные аспекты, особенно развитие диалога с обществом и обеспечение прозрачности кадровой политики. Проведенное исследование позволило апробировать и реализовать системный подход к оценке информационной открытости органов ГГС в сфере образования. Предложенная и апробированная методика, основанная на стратифицированной выборке и расчете интегрального показателя (ИПИО), доказала свою релевантность и эффективность для получения объективных и сопоставимых данных.

Ключевые результаты анализа свидетельствуют о глубокой поляризации и структурной неоднородности уровня открытости в исследуемой системе. Сравнительный анализ по критериям выявил устойчивый структурный дисбаланс: высокие показатели по технологической доступности (77,5%) контрастируют с критически низкими результатами по содержательным аспектам; наиболее проблемными зонами оказались кадровая открытость (49,33%) и общественное взаимодействие (48,89%), что рассматривается как доминирование односторонней модели информирования над диалоговой**.**

Таким образом, исследование не только диагностирует текущее состояние, но и верифицирует приоритетные направления для совершенствования: преодоление разрыва между технической возможностью

и содержательной наполненностью, а также выработка единых требований к публикации информации по наиболее проблемным содержательным критериям. Полученные результаты и разработанный методический инструментарий создают научно-практическую основу для повышения прозрачности и трансформации коммуникационных моделей в сторону эффективного диалога власти с обществом.

Список литературы

1. Могильчак Е. Л. Выборочный метод в эмпирическом социологическом исследовании: учеб. пособие / Е. Л. Могильчак. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2017. – 119 с.

2. Хайруллин Р. Р. Принцип открытости: международно-правовые аспекты // Международный инновационный журнал «Инновационная наука». — 2016. — № 5. — С. 279–282.

3. Казаков А. П. Информационная открытость институтов общественного контроля. Опыт анализа на примере Архангельской области // Муниципалитет: экономика и управление. 2025. № 1. – С. 36–48.

© Попова Г.В.

СЕКЦИЯ ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА: СУЩНОСТЬ, ФОРМЫ И СОВРЕМЕННЫЕ СИСТЕМЫ ОПЛАТЫ ТРУДА

Дедеева Светлана Александровна
Галушко Марина Викторовна
кандидат экономических наук
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
Летунова Полина Евгеньевна
студент 2 курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет».

Аннотация: В статье анализируются современные тенденции и проблемы формирования заработной платы в условиях цифровизации экономики. Рассмотрены теоретические подходы к оплате труда, выявлены ключевые вызовы, связанные с внедрением цифровых технологий и гибридных моделей работы. Проведен анализ статистических данных и кейсов российских компаний, что позволило сформулировать рекомендации по совершенствованию системы оплаты труда. Особое внимание уделено эволюции форм и функций заработной платы, а также практическим аспектам реализации бестарифной и тарифной систем. Работа основана на обзоре научной литературы, анализе нормативных актов.

Ключевые слова: заработная плата, цифровизация, KPI, бестарифная система, тарифная система, гибридные модели.

WAGES: ESSENCE, FORMS AND MODERN PAYMENT SYSTEMS

Dedeeva Svetlana Aleksandrovna
Galushko Marina Viktorovna
Letunova Polina Evgenevna

Abstract: The article analyzes current trends and challenges in the formation of wages in the context of digitalization of the economy. It examines theoretical approaches to labor compensation and identifies key challenges associated with the introduction of digital technologies and hybrid work models. The article analyzes

statistical data and case studies of Russian companies, which allows for the formulation of recommendations for improving the labor compensation system. Special attention is given to the evolution of forms and functions of wages, as well as the practical aspects of implementing non-tariff and tariff systems. The work is based on a review of scientific literature, analysis of regulatory acts.

Key words: wages, digitalization, KPI, flat-rate system, rate-based system, hybrid models.

Актуальность темы обусловлена глубокими изменениями в экономике, вызванными цифровизацией и трансформацией рынка труда. Современные вызовы — гибридные модели работы, автоматизация, изменение требований к квалификации работников — ставят перед работодателями и государством новые задачи по совершенствованию системы оплаты труда. Вопросы мотивации, справедливости и эффективности заработной платы становятся центральными для обеспечения устойчивого развития экономики.

В научной литературе проблема формирования заработной платы исследуется с различных позиций: экономической теории труда (А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс), современных подходов к мотивации и управлению персоналом (Ф. Херцберг, Д. Мак-Грегор). Однако анализ последних публикаций показывает, что недостаточно внимания уделяется эмпирическим исследованиям, практическим кейсам и влиянию цифровых технологий на экономическую сущность и функции заработной платы.

Цель исследования — выявление современных тенденций и проблем формирования заработной платы в условиях цифровизации экономики и разработка практических рекомендаций по совершенствованию системы оплаты труда.

Задачи исследования:

– Анализ теоретических подходов к оплате труда.

– Выявление ключевых тенденций и вызовов, связанных с цифровизацией.

– Эмпирический анализ статистических данных и кейсов российских компаний.

– Формулирование рекомендаций по совершенствованию системы оплаты труда.

Объект исследования — система оплаты труда. Предмет исследования — современные формы и тенденции заработной платы в России.

В работе проведен анализ существующей теории, включая классические и современные подходы к оплате труда. Особое внимание уделено цифровизации и ее влиянию на экономическую сущность и функции заработной платы.

С экономической точки зрения, заработная плата – это денежное вознаграждение за труд, зависящее от квалификации, сложности, количества, качества и условий работы, включая компенсации за вредные условия. С точки зрения работодателя она выступает издержками производства, которые минимизируются для снижения себестоимости продукции, а для работника — основным источником дохода, обеспечивающим достойный уровень потребления и качества жизни [1, с. 1]. В экономической теории выделяют две основные концепции: заработная плата как цена труда, формируемая спросом и предложением на рынке; и как денежное выражение стоимости рабочей силы, учитывающее её воспроизводство и социальные нормы [3].

Реальная заработная плата отражает покупательную способность дохода, определяемую объёмом товаров и услуг, доступных работнику, в отличие от номинальной, которая зависит от цен и инфляции. Дифференциация оплаты учитывает региональные различия в ценах, налогообложении и климатических условиях через районные коэффициенты, обеспечивая справедливое воспроизводство рабочей силы [4]. В современных условиях заработная плата интегрируется с рыночными механизмами, где её уровень определяет конкурентоспособность труда и влияет на структуру затрат предприятия.

Существует несколько функций заработной платы:

1) Воспроизводственная функция гарантирует нормальное воспроизводство рабочей силы, устанавливая минимальный уровень оплаты для базовых нужд — жильё, питание, одежда, отдых и социальные гарантии, включая медицинское обслуживание и образование [1].

2) Социальная функция расширяет доступ к защите, пенсиям и улучшению качества жизни, поддерживая гармоничное развитие личности в обществе [1].

3) Стимулирующая функция напрямую связывает оплату с производительностью, качеством и эффективностью труда, мотивируя инновации и рост квалификации, противопоставляясь уравнительному подходу [3].

4) Регулирующая функция воздействует на рынок труда, балансируя спрос и предложение, формируя структуру занятости, численность персонала и снижая безработицу через сегментацию оплаты по сферам и группам работников.

5) Распределительная функция обеспечивает справедливое разделение национального дохода по вкладу труда, поддерживая социальный баланс между группами населения [2].

В современной экономике заработная плата является важным фактором мотивации труда и перераспределения национального дохода. Эффективное управление системами оплаты труда способствует уменьшению текучести кадров, повышению производительности и конкурентоспособности предприятий. Государственное регулирование через минимальный размер оплаты труда (МРОТ) обеспечивает социальную защиту и поддержку работников, особенно в условиях цифровизации и смены производственных процессов [1].

Текущий тренд — интеграция цифровых технологий в системы оплаты и применение гибких моделей, учитывающих индивидуальные показатели работника, командные достижения и стратегические цели предприятия. Современные платежные системы используют коэффициенты, премии, бонусы и KPI для стимулирования повышения качества труда и мотивации сотрудников.

Современные формы оплаты труда традиционно делятся на повременную и сдельную. Повременная оплата — фиксированное вознаграждение за фактически отработанное время, что обеспечивает стабильность дохода и удобство учёта. Она широко применяется в административном персонале и сферах, где производственные результаты сложно измерить количественно.

Сдельная форма — оплата за конкретный объём продукции или выполненную работу, стимулирует рост производительности, но требует контроля качества и предотвращения переработок. Существуют различные варианты: прямая сдельная, сдельно-премиальная, сдельно-прогрессивная системы, которые позволяют адаптировать стимулы под цели предприятия [7].

Смешанные формы сочетают базовый оклад с премиями и компенсациями, что даёт баланс между стабильностью и мотивацией. Компенсационные выплаты (за вредные условия, сверхурочные) также играют важную роль для сохранения здоровья и морального духа работников [1].

Основные системы оплаты труда в 2025 году включают:

1. Тарифную систему — основана на разрядах и квалификационных группах с фиксированными тарифными ставками. Используется в государственных и муниципальных организациях, обеспечивает прозрачность и справедливость.

2. Повременную систему — оплата за фактически отработанное время по фиксированной или прогрессивной ставке с возможностью премирования за перевыполнение норм. Подходит для сферы услуг и административного персонала.

3. Сдельную систему — зарплата напрямую зависит от объёма и качества выполненной работы. Распространена в промышленности и строительстве, с системой премий за перевыполнение и качество.

4. Бестарифную систему — основана на индивидуальных KPI и результатах, широко применяется в IT и финансовом секторе, где важно стимулировать инновации и командную работу. Ключевая сложность – разработка измеримых и объективных KPI, не провоцирующих «гонку показателей» в ущерб долгосрочным целям.

5. Смешанную систему — сочетает преимущества вышеуказанных систем, сочетая стабильность, мотивацию и социальную защиту, что является наиболее гибкой и адаптивной для современных предприятий.

Таблица 1

Сравнительная характеристика систем оплаты труда

Система оплаты труда	Основные характеристики	Применение	Преимущества	Недостатки
Тарифная	Фиксированные ставки по разрядам	Госструктуры, муниципалитеты	Прозрачность, справедливость	Меньшая мотивация к повышению эффективности
Повременная	Оплата за время работы, ставки	Административный персонал, сфера услуг	Стабильность, простота учёта	Нет прямой связи с результатом труда
Сдельная	Оплата за объём выполненной работы	Промышленность, строительство	Мотивация к производству	Риски переработок и снижения качества

Продолжение таблицы 1

Бестарифная	По индивидуальным KPI и результатам	IT, финансы, инновационные сферы	Высокая мотивация и адаптация	Сложность измерения результатов
Смешанная	Комбинация различных систем	Различные отрасли	Баланс стабильности и мотивации	Сложность администрирования

Таблица 1 отражает основные системы оплаты труда, их особенности, области применения, сильные и слабые стороны, что помогает работодателям выбирать оптимальные модели под свои нужды и специфику работы.

Таким образом, современная аналитика оплаты труда показывает необходимость использования гибких, комбинированных систем с применением цифровых технологий и мотивационных инструментов для достижения экономической эффективности и социальной стабильности.

Заработная плата представляет собой сложное многогранное экономическое явление, выполняющее ключевые функции воспроизводства рабочей силы, стимуляции труда, распределения национального дохода и регулирования рынка труда. Анализ теоретических основ, форм и систем оплаты труда демонстрирует, что правильно выбранные модели обеспечивают баланс интересов работников и работодателей, способствуя повышению производительности, снижению текучести кадров и общей экономической эффективности.

В современных условиях, особенно в 2025 году, наблюдается замедление темпов роста зарплат после пиковых значений 2023–2024 годов, с прогнозом реального роста на уровне 5-7% в дефицитных отраслях, таких как промышленность, строительство и транспорт. Тренды включают цифровизацию систем оплаты с использованием KPI и аналитики данных, переход к гибридным моделям мотивации, а также реформы в бюджетной сфере с сентября 2025 года, направленные на повышение справедливости и прозрачности премирования. «Индустриализация» занятости и отток кадров из госсектора в частный усиливают конкуренцию, побуждая работодателей к нематериальным стимулам и индивидуальным подходам.

Разработанные рекомендации для предприятий включают:

1. Внедрение смешанных систем оплаты с акцентом на бестарифные модели в инновационных сферах.

2. Регулярный пересмотр тарифов с учетом инфляции и МРОТ.
3. Интеграцию цифровых инструментов для точной оценки результатов труда при параллельном развитии систем обратной связи и защиты данных сотрудников.

Предложенные рекомендации направлены на комплексное улучшение системы оплаты труда и управления персоналом на предприятиях, что позволит повысить мотивацию сотрудников и эффективность их работы.

Во-первых, внедрение смешанных систем оплаты с приоритетом бестарифных моделей, особенно в инновационных отраслях, способствует более гибкому и адаптивному вознаграждению. Это дает возможность учитывать не только количественные показатели труда, но и качество, творческий вклад, инновационность, что положительно сказывается на стимулировании инициативности и снижении текучести кадров.

Во-вторых, регулярный пересмотр тарифных ставок с учетом инфляционных процессов и изменений минимального размера оплаты труда помогает поддерживать реальную покупательную способность работников. Такая практика обеспечивает социальную стабильность и поддерживает заинтересованность сотрудников в долгосрочной перспективе.

В-третьих, интеграция современных цифровых инструментов позволяет объективно фиксировать и анализировать результаты труда каждого сотрудника. Это способствует прозрачности оценки, снижению субъективизма и повышению доверия к системе оплаты. Одновременно развитие систем обратной связи и защита персональных данных работников помогает создать комфортные условия работы, укрепляет корпоративную культуру и способствует формированию положительного имиджа работодателя.

В целом, реализация этих рекомендаций ведет к повышению эффективности управления персоналом, улучшению мотивации, снижению рисков конфликтов и повышению конкурентоспособности предприятия на рынке труда.

Для государства важны:

– Дальнейшее совершенствование законодательства в части регулирования дистанционного и гибридного труда.

– Запуск пилотных проектов реформ в бюджетной сфере для оценки их эффективности.

– Поддержка программ переподготовки и повышения квалификации кадров в условиях структурных сдвигов на рынке труда.

Перечисленные мероприятия играют ключевую роль в адаптации государственной политики к современным вызовам рынка труда, обеспечивая устойчивость экономики и социальную стабильность.

Совершенствование законодательства по дистанционному и гибридному труду необходимо для устранения пробелов в правовом поле, возникших из-за ускоренной цифровизации. Это позволит четко определить права и обязанности работников и работодателей, минимизировать споры и повысить производительность в удаленных форматах. В итоге государство получит более гибкий рынок труда, способный быстро реагировать на кризисы, с ростом занятости и снижением административных барьеров.

Запуск пилотных проектов реформ в бюджетной сфере дает возможность протестировать изменения на практике перед полномасштабным внедрением. Такие эксперименты помогут выявить сильные и слабые стороны, оптимизировать расходы и повысить эффективность госслужбы. Результатом станет экономия бюджетных средств, повышение качества госуслуг и создание модели для других секторов экономики.

Поддержка программ переподготовки и повышения квалификации кадров критически важна при структурных сдвигах, таких как автоматизация и смена отраслей. Это предотвратит массовую безработицу, повысит конкурентоспособность рабочей силы и ускорит инновации. В долгосрочной перспективе государство укрепит человеческий капитал, снизит социальное напряжение и обеспечит рост ВВП за счет квалифицированных специалистов.

Перспективы развития систем оплаты труда связаны с адаптацией к ИИ, гибридной работе и мобильности сотрудников, что требует баланса между рыночными механизмами и социальной защитой. Оптимизация форм и систем оплаты станет основой устойчивого экономического роста, профессионального развития работников и социальной стабильности общества.

Список литературы

1. Курсова О.А., Обухович Н.В. Оплата труда персонала: учебное пособие. — Тюмень: Издательство Тюменского государственного

университета, 2019. — 312 с. — URL: https://expose.gpntbsib.ru/expose/vnp-1073d93b/book/Г2020-27959457389215

2. Чепелюк М.В. Экономическая сущность и роль заработной платы в современных условиях // JournalPro. — 2024. — № 3. — С. 12–20. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-suschnost-i-rol-zarabotnoy-platy-vsovremennyh-usloviyah/viewer

3. Сущность и функции заработной платы // e-lib.gasu.ru. — URL: https://e-lib.gasu.ru/eposobia/shvakova/R%208%201.html

4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52. — Ст. 4973. — ISSN 1560-0580. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/

5. Миронова Ю.С. Сущность заработной платы // CyberLeninka. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-zarabotnoy-platy/viewer

6. Формы и системы оплаты труда на предприятии в 2025 году // Assistentus. — 2025. — URL: https://assistentus.ru/oplata-truda/forma-i-sistema/

7. Аранжин В.В. Взаимосвязь заработной платы и производительности труда: тенденции в условиях цифровизации экономики // Экономика труда. — 2019. — Т. 6. — № 1. — С. 523–534. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-zarabotnoy-platy-i-proizvoditelnosti-truda-tendentsii-v-usloviyah-tsifrovizatsii-ekonomiki

8. Рост зарплат и «перепрыгивание»: какие тренды ждут рынок труда в 2025 году // РБК. — 2025. — URL: https://www.rbc.ru/economics/04/01/2025/6762a7c79a7947f86cbec72a

© Дедеева С.А., Галушко М.В., Летунова П.Е., 2025

УДК 330

МОДЕЛИРОВАНИЕ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Мартынов Михаил Дмитриевич
аспирант
Ивановский государственный университет

Аннотация: В условиях современной экономики, характеризующейся высокой конкуренцией, быстрыми изменениями на рынке и внедрением цифровых технологий, предприятия сталкиваются с необходимостью поиска новых методов и инструментов, позволяющих повысить эффективность своей деятельности, адаптироваться к новым условиям и укрепить свои позиции на рынке. Одним из наиболее эффективных и перспективных подходов является моделирование бизнес-процессов, которое представляет собой системный инструмент для анализа, оптимизации, автоматизации и инновационного развития деятельности предприятия. В данной статье подробно рассматривается роль моделирования бизнес-процессов как стратегического инструмента, способствующего формированию и укреплению конкурентных преимуществ организации. Проведен анализ современных методов моделирования, их внедрение в системы стратегического управления предприятием, а также представлены практические кейсы успешных внедрений. Обоснована необходимость комплексного и системного подхода к применению моделирования бизнес-процессов для обеспечения стратегической гибкости, повышения операционной эффективности и достижения долгосрочных целей развития.

Ключевые слова: бизнес-процессы, моделирование, конкуренто-способность, оптимизация, стратегическое управление, предприятие, адаптивность.

BUSINESS PROCESS MODELING AS A STRATEGIC TOOL FOR IMPROVING ENTERPRISE COMPETITIVENESS

Martynov Mikhail Dmitrievich

Abstract: In the conditions of the modern economy, characterized by high competition, rapid changes in the market and the introduction of digital technologies, enterprises are faced with the need to search for new methods and tools to improve the efficiency of their activities, adapt to new conditions and strengthen their positions in the market. One of the most effective and promising approaches is business process modeling, which is a systemic tool for the analysis, optimization, automation and innovative development of enterprise activities. This article examines in detail the role of business process modeling as a strategic tool that helps to form and strengthen the competitive advantages of an organization. An analysis of modern modeling methods, their implementation in strategic enterprise management systems is carried out, and practical cases of successful implementations are presented. The need for an integrated and systematic approach to the use of business process modeling to ensure strategic flexibility, improve operational efficiency and achieve long-term development goals is substantiated.

Key words: business processes, modeling, competitiveness, optimization, strategic management, enterprise, adaptability.

Современные экономические системы характеризуются высокой степенью динамизма, обусловленной процессами глобализации, ускорением технологического прогресса и обострением конкурентной борьбы. В подобных условиях консервативные методы управления становятся источником системных рисков, ведущих к потере конкурентных позиций. В качестве ответа на данные вызовы организации обращаются к методологиям анализа и оптимизации своих внутренних операционных процедур.

Для системного изучения этих процедур применяется концепция бизнес-процесса — упорядоченной последовательности действий, преобразующей входы в значимые для потребителя выходы [1]. Комплексное представление организации как системы взаимосвязанных процессов, аналогично оркестровой партитуре, позволяет выявить распределение ролей, зоны ответственности и точки взаимодействия между структурными элементами. Методологическое моделирование бизнес-процессов обеспечивает их формализованное визуальное отображение, что является основой для детального анализа.

Практическая значимость моделирования заключается в его инструментальной функции. Оно предоставляет менеджменту релевантную схему движения информационных, материальных и финансовых потоков от

начальной до конечной точки, фиксируя ответственных исполнителей на каждом этапе. Такой анализ позволяет идентифицировать узкие места (bottlenecks), избыточные операции и области потенциального риска. Полученные данные служат объективным основанием для реинжиниринга процессов с целью повышения их эффективности, гибкости и управляемости.

Цель данной статьи — показать, каким образом моделирование бизнес-процессов способствует формированию и укреплению конкурентных преимуществ, определить современные методы и технологии моделирования, а также представить практические кейсы внедрения в различных отраслях.

Теоретические основы моделирования бизнес-процессов

1. Понятие бизнес-процесса и его моделирование

Бизнес-процесс — это совокупность взаимосвязанных действий, операций и задач, направленных на создание ценности для клиента и достижение стратегических целей организации [3]. В рамках бизнес-процесса реализуются функции, роли, информационные потоки и ресурсы, объединенные общей целью и логикой выполнения.

Моделирование бизнес-процессов — это систематический процесс создания формальных или полуструктурированных описаний описания деятельности предприятия. Основная задача моделирования — это создание визуальных и аналитических моделей, которые позволяют понять текущую структуру процессов, выявить слабые места, определить возможности для оптимизации и автоматизации. Модели бизнес-процессов служат средством коммуникации между различными уровнями управления и исполнителями, обеспечивают единое понимание функционирования организации и позволяют проводить сценарный анализ будущих изменений [2].

Классический подход к моделированию – это создание схем (от простых блок-схем до изощрённых диаграмм BPMN или UML). Они позволяют собрать в одном месте всю логику операционного механизма: действия, документы, клиентов на пути взаимодействия с компанией. Но модели – это не просто рисунки ради рисунков. Их главная задача — подсветить проблемные точки или повторяющиеся рутины.

Кроме того, такие карты становятся универсальным языком между менеджерами, айтишниками и исполнителями «на местах». Никто не любит просиживать часы в непонятных совещаниях; а вот когда перед глазами понятная диаграмма — договариваться о переменах гораздо проще.

2. Цели и задачи моделирования бизнес-процессов

Основными целями моделирования являются:

- Повышение прозрачности и управляемости текущих процессов.
- Выявление узких мест, дублирующих или неэффективных операций.
- Оптимизация процессов с целью снижения затрат, повышения скорости и качества.
- Автоматизация рутинных операций и внедрение цифровых решений.
- Поддержка принятия управленческих решений на основе аналитических моделей.
- Разработка новых бизнес-моделей и стратегий развития.

Задачи моделирования включают:

- Анализ существующего состояния процессов (As-is модели).
- Разработка целевых моделей (To-be модели) с учетом бизнес-целей.
- Внедрение изменений и контроль их эффективности.

Постоянное обновление моделей в связи с изменениями внешней среды и внутренней деятельности организации.

3. Стандарты и нотации моделирования

Для моделирования бизнес-процессов широко используются стандарты и нотации, такие как:

- BPMN (Business Process Model and Notation) — стандарт, разработанный OMG, предоставляющий богатый набор элементов для описания потоков работ, событий, ролей, условий и автоматизации процессов. BPMN стал практически де-факто стандартом для моделирования бизнес-процессов [4].
- EPC (Event-driven Process Chain) — нотация, используемая в системах ARIS, ориентированная на описание событий и функций, хорошо подходит для моделирования бизнес-логики и процессов.
- UML (Unified Modeling Language) — используется для моделирования бизнес-процессов в виде диаграмм деятельности (Activity Diagrams).

BPMN (Business Process Model and Notation) является де-факто стандартом и широко распространенной нотацией для графического моделирования бизнес-процессов. Ее универсальность обеспечивает единый семантический базис для проектирования, анализа и последующей автоматизации процессов в корпоративной среде.

Наряду с BPMN, существуют и другие методологии, выбор которых обусловлен спецификой решаемых задач. Например, нотация EPC (Event-Driven Process Chain) традиционно находит применение при моделировании комплексных производственных и логистических систем. В свою очередь, нотации семейства UML (Unified Modeling Language) преимущественно используются в контексте разработки программного обеспечения и для описания систем, тесно интегрированных с ИТ-архитектурой.

Современные методы и технологии моделирования бизнес-процессов

1. Классические методы моделирования

Исторически начальным этапом формализации бизнес-процессов являлось их статическое графическое отображение с использованием универсальных средств (например, MS Visio) или бумажных носителей. Данный подход сохраняет актуальность при решении изолированных задач или для анализа процессов в организациях с малой структурной сложностью.

Однако при переходе к моделированию распределенных и взаимозависимых операционных систем — таких как межрегиональные логистические цепочки или интегрированные CRM-комплексы, объединяющие каналы продаж и клиентского обслуживания, — эффективность классических методов становится недостаточной. Для обеспечения полноты, согласованности и управляемости моделей на корпоративном уровне требуются специализированные программные платформы (например, ARIS, Bizagi). Эти системы предоставляют инструментарий для многоуровневого моделирования, поддержания целостности данных и прямой интеграции с системами исполнения процессов (BPMS).

2. Интегрированные системы моделирования

Современные специализированные платформы (включая ARIS, Bizagi, Signavio, IBM Blueworks) представляют собой комплексные среды, функциональность которых выходит за рамки статической визуализации бизнес-процессов. Эти системы реализуют концепцию динамического моделирования, позволяя осуществлять симуляционное тестирование различных сценариев (анализ «что…если») и проводить предварительную оценку последствий организационных изменений.

Ключевым свойством данных платформ является их интеграционная способность. Они обеспечивают прямую синхронизацию моделей процессов

с системами бизнес-аналитики (BI) и планирования корпоративных ресурсов (ERP). Такая интеграция формирует замкнутый контур управления, где операционные модели напрямую связаны с аналитическими данными и исполнительными системами, что существенно повышает согласованность и обоснованность управленческих решений.

Эти системы позволяют:

- Создавать многоуровневые модели с детализацией до конкретных операций.
- Анализировать эффективность и выявлять узкие места.
- Проводить сценарный анализ и симуляцию изменений.
- Внедрять автоматизированное управление процессами (BPM-системы).

Например, система ARIS позволяет моделировать, анализировать и автоматизировать бизнес-процессы, интегрировать их с информационными системами предприятия и обеспечивать управление изменениями в реальном времени.

3. Использование технологий искусственного интеллекта и аналитики

Развитие технологий машинного обучения (МО) и искусственного интеллекта (ИИ) формирует новое направление в эволюции систем управления процессами. Современные программные решения на базе данных технологий способны проводить автономный анализ больших объемов операционных данных предприятия с целью генерации оптимизированных сценариев развития бизнес-процессов.

Функциональный потенциал таких систем заключается в реализации предиктивной аналитики (заблаговременное обнаружение аномалий и отклонений), автоматизированной генерации гипотез для улучшения процессов, а также в динамической адаптации и обновлении процессных моделей в режиме, приближенном к реальному времени. Это позволяет перейти от реактивного управления к превентивному и адаптивному.

Например, системы могут:

- Автоматически выявлять закономерности и аномалии в данных.
- Предлагать оптимальные сценарии развития процессов.
- Постоянно адаптировать модели в реальном времени.
- Использовать прогнозную аналитику для оценки рисков и возможностей.

Примеры — системы, использующие машинное обучение для автоматической оптимизации процессов на основе исторических данных, автоматическая генерация моделей или их обновление без участия человека.

4. Моделирование в условиях цифровой трансформации

Наиболее перспективным направлением развития является конвергенция методологий моделирования бизнес-процессов с технологиями обработки больших данных (Big Data) и облачными платформами (Cloud Platforms). Эта интеграция позволяет создавать высокоточные цифровые двойники (Digital Twins) организационных систем.

Данный подход обеспечивает синхронизацию виртуальной модели с состоянием физических активов и операций предприятия в режиме, близком к реальному времени. В результате формируется целостная и актуальная операционная картина. Ключевым преимуществом является возможность проведения безопасного симуляционного моделирования сценариев оптимизации, что позволяет оценивать их потенциальную эффективность и риски без вмешательства в реальные бизнес-процессы.

Стратегическая роль моделирования бизнес-процессов

1. Влияние моделирования на стратегическое управление

Современная организация представляет собой сложную адаптивную систему, функционирующую в условиях высокой внешней и внутренней изменчивости, обусловленной рыночными колебаниями, конкурентной активностью и внутриорганизационными трансформациями. В данном контексте методология моделирования бизнес-процессов выступает ключевым инструментом системного анализа и проектирования.

Данная методология предоставляет формализованное представление архитектуры операционной деятельности. На этапе описания существующих процессов (As-is model) выявляются структурные и функциональные дефекты, такие как избыточность операций, дублирование функций, неэффективные маршруты согласования и нерациональное распределение ресурсов. Объективизация данных процессов позволяет преодолеть когнитивные искажения, связанные с субъективным восприятием («эффектом привыкания»), и провести всестороннюю диагностику системы.

На основе полученной диагностической картины формируется целевая модель процессов (To-be model). Данная модель представляет собой проектный документ, задающий новую, оптимизированную архитектуру бизнес-процессов, целенаправленно выстроенную для достижения

стратегических организационных целей и обеспечения устойчивости к внешним возмущениям [5].

Моделирование способствует стратегическому управлению через:

Обеспечение единого языка описания процессов, что способствует более эффективной коммуникации между различными подразделениями.

Поддержку сценарного анализа, моделирования различных вариантов развития событий.

Выявление потенциальных рисков и создание планов их минимизации.

Обоснование инвестиционных решений по автоматизации и оптимизации процессов.

Мониторинг эффективности внедряемых изменений и корректировка стратегии в реальном времени.

2. Моделирование как средство формирования конкурентных преимуществ

Системное внедрение методологии моделирования бизнес-процессов позволяет организациям сформировать устойчивые конкурентные преимущества за счет повышения адаптивности, операционной эффективности и снижения рисков инновационной деятельности.

Повышение организационной гибкости (Organizational Agility)

Наличие формализованных процессных моделей создает основу для ускоренной организационной трансформации. Это позволяет минимизировать временные и ресурсные затраты на редизайн операций, исключая необходимость разработки решений для каждой новой управленческой задачи *de novo*. В условиях волатильности внешней среды (резкие изменения рыночной конъюнктуры, ужесточение регуляторных требований) оперативная актуализация моделей обеспечивает быструре и согласованное изменение бизнес-процессов в масштабе всей организации.

Оптимизация операционной деятельности и рост эффективности

Моделирование способствует выявлению и устранению отклонений в исполнении процессов в распределенных организационных структурах, таких как сети розничной торговли. Стандартизация ключевых операций (например, управления цепочкой поставок и клиентского сервиса) на основе единой оптимальной модели приводит к снижению издержек (оптимизация уровня товарных запасов) и повышению качества услуг (сокращение времени обслуживания) в краткосрочной перспективе.

Снижение рисков при реализации инновационных проектов

Данная методология предоставляет инструментарий для безопасного тестирования новых технологий и процедур посредством симуляционного моделирования. Предварительный анализ потенциальных узких мест и расчет ожидаемого экономического эффекта в виртуальной среде (например, при цифровизации документооборота) позволяет минимизировать операционные и финансовые риски на этапе реального внедрения изменений.

Переход к управлению, основанному на данных (Data-Driven Management)

Применение методов статистического и сценарного анализа к процессным моделям создает объективную, количественно измеримую основу для принятия управленческих решений, снижая зависимость от субъективных и интуитивных оценок.

Усиление клиентоориентированности и рыночной позиции

Последовательная оптимизация сквозных, клиентоцентричных процессов напрямую влияет на повышение уровня удовлетворенности потребителей и укрепление деловой репутации организации.

Таким образом, моделирование бизнес-процессов выступает системным фактором, который не только обеспечивает организации устойчивость в конкурентной среде, но и формирует потенциал для опережающего развития за счет структурированного внедрения инноваций и постоянного повышения эффективности.

3. Внедрение автоматизированных систем моделирования

Внедрение специализированных автоматизированных систем моделирования (напр., ARIS, Bizagi, Signavio) представляет собой переход от статического описания процессов к динамическому управлению их жизненным циклом. Эти платформы функционируют как интегрированные управляющие системы, обеспечивающие ряд критически важных функций:

Автоматическая синхронизация данных: Изменения, внесенные в процессную модель (например, в процесс продаж), инициируют каскадное обновление всей сопряженной регламентной и технической документации, что обеспечивает целостность и актуальность организационной информации.

Сценарное и количественное моделирование: Системы позволяют проводить симуляционное моделирование различных гипотез (например, резкого роста спроса) с получением количественных оценок влияния на

ключевые показатели эффективности (KPI), что формирует базу для прогнозного планирования.

Интеграция с исполнительными системами: Прямая интеграция с CRM, ERP и другими корпоративными информационными системами обеспечивает автоматическое сопряжение данных и правил между функциональными подразделениями, устраняя информационные разрывы.

Результатом внедрения таких систем является сокращение цикла организационных изменений. Ускоренное улучшение операционных показателей становится возможным за счет снижения порога внедрения инноваций и минимизации бюрократических издержек при корректировке стратегического курса.

Таким образом, организации приобретают более высокий уровень управляемости и операционной предсказуемости. Системное моделирование трансформируется из инструмента внутренней регламентации в фундаментальный элемент организационной культуры, ориентированной на непрерывное совершенствование и формирование устойчивых опережающих конкурентных преимуществ в условиях динамичной внешней среды.

Практические кейсы и опыт внедрения

1. Производственный сектор

Одним из ярких примеров является крупный холдинг по производству электроники, который внедрил систему моделирования для оптимизации цепочки поставок и логистики. В результате были достигнуты следующие результаты:

Сокращение времени выполнения заказов на 30%.

Снижение складских издержек на 15%.

Повышение уровня обслуживания клиентов (например, своевременность поставок) на 20%.

Использование симуляции сценариев позволило выявить узкие места в логистической цепочке, например, избыточное количество промежуточных складов или низкую эффективность маршрутизации. В результате были разработаны новые модели, оптимизированные под современные рыночные условия и прогнозируемые изменения спроса [5].

2. Финансовый сектор

Банк «Финанс» создал внутренние модели ключевых бизнес-процессов для автоматизации обслуживания клиентов, кредитных операций и внутренней работы. Внедрение автоматизированных систем позволило:

Увеличить скорость обработки операций на 25–30%.

Снизить количество ошибок благодаря автоматическому контролю.

Повысить удовлетворенность клиентов за счет быстрого реагирования и прозрачных процедур.

Увеличить доходы на 20% за счет повышения эффективности работы и расширения клиентской базы.

Также была реализована система мониторинга эффективности процессов, что позволило своевременно реагировать на отклонения и корректировать процессы в реальном времени, обеспечивая постоянное улучшение [6].

3. Розничная торговля

Розничная сеть «Город» использовала моделирование для оптимизации работы торговых точек и логистики. В результате:

Повысилась эффективность работы персонала за счет автоматизации планирования и распределения задач.

Снизились операционные издержки.

Улучшилось обслуживание покупателей, что привело к росту прибыли.

Укрепились позиции на рынке за счет более качественного сервиса и быстрого реагирования на изменения спроса.

Данный опыт показал, что моделирование бизнес-процессов является мощным инструментом для повышения конкурентоспособности в сфере розничной торговли, особенно при работе с большими объемами данных и многочисленными точками продаж.

Практические рекомендации по внедрению моделирования бизнес-процессов

Для эффективного внедрения методологии моделирования бизнес-процессов рекомендуется реализовать следующий комплекс последовательных мероприятий:

1. Диагностика и анализ текущего состояния (As-is Analysis).

Первоначальным этапом должна являться всесторонняя инвентаризация существующих бизнес-процессов. Критически важным является объективная фиксация реальной операционной деятельности, включая выявление неэффективных звеньев, дублирования функций и узких мест, а не проектирование идеализированных теоретических схем.

2. Выбор адекватного инструментария.

Выбор программной платформы для моделирования должен детерминироваться масштабом и сложностью организационной структуры. Для локальных задач может быть достаточно инструментов начального уровня, тогда как для крупных распределенных предприятий необходимы комплексные системы, обладающие широкими возможностями интеграции с корпоративными информационными системами (ERP, CRM, ECM и др.).

3. Формирование компетенций персонала.

Обучение сотрудников должно быть неотъемлемым, а не завершающим элементом проекта внедрения. Создание адекватной цифровой модели предприятия невозможно без формирования команды специалистов, способных осуществлять интерпретацию модели в контексте реальных операций и обеспечивать обратную связь.

4. Обеспечение системной интеграции.

Ключевым фактором практической ценности является интеграция платформы моделирования с действующими исполнительными и аналитическими системами (ERP, CRM, BI). Это создает единое информационное пространство, обеспечивающее актуальность данных и возможность управления процессами в режиме, близком к реальному времени.

5. Установление регламента актуализации моделей.

Для поддержания адекватности моделей необходимо внедрить процедуры их периодического аудита и корректировки в ответ на изменения внутренней организационной структуры или внешней рыночной среды. Статичные модели быстро теряют релевантность в условиях динамичного бизнеса.

6. Интеграция в стратегические управленческие процессы.

Методология моделирования должна быть институционализирована как часть системы стратегического планирования, управления изменениями и инновационной деятельностью. Такой подход обеспечивает согласованность операционных улучшений со стратегическими целями компании.

7. Формирование культуры процессного управления.

Успешное внедрение предполагает развитие в организации культуры постоянного совершенствования, основанной на системном анализе, автоматизации и оптимизации процессов. Моделирование должно стать не разовой инициативой, а органичным элементом корпоративной культуры и повседневной управленческой практики.

Перспективы развития и новые горизонты

Текущий этап характеризуется началом трансформации управленческой парадигмы, в которой моделирование бизнес-процессов переходит из разряда инструментов описания в категорию систем управления в реальном времени. Внедрение технологий искусственного интеллекта позволяет осуществлять поиск оптимальных конфигураций бизнес-операций, в то время как развитие концепции цифровых двойников обеспечивает синхронную визуализацию состояния всех организационных процессов. Глубокая интеграция платформ моделирования с аналитическими системами формирует принципиально новый уровень операционной прозрачности, сокращая цикл диагностики проблем до минимально возможных временных интервалов.

Ключевые векторы технологического развития включают:

1. **Автоматизированный прогноз и сценарный анализ:** Применение алгоритмов искусственного интеллекта и машинного обучения для генерации прогнозных сценариев, комплексной оценки рисков и автоматизированного поиска оптимальных управленческих решений.

2. **Конвергенция с системами бизнес-аналитики (BI):** Создание единых платформ стратегического управления, обеспечивающих синергию между процессными моделями и аналитикой данных.

3. **Моделирование в режиме реального времени:** Разработка и внедрение систем цифровых двойников, позволяющих осуществлять мониторинг текущего состояния, моделировать динамику и принимать управленческие решения в онлайн-режиме.

Концепция Индустрии 4.0 в данном контексте реализуется через создание интегрированных производственно-логистических систем. В таких системах обеспечивается автономное взаимодействие киберфизических компонентов, адаптивное перераспределение задач и наличие актуальной цифровой реплики всего предприятия. Практическим результатом является экспоненциальное увеличение скорости реакции на рыночные изменения, такие как сбои в цепях поставок или колебания потребительского спроса.

Стратегическая трансформация роли моделирования

Моделирование эволюционирует из инструмента статической визуализации («схемы») в ключевой компонент стратегического управления. Оно позволяет проводить диагностику потерь ресурсов, осуществлять предварительную оценку эффективности инновационных инициатив до этапа капитальных вложений, а также безопасно апробировать новые бизнес-

модели. Именно в этой сфере формируется потенциал для прорывных инноваций, основанных на возможности многократного низкорискового тестирования гипотез.

Современные программные платформы обеспечивают высокую степень автоматизации рутинных операций по построению и анализу моделей, совмещенную с обработкой данных в реальном времени. Это трансформирует моделирование из административной процедуры в динамичный, непрерывный процесс, существенно снижая сроки и риски тестирования масштабных организационных изменений.

Критические условия успешной реализации

Для достижения максимального эффекта необходимо соблюдение двух ключевых условий:

1. **Инвестиции в человеческий капитал и технологическую инфраструктуру:** Систематическое обучение персонала и выбор адекватных инструментальных решений являются обязательными, так как их отсутствие приводит к созданию нефункциональных, декларативных моделей.

2. **Внедрение процессов жизненного цикла моделей:** В условиях высокой динамики внешней и внутренней среды бизнес-модели требуют постоянного аудита, поддержки и корректировки для сохранения своей релевантности.

Таким образом, системное и грамотное применение передовых технологий моделирования создает для компании действенный механизм обеспечения роста и устойчивости. В современных условиях достижение и поддержание конкурентоспособности напрямую связано со способностью организации к цифровой трансформации и институционализации практик непрерывного совершенствования на основе данных.

Список литературы

1. Modeling of business processes in company management / M. V. Karmanov, I. A. Kiseleva, V. I. Kuznetsov, N. A. Sadovnikova // Journal of Management & Technology. – 2022. – Vol. 22, No. S. – P. 176-188. – DOI 10.20397/2177-6652/2022.v22i0.2383. – EDN CYJUSI.

2. Бандурина, И. П. Стратегическое управление бизнес-процессами / И. П. Бандурина, А. И. Трегубов // Актуальные вопросы современной

экономики. – 2023. – № 2. – С. 392-396. – DOI 10.34755/IROK.2023.31.72.001. – EDN BBKFZM..

3. OMG. Business Process Model and Notation (BPMN) Version 2.0. — 2011.

4. Устинова Л. Н. Цифровые технологии в управлении интеллектуальными ресурсами и инновационной деятельностью предприятий / Л. Н. Устинова // Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы. – Санкт-Петербург : Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2017. – С. 509-532. – DOI 10.18720/IEP/2017.4/22. – EDN ZFCQJR.

5. Пожидаев Р. Г. Эволюция управления бизнес-процессами и реализация инициатив по совершенствованию бизнес-процессов / Р. Г. Пожидаев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2020. – № 3. – С. 122-132. – DOI 10.17308/econ.2020.3/3111. – EDN EXFWHJ.

6. Измайлов М. К. Информационные технологии в управлении российскими предприятиями: современное состояние / М. К. Измайлов // Beneficium. – 2021. – № 3(40). – С. 55-60. – DOI 10.34680/BENEFICIUM.2021.3(40).55-60. – EDN GSIIPI.

© Мартынов М.Д.

ВЛИЯНИЕ «МЕРТВЫХ ЧАСОВ» НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕСТОРАННОГО БИЗНЕСА: ПРИЧИНЫ И МЕТОДЫ ОПТИМИЗАЦИИ В НЕПРИБЫЛЬНЫЕ ПЕРИОДЫ

Васильев Владимир Владимирович
магистрант
ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта»

Аннотация: В статье представлен комплексный анализ влияния «мертвых часов» на ресторанный бизнес. Предпринята попытка сформировать портфель практических решений для оптимизации работы заведения в неприбыльные временные промежутки. Последовательно рассмотрены типология и причины возникновения периодов простоя, их негативное воздействие и конкретные инструменты по их реализации.

Ключевые слова: заведения общественного питания, ресторанный бизнес, посещаемость заведений общественного питания, оптимизация работы ресторана, низкий трафик, время простоя ресторана.

THE IMPACT OF «DEAD HOURS» ON THE EFFICIENCY OF THE RESTAURANT BUSINESS: CAUSES AND METHODS OF OPTIMIZATION IN NON-PROFITABLE PERIODS

Vasiliev Vladimir Vladimirovich

Abstract: The article presents a comprehensive analysis of the impact of «dead hours» on the restaurant business. An attempt has been made to form a portfolio of practical solutions to optimize the operation of the institution in non-profitable time intervals. The typology and causes of downtime, their negative impact, and specific tools for their implementation are consistently considered.

Key words: catering establishments, restaurant business, attendance at catering establishments, optimization of restaurant operation, low traffic, downtime.

В сфере общественного питания практически в любых заведениях есть «мертвые часы» или «слепые зоны». В профессиональном сообществе эти

понятия определяются рестораторами как регулярные промежутки времени, повторяющиеся в течение рабочего дня заведения, во время которых поток гостей сокращается, а нагрузка на производственные мощности снижается до минимальных значений.

Данные понятия представляют собой не просто «тихий час» для заведений общественного питания. Во время подобных простоев издержки на содержание заведения (аренду, коммунальные услуги, зарплату персонала и амортизацию) продолжают накапливаться, и доход заведения в эти моменты стремится к предельно низким показателям.

В некоторых случаях рестораторы учитывают данные риски. При проектировании открытия новых заведений разрабатываются различные методы оплаты труда персонала, привязывающие заработную плату к выручке, однако данный метод не работает в глобальном плане и не снижает издержки до приемлемых показателей

Распространёнными примерами «мертвых часов» являются временной промежуток между 15.00 и 17.00 в будние дни, утро понедельника, поздний вечер (в заведениях, находящихся в деловых районах), Погодные условия также оказывают свое влияние на посещение точек общественного питания. В жаркие дни летнего сезона и в дождливую погоду количество посетителей минимальное.

В условиях высокой конкуренции на рынке, роста операционных издержек, снижения покупательной способности потребителей и прочих условиях, увеличивающих риск рентабельности заведения, игнорирование «мертвых часов» становится пренебрежительной роскошью для рестораторов.

Помимо растущей заинтересованности в максимально эффективном использовании всех своих ресурсов, немало внимания должно уделяться эффективному управлению временными ресурсами заведения. Это является критической задачей в той же степени, как и управление финансами или качеством предоставляемой услуги. Учитывается как качество обслуживания, так и качество готового продукта (качество сырья, правильная обработка и полный процесс приготовления блюда).

Понимание и работа с этими периодами переходит из разряда тактических уловок в стратегическую необходимость для повышения рентабельности, устойчивости и возможного развития для любого заведения общественного питания.

«Мертвые часы» можно классифицировать по нескольким основаниям. По характеру возникновения данные промежутки времени подразделяются на циклические (предсказуемые), сезонные и контекстуальные (непредсказуемые).

Циклические простои связаны с темпами жизни города, в котором находится заведение общественного питания. Обеденный перерыв в большинстве заведений приходится на диапазон времени с 13.00 до 15.00. В связи с этим можно предположить, что после 15.00 и до начала ужина у заведения возможен «послеобеденный» спад потока. Раннее утро чаще приносит прибыль и поток гостей для кофеен, а рестораны в свою очередь сознательно ставят часы открытия своего заведения после 11.00. Данные примеры легко прогнозируются и планируются, что делает их наименее опасными.

В отношении сезонных «мертвых часов» можно отметить, что в большинстве регионов нашей страны осенью закрываются летние веранды, в периоды дождей в заведениях растет потребность на размещение посетителей в зале (что снижает максимальную посадку). Для индустрии HoReCa в целом характерен спад спроса на услуги в период с середины января до середины февраля, вызванный усталостью от праздников и снижением финансовых возможностей.

В классификацию контекстуальных или непредсказуемых «мертвых часов» включаются все «разовые» события (плохая погода, коллапс транспортной развязки, закрытие на ремонт станции метро или ближайшего бизнес-центра и т.п.). Данные проблемные часы являются одними из самых опасных для любого заведения общественного питания в связи с тем, что их фактически невозможно предсказать. Тактику по нейтрализации данных «мертвых часов» приходится разрабатывать в ускоренных темпах [4, 8].

Рассмотрим основные ключевые факторы «мертвых часов».

Временный фактор по своей сути является достаточно значимым. Он связан как с общебиологическими ритмами человеческого организма, так и социума в целом. Предложение ланчей в послеобеденное время является нецелесообразным, в конце дня посетители реже посещают кофейни для приобретения бодрящего напитка, в будние дни в заведениях реже проводятся различные события в связи с логистическими сложностями и усталостью.

Местоположение заведения общественного питания играет немаловажную роль. Любое заведение общественного питания наиболее

сильно зависит именно от локации. Благодаря расположению у заведения могут появляться гости из трафика прохожих, у метро высока вероятность успеха для заведений формата «to go», в бизнес-районе кафе пустеют после 19.00. Весь трафик также сильно зависит от инфраструктуры. Понимание данной проблемы помогает правильно построить портрет потребителя и благодаря этому избежать больших простоев [8, с. 124-127].

Рассмотрим концептуальный фактор «мертвых часов». Стейк-хаус не подходит для завтраков, бургерная не привлекает внимания для деловых встреч. Понимание своей аудитории и подход к организации работы своего заведения с реальным взглядом помогает снижать нагрузку на финансовые затраты, например, открываться не в 8 часов утра, а в 11.00, закрывать заведение не в 12 часов ночи, а в 19.00-20.00 (для кофейни).

Для подхода к экономической модели «мертвого часа» можно использовать следующую формулу:

Потери = постоянные издержки + переменные издержки при низкой загрузке + упущенная выгода.

При варианте, когда персонал занят работой по поддержанию чистоты в зале и наведением порядка на общих зонах во время простоя, то час данной работы не окупается выручкой, что снижает общую маржинальность дня. [7, с. 27, с. 37-40]

«Мертвые часы» оказывают многогранное негативное влияние на бизнес. Можно сказать, что «мертвые часы» — это системная проблема, а не просто отсутствие гостей.

Приведем анализ финансовых потерь, связанных с «мертвыми часами». Первым показателем является падение оборачиваемости столов и выручки с квадратного метра. Данный параметр является достаточно важным для ресторана, т.к. во время «мертвого часа» идет резкое понижение показателей, что негативно сказывается на данных за период работы заведения в течение дня. При большом количестве «мертвых часов» данный параметр может приводить к убытку заведение с переменными полными посадками [7, с. 157].

Вторым показателем финансовых потерь является низкая эффективность труда персонала. Как правило, в сфере обслуживания фонд оплаты труда рассчитывается из почасовой ставки (для ресторанов и кафе данный метод не является исключением). Вместо приготовления блюд и обслуживания столов работники получают зарплату за разговоры, перекуры

и имитацию работы, что может существенно «съедать» прибыль от активных часов.

Третьим параметром является увеличение себестоимости блюд. Все постоянные издержки распределяются на меньшее количество чеков, снижая при этом эффективность экономических показателей. В этом случае для заведения может настать момент, когда наиболее выгодным было бы держать его закрытым, чем работать на небольшое количество столов или их полное отсутствие.

При оценке операционных и логистических сложностей необходимо уделить внимание проблемам с логистикой кухни. При отсутствии потребителей блюда, сырье портится и приходит в негодность. При наличии в заведении цикличных «мертвых часов» в этом случае возможно снизить количество заготовок и балансировать на грани свежести и пригодности продуктов. В случае возникновения непредсказуемых ситуаций любой ресторан понесет потери, связанные со списанием товаров.

Что касается сложностей с управлением персоналом, то самый распространенный метод (у заведений с явным ухудшением показателей в определенные периоды) – «рваный» график. С точки зрения экономии – отличный механизм, однако он может демотивировать команду и приводить к высокому показателю текучести кадров [7, с. 37-40]ю

Психологический климат и качество сервиса является немаловажным аспектом данного исследования.

Монотонная работа без гостей снижают ощущение необходимости персонала, растет внутреннее напряжение, снижается заработок от премий, привязанных в процентах от выручки, официанты теряют чаевые. Без замотивированной команды ни один ресторан не сможет пережить взлеты и падения.

Резкий переход от простоя к наплыву гостей всегда сопровождается «раскачкой», которая не исключает, а, наоборот, увеличивает количество ошибок на старте. Помимо этого, резкие переходы от отдыха к работе быстрее изматывают персонал как физически, так и морально, а во времена работы поколения Z это чревато потерей сотрудников, не беря во внимания факт, что в сфере общественного питания и так довольно высокий процент текучести кадров из-за морального и эмоционального выгорания коллектива [3].

Пустой зал не привлекает новых гостей, а, наоборот, отталкивает. Есть множество различных возможностей привлечения трафика в рестораны, но

одной из самой стабильной во все времена является распределение столов у окна в первую очередь (для эффекта загрузки ресторана), что вызывает доверие к нему у потребителя на внутреннем уровне.

Необходимо реализовать стратегию трансформации от «мертвого» времени к новым возможностям. Ключевая задача – не просто «пережить» эти часы, а создать для них новую ценностную базу предложений.

Решением проблемы «мертвых часов» является адаптация концепции и формата заведения.

В первую очередь, следует разработать меню для «мертвых часов», а именно: специальные предложения во времена низкой активности, послеобеденная акция на чай с десертом, возможность работы кухни на заказы для еды на вынос, закусок для мероприятия вне заведения, работа на доставку в ближайшие офисы.

Одним из способов решения проблемы является смена аудитории посетителей в течение дня. Например, утром работать как кофейня, днем как кафе с ланчами, вечером как бар. Смена аудитории и подстраивание под её запросы – хорошая возможность не только снижать количество «мертвых часов», но и привлекать аудиторию в другое время, получать лояльность от потребителя и зарабатывать на постоянных гостях путем манипуляции с акционными предложениями и программой лояльности [1, с 13].

Вариантом повышения эффективности работы заведения в проблемные часы может являться создание уникальных поводов для посещения.

Ивент-стратегия набирает популярность у многих заведений, данный формат не является новым для индустрии, однако его переосмысление и интеграция в работы ресторанов и кафе приносит свои плоды [5].

Мастер-классы, деловые и нетворкинг-встречи, развлекательный контент для детей, создание на базе заведения кружка по интересам или культовой метавселенной – более чем отличный способ обзавестись новой аудиторией, а при грамотном планировании и временному распределению ивентов, сокращение простоев для заведения [5].

Приведем технологические и маркетинговые решения, которые возможно реализовать для улучшения показателей в «мертвые часы» (табл. 1).

Таблица 1

Реализация технологических и маркетинговых решений

Технологические и маркетинговые решения	Реализация
Динамическое ценообразования, спецпредложения в «мертвые часы»	Поменять формулировку от управляющего к потребительскому (не «мертвый час», а «счастливый»). Любые скидки и демонстрация выгоды помогают привлекать потребителей, однако любую подобную акцию необходимо правильно просчитывать, чтобы не получилось ситуации, когда акция забирает кратно больше ресурсов, чем приносит прибыли.
Таргетирование	Продвижение специальных предложений через узкие каналы, направленные на потребителя данной услуги. Необходимость своевременной оценки эффективности любого канала продвижения, для снижения издержек и оптимизации затраченных средств на привлеченного гостя.
Партнерские программы	Сотрудничество с офисами на доставку ланчей, возможность скидки для сотрудников торгового центра с специальными предложениями для них (кофе утром, еда на вынос вечером), возможность перекрестных скидок с любыми пространствами и любым бизнесом

Существует ряд рисков и ограничений, связанных с мероприятиями против «мертвых часов» в заведениях. Основным риском является перегрузка команды. Новые активности не должны изматывать персонал перед основным часами обслуживания. Необходимо не допускать размытия концепции. Заведение не должно терять свое основное лицо, пытаясь угодить всем посетителям. Следует исключить неверный расчет экономических расчетов. Доход от новой активности должен покрывать дополнительные издержки (зарплата аниматора, стоимость ингредиентов на мастер-класс и т.п.) [2, с. 6-7].

При возникновении сопротивления со стороны персонала важно вовлечь команду в идеи, объяснить выгоды и мотивировать на изменения.

Заключение

«Мертвые часы» являются диагностическим показателем и потенциальным ресурсом для роста. Данные временные промежутки выявляют слабые места в концепции, маркетинге и системе управления

процессами в заведении. Системный анализ причин их возникновения и творческий подход к поиску решений позволяют превратить эти периоды из «черных дыр» для бюджета в площадку для экспериментов, тестирования гипотез, укрепления связей с локальным сообществом и, в конечном итоге, в дополнительный источник прибыли.

Управление временем становится таким же конкурентным преимуществом, как и управление качеством. В современном ресторанном бизнесе эффективно работает не то заведение, которое всегда забито в пик, а то, которое научилось извлекать выгоду из каждого часа своей работы.

Список литературы

1. Гвоздовская В. А. Управление рестораном, который любит своих гостей / В. А. Гвоздовская // LiveLib : [сайт]. — URL: https://www.livelib.ru/book/3233/readpart-upravlenie-restoranom-kotoryj-lyubit-svoih-gostej-violetta-gvozdovskaya/~3 (дата обращения 19.08.2024).

2. Иванов И. И. Инновационные подходы к управлению предприятиями сферы услуг : монография / И. И. Иванов. — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2019. — 211 с. — URL: https://istis.susu.ru/upload/iblock/bcc/gaj41ai7xl3f3v2ou41tde4ypmdq9ztk.pdf (дата обращения 19.08.2024).

3. Кадровый голод в HoReCa: кто выиграет в борьбе за сотрудника // Лемма : [интернет-издание]. — URL: https://place.lemma.ru/article/kadrovyj-golod-v-horeca-kto-vyigraet-v-borbe-za-sotrudnika (дата обращения 19.08.2024).

4. Лайфхаки по росту выручки в общепите // Gulni.by : [сайт]. — URL: https://gulni.by/blog/lajfhaki_po_rostu_vyruchki (дата обращения 19.08.2024).

5. Рестоплейс : [сайт]. Раздел: Блог. Ивенты в ресторане. URL: https://restoplace.cc/blog/event (дата обращения 19.08.2024).

6. Финансы ресторана: о чем говорят цифры. Часть 2. Расходная // Лемма : [интернет-издание]. — URL: https://place.lemma.ru/article/finansy-restorana-o-chem-govoryat-cifry-chast-2-rashodnaya (дата обращения 19.08.2024).

7. Электронная библиотека ОГУ им. И.С. Тургенева : [сайт]. URL: https://elib.oreluniver.ru/ (дата обращения 19.08.2024).

8. Юшкова А. И. Анализ деталей месторасположения ресторана / А. И. Юшкова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2011. — № 7 (30). — Т. 1. — С. 124-127. — URL: https://moluch.ru/archive/30/3486 (дата обращения 19.08.2024).

© Васильев В.В.

УДК 338.48

ЛЕЧЕБНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА В ГОСТИНИЧНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И СТАБИЛЬНОСТИ В КРЫМУ

Игнатова Юлия Дмитриевна
магистрант
Херсонский технический университет

Аннотация: Целью настоящего исследования является изучение влияния лечебно-оздоровительной инфраструктуры гостиничных предприятий на устойчивость социального и экономического развития региона Крыма, выявление основных тенденций и перспектив дальнейшего развития этой индустрии, а также оценка её воздействия на повышение привлекательности региона для внутренних и зарубежных туристов, укрепление здоровья населения и обеспечение занятости.

Ключевые слова: лечебно-оздоровительная инфраструктура, гостиничные предприятия, устойчивое развитие, социальный капитал, конкурентоспособность, туризм, санаторно-курортная сфера, здравоохранение, экономика Крыма.

MEDICAL AND RECREATIONAL INFRASTRUCTURE IN HOTEL ENTERPRISES AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND STABILITY IN CRIMEA

Ignatova Yulia Dmitrievna

Abstract: The purpose of this study is to examine the impact of the medical and recreational infrastructure of hotel enterprises on the sustainability of social and economic development in the Crimean region, identify the main trends and prospects for the further development of this industry, and assess its impact on increasing the region's attractiveness for domestic and foreign tourists, improving public health, and ensuring employment.

Key words: medical and health-improving infrastructure, hotel enterprises, sustainable development, social capital, competitiveness, tourism, sanatorium and resort industry, healthcare, and the economy of Crimea.

Введение

Индустрия гостеприимства – это одна из крупных и быстро развивающихся систем сектора экономики, состоящая из таких видов обслуживания, которые опираются на принципы гостеприимства, характеризующиеся щедростью и дружелюбием по отношению к гостям. В структуру индустрии гостеприимства входят [2]: Предприятия общественного питания; Транспортные услуги; Культурно-развлекательные услуги. Средства размещения. Изучение лечебно-оздоровительной инфраструктуры гостиничных предприятий в регионе Крыма представляет собой важное направление научных исследований, поскольку оно связано с развитием здравоохранения, туризма и экономики региона. Этот сектор оказывает значительное влияние на привлечение туристов, повышение уровня жизни местного населения и формирование положительного имиджа региона как привлекательного направления для отдыха и реабилитации.

Сегодня особое внимание уделяется интеграции лечебно-оздоровительных комплексов в структуры гостиничного бизнеса, созданию полноценной среды для укрепления здоровья и повышения активности проживающих гостей. Исследование направлено на изучение ключевых элементов лечебно-оздоровительной инфраструктуры, выявление лучших практик и путей оптимизации для достижения устойчивости развития региона.

Цель исследования

Согласно данным Министерства курортов и туризма Республики Крым [3], за последние годы наблюдается значительный прирост числа желающих провести отпуск с одновременным лечением и профилактическими процедурами

Основной целью данного исследования является анализ роли лечебно-оздоровительной инфраструктуры гостиничных предприятий в обеспечении устойчивого развития и социальной стабильности Крыма. Оно предполагает выявление механизмов, позволяющих эффективно интегрировать медицинский потенциал и туристический продукт, повышая эффективность

функционирования санаторно-курортных учреждений и гостиничной индустрии.

Результаты исследования

На сегодняшний день туризм является одним из популярнейших видов отдыха для большинства людей. Кроме того, он имеет огромное значение для экономики каждой страны, поскольку является ведущей и активно развивающейся отраслью. По оценке Всемирной туристской организации при ООН (ЮНВТО), на долю туризма приходится 3,2% мирового ВВП, а с учетом мультипликативного эффекта – 9,4%, при этом в туриндустрии занято 7,6% работающего населения планеты [4]. Интеграция медицинского и гостиничного секторов создаёт принципиально новую систему предоставления услуг, повышающую привлекательность региона для отдыхающих.

Исследование показало, что наличие развитой лечебно-оздоровительной инфраструктуры в гостиницах Крыма значительно улучшает восприятие региона туристами и положительно влияет на решение о повторном визите. Качественное медицинское обслуживание и широкий спектр услуг, включенных в стоимость проживания, повышают лояльность клиентов и увеличивают продолжительность пребывания.

Анализ показал, что успешные практики включают внедрение инновационных технологий диагностики и лечения, сотрудничество с ведущими медицинскими учреждениями и использование уникальных природных ресурсов региона. Важным результатом стало подтверждение значимости федеральной поддержки, которая помогает сохранять кадровые ресурсы и модернизировать оборудование, создавая основу для долгосрочного успеха сектора.

Исследование показало, что лечебно-оздоровительная инфраструктура гостиничных предприятий играет важную роль в обеспечении устойчивого развития и социальной стабильности Крыма. Интеграция медицинского потенциала и туристического продукта повышает эффективность функционирования санаторно-курортных учреждений и гостиничного сектора, создавая уникальные преимущества для региона.

Анализ выявил следующие ключевые механизмы эффективного взаимодействия:

Модернизация существующей базы: Замена устаревших аппаратов новыми технологиями диагностики и лечения существенно повысила качество

предоставляемых услуг и улучшила восприятие Крыма как туристической и оздоровительной локации.

Привлечение инвестиций: Государственное финансирование и региональные инвестиционные программы позволили обновить оборудование и повысить уровень сервиса в гостиницах и санаториях, что увеличило число гостей и доходы региона.

Снижение сезонности: Реализация программ загрузки здравниц в межсезонье позволила стабилизировать занятость сотрудников и снизить зависимость от высокого сезона, увеличив общую экономическую устойчивость региона.

Кроме того, исследование подтвердило важность дальнейшего расширения инфраструктуры путем строительства новых медицинских корпусов и разработки инновационной терапии, основанной на богатых природных ресурсах Крыма. Это обеспечит устойчивый экономический рост и социальную стабильность, укрепляя репутацию Крыма как ведущего регионального туристического и оздоровительного центра России

Вывод: Проведенное исследование подтвердило, что лечебно-оздоровительная инфраструктура гостиничных предприятий играет существенную роль в формировании устойчивого развития Крыма. Инновационное оснащение и высококачественный сервис привлекают большое количество туристов, улучшают показатели здравоохранения и обеспечивают экономический рост региона. Оптимизация управления этими активами позволит сделать сферу ещё более привлекательной и эффективной для всех заинтересованных сторон.

Полученные выводы подтверждают положительное воздействие лечебно-оздоровительной инфраструктуры гостиничных предприятий на устойчивость развития региона.

Однако следует учитывать тот факт, что развитие данного вида туризма имеет ряд проблем, решение которых позволит Крыму стать одним из популярнейших курортов в нашей стране, а также конкурировать на международном рынке с такими странами, как Таиланд, Вьетнам, Сингапур, Индонезия и многими другими [1].

Список литературы

1. Александрова А.Ю. Кластеры в мировой индустрии туризма // Вестник Московского университета. – Сер. 6. Экономика. – 2007. – № 5. – С. 43–62.

2. Концепция развития туристско-рекреационного потенциала Крыма. / под ред. / М.Ю. Лайко: Издательский центр «Onebook». 2014. – 274 с.

3. Министе́рство курортов и туризма Республики Крым. Доклад о состоянии и перспективах развития лечебно-оздоровительной инфраструктуры. Симферополь, 2024.

4. Статистика туризма: учебник / коллектив авторов; под ред. А.Ю. Александровой. – М.: Федеральное агентство по туризму, 2014. – 464 с.

© Игнатова Ю.Д.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА: ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Галлямова Ксения Денисовна
студент кафедры «Отраслевое управление
и экономическая безопасность»
СГТУ имени Гагарина Ю.А.
Ершов Ю.О.
доцент кафедры «Отраслевое управление
и экономическая безопасность»
СГТУ имени Гагарина Ю.А.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности цифровой трансформации предприятий малого бизнеса в современных экономических условиях. Целью исследования является анализ ключевых направлений цифровой трансформации малого бизнеса, а также выявление основных проблем и экономических эффектов, возникающих в процессе внедрения цифровых инструментов. Объектом исследования выступают предприятия малого бизнеса, предметом — процессы внедрения цифровых технологий в их деятельность. В работе применяются методы анализа, обобщения и систематизации научных источников. В результате исследования определены основные инструменты цифровой трансформации малого бизнеса, обоснованы ограничения их внедрения, а также выделены направления оценки экономической эффективности цифровых изменений. Сделан вывод о том, что цифровая трансформация малого бизнеса представляет собой не только внедрение отдельных цифровых решений, но и стратегическую перестройку бизнес-процессов, обеспечивающую повышение устойчивости и конкурентоспособности предприятий.

Ключевые слова: цифровая трансформация, малый бизнес, цифровизация, экономическая эффективность, инновации, бизнес-процессы.

DIGITAL TRANSFORMATION OF SMALL BUSINESSES: IMPLEMENTATION CHALLENGES AND ECONOMIC EFFICIENCY

Gallyamova Ksenia Denisovna
Ershov Yu.O.

Abstract: The article examines the features of digital transformation of small businesses in the current economic environment. The purpose of the study is to analyze the key directions of digital transformation in small enterprises and to identify the main challenges and economic effects arising from the implementation of digital tools. The object of the study is small business enterprises, while the subject is the processes of implementing digital technologies in their activities. The research is based on methods of analysis, generalization, and systematization of scientific sources. As a result of the study, the main digital transformation tools relevant to small businesses are identified, the limitations of their implementation are substantiated, and key directions for assessing the economic efficiency of digital changes are outlined. The study concludes that digital transformation in small businesses involves not only the adoption of individual digital solutions but also a strategic restructuring of business processes aimed at increasing sustainability and competitiveness.

Key words: digital transformation, small business, digitalization, economic efficiency, innovation, business processes.

В условиях развития цифровой экономики все большее значение приобретает внедрение цифровых технологий в деятельность хозяйствующих субъектов, включая малый бизнес. Цифровая экономика требует от предприятий не только внедрения технологий, но и пересмотра ключевых бизнес-процессов [4]. Несмотря на ограниченность финансовых и кадровых ресурсов, малый бизнес также вовлечен в процессы цифровых изменений. При этом цифровая трансформация малого бизнеса не сводится исключительно
к использованию отдельных технологических решений, а предполагает пересмотр и оптимизацию ключевых бизнес-процессов.

Следует разграничивать понятия цифровизации и цифровой трансформации. Цифровизация представляет собой внедрение отдельных цифровых инструментов для автоматизации существующих процессов. Цифровая трансформация является более глубоким процессом и затрагивает стратегию развития предприятия, организационную структуру и модель

взаимодействия с клиентами. Отсутствие системного подхода к цифровой трансформации приводит к фрагментарности внедряемых решений [2]. Для малого бизнеса цифровая трансформация чаще всего начинается с цифровизации, однако отсутствие системного подхода снижает эффективность данных изменений. Для малого предприятия цифровая трансформация может включать следующие направления.

Онлайн-продвижение, реклама и цифровые продажи являются одним из ключевых элементов модернизации деятельности. Создание и развитие корпоративного сайта позволяет сформировать информационное представление о компании и ее продуктах. Использование социальных сетей способствует расширению каналов коммуникации с клиентами и получению обратной связи, а также позволяет применять инструменты таргетированной рекламы. Применение маркетплейсов дает возможность расширить рынки сбыта за счет использования уже сформированной аудитории цифровых платформ. Наибольшая эффективность достигается при комплексном использовании указанных инструментов и их взаимной интеграции.

Автоматизация рутинных операций предполагает внедрение чат-ботов, систем онлайн-записи и автоматизированных сервисов обработки заявок. Данные инструменты позволяют снизить нагрузку на персонал, минимизировать влияние человеческого фактора и повысить стабильность бизнес-процессов. Освобожденные трудовые ресурсы могут быть направлены на выполнение более сложных управленческих и аналитических задач [6].

Аналитика данных (Big Data) играет важную роль в процессе принятия управленческих решений. Сбор и анализ данных о продажах, поведении клиентов и внутренних показателях деятельности позволяют своевременно выявлять отклонения от запланированных показателей и корректировать стратегию развития предприятия.

Использование технологий искусственного интеллекта открывает дополнительные возможности для малого бизнеса, включая анализ рынка, разработку маркетинговых стратегий, создание текстового и визуального контента, а также поддержку управленческих решений. Применение данных технологий способствует повышению адаптивности предприятий к изменениям внешней среды.

Основные проблемы внедрения цифровой трансформации. Несмотря на потенциальные преимущества, предприятия малого бизнеса сталкиваются с рядом проблем в процессе цифровой трансформации. Одним из ключевых

ограничений являются финансовые возможности компании, поскольку внедрение цифровых решений требует инвестиций не только в программное обеспечение и оборудование, но и в обучение персонала и техническую поддержку. Существенной проблемой является дефицит квалифицированных кадров и недостаточный уровень цифровых компетенций сотрудников. В ряде случаев это требует дополнительных затрат на повышение квалификации или привлечение новых специалистов. Также значительное влияние оказывает психологическая неготовность персонала к изменениям, что может замедлять процессы внедрения цифровых инструментов. Дополнительным затруднением является сложность выбора наиболее эффективных цифровых решений в условиях разнообразия доступных технологий. Отсутствие комплексной стратегии цифрового развития приводит к фрагментарному внедрению инструментов и снижению общего экономического эффекта.

Экономическая эффективность нововведений Экономическая эффективность цифровой трансформации малого бизнеса проявляется по нескольким направлениям. Автоматизация бизнес-процессов способствует снижению операционных затрат за счет сокращения ручного труда и оптимизации численности персонала [3, 6]. Использование цифровых каналов продаж и онлайн-сервисов позволяет увеличить доходы предприятия за счет расширения рынков сбыта и повышения доступности продукции для потребителей. Дополнительный эффект связан с ростом производительности труда и повышением лояльности клиентов. Улучшение качества обслуживания и оперативность взаимодействия с потребителями формируют устойчивые конкурентные преимущества, что в долгосрочной перспективе положительно отражается на финансовых результатах предприятия.

Заключение

Цифровая трансформация малого бизнеса является необходимым условием его устойчивого развития в современной экономике. В ходе исследования установлено, что эффективность цифровых изменений определяется не только объемом инвестиций, но и наличием стратегического подхода, согласованности внедряемых решений и готовности персонала к изменениям.

Цифровая трансформация позволяет малым предприятиям повысить конкурентоспособность, оптимизировать затраты и адаптироваться к динамично изменяющимся условиям рынка. Полученные выводы могут

быть использованы в практической деятельности предприятий малого бизнеса, а также в дальнейшем научном анализе процессов цифрового развития.

Список литературы

1. Шарков Ф.И., Бузин В.Н. Интегрированные коммуникации: массовые коммуникации и медиапланирование. – Мск, изд. Дом «Дашков и К». – 486 с.

2. Фаттахов Х.И., Калинина О.В. Современное состояние и проблематика стратегического управления организацией в контексте цифровой трансформации – Спб.: Издательство Политехнического университета, – 2025. – С. 77-84.

3. Грибанов Ю.И., Руденко М.Н. Цифровая трансформация бизнеса. Мск.— изд. Дом «Дашков и К», 2023 – 213 с.

4. Горелов Н. А., Кораблева О. Н.Цифровая экономика и информационное общество. Мск. – изд. Дом: «Юрайт», 2025. – 328 с.

5. Портер М.Е. Конкурентное преимущество: Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. Мск. – изд.: «Альпина Паблишер», 2016. – 716 с.

6. Вайл П., Ворнер С. Цифровая трансформация бизнеса: Изменение бизнес-модели для организации нового поколения. Мск. - изд.: «Альпина Паблишер», 2019 – 257 с.

7. Грибанов Ю.И., Руденко М.Н. Цифровая трансформация бизнеса. Мск.— изд. Дом «Дашков и К», 2023. – 213 с.

© Галлямова К.Д., Ершов Ю.О., 2025

СЕКЦИЯ
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

ПРИРОДА И ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Капитурова Вероника Александровна
магистрант
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный
университет им. В.Н. Татищева»
Научный руководитель: **Тризно Тамара Александровна**
к.п.н., доцент
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный
университет им. В.Н. Татищева»

Аннотация: В данной научной статье рассматриваются природа и юридические особенности национальных проектов как важного института государственной политики и социально-экономического развития. Особое внимание уделяется правовой природе национальных проектов, поскольку они выступают в качестве эффективного механизма реализации стратегических приоритетов государства, объединяя усилия различных органов власти, бизнеса и общественных институтов. В статье анализируются законодательные и нормативные акты, регулирующие порядок разработки, утверждения, финансирования и контроля исполнения национальных проектов.

Ключевые слова: приоритетные национальные проекты, государственное управление, правотворческая политика, гражданское общество.

THE ESSENCE AND LEGAL FEATURES OF NATIONAL PROJECTS

Kapiturova Veronika Alexandrovna
Scientific adviser: **Trizno Tamara Alexandrovna**

Abstract: This scientific article examines the nature and legal features of national projects as an important institution of public policy and socio-economic development. Special attention is paid to the legal nature of national projects, as they act as an effective mechanism for implementing the strategic priorities of the

state, combining the efforts of various authorities, business and public institutions. The article analyzes the legislative and regulatory acts regulating the procedure for the development, approval, financing and control over the implementation of national projects.

Key words: priority national projects, public administration, legislative policy, civil society

В рамках российского законодательства национальные приоритетные проекты выделяются как особо значимые и требуют интегрированного подхода во всех аспектах государственного управления, включая законодательную и исполнительную деятельность. Эти проекты не ограничиваются исключительно действиями исполнительной власти, а включают в себя совместные усилия на всех уровнях государственной машины. Они затрагивают сложные и критически важные области, которые требуют особых правовых подходов и технологий.

Национальные проекты ставят перед законодательством задачу адаптации и быстрого обновления правовой среды, чтобы отвечать текущим потребностям и обеспечивать эффективность на краткосрочную или долгосрочную перспективу. Это требует применения инновационных и нестандартных правовых подходов, которые лучше всего соответствуют поставленным целям. В этом контексте национальные проекты функционируют как уникальный правовой режим, который выделяется на фоне общего правового регулирования.

Важно осознавать влияние законодательной политики на успешность национальных проектов. Она играет ключевую роль в устранении ошибок в законотворческом процессе, улучшении его качества и обеспечении последовательной и согласованной работы государственных органов. Это требует не только планирования и модернизации, но и повышения уровня «иммунитета» законодательства к ошибкам. Правовые механизмы, основанные на четко сформулированных приоритетах, могут требовать реформ, специализации или даже систематизации для внедрения инновационных решений в правовую систему. Эти меры предназначены для создания эффективной структуры правовых инструментов, которые поддерживают реализацию установленных целей.

В рамках национальных проектов, представляющих собой уникальное государственно-правовое явление, ключевую роль играет подбор

юридических инструментов, необходимых для реализации определённых задач. Это требует не только выбора эффективных правовых средств, но и их интеграции с другими законодательными актами, что влияет на качество государственных решений в контексте национальных проектов. Кроме того, есть потребность в оперативной адаптации законодательства к нововведениям и оценке их результативности. Важно также разработать и реализовать механизмы контроля исполнения, включая те, что касаются национальных проектов, чтобы обеспечить добавление концептуальных изменений в развитие отраслей российского законодательства и улучшить работу законотворческих органов.

В рамках управления приоритетными национальными проектами создаются специализированные подразделения на уровне федеральных органов, региональных управлений и муниципалитетов, что требует уникального, индивидуального подхода к руководству. Синхронизация государственной политики в областях законодательства, информационных технологий, образования и здравоохранения с основными направлениями национальных проектов является ключевой задачей. Это включает в себя внесение изменений в законодательство и интеграцию этих приоритетов в общенациональные программы [2, с. 15].

В контексте российской правовой системы, национальные проекты представляют собой нечто новое и непривычное. Они служат инструментом для заполнения пробелов в социальных аспектах законодательства в рамках текущих общественных реформ [2, с. 17]. Эти проекты, по сути, создают правовые регуляции вне традиционного законодательного процесса, удовлетворяя актуальные потребности общества. Как правовые инструменты, национальные проекты выделяются своей политической значимостью и отличаются от обычных нормативных актов.

Важность укрепления законной основы для этих проектов подчеркивается необходимостью улучшения их правового статуса и разработки организационно-правовых механизмов. Это обусловлено сложностью задач, которые они предполагают решить, включая усиление междисциплинарных и функциональных подходов в управлении, что важно для специфических функций различных отраслей.

Национальные проекты характеризуются уникальной правовой природой, отражающейся в тесной взаимосвязи между программными документами и руководящими нормами. Эта особенность проистекает из их

стремления к достижению конкретных результатов, что не всегда соответствует традиционному подходу в законодательной работе [1, с. 69]. Таким образом, правовые акты, связанные с национальными проектами, приобретают нетипичный статус, часто вступая в конфликт с установленными процедурами и порядками, что способствует возникновению конкуренции между традиционной законотворческой деятельностью и инновационными управленческими подходами.

Процесс интеграции административных методов в правовое регулирование национальных приоритетных проектов добавляет сложности, ведь это влияет на общую стратегию законодательства и систему разделения властей. Особенно трудно это отражается на региональном уровне, где в каждом субъекте Федерации разрабатываются сотни различных нормативных актов для реализации этих проектов, и эти акты требуют постоянной корректировки и улучшения.

В разных регионах России количество принятых нормативных документов значительно различается. В Московской области зафиксировано свыше тысячи таких актов, в Татарстане их число превышает 500, тогда как в Саратовской области их всего чуть более 200 [4, с. 268]. Эта информация помогает оценить активность законодательной деятельности в этих регионах.

Отдельное внимание заслуживает юридическое обеспечение национальных проектов, которое предполагает создание специальной законодательной базы. Эта база должна включать не только федеральные законы, но и нормативные акты, устанавливающие основные цели, задачи и механизмы финансирования проектов, что является ключевым аспектом в реализации национальных инициатив.

Обеспечение эффективного управления проектами требует внимания к нескольким ключевым аспектам. Одним из них является четкое финансирование, включая как бюджетные, так и внебюджетные источники, такие как субсидии и гранты, что критично для полного покрытия необходимых затрат на проекты. Кроме того, стандартизация процедур и регламентация процессов играют центральную роль, устанавливая строгие правила и процедуры, что минимизирует юридические риски и увеличивает эффективность работы [5, с. 299]. Не менее важна и координация работы государственных органов на различных уровнях – от местного до федерального, что способствует более гладкой реализации инициатив и эффективному распределению ресурсов.

Осуществление надзора за ходом выполнения проектов позволяет не только получать своевременные отзывы для корректировки действий, но и способствует достижению целей, заданных на начальном этапе. Кроме того, привлечение внимания и участия гражданских и неправительственных организаций в диалог и действия по проектам не только углубляет понимание их потребностей, но и усиливает их активное участие в изменениях, касающихся их повседневной жизни. Прозрачность ведения проектов и ответственность перед общественностью повышают доверие и способствуют предотвращению коррупционных проявлений в процессе.

Далее рассмотрим ключевые аспекты национальных проектов, включая их правовую природу и важные особенности, которые определяют их нормативную и практическую роль. Среди примечательных черт этих проектов выделяются:

1) Общие рамки и юридическое содержание нормативных документов.

4) Способность прогнозирования будущих условий, которая отражается в различных единицах измерения.

5) Роль этих проектов в направлении и формировании общественных отношений [4, с. 269].

Рассмотрим более детально каждый из этих аспектов, учитывая их значимость для понимания и применения национальных проектов.

В контексте национального проекта, юридические ограничения формируются на базе общих закономерностей права, указывая на необходимость установления пределов и рамок в развитии общественных связей и индивидуальных правообладателей. Эти ограничения выражаются через точно сформулированные юридические параметры, прописанные в документах проекта, такие как численные значения. К примеру, в рамках Федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды», пункт 1.14 предусматривает разработку и передачу в федеральные исполнительные органы проектов законодательных актов, которые были одобрены Рабочей группой Автономной неправительственной организации «Цифровая экономика». Это подчеркивает, что правовые рамки национального проекта не только формируют основу для структурирования общественных отношений, но и предоставляют четко определенные юридические параметры для их регулирования.

Прогнозы, встроенные в национальные проекты, предполагают научно обоснованные и объективные оценки будущего развития определенных сфер

общественных отношений. Эти оценки, хотя и базируются на вероятностных данных, лишены субъективных оценок. В литературе прогнозирование описывается как процесс предсказания будущих событий, и хотя используются разнообразные методики для создания прогнозов на разные сроки, они несут в себе некоторую неопределенность [6, с. 5]. Это связано с тем, что прогнозы не могут полностью учесть все механизмы переходов от настоящего к будущему, делая их невозможными для достижения стопроцентной точности.

В рамках национальных проектов, как например проект «Здравоохранение», важную роль играет уникальная трехуровневая организационная структура, которая включает в себя руководителя, куратора и администратора проекта. Эта система гарантирует согласованность и эффективность управленческих процессов в рамках проекта. Благодаря различным мероприятиям и активностям проект не только развивается, но и приносит практические результаты, тем самым подтверждая свою значимость как воплощение национальных инициатив.

Научно-технологический прогресс и социоэкономическое развитие России, а также повышение качества жизни граждан являются ключевыми направлениями национальных проектов. Они также способствуют созданию условий для индивидуального развития и раскрытия потенциала каждой личности в социальном контексте. Что касается структуры, то в рамках каждой федеральной программы, формирующей часть национального проекта, определяются кураторы и руководители – от одного до трех человек [3, с. 71]. Это способствует более четкому и организованному управлению, что, в свою очередь, подчеркивает директивный характер национальных проектов.

Национальный проект представляет собой уникальный документ в правовом и техническом аспектах, отличающийся от традиционных юридических актов. Хотя в нем и не присутствуют стандартные правовые нормы, которые определяются как абстрактные правила с четкими гипотезами и санкциями, проект включает в себя специфические правовые элементы. Он создан для того, чтобы направлять поведение различных юридических и физических лиц, включая организации и государственных служащих, которым предписывается достигать определенные общественно значимые цели. Таким образом, национальный проект служит своего рода дорожной

картой для будущего, обеспечивая ориентиры для поведения и взаимодействия, несмотря на отсутствие классических правовых норм.

Национальный проект, являясь подзаконным актом, включает в себя рамочные правовые нормы с ориентировочным и прогностическим значением. Эти нормы служат инструментами для правового воздействия, способствующего научно-техническому прогрессу, социально-экономическому развитию, улучшению качества жизни, а также созданию условий для самореализации и развития личных способностей каждого индивидуума. Благодаря своей четкой структуре, последовательности и экономичности в изложении материалов, а также персонализации правовых предписаний, документ обретает сильное целевое воздействие и юридическую эффективность.

В рамках национального проекта разрабатывается прогрессивный правовой документ, который устанавливает стандарты и модели поведения для организаций, чиновников и граждан, а также других юридических лиц. Этот проект описывает общие принципы действий и включает в себя цели, достижение которых является обязательным.

Список литературы

1. Ивин А. А. Логика оценок и норм. Философские, методологические и прикладные аспекты / А. А. Ивин. – М.: Проспект, 2016. – 312 с.

2. Поленина С.В., Колдаева Н.П., Скурко Е.В. Некоторые вопросы правотворчества и развития российского законодательства в свете задач реализации приоритетных национальных проектов // Российская юстиция. - 2021. - № 7. – С. 13-18.

3. Сырых В. М. Социология права: учебник / В. М. Сырых. – М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2004. – 513 с.

4. Сурков А. А. Повышение точности экономического прогнозирования на основе объединения экономических прогнозов // Вестник МФЮА. – 2016. – № 2. – С. 267-271.

5. Торопкин С. А. Виды юридических сроков в российском праве // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 1 (14). – С. 293-301.

© Капитурова В.А., 2025

ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ ЛИНЕЙНЫХ ОБЪЕКТОВ НА ЗЕМЛЯХ ЛЕСНОГО ФОНДА

Файфер Илья Михайлович
магистрант
Красноярский государственный аграрный университет

Аннотация: В статье проводится анализ основных нормативно-правовых актов, регулирующих проведение инженерных изысканий и размещение линейных объектов на землях лесного фонда и землях иных категорий, выявляются проблемы правового регулирования при размещении объектов на землях лесного фонда.

Ключевые слова: размещение линейных объектов, инженерные изыскания, актуальные проблемы, земли лесного фонда, законодательство, Российская Федерация.

THE SPECIFICS OF THE PLACEMENT OF LINEAR ITEMS ON THE LANDS OF THE FOREST FUND

Faifer Ilya Mikhailovich

Abstract: The article analyzes the main regulatory legal acts regulating the conduct of engineering surveys and the placement of linear objects on forest fund lands and lands of other categories, identifies problems of legal regulation when placing objects on forest fund lands.

Key words: location of linear objects, engineering surveys, current issues, forest lands, legislation, Russian Federation.

Учитывая развитие энергетики в соответствии с Доктриной энергетической безопасности Российской Федерации [1] для надежного и устойчивого обеспечения российских потребителей энергоресурсами стандартного качества и услугами в сфере энергетики, реализуются инвестиционные проекты по строительству линий электропередачи, газо- и нефтепроводов.

До 2036 года планируется построить 13,3 тыс. км новых линий электропередачи, реализуются масштабные проекты по добыче, транспортировке и переработке газа. Один из ключевых проектов — «Сила Сибири-2». Газопровод протяжённостью около 6,7 тыс. км (2,7 тыс. км по территории России, 960 км по Монголии) планируется построить для поставок газа в Китай.

В рамках развития нефтегазовой отрасли реализуются проекты, такие как «Восток Ойл». Он включает ресурсную базу крупнейших месторождений Ванкорского кластера и перспективных нефтеносных площадок на севере Красноярского края. Инвестиционная ёмкость проекта оценивается в 10 трлн рублей.

Реализации инвестиционных проектов связана с разработкой проектно-сметной документации, особое место занимает проектирование линейных объектов федерального значения, в связи с их протяженностью, а также размещением на земельных участках, имеющих различные категории, разрешенное использование и правовой статус. Для разработки проектных решений при проектировании необходимо выполнение комплекса инженерных изысканий.

Перечень инженерных изысканий для подготовки проектной документации для строительства, реконструкции объектов капитального строительства определен Постановлением Правительства Российской Федерации от 19.01.2006 года №20 [2], к основным видам относятся инженерно-геодезические, инженерно-геологические, инженерно-гидрометеорологические, инженерно-экологические, инженерно-геотехнические изыскания.

Особую сложность в выполнении представляют инженерно-геологические изыскания, которые выполняются с применением буровой техники требующей организации проезда к месту проведения буровых работ, применительно к высоковольтным линям электропередачи непосредственно к планируемому месту размещения опоры.

Для оформления прав на земельные участки для проведения инженерных изысканий п.5 статьи 39.37 Земельного кодекса РФ [3] предусмотрено установление публичного сервитута для проведения инженерных изысканий в целях подготовки документации по планировке территории, предусматривающей размещение линейных объектов федерального, регионального или местного значения, проведения инженерных

изысканий для строительства, реконструкции указанных объектов. В случае заселенности земельных участков муниципальной собственности органами местного самоуправления при наличии соответствующего нормативного акта предусмотрена компенсация за снос зеленых насаждений, позволяющая производить вырубку для организации проезда буровой техники.

Для выполнения инженерных изысканий на землях лесного фонда федеральным законом от 25.12.2023 №676-ФЗ статья 25 Лесного кодекса РФ дополнена п. 11.1 [4], предусматривающим вид использования лесов для осуществления изыскательской деятельности и позволяющий оформить правоустанавливающие документы на лесные участки для выполнения инженерно-геологических изысканий.

Возможность проведения вырубки по землям лесного фонда регулируется Лесным кодексом РФ в зависимости от видов лесов, которые делятся на защитные, эксплуатационные и резервные. Особенности их использования устанавливаются отдельными статьями Лесного кодекса РФ.

Статьей 117 Лесного кодекса РФ [5] в эксплуатационных лесах допускается осуществление всех видов использования, предусмотренного статьей 25, в том числе строительство, реконструкция, эксплуатация линейных объектов и осуществление изыскательской деятельности.

В резервных лесах допускается осуществление всех видов использования лесов, предусмотренных статьей 25 без проведения рубок, при этом п.3 статьи 118 Лесного кодекса РФ проведение рубок допускается для осуществления изыскательской деятельности.

К особо защитным участкам лесов относятся берегозащитные, почвозащитные участки лесов, расположенных вдоль водных объектов, склонов оврагов, опушки лесов, граничащие с безлесными пространствами, заповедные лесные участки, участки лесов с наличием реликтовых и эндемичных растений места обитания редких и находящихся под угрозой исчезновения диких животных, объекты природного наследия, другие особо защитные участки лесов, предусмотренные лесоустроительной инструкцией.

В особо защитных участках лесов позволяется проведение сплошных рубок (пп.1 п.4 статьи 119) для строительства, реконструкции и эксплуатации линейных объектов, при этом рубка для осуществления изыскательской деятельности на данных участках в соответствии с Лесным кодексом РФ запрещена.

Исходя из проведенного выше анализа, можно сделать вывод, что строительство объектов капитального строительства, в том числе линейных в резервных лесах, возможно только без проведения рубок лесных насаждений. При этом для проведения инженерных изысканий, необходимых для разработки проектной документации, необходимой для строительства, рубка предусмотрена. Учитывая, что рубка при проведении изысканий необходима для проезда буровой техники и выполнения буровых работ непосредственно под местами размещения объектов капитального строительства, выполнение геологических изысканий в местах, требующих сплошную рубку, не позволяет разместить объект капитального строительства без отнесения резервных лесов в эксплуатационные.

Иная ситуация складывается в особо защитных участках лесов, в которых сплошная рубка для строительства линейных объектов предусмотрена Лесным кодексом РФ. При этом рубка при проведении инженерных изысканий запрещена, что, в свою очередь, не позволяет выполнить геологические изыскания и разработать проектную документацию для размещения линейного объекта при прямом разрешении его размещения Лесным кодексом РФ.

Для возможности проведения инженерных изысканий на особо защитных участках и размещения линейных объектов на участках резервных лесов возможно проведение процедуры, предусмотренной ст.110 Лесного кодекса Российской Федерации по отнесению лесов к защитным лесам, эксплуатационным лесам, резервным лесам и исключением их из состава защитных лесов, эксплуатационных лесов, резервных лесов, установление и изменение границ земель, на которых располагаются такие леса.

Комплекс мероприятий по отнесению защитных лесов, резервных лесов к эксплуатационным выполняется в соответствии с лесоустроительной инструкцией, утвержденной Приказом Минприроды России от 05.08.2022 N 510 «Об утверждении Лесоустроительной инструкции» [6] и занимает продолжительное время, в том числе с учетом возможности выполнения работ в вегетационный период.

Учитывая высокую социальную и экономическую значимость реализации инвестиционных проектов по строительству линий электропередачи, магистральных газопроводов и нефтепроводов, предусмотренных Доктриной энергетической безопасности Российской Федерации, особую актуальность приобретает совершенствование

нормативно-правовой базы, регулирующей подготовительные этапы строительства. В частности, приведение в соответствие действующих нормативов, касающихся возможности проведения инженерных изысканий на особо защитных участках при условии разрешенного размещения линейных объектов, позволит существенно ускорить реализацию стратегически важных инфраструктурных проектов.

Кроме того, упрощение процедур доступа к особо защитным участкам для инженерных изысканий не означает ослабления экологического контроля. Напротив, это позволяет провести всестороннюю оценку воздействия на окружающую среду до начала строительства, разработать эффективные меры по рекультивации земель, сохранению биоразнообразия. Такой подход соответствует принципам устойчивого развития, закреплённым в целях Доктрины, и позволяет сбалансировать интересы экологии, экономики и социальной инфраструктуры.

Устранение административных барьеров на этапе изысканий — это не просто бюрократическая оптимизация, а стратегический шаг к укреплению энергетического суверенитета России и повышению инвестиционной привлекательности топливно-энергетического комплекса.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 13.05.2019 N 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 20.05.2019, N 20, ст. 2421. Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс».

2. Постановлением Правительства Российской Федерации от 19.01.2006 года №20 «Об инженерных изысканиях для подготовки проектной документации, строительства, реконструкции объектов капитального строительства» // «Собрание законодательства РФ», 23.01.2006, N 4, ст. 392. Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс».

3. Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 N 136-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 29.10.2001, N 44, ст. 4147. Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 25.12.2023 №676-ФЗ «О внесении изменений в лесной кодекс российской федерации и статьи 8.2 и 10.1 Федерального

закона «О введении в действие лесного кодекса российской федерации»// «Российская газета», N 297, 29.12.2023. Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон от 04.12.2006 N 201-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 11.12.2006, N 50, ст. 5278. Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс».

6. Приказ Минприроды РФ от 5 августа 2022 г. n 510 «Об утверждении лесоустроительной инструкции»// Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 30.09.2022. Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс».

© Файфер И.М., 2025

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Пономаренко Иван Дмитриевич
студент 3 курса
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия имени Вячеслава Михайловича Лебедева»
Научный руководитель: **Ватлецова Елена Константиновна**
Старший преподаватель кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия имени Вячеслава Михайловича Лебедева»

Аннотация: Данное исследование посвящено изучению вопросов ответственности в сфере физической культуры и спорта. Основываясь на индуктивном подходе и изучении существующих научных концепций правовой ответственности, мы приходим к выводу о выделении спортивной ответственности наравне с уголовной, административной, дисциплинарной и гражданско-правовой. Системно-структурный анализ позволил подтвердить самостоятельность спортивной ответственности, определить ее признаки и отграничить от других видов ответственности, применимых в данной сфере.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, спортивная ответственность, допинг, дисквалификация, Спортивный кодекс.

RESPONSIBILITY IN PHYSICAL CULTURE AND SPORTS

Ponomarenko Ivan Dmitrievich
Scientific adviser: **Vatletsova Elena Konstantinovna**

Abstract: This study focuses on the issues of responsibility in the field of physical culture and sports. Based on an inductive approach and the examination of existing scientific concepts of legal responsibility, we conclude that sports responsibility should be considered alongside criminal, administrative, disciplinary, and civil liability. A systematic and structural analysis has confirmed the

independence of sports responsibility, identified its characteristics, and distinguished it from other types of responsibility applicable in this field.

Key words: physical culture, sports, sports responsibility, doping, disqualification, Sports Code.

Спорт, как и любая другая сфера человеческой деятельности, может сопровождаться негативными проявлениями, которым необходимо препятствовать с помощью правовых мер. Например, использование допинга, беспорядки во время спортивных мероприятий, коррупция и другие подобные явления требуют введения запретов и санкций в правовом поле. Поэтому вопрос ответственности в спортивной сфере приобретает особую значимость. В российском законодательстве выделяют четыре вида юридической ответственности: уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную. Все они применимы и в спортивной сфере. Вместе с тем, кроме нарушений, по которым предусмотрена ответственность в указанных отраслях права, возникают и вопросы о статусе ответственности за иные нарушения, не урегулированные напрямую действующим законодательством.

Для исследования вопроса ответственности в области физической культуры и спорта применялись общенаучные методы, включая обобщение, сравнение, анализ, синтез, индукцию и дедукцию, а также системно-структурный подход. Применяя индуктивный метод и анализируя современные теоретические подходы к юридической ответственности, мы пришли к выводу, что в настоящее время целесообразно рассматривать спортивную ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности, наряду с привычными четырьмя. С помощью системно-структурного анализа было доказано наличие самостоятельности и сравнительной автономности спортивной ответственности, а также проведено ее разграничение с другими видами юридической ответственности, действующими по отношению к нарушениям в сфере спорта и физической культуры. Кроме того, осуществлен критический разбор тех позиций, которые в литературе отрицают возможность включения спортивной ответственности в перечень юридических видов ответственности. В рамках исследования применялись и частнонаучные методы; формально-юридический метод позволил всесторонне проанализировать понятия ответственности за нарушения в физической культуре и спорте и спортивной ответственности.

Что касается практического применения, административная ответственность наступает за разные нарушения в сфере физической культуры и спорта. Так, согласно статье 6.18 КоАП РФ, предусмотрена ответственность за нарушение законодательных требований по предотвращению и борьбе с допингом. Статья 6.22 КоАП РФ устанавливает ответственность за нарушение правил, регламентирующих проведение официальных спортивных соревнований. В соответствии с статьей 20.31 КоАП РФ ответственность может наступать за нарушение правил поведения зрителей при официальных спортивных мероприятиях и так далее.

Дисциплинарная ответственность – специфическая форма, характерная для работников спортивных организаций и спортсменов, которая применяется за нарушение правил внутреннего распорядка, кодексов поведения, спортивной этики и других нормативных актов, регулирующих деятельность в области физической культуры и спорта. Она включает предупреждения, выговоры, временное отстранение от участия в тренировках или соревнованиях, лишение спортивных разрядов и званий. Наличие дисциплинарных мер позволяет поддерживать высокий уровень организованности и справедливости внутри спортивных коллективов и обеспечивает мотивацию к добросовестному выполнению обязанностей.

В целом, учитывая специфику и многогранность нарушений в сфере физической культуры и спорта, а также выявленную закономерность возникновения особой совокупности обязательных правовых норм и мер воздействия, предлагается признать спортивную ответственность особым видом юридической ответственности. Это позволит с правовой точки зрения систематизировать подходы к регулированию дисциплинарных, административных, уголовных и гражданско-правовых последствий, а также обеспечит развитие универсальной методологии борьбы с негативными явлениями в спортивной среде. Такой шаг будет способствовать укреплению правопорядка, защите спортивной честности и развитию физической культуры и спорта как значимых общественных институций.

Вместе с тем, признание спортивной ответственности в качестве самостоятельного вида юридической ответственности требует закрепления соответствующих правовых норм на законодательном уровне. Это предполагает разработку специализированных нормативных актов, отражающих специфику спортивной деятельности и уникальные виды правонарушений, характерных именно для этой сферы. Такие нормативные

акты должны чётко определять основания и критерии наступления спортивной ответственности, процедуры её применения, формы и виды санкций, а также механизмы обжалования решений. Введение отдельного института спортивной ответственности позволит более точно и оперативно реагировать на нарушения, минимизирует конфликтные ситуации и повысит эффективность профилактических мероприятий.

Особое внимание следует уделить вопросам правового воспитания участников спортивного процесса — спортсменов, тренеров, руководителей и специалистов. Повышение правовой культуры в спортивной среде способствует снижению количества правонарушений и укреплению этических стандартов. Для этого целесообразно разработать программы обучения и информирования о нормах спортивного законодательства, ответственности за нарушения и способах их предупреждения. Включение соответствующих курсов в подготовительные и переподготовочные программы специалистов спортивной отрасли создаст фундамент для формирования устойчивого правосознания и профессиональной этики.

Таким образом, институционализация спортивной ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности открывает широкие возможности для создания более системного, более справедливого и более эффективного правового регулирования в области физической культуры и спорта. Она способствует международной интеграции российского спортивного права, укрепляет доверие к спортивным организациям и содействует формированию прозрачной и честной спортивной среды, что, в конечном счёте, способствует устойчивому развитию спорта как важного социального института.

Список литературы

1. Миронов А. Н., Чембарисов Т. И. Административная ответственность в сфере спорта. Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. участием. (Воронеж, 29 мая 2014 г.) Воронеж: Научная книга, 2014. С. 344–346. [Mironov A. N., Chembarisov T. I. Administrative responsibility in the field of sports. Relevant issues of the penal enforcement system: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Voronezh, 29 May 2014. Voronezh: Nauchnaia kniga, 2014, 344–346. (In Russ.)]

2. Селезнев В. А. Административная ответственность за нарушение правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований. Законодательство и экономика. 2016. № 9. С. 47–54. [Seleznev V. A. Administrative liability for violations of sideliners behavior during official sports events. Zakonodatelstvo i ekonomika, 2016, (9): 47–54. (In Russ.)]

3. Коваленко Е. Ю., Тыдыкова Н. В. О проблемах квалификации преступлений, связанных с использованием субстанций и методов, запрещенных в спорте. Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы XX Междунар. науч.-практ. конф. (Барнаул, 3–4 февраля 2022 г.) Барнаул: БЮИ МВД России, 2022. Ч. 2. С. 32–33. [Kovalenko E. Yu., Tydykova N. V. Qualification of crimes related to the use of prohibited substances and methods in sports. Actual problems of crime and other offenses: Proc. XX Intern. Sci.-Prac. Conf., Barnaul, 3–4 Feb 2022. Barnaul: Buys Russian Interior Ministry, 2022, pt. 2, 32–33. (In Russ.)]

4. Спортивное право России, отв. ред. Д. И. Рогачев. М.: Проспект, 2016. 640 с. [Sports law in Russia, ed. Rogachev D. I. Moscow: Prospekt, 2016, 640. (In Russ.)]

5. Ерофеев А. В. Об особенностях деликтной ответственности в области спорта. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 3. С. 70–73. [Erofeev A. V. Peculiarities of tort liability in sports. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya, 2013, (3): 70–73. (In Russ.)]

6. Матвеев И. В. Обязанности и ответственность зрителя (болельщика) по договору об оказании спортивно-зрелищных услуг. Безопасность бизнеса. 2017. № 2. С. 24–29. [Matveev I. V. Duties and responsibilities of a viewer (fan) under a contract for provision of sports and entertainment services. Bezopasnost biznesa, 2017, (2): 24–29. (In Russ.)]

7. Амиров И. М. Меры государственно-правового принуждения в сфере спорта: постановка проблемы. Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 3. С. 58–62. [Amirov I. M. Measures of state and legal enforcement in the field of sport: problem placement. Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta, 2012, (3): 58–62. (In Russ.)]

© Пономаренко И.Д.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АНТИДОПИНГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ WADA

Семаева Дарья Сергеевна
студент 3 курса
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия имени Вячеслава Михайловича Лебедева»
Научный руководитель: **Ватлецова Елена Константиновна**
старший преподаватель кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия имени Вячеслава Михайловича Лебедева»

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу антидопингового законодательства Российской Федерации и международных антидопинговых стандартов Всемирного антидопингового агентства (WADA). Рассматриваются ключевые аспекты соответствия российского законодательства международным требованиям, выявляются проблемные области.

Ключевые слова: антидопинг, WADA, законодательство, спорт, допинг-контроль, санкции, права спортсменов.

A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN ANTI-DOPING LEGISLATION AND WADA'S INTERNATIONAL STANDARDS

Semaeva Daria Sergeevna
Scientific adviser: **Vatletsova Elena Konstantinovna**

Abstract: The article is devoted to a comparative analysis of the anti-doping legislation of the Russian Federation and the international anti-doping standards of the World Anti-Doping Agency (WADA). The key aspects of compliance of the Russian legislation with international requirements are considered, and problematic areas are identified.

Key words: anti-doping, WADA, supervision, dispute, doping control, sanctions, power of athletes.

Проблема допинга в спорте является одной из наиболее острых и актуальных в современном мире. Использование запрещенных веществ и методов не только нарушает принципы честной игры, но и представляет угрозу здоровью спортсменов. В связи с этим борьба с допингом приобретает особое значение на международном и национальном уровнях.

Международные антидопинговые стандарты, разработанные Всемирным антидопинговым агентством (WADA), являются основой для антидопинговой деятельности во всем мире. Национальные антидопинговые организации, включая Российское антидопинговое агентство (РУСАДА), обязаны соответствовать этим стандартам.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью гармонизации национального законодательства с международными нормами для обеспечения честной конкуренции в спорте и защиты здоровья спортсменов.

Цель исследования — проведение комплексного сравнительного анализа антидопингового законодательства Российской Федерации и ключевых международных антидопинговых норм Всемирного антидопингового агентства (WADA) для выявления степени их гармонизации, определения существующих расхождений, пробелов.

Задачи исследования:

· изучить и систематизировать основные положения Всемирного антидопингового кодекса WADA и Международных стандартов

· проанализировать действующее антидопинговое законодательство Российской Федерации, включая федеральные законы

· осуществить сравнительный анализ российского антидопингового законодательства и международных норм WADA

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере правового регулирования противодействия допингу в спорте на национальном и международном уровнях.

Предметом исследования выступают нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие противодействие допингу в спорте, международные антидопинговые нормы Всемирного антидопингового

агентства (WADA), а также их сравнительная характеристика, соответствие, особенности применения и эффективность в контексте.

Стоит сказать, что основным документом, определяющим международные антидопинговые стандарты, является Всемирный антидопинговый кодекс (Кодекс WADA).

Кодекс представляет собой комплексный документ, охватывающий все аспекты антидопинговой деятельности, включая:

· Запрещенный список: Перечень субстанций и методов, запрещенных к применению в спорте.

· Антидопинговые правила: определяют нарушения антидопинговых правил, процедуры тестирования, расследования и дисциплинарные меры.

· Стандарты тестирования: регулируют процесс сбора, хранения и анализа проб.

· Стандарты лабораторий: устанавливают требования к аккредитованным антидопинговым лабораториям.

· Стандарты защиты личных данных: обеспечивают конфиденциальность информации, связанной с допинговым контролем.

· Стандарты образования и исследований: Направлены на повышение осведомленности о проблемах допинга и поддержку научных исследований

Российская Федерация активно работает над имплементацией норм WADA в свое национальное законодательство. Ключевыми нормативными актами, регулирующими антидопинговую деятельность в России, являются:

1. Федеральный закон "О физической культуре и спорте в Российской Федерации": содержит общие положения, касающиеся борьбы с допингом, включая права и обязанности спортсменов, тренеров и спортивных организаций.

2. Антидопинговые правила Российской Федерации: Разработаны на основе Кодекса WADA и детализируют процедуры, касающиеся тестирования, расследования и дисциплинарных мер.

3. Нормативные акты Министерства спорта Российской Федерации: устанавливают порядок проведения антидопинговых мероприятий, аккредитации лабораторий и другие аспекты.

Перейдем к сравнительному анализу

Сходства:

1. Приверженность принципам честной игры: как российское законодательство, так и нормы WADA основаны на фундаментальном принципе обеспечения честной конкуренции и защиты здоровья спортсменов.

2. Запрещенный список: Российская Федерация полностью принимает и применяет Запрещенный список WADA, который регулярно обновляется.

3. Основные нарушения антидопинговых правил: Перечень нарушений, таких как наличие запрещенной субстанции в пробе, уклонение от тестирования, фальсификация результатов, совпадает с положениями Кодекса WADA.

4. Процедуры тестирования: Российские антидопинговые правила в значительной степени соответствуют международным стандартам WADA в части процедур сбора, хранения и транспортировки проб, а также требований к аккредитованным лабораториям.

5. Дисциплинарные санкции: Система санкций за нарушения антидопинговых правил, включая сроки дисквалификации, в целом соответствует рекомендациям WADA, предусматривая различные сроки отстранения в зависимости от характера нарушения и степени вины.

6. Защита личных данных: Российское законодательство, как и нормы WADA, уделяет внимание защите конфиденциальной информации спортсменов, связанной с антидопинговым контролем.

Различия и особенности российского законодательства:

1. Уголовная ответственность: Одно из наиболее существенных отличий заключается в наличии в российском законодательстве уголовной ответственности за склонение спортсмена к использованию допинга и за использование запрещенных субстанций или методов в отношении спортсмена. Статьи 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса РФ предусматривают наказание вплоть до лишения свободы. WADA, в свою очередь, не предписывает уголовную ответственность, оставляя этот вопрос на усмотрение национальных законодательств.

2. Административная ответственность: В России также предусмотрена административная ответственность за нарушение антидопинговых правил для тренеров и специалистов по спортивной медицине (статья 6.18 КоАП РФ).

3. Роль государства: В России государство играет более активную роль в регулировании антидопинговой деятельности, что проявляется в прямом

участии Министерства спорта РФ в формировании политики и контроле ее исполнения.

4. Процедурные особенности: несмотря на общую гармонизацию, могут существовать незначительные процедурные различия в деталях проведения расследований, слушаний и обжалований, обусловленные особенностями национальной правовой системы.

Вызовы и перспективы:

Несмотря на значительные усилия по гармонизации, российское антидопинговое законодательство и практика сталкивались с рядом вызовов, особенно в контексте допинговых скандалов последних лет. Основные из них:

- Обеспечение полной независимости РУСАДА: Это ключевое требование WADA, направленное на исключение любого государственного вмешательства в антидопинговую деятельность.
- Эффективность расследований: Повышение эффективности расследований и привлечение к ответственности всех причастных к допинговым нарушениям, включая персонал поддержки спортсменов.
- Международное сотрудничество: Восстановление полного доверия и сотрудничества с международными антидопинговыми организациями.

Таким образом, представленная статья комплексно рассматривает соответствие российского антидопингового законодательства нормам Всемирного антидопингового агентства (WADA). Анализ демонстрирует высокую степень гармонизации российского законодательства с международными стандартами, что выражается в приверженности принципам честной игры, принятии Запрещенного списка WADA, совпадении основных нарушений антидопинговых правил, соблюдении процедур тестирования и применении сопоставимых дисциплинарных санкций.

Список литературы

1. Спортивное право» (учебное пособие) / под ред. Н. В. Антоновой, Т. Е. Мельник, И. А. Шулятьева. — М.: ИНФРА-М, 2025.
2. Всемирный антидопинговый кодекс (WADA).
3. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».

4. РУСАДА: Российское антидопинговое агенство.

5. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. От 17.11.2025) ст. 230.1, 230.2

6. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. От 28.11.2025) ст. 6.18.

© Семаева Д.С.

СЕКЦИЯ ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

К ВОПРОСУ О ЛИШЕНИИ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

Береговенко Данил Александрович
магистрант кафедры гражданского,
предпринимательского и транспортного права
ДВГУПС
Древаль Людмила Николаевна
профессор кафедры гражданского,
предпринимательского и транспортного права,
д-р юрид. наук, профессор
ДВГУПС

Аннотация: В статье анализируются проблемы, связанные с реализацией такого института семейного права, как лишение родительских прав. Исследуется юридическое словосочетание «уклонение от выполнения родительских обязанностей», рассматривается влияние правовых последствий лишения родительских прав на формирование личности ребенка. Авторы приходят к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства для обеспечения баланса интересов всех участников данных правоотношений: родителей, детей, уполномоченных органов.

Ключевые слова: право, статус, несовершеннолетние, дети, мать, отец, родители, воспитание, закон, органы опеки и попечительства, правовые последствия, защита.

ON THE ISSUE OF TERMINATION OF PARENTAL RIGHTS

Dreval Liudmila Nikolaevna
Beregovenko Danil Aleksandrovich

Abstract: The article analyzes issues related to the implementation of such an institution of family law as the deprivation of parental rights. The legal phrase «failure to fulfill parental duties» is examined, and the influence of the legal consequences of deprivation of parental rights on the formation of a child's personality is considered. The authors conclude that further improvement of

legislation is necessary to ensure a balance of interests of all participants in these legal relations: parents, children, and authorized bodies.

Key words: law, status, minors, children, mother, father, parents, upbringing, statute, guardianship and custody authorities, legal consequences, protection.

Российской Федерацией как социальным государством особое внимание уделяется разносторонней поддержке семьи. Приоритетное значение имеет направление – достойное воспитание детей, их нравственное, физическое и интеллектуальное развитие. Поэтому важной составляющей формирования личности является нахождение ребенка в семье. Однако иногда такое пребывание негативно сказывается на его формировании. Поэтому необходим механизм защиты прав и законных интересов несовершеннолетних детей. Одним из таких можно считать институт семейного права, а именно лишение родительских прав.

Вместе с тем данный институт, задуманный как крайняя мера защиты ребенка от реальной опасности, как справедливо отмечают некоторые ученые, «на деле нередко превращается в упрощенный, а подчас и карательный инструмент, применение которого влечет за собой необратимые негативные последствия для всех участников семейных правоотношений. Особенно трагичны последствия для самого ребенка, чьи права и интересы формально призвана защищать эта процедура. Суть проблемы заключается в системном смещении акцентов с поддержки и реабилитации семьи на ее скорейшее «расформирование» через наиболее жесткую санкцию» [1, с. 5].

Задуманный законодателем в качестве исключительной меры и реализующийся только по виновным основаниям (уклонение от обязанностей, злостное уклонение от уплаты алиментов, отказ без уважительных причин взять ребенка из роддома, злоупотребление правами, жестокое обращение, хроническая болезнь алкоголизмом или наркоманией, совершение умышленного преступления против жизни или здоровья ребенка или супруга и т.п.), на практике он применяется не всегда «по справедливости».

Одной из причин такого положения дел, на которой бы хотелось остановиться, стало расширительное толкование в судебной практике юридической категории (словосочетания) – «уклонение от выполнения родительских обязанностей» (п. 1 ст. 69 Семейного кодекса РФ), поскольку под ней можно понимать не только злостное и осознанное игнорирование

потребностей ребенка, но и ситуации, объективно «связанные с бедностью, отсутствием подходящего жилья, временной потерей работы, сложными жизненными обстоятельствами, в которых оказалась семья».

Родитель, находящийся в социально-экономической яме и отчаянно нуждающийся в адресной поддержке государства (социальной, психологической, материальной), вместо такой помощи рискует стать объектом карательной процедуры [2, с. 38]. Поэтому при рассмотрении дел такого рода суды должны использовать индивидуальный подход и учитывать положения ст. 72 Семейного кодекса РФ, когда уполномоченные органы (в данном случае опеки и попечительства) обязаны оказать родителям помощь (материальную, психологическую и иную).

Однако, в настоящее время можно констатировать, что механизмы ранней, всесторонней и долгосрочной помощи семьям в кризисе в настоящее время развиты слабо, финансирование недостаточно, а межведомственное взаимодействие (органов социальной защиты, здравоохранения, образования, службы занятости, правоохранительных органов) остается неэффективным. В результате этого органы опеки и попечительства, лишенные реальных ресурсов для помощи и заваленные отчетностью, а также суды, перегруженные делами, часто переходят к самой радикальной мере – лишению прав как к наиболее быстрому, «чистому» и, с их точки зрения, «надежному» способу «защитить» ребенка, не исчерпав и даже не начав серьезной работы по реабилитации семьи [1, с. 7-8].

Последствия лишения родительских прав зачастую носят долгосрочный (иногда и пожизненный) характер, что сказывается на развитии ребенка, его психике и дальнейшей жизни в обществе. Поэтому над этим следует задуматься.

На данную проблему обращает внимание и Уполномоченный по правам ребенка в РФ, указывая в своих выступлениях и докладах на тревожную тенденцию: лишение родительских прав зачастую используется как упрощенный административный механизм для решения проблемы устройства ребенка (особенно малолетнего).

К сожалению, практика лишения родительских прав преобладает над вынесением судами решений по восстановлению в родительских правах. Анализ ежегодных статистических данных свидетельствует о ничтожно малых цифрах восстановления (из 100% лишенных родителей восстанавливаются в правах только 2-4 %).

Также следует обратить внимание на то, что процедура восстановления сложна и требовательна, и что для многих родителей задача по восстановлению в родительских правах выглядит практически невыполнимой, что подтверждает тезис «о нежелании системы в принципе работать над возможностью исправления ситуации и воссоединения семьи».

Если решение о лишении родительских прав было принято поспешно, то это затрагивает не только интересы ребенка, поскольку изъятие его из семьи, по мнению детских психологов, является одной из самых тяжелых моральных травм, формирующей чувство брошенности, собственной ненужности несовершеннолетних, но и касается государства, так как она оборачивается долгосрочными издержками. Государству приходится брать на себя «многомиллиардное бремя полного содержания» ребенка в приюте (что значительно дороже, чем помощь семье) и др.

Решение проблемы видится в комплексном подходе, в исследовании всех обстоятельств, как уполномоченными органами (в большей степени органами опеки и попечительства), так и судами. Однако в целях эффективного правоприменения и единообразного понимания правил поведения законодателю следует уточнить, когда необходимо родителей лишать родительских прав при «уклонении от выполнения» своих обязанностей, дифференцировав его, например, как злостное уклонение. В остальных же случаях, связанных с такого рода уклонением, чаще применять нормы института «ограничение родительских прав», который можно воспринимать в качестве обязательной профилактической и предварительной меры, за исключением тех случаев, когда речь может идти об угрозе жизни ребенка.

Список литературы

1. Родителей лишают прав, детей лишают семей: анализ практики лишения родительских прав в России и ее последствий / Проект «Правовая инициатива», Международная правозащитная группа «Агора». – М., 2017. – 120 с.

2. Шершень Т. В. К вопросу о принципе приоритета семейного воспитания ребенка и его реализации при лишении родительских прав / Т. В. Шершень // Российская юстиция. – 2021. – № 8. – С. 37–40.

© Береговенко Д.А., Древаль Л.Н.

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Заяц Николай Николаевич
магистрант
Научный руководитель: **Чаусская Ольга Анатольевна**
к.ю.н., доцент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Аннотация: Охрана культурных ценностей становится всё более острой проблемой: растет количество их хищений, многие объекты наследия разрушаются, а средств на реставрацию катастрофически не хватает. При этом до сих пор нет единого определения понятия «культурные ценности» – ни в международном праве, ни в российском законодательстве, ни в правовой теории. В России исследователи расходятся во мнениях: одни относят к культурным ценностям только недвижимые объекты, другие учитывают и движимые предметы.

Анализ правовых норм и доктрины показывает, что понятие «культурные ценности» должно охватывать как материальные (движимые и недвижимые), так и нематериальные феномены. В статье предложена авторская дефиниция «культурных ценностей», объединяющая обе составляющие, – она может стать основой для совершенствования законодательства в сфере охраны культурного наследия.

Ключевые слова: культурные ценности, признаки культурных ценностей, объекты права собственности.

CULTURAL PROPERTIES AS OBJECTS OF PROPERTY RIGHTS

Zayats Nikolay Nikolaevich
Scientific adviser: **Chausskaya Olga Anatolyevna**

Abstract: The protection of cultural property is becoming an increasingly pressing issue: the number of theft cases is growing, many heritage sites are deteriorating, and funding for restoration is critically insufficient. At the same time, there is still no universally accepted definition of the term «cultural property» –

neither in international law, nor in Russian legislation, nor in legal theory. In Russia, researchers hold differing views: some consider only immovable objects to be cultural property, while others also include movable items.

An analysis of legal norms and doctrines shows that the concept of «cultural property» should encompass both material (movable and immovable) and intangible phenomena. The article proposes the author's own definition of «cultural property», which integrates both components; this definition could serve as a basis for improving legislation in the field of heritage protection.

Key words: cultural property, attributes of cultural property, objects of property rights.

Согласно ст. 3 «Основ законодательства Российской Федерации о культуре от 09.10.1992 № 3612-1» понятие «культурные ценности» трактуется как нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты [1].

В ст. 7 Закона РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О ввозе и вывозе культурных ценностей» закреплён перечень объектов, признаваемых культурными ценностями [2]. К ним отнесены: исторические ценности; фрагменты и предметы, обнаруженные при археологических раскопках; произведения искусства; оригинальные скульптуры; художественные композиции и монтажи из различных материалов; предметы культового назначения с художественной отделкой и другие аналогичные объекты.

В терминологическом словаре-справочнике по безопасности культурных ценностей даётся следующее определение: под культурными ценностями подразумеваются как движимые памятники истории и культуры (включённые в государственные и негосударственные архивные, библиотечные, музейные и иные фонды и собрания), так и недвижимые – в частности, здания, сооружения, а также территории и объекты, обладающие уникальной историко-культурной ценностью [3, с. 11].

В. А. Шестаков отмечает, что термин «культурные ценности» начал формироваться в международно-правовом поле после Первой мировой войны. Именно тогда мировое сообщество приступило к разработке общих норм и правил, регулирующих особый правовой режим определённых предметов. Их статус существенно отличался от правового режима обычных товаров или объектов недвижимости – прежде всего в вопросах реституции и последующей защиты таких ценностей [4, с. 83].

В ходе анализа определения культурных ценностей, С.С. Рындина выделяет ключевой признак: культурная ценность представляет собой результат человеческой деятельности [5, с. 356]. Исследуя международно-правовые дефиниции, автор формулирует собственное понятие «культурных ценностей», выделяя ряд существенных признаков: принадлежность к сфере человеческой деятельности, а также наличие культурной, археологической, исторической, художественной или научной значимости. Кроме того, С.С. Рындина указывает на дополнительные критерии, позволяющие идентифицировать культурные ценности, – это их стоимостная характеристика и временная отнесённость (возраст, историческая удалённость) [5, с. 359].

Таким образом, культурные ценности представляют собой совокупность материальных и нематериальных результатов человеческой деятельности, которые обладают значимостью для общества в историческом, художественном, научном и иных культурных аспектах. Для отдельных категорий таких ценностей законодательство может устанавливать временной критерий и определять их классификацию в зависимости от конкретных целей [6].

В.Г. Беспалько даёт следующее определение понятия «культурные ценности»: это движимые и недвижимые объекты как светского, так и религиозного характера, которые имеют историческое, художественное, научное или иное культурное значение для общества – независимо от их происхождения и правового статуса [7, с. 79-80].

На основании изложенного можно выделить юридически значимые признаки, позволяющие отграничить культурные ценности от прочих предметов и объектов:

Общественная значимость. Она выражает особую ценность объектов не для отдельных лиц или групп, а для общества в целом.

Многоаспектная качественная значимость. Предмет или объект может обладать исторической, художественной, научной или культурной ценностью либо сочетать несколько из этих признаков одновременно. Такое сочетание обусловлено многообразием и взаимопроникновением различных сфер культурной жизни общества.

Исследователь Керстин Одендаль (Kerstin Odendahl) предпринимает попытку выявить универсальные признаки культурных ценностей, анализируя правовые нормы на трёх уровнях: международном, европейском и национальном [8, с. 386-387]. На каждом из этих уровней понятие трактуется по-своему в рамках отдельных правовых актов, что создаёт определённые сложности для выработки единого определения. Тем не менее автор считает возможным сформулировать обобщающую дефиницию, интегрирующую ключевые подходы всех трёх уровней.

В предложенной К. Одендаль трактовке культурные ценности – это материальные объекты, созданные или преобразованные человеком. Они могут быть как движимыми, так и недвижимыми, существовать в виде единичных предметов или входить в состав коллекций. Их ключевая особенность заключается в том, что они отражают этапы культурного развития общества и обладают значимостью – исторической, научной, культурной, архитектурной, археологической либо иной, причём эта значимость может варьироваться по масштабу.

Анализ различных научных позиций позволяет выделить ряд устойчивых признаков, характерных для понятия «культурные ценности». Прежде всего, речь идёт о материальности объектов и их связи с человеческой деятельностью: культурные ценности возникают как результат созидательного труда человека либо в ходе целенаправленного преобразования уже существующих предметов. Кроме того, они могут быть как движимыми, так и недвижимыми – от небольших артефактов до масштабных архитектурных сооружений.

Вместе с тем ряд исследователей расширяет границы понятия, включая в него не только материальные, но и нематериальные объекты. Это отражает современную тенденцию к более широкому пониманию культурного наследия, которое охватывает не только предметы и сооружения, но и явления духовной культуры, традиции, знания, формы выражения идентичности.

Помимо базовых признаков, выделяют также факультативные критерии, помогающие конкретизировать статус культурных ценностей. К ним относятся:

− временной критерий (возраст объекта, его удалённость от современности);

− материальная стоимость (рыночная или оценочная);

− уникальность (отсутствие аналогов);

− неповторимость (индивидуальные черты, делающие объект незаменимым).

До сих пор не решён вопрос о принадлежности памятников истории и культуры к федеральной, региональной или муниципальной собственности. Главная проблема – отсутствие федерального закона, который бы однозначно устанавливал порядок передачи таких объектов из федеральной собственности субъектам РФ или муниципальным образованиям.

Правовая база в этой сфере носит фрагментарный характер. Так, согласно п. 6 Положения об особо ценных объектах культурного наследия народов РФ (утверждено Указом Президента РФ от 30 ноября 1992 г. № 1487) [9], к федеральной собственности относятся:

− объекты, внесённые в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов РФ;

− памятники истории и культуры общероссийского значения, включённые в перечень, утверждённый Указом Президента РФ от 20 февраля 1995 г. № 176 [10].

Собственность субъектов РФ формируют объекты культурного наследия регионального значения, а в муниципальную собственность входят культурные ценности, принадлежащие муниципальным образованиям, – это закреплено в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [11].

Закон «Об объектах культурного наследия» предусматривает деление памятников на объекты федерального, регионального и местного значения, однако не содержит развёрнутых критериев такого разграничения [12]. Более того, в ст. 63 закона имеется отсылка к ещё не принятому федеральному закону, который должен был бы чётко разграничить объекты федеральной собственности и собственности субъектов РФ.

В юридической науке активно обсуждается вопрос о разграничении собственности на объекты культурного наследия. Исследователи (О. А. Асенина, Д. Звоненко, Т. Б. Силина) сходятся во мнении, что при определении собственника решающее значение должны иметь два критерия:

- способность обеспечивать финансирование содержания объекта;
- возможность гарантировать сохранность культурной ценности.

О. А. Асенина подчёркивает: право собственности на памятники должно быть связано с реальными ресурсными возможностями субъекта [13]. Д. Звоненко предупреждает, что формальное закрепление прав без необходимой ресурсной базы грозит деградацией памятников [14]. Т.Б. Силина дополняет: субъект обязан располагать организационно-финансовыми механизмами для исполнения охранных обязанностей [15].

Таким образом, научный консенсус сводится к тому, что разграничение собственности следует основывать не на абстрактных правовых конструкциях, а на реальных возможностях субъекта поддерживать и сохранять объект. Кроме того, для публично-правовых образований характерны особые способы возникновения права собственности на культурные ценности, среди которых:

- выкуп бесхозяйственно содержимых объектов;
- обнаружение клада;
- конфискация;
- реквизиция;
- национализация;
- наследование выморочного имущества.

В российском законодательстве предусмотрен особый механизм защиты культурных ценностей, которым угрожает уничтожение или порча из-за ненадлежащего содержания собственником. Основой регулирования выступает ст. 240 Гражданского кодекса РФ [16], позволяющая в судебном порядке изъять у собственника особо ценные культурные объекты, охраняемые государством.

Если собственник не обеспечивает должный уход за культурными ценностями, отнесёнными законом к особо ценным и находящимся под государственной охраной, и это создаёт реальную угрозу утраты их историко-культурного значения, государство вправе обратиться в суд с требованием об изъятии таких объектов. Законодательство предусматривает два возможных способа:

1) выкуп ценностей государством;
2) продажа с публичных торгов.

При выкупе собственнику возмещается стоимость объектов – она определяется соглашением сторон, а при возникновении разногласий – судом. Если же ценности реализуются через торги, бывшему владельцу передаётся вырученная сумма за вычетом расходов на организацию торгов и затрат на восстановительные работы (в отношении объектов культурного наследия) либо на мероприятия по сохранению археологических объектов.

Здесь возникает терминологическая неопределённость. Закон использует понятие «культурные ценности, отнесённые законом к особо ценным и охраняемым государством», которое прямо не закреплено в действующем законодательстве. При этом в праве присутствует близкое по смыслу понятие – «особо ценные объекты культурного наследия».

Если законодатель имел в виду именно их, то нормы статьи 240 Гражданского кодекса РФ распространяются исключительно на недвижимые объекты, обладающие соответствующим статусом [16]. Однако особой ценностью могут обладать и движимые культурные ценности, которые оказываются вне сферы действия данной нормы.

В свою очередь, статья 54 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия» устанавливает аналогичное правило в отношении любых бесхозяйственно содержимых объектов культурного наследия [12]. На наш взгляд, это в наибольшей степени отвечает требованиям защиты и сохранности культурных ценностей, а также интересам общества и государства.

Возникает вопрос: зачем в таком случае законодатель указывает на «государственную охрану» этих объектов? Ведь согласно Закону «Об объектах культурного наследия», особо ценные объекты подлежат обязательной государственной охране с момента их признания таковыми, а несоблюдение этих требований должно строго контролироваться государственными органами.

Отдельный механизм предусмотрен для признания права муниципальной собственности на бесхозяйные недвижимые вещи (п. 3 ст. 225 ГК РФ) [16]. Процесс выглядит так:

1. Орган, осуществляющий государственную регистрацию прав на недвижимость, ставит объект на учёт на основании заявления местного самоуправления (по месту нахождения объекта).

2. Через год после постановки на учёт муниципалитет вправе обратиться в суд с требованием признать право муниципальной собственности.

Важный нюанс связан с обязательной государственной регистрацией прав на недвижимость. Она требует указания конкретного собственника, поэтому основание «собственник неизвестен» неприменимо к зарегистрированным объектам. Если регистрационные данные отсутствуют либо оформлен отказ от права собственности, объект признаётся не имеющим собственника.

Если суд не признал бесхозяйную культурную ценность поступившей в муниципальную собственность, возможны два варианта:

− возврат во владение прежнего собственника;

− приобретение права собственности в силу приобретательной давности.

Одним из способов приобретения публичной собственности в российском праве является обнаружение клада. Согласно п. 1 ст. 233 ГК РФ [16], клад определяется как деньги или ценные предметы, зарытые в земле либо скрытые иным способом, если их собственник не может быть установлен либо утратил на них право в силу закона.

Ключевое правило закреплено в п. 2 ст. 233 ГК РФ [16]: если в составе клада обнаружены предметы, относящиеся к памятникам истории и культуры, они подлежат передаче в государственную собственность.

Право на вознаграждение зависит от характера находки и обстоятельств её обнаружения. Если клад не содержит культурных ценностей, он поступает в собственность владельца участка и лица, обнаружившего клад (обычно в равных долях). Если найдены культурные ценности, они передаются в государственную собственность, а собственник участка и нашедший получают совместно 50% от стоимости клада (как правило, поровну). При этом лицо, проводившее раскопки без согласия собственника участка, не имеет права на вознаграждение – оно полностью выплачивается собственнику. Кроме того, правила не распространяются на тех, чья служебная деятельность включала поиск клада. Несоблюдение установленного порядка (самовольное изъятие или сокрытие клада) может повлечь административную или уголовную ответственность.

В юридической литературе отмечается ряд проблем:

Культурные ценности нередко обладают непреходящей значимостью для человечества, что затрудняет их имущественную оценку.

Установленный размер вознаграждения (50%) не всегда стимулирует граждан заявлять о найденных кладах, повышая риск утраты ценностей для государства.

В качестве возможного решения предлагается для драгоценностей выплачивать нашедшему денежный эквивалент, равный стоимости материалов, из которых они изготовлены. Подобный порядок существовал в дореволюционном российском законодательстве.

Если культурные ценности обнаружены в ходе археологических раскопок, они признаются исключительно государственной собственностью. При этом правила о кладе не применяются (п. 3 ст. 49 Закона «Об объектах культурного наследия») [12].

Для проведения археологических разведок и раскопок требуется специальное разрешение – открытый лист. Ведение таких работ без разрешения либо с нарушением условий влечёт:

- административный штраф;
- изъятие предметов, добытых в результате раскопок.

Изъятые культурные ценности передаются в Министерство культуры РФ.

Закон «Об объектах культурного наследия» раскрывает понятие «археологическое наследие» как частично или полностью скрытые в земле либо под водой следы существования человека, включая все движимые предметы, имеющие к ним отношение. Основным или одним из основных источников информации о них являются археологические раскопки или находки.

Несмотря на практическую ценность положений Рекомендательного законодательного акта «Об охране археологического наследия» (от 17 февраля 1996 г. № 7-16) [19], Россия до сих пор не ратифицировала этот международно-правовой документ.

Правовой режим культурных ценностей: обязанности собственников и особенности приватизации

Владение культурными ценностями налагает на собственника серьёзные обязательства. Главное из них – обеспечить сохранность таких объектов. Если владелец не выполняет эту обязанность и содержит культурную ценность

бесхозяйственно, государство вправе либо выкупить её, либо изъять без возмещения материальной стоимости.

Особые правила действуют при наследовании музейных предметов и коллекций. Согласно статье 25 Закона «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» [20], наследник, получая такие ценности по завещанию или по закону, обязан принять на себя все обязательства прежнего собственника. Если же наследник не готов выполнять эти обязательства, он может продать музейные предметы или совершить иную сделку – но при этом государство обладает преимущественным правом покупки.

В случае если наследник нарушает обязательства по содержанию музейных ценностей, государство имеет право выкупить их в порядке, предусмотренном гражданским законодательством РФ.

Вопрос приобретения культурных ценностей в частную собственность регулируется законодательством РФ, которое одновременно допускает такую возможность и устанавливает существенные ограничения. Согласно статье 217 ГК РФ [16], приватизация государственного и муниципального имущества, в том числе культурных ценностей, в принципе возможна. Однако эти положения действуют с учётом специальных норм, закреплённых в Основах законодательства Российской Федерации о культуре [1].

В статье 44 Основ законодательства Российской Федерации о культуре прямо закреплён запрет на приватизацию культурного наследия народов РФ. В частности, не могут быть отчуждены в частную собственность культурные ценности, хранящиеся в государственных и муниципальных музеях, архивах, библиотеках, картинных галереях, а также в ассортиментных кабинетах предприятий художественной промышленности и народных промыслов. Кроме того, приватизации не подлежат здания и помещения, где эти ценности размещаются. Для иных объектов культуры приватизация допускается, но лишь при соблюдении ряда обязательных условий: сохранении культурной деятельности как основного вида деятельности, продолжении оказания профильных услуг, обслуживании льготных категорий населения и обеспечении прежнего числа рабочих мест с социальными гарантиями для сотрудников в течение года после смены собственника.

Механизм приватизации конкретизирован в Федеральном законе «О приватизации государственного и муниципального имущества» [21]. В соответствии со статьёй 32 этого закона основанием для перехода права

собственности на культурные ценности служит договор купли-продажи, заключаемый в установленном порядке – как правило, посредством торгов (аукционов). Таким образом, российское законодательство проводит чёткую грань: с одной стороны, оно не исключает приобретение отдельных категорий культурных ценностей в частную собственность, с другой – вводит жёсткие ограничения, направленные на сохранение культурного наследия и обеспечение его доступности для общества.

При продаже объектов культурного наследия новый собственник обязан переоформить на себя охранное обязательство в порядке, установленном законодательством. Договор купли-продажи должен содержать существенные условия, касающиеся:

- требований к содержанию объекта;
- порядка доступа граждан;
- сроков и порядка проведения реставрационных работ;
- иных мер, обеспечивающих сохранность объекта.

Анализ понятия культурных ценностей позволяет выделить их сущностные признаки: они могут быть как материальными, так и нематериальными, движимыми и недвижимыми, но неизменно созданы человеком и обладают особой значимостью для общества и будущих поколений. Эти характеристики подчёркивают многогранность и исключительную важность культурного наследия как общественного достояния.

Однако на практике состояние охраны культурных ценностей в России вызывает серьёзную озабоченность. Несмотря на неоспоримую ценность этих объектов для идентичности нации и сохранения исторической памяти, государственные механизмы их защиты работают недостаточно эффективно.

Ключевая проблема заключается в отсутствии полной и достоверной информации о культурном достоянии страны. Государственные органы не располагают точными данными о количестве памятников на территории РФ, а Единый государственный реестр объектов культурного наследия не содержит полного перечня паспортов памятников истории и культуры. Этот системный недостаток неоднократно отмечался как в профессиональной юридической литературе, так и в средствах массовой информации.

Подобные пробелы в учёте и контроле неизбежно приводят к печальным последствиям – постепенному разрушению и безвозвратной утрате культурных ценностей. Каждая потерянная реликвия – это невосполнимый

урон для общества, поскольку культурное наследие не просто представляет собой совокупность материальных объектов. Оно служит фундаментом общественной жизни, формирует национальную идентичность, сохраняет историческую память и обеспечивает преемственность поколений.

Таким образом, сложившаяся ситуация требует кардинального пересмотра подходов к охране культурного наследия. Защита и сохранение культурных ценностей должны стать безусловным приоритетом государственной политики. Необходимо наладить полноценный учёт памятников, усовершенствовать механизмы контроля их состояния и обеспечить адекватное финансирование мероприятий по их сохранению. Только так можно предотвратить дальнейшую утрату бесценного достояния и гарантировать его передачу будущим поколениям.

Список литературы

1. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 24.06.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025).

2. О вывозе и ввозе культурных ценностей : закон РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 (ред. от 04.08.2023).

3. Терминологический словарь-справочник по безопасности культурных ценностей / сост. Л. И. Душкина [и др.]. – М.: Гос. НИИР, 2000. – 112 с.

4. Шестаков В. А. Формирование понятия «культурные ценности» // Studia culturae. – 2011. – № 11. – С. 83–92.

5. Рындин С. С. К вопросу о понятии «культурная ценность» как объекте международно-правовой охраны // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 2 (8). – С. 355–360.

6. Панфилов А. Н. Культурные ценности и объекты культурного наследия: проблема унификации понятий // Право и политика. – 2011. – № 2. – С. 293–305.

7. Беспалько В. Г. Понятие и признаки культурных ценностей как предметов преступлений // Журнал российского права. – 2005. – № 3. – С. 71–81.

8. Odendahl K. Kulturgüterschutz. – Tübingen: MohrSiebeck, 2005. – 721 s.

9. Положение об особо ценных объектах культурного наследия народов РФ (утв. Указом Президента РФ от 30.11.1992 № 1487) // Собрание законодательства РФ. – 1992. – № 49. – Ст. 4696.

10. Перечень объектов культурного наследия, утверждённый Указом Президента РФ от 20.02.1995 № 176 // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 8. – Ст. 688.

11. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

12. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 26. – Ст. 2432.

13. Асенина О. А. Проблемы разграничения собственности на памятники истории и культуры / О. А. Асенина // Право и экономика. – 2001. – № 4. – С. 6-7.

14. Звоненко Д. Памятники истории и культуры: административно-правовые аспекты / Д. Звоненко // Законность. – 2003. – № 1. – С. 38.

15. Силина Т. Б. Установление ответственности при разграничении публичных форм собственности / Т. Б. Силина // Научный вестник Тюменского юридического института. – 2005. – Вып. 4. – С. 14.

16. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

17. Приказ Минфина России от 06.04.2023 № 44н «Об утверждении Порядка выплаты вознаграждения за клад, содержащий драгоценные металлы, драгоценные камни, ювелирные и другие изделия из драгоценных металлов и (или) драгоценных камней, имеющий историческое, художественное и иное культурное значение, зачисленный в Государственный фонд драгоценных металлов и драгоценных камней Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 15. – Ст. 2678.

18. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (КоАП РФ) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

19. Об охране археологического наследия : Рекомендательный законодательный акт от 17.02.1996 № 7-16 // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. – 1996. – № 10.

20. О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации : Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 22. – Ст. 2594.

21. О приватизации государственного и муниципального имущества : Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 4. – Ст. 251.

© Заяц Н.Н.

К ВОПРОСУ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ И ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ НА НИХ

Усабаева Зульфия Ирбулатовна
магистрант
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный
университет им. В.Н. Татищева»

Аннотация: Наследование земельных участков является одним из наиболее сложных и значимых институтов гражданского права, поскольку оно затрагивает вопросы государственной регистрации, использования и охраны земельных ресурсов. В статье анализируются основные положения законодательства, регулирующего наследование недвижимости, уделяется внимание особенностям правового режима земельных участков в различных категориях земель, а также специфике передачи прав на земельные участки в порядке наследования.

Ключевые слова: земля, земельный участок, землевладение, право собственности, имущественные права, пользование, государственная собственность, муниципальная собственность.

ON THE ISSUE OF THE LEGAL NATURE OF INHERITANCE OF LAND PLOTS AND PROPERTY RIGHTS TO THEM

Usabayeva Zulfiya Irbulatovna

Abstract: Inheritance of land plots is one of the most complex and significant institutions of civil law, as it affects issues of state registration, use and protection of land resources. The article analyzes the main provisions of the legislation regulating the inheritance of real estate, pays attention to the peculiarities of the legal regime of land plots in various categories of land, as well as the specifics of the transfer of rights to land plots by inheritance.

Key words: land, land plot, land ownership, ownership rights, property rights, use, state property, municipal property.

Наследование относится к числу оснований возникновения права собственности и представляет собой переход имущества умершего гражданина (наследодателя) к иным лицам (наследникам) в порядке универсального правопреемства. Закрепленная в п. 4 ст. 35 Конституции РФ гарантия права наследования распространяется на все имущество, принадлежащее гражданину, в том числе на земельные участки [1].

Согласно ст. 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в состав наследства включаются принадлежащие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, а также имущественные права и обязанности [2]. Из этого правила исключаются только права и обязанности, которые неразрывно связаны с личностью наследодателя, а также его личные неимущественные права и иные нематериальные блага, равно как и те права и обязанности, переход которых по наследству прямо запрещен законодательством Российской Федерации.

Одной из разновидностей имущества, которое допускается передавать по наследству, выступают земельные участки и соответствующие права на них.

В соответствии с п. 2 ст. 6 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) под земельным участком понимается недвижимая вещь, представляющая собой часть земной поверхности и обладающая характеристиками, позволяющими индивидуализировать ее как конкретный объект [3]. Границы земельного участка устанавливаются на основании законодательства и правоустанавливающих документов, выданных собственнику либо иному законному владельцу.

Как объект гражданских прав земельный участок имеет сложный характер: он включает в себя совокупность неоднородных элементов (почвенный слой, водные объекты, растительность и т.п.), образующих единый комплекс, предназначенный для использования по общему целевому назначению.

Специальное регулирование наследования земельных участков содержится в ст. 1181 ГК РФ. В ней закреплено, что принадлежащий наследодателю на праве собственности земельный участок, а также право пожизненного наследуемого владения земельным участком включаются в состав наследства и переходят к наследникам на общих основаниях, предусмотренных ГК РФ [2].

Особенности наследования отдельных видов имущества, в том числе земельных участков, урегулированы в главе 65 ГК РФ. Статья 1181 ГК РФ подтверждает, что земельный участок, находящийся в собственности наследодателя, либо право пожизненного наследуемого владения этим участком входят в наследственную массу и наследуются в общем порядке гражданского законодательства [2]. Для принятия наследства, в состав которого входит соответствующее право либо сам участок, не требуется получение какого-либо специального разрешения. Вместе с земельным участком или правом пожизненного наследуемого владения по наследству переходят также расположенные в его границах поверхностный (почвенный) слой, водные объекты и растения, если иное прямо не предусмотрено законом.

Вместе с тем общий порядок, установленный указанной нормой, распространяется не на все ситуации без исключения. Так, в силу п. 3 ст. 15 ЗК РФ иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут наследовать земельные участки, расположенные на приграничных территориях и на иных особо установленных территориях Российской Федерации, поскольку не вправе владеть такими участками на праве собственности [3]. Другой пример специальных ограничений связан с положениями ст. 5 и 11 Федерального закона от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», в соответствии с которыми на наследника может быть возложена обязанность по отчуждению земельного участка (его части) либо доли в праве общей собственности на сельскохозяйственный участок [4].

Практические трудности нередко возникают и при наследовании земельных участков, которые принадлежали наследодателю на праве собственности. Вместе с тем конфликтные ситуации нередко возникают и в тех случаях, когда в наследственную массу входит право пожизненного наследуемого владения земельным участком.

Институт пожизненного наследуемого владения землей был закреплен еще Основами законодательства Союза ССР и союзных республик о земле, утвержденными Верховным Советом СССР 28.02.1990 г., в условиях запрета частной собственности на землю. Результатом реформ стало массовое предоставление гражданам права пожизненного наследуемого владения земельными участками. Указом Президента РФ от 24.12.1993 № 2287 «О приведении земельного законодательства Российской Федерации в соответствие с Конституцией Российской Федерации» нормы

о предоставлении земель в пожизненное наследуемое владение были признаны несоответствующими Конституции РФ и утратили силу [5]. Тем не менее, само право пожизненного наследуемого владения, ранее возникшее у граждан, продолжает существовать, хотя новое предоставление участков на таком праве действующим земельным законодательством не допускается. Следовательно, сохраняется и необходимость регулировать наследование участков, находящихся на указанном праве.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (далее – Постановление ВС РФ от 29.05.2012 № 9) определяет ряд особенностей наследования права пожизненного наследуемого владения земельным участком [6].

Во-первых, в ст. 1181 ГК РФ отсутствуют специальные изъятия для случаев наследования права пожизненного наследуемого владения несколькими лицами [2]. Отсюда следует, что каждый из наследников приобретает долю в данном праве независимо от делимости или неделимости земельного участка как физического объекта. Выдел доли в натуре по требованию наследника допускается только при наличии положительного заключения экспертизы, устанавливающей возможность такого выдела с точки зрения требований законодательства и соблюдения прав иных собственников или владельцев участка. Если по результатам экспертизы будет установлено, что раздел противоречит закону или нарушает права других лиц, суд откажет в удовлетворении иска о выделе доли.

Во-вторых, наследниками земельного участка, который принадлежал наследодателю на праве пожизненного наследуемого владения, могут выступать исключительно граждане. Если в завещании земельный участок, находящийся на таком праве, завещан юридическому лицу, соответствующая часть завещания признается недействительной.

Множество спорных ситуаций связано с наследованием земельных участков, на которых расположены объекты недвижимости. В связи с этим в Постановлении ВС РФ от 29.05.2012 № 9 содержатся разъяснения относительно особенностей наследования таких участков [6].

Из содержания ст. 130 ГК РФ следует, что земельные участки и возведенные на них объекты недвижимости представляют собой самостоятельные объекты гражданского оборота [2]. Следовательно, наследодатель вправе по своему усмотрению распорядиться земельным участком и находящимися на нем зданиями или сооружениями отдельно друг

от друга. При этом недопустима ситуация, при которой завещанием выделяется в пользу одного лица лишь часть земельного участка, непосредственно занятую объектом недвижимости и необходимую для его использования, а сам объект завещается другому лицу: такое распоряжение в указанной части признается недействительным.

При возникновении конфликта между собственником недвижимости, расположенной на земельном участке, и собственником самого участка суд, исходя из конкретных обстоятельств, может признать за собственником здания право приобрести в собственность земельный участок, на котором это здание расположено, либо, напротив, признать за собственником земли право приобрести находящуюся на ней недвижимость [5]. Альтернативой может стать установление судом порядка пользования земельным участком собственником объекта недвижимости на новый срок.

К наследству может относиться и право аренды земельного участка. Согласно п. 2 ст. 617 ГК РФ при смерти гражданина – арендатора недвижимого имущества его права и обязанности по договору аренды переходят к наследнику, если иное прямо не установлено законом или самим договором.

Небольшие, но существенные проблемы возникают, когда умирает арендатор земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на котором расположено принадлежащее ему на праве собственности здание или сооружение. В практике оформления наследства встречаются случаи, когда в свидетельстве о праве на наследство указывается только право собственности на объект недвижимости, без упоминания о праве аренды соответствующего земельного участка [8, с. 45].

Согласно ст. 35 ЗК РФ при переходе права собственности на здание или сооружение, расположенное на чужом земельном участке, к новому лицу к нему одновременно переходит и право пользования частью земельного участка, занятой объектом и необходимой для его эксплуатации, в том же объеме и на тех же условиях, что и у прежнего собственника [3]. Однако органы, уполномоченные распоряжаться земельными участками государственной или муниципальной собственности, а также органы, осуществляющие государственную регистрацию прав на недвижимость и сделок с ней, на практике нередко отказываются признавать наследника стороной по прежнему договору аренды, заключенному с наследодателем. В таких случаях с наследником как с новым собственником здания или

сооружения заключается новый договор аренды в соответствии со ст. 39.20 ЗК РФ [3].

Отдельного внимания заслуживает право безвозмездного пользования земельным участком, имеющее договорную природу. Если земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, передается гражданину в безвозмездное пользование, договор заключается с уполномоченным органом либо, в предусмотренных законом случаях, с организацией, которой участок предоставлен в постоянное (бессрочное) пользование.

Основания для заключения договоров безвозмездного пользования земельными участками публичной собственности, закрепленные в земельном законодательстве, свидетельствуют о том, что возможность предоставления такого права тесно связана с личностью пользователя [7, с. 15]. Вследствие этого право безвозмездного пользования участком, находящимся в государственной или муниципальной собственности, как общее правило, не переходит по наследству. Аналогичный подход применяется и к участкам, принадлежащим иным собственникам: в силу ст. 701 ГК РФ договор безвозмездного пользования прекращается со смертью гражданина-ссудополучателя, если иное прямо не оговорено сторонами в договоре. Таким образом, только при наличии специального условия в договоре право безвозмездного пользования земельным участком может перейти к наследникам.

Исходя из оснований владения земельным участком, для наследников можно выделить несколько типичных вариантов развития событий.

Во-первых, наследование земельного участка, находящегося в собственности наследодателя, осуществляется по тем же правилам, что и наследование иного имущества. Право собственности на землю переходит к наследникам, даже если при жизни наследодатель не успел зарегистрировать его в Едином государственном реестре недвижимости. Приняв наследство, наследники вправе зарегистрировать свое право в органах Росреестра, представив нотариальное свидетельство о праве на наследство.

Во-вторых, если участок не был учтен в реестре недвижимости, наследнику необходимо подтвердить факт принадлежности земли наследодателю иными документами: выпиской из решения сельского совета или исполнительного комитета, договором о предоставлении участка

в пользование и т.п. Эти документы подаются в Росреестр одновременно с нотариальным свидетельством.

В-третьих, когда какие-либо правоустанавливающие документы наследодателя на земельный участок отсутствуют или обнаружить их не представляется возможным, наследнику, как правило, приходится обращаться в суд. В таких случаях широко распространены иски о признании права собственности на земельный участок в порядке наследования.

Если наследник один, полученный по наследству участок переходит в его единоличную собственность. Когда же наследников несколько, возникает необходимость решить вопрос о разделе земельного участка. Такой раздел допускается лишь при соблюдении требований Земельного кодекса РФ.

При множественности наследников земельный участок первоначально поступает в их общую долевую собственность, а фактический раздел его «в натуре» возможен не всегда. Раздел в натуре допускается только в случае, если выделяемые части будут соответствовать установленному в соответствующем субъекте РФ минимальному размеру участков определенной категории и разрешенного использования. Например, в Московской области предусмотрены минимальные размеры: 6 соток – для дачных участков и 4 сотки – для огородничества. Если образуемые доли не отвечают этим требованиям, земельный участок признается неделимым. При возникновении разногласий между наследниками о порядке пользования таким участком суд может определить порядок его использования.

Закон предусматривает также возможность реализации преимущественного права при наследовании садового участка как неделимой вещи (ст. 1168 ГК РФ). В ситуации, когда раздел участка между наследниками невозможен, он может быть передан тому наследнику, который совместно с наследодателем владел данным участком либо постоянно им пользовался. Остальным наследникам в таком случае полагается денежная или иная имущественная компенсация, эквивалентная их наследственным долям.

Подводя итог, можно отметить, что законодательство Российской Федерации в целом содержит достаточно подробные и многоуровневые нормы, регулирующие порядок наследования земельных участков. Это свидетельствует о том, что специфика земельных участков как объектов гражданских правоотношений не игнорируется законодателем. Вместе с тем Гражданский кодекс РФ, являющийся базовым актом в сфере наследственного

права, содержит относительно ограниченный объем специальных положений, посвященных именно вопросам наследования земель. Более детальное регулирование раскрывается в отраслевых законах и подзаконных актах, что, с одной стороны, позволяет учесть многообразие практических ситуаций, но с другой – создает риск неоднородного толкования и применения законодательства, а также формирования разнонаправленной судебной практики в данной области.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // «Российская газета» от 4 июля 2020 г. № 144.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301.

3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 октября 2001 г. № 44 ст. 4147.

4. Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. № 30 ст. 3018.

5. Указ Президента РФ от 24.12.1993 № 2287 «О приведении земельного законодательства Российской Федерации в соответствие с Конституцией Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации, 1993 г., № 52, ст. 5085.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, июль 2012 г., № 7.

7. Корчагина Н.В. Наследование земельных участков: особенности и спорные вопросы // Современные инновации. – 2016. – №6 (8). – С. 13-19.

8. Писарев Г. А. Земельный участок и права на него в составе наследства // Наследственное право. – 2015. – № 3. – С. 45-49.

© Усабаева З.И.

ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА ФИНАНСОВОЙ АРЕНДЫ (ЛИЗИНГА)

Хильчук Владимир Денисович
студент
Научный руководитель: **Гребеньков Александр Александрович**
к.ю.н., доцент
АНО ВО «Московский университет Синергия»

Аннотация: В статье рассматриваются правовая природа и особенности договора финансовой аренды (лизинга) в российском гражданском праве. Анализируются нормы Гражданского кодекса Российской Федерации и специального законодательства о лизинге, а также доктринальные подходы к квалификации лизинговых отношений. Особое внимание уделяется проблеме соотношения юридической формы договора лизинга и его экономического содержания, судебной практике по спорам, связанным с выкупным лизингом, банкротством лизингополучателя и досрочным расторжением договора. Обосновывается вывод о самостоятельном характере договора финансовой аренды и необходимости совершенствования нормативного регулирования лизинговых отношений в Российской Федерации.

Ключевые слова: финансовая аренда, лизинг, договор лизинга, правовая природа, гражданское право, выкупной лизинг, судебная практика.

FEATURES OF THE FINANCIAL LEASE (LEASING) AGREEMENT

Khilchuk Vladimir Denisovich
Supervisor: **Grebenkov Alexander Alexandrovich**

Abstract: The article examines the legal nature and specific features of the financial lease (leasing) agreement in Russian civil law. The author analyzes the provisions of the Civil Code of the Russian Federation and special legislation on leasing, as well as doctrinal approaches to the qualification of leasing relations. Special attention is paid to the contradiction between the legal form of the leasing

agreement and its economic substance, judicial practice concerning buyout leasing, bankruptcy of the lessee and early termination of the agreement. The article substantiates the conclusion that the financial lease agreement has an independent legal character and emphasizes the necessity of improving the legislative regulation of leasing relations in the Russian Federation.

Key words: financial lease, leasing, leasing agreement, legal nature, civil law, buyout leasing, judicial practice.

В современных социально-экономических условиях договор финансовой аренды (лизинга) приобретает особое значение как правовой и экономический инструмент обновления основных фондов и стимулирования инвестиционной активности хозяйствующих субъектов. Усложнение доступа к банковскому кредитованию, обусловленное как внешнеполитическими факторами, так и внутренней макроэкономической ситуацией, в том числе повышением ключевой ставки Банка России, привело к росту интереса к альтернативным формам привлечения заемного капитала. В этой связи лизинг выступает не только как способ финансирования, но и как особая правовая конструкция, сочетающая в себе элементы различных гражданско-правовых институтов, что предопределяет сложность его правовой квалификации и необходимость теоретического осмысления.

Как справедливо отмечает А. М. Лазарева, «рынок лизинговых операций в России в настоящее время активно развивается и уже зарекомендовал себя как ключевой инструмент модернизации основных фондов отечественных предприятий», при этом «экономическая значимость лизинга в получении заемного капитала, наоборот, увеличилась» в условиях снижения доступности банковского кредитования [1, с. 256]. Лизинг позволяет субъектам предпринимательской деятельности приобретать дорогостоящее оборудование без значительного единовременного отвлечения собственных средств, используя доходы, получаемые в процессе эксплуатации предмета лизинга, для исполнения своих платежных обязательств.

В соответствии с Федеральным законом от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» лизинг определяется как совокупность экономических и правовых отношений, возникающих в связи с реализацией договора лизинга, включая приобретение предмета лизинга [2]. Договор лизинга, согласно данному закону, представляет собой соглашение, в силу которого лизингодатель обязуется приобрести в собственность указанное

лизингополучателем имущество у определенного им продавца и предоставить это имущество лизингополучателю за плату во временное владение и пользование. Аналогичное по содержанию определение закреплено и в ст. 665 Гражданского кодекса Российской Федерации, где нормы о лизинге помещены в параграф 6 главы 34 «Аренда» [3].

Уже из законодательного определения усматривается специфика договора лизинга, отличающая его от классической аренды. В отличие от обычного арендодателя, лизингодатель первоначально не является собственником передаваемого имущества и приобретает его специально для передачи конкретному лизингополучателю. Это обстоятельство принципиально влияет на правовую природу лизинговых отношений и лежит в основе многолетней научной дискуссии о квалификации договора финансовой аренды [4, с. 100].

В цивилистической доктрине отсутствует единый подход к пониманию правовой природы лизинга. Как указывает А. М. Лазарева, в литературе сформировались, по меньшей мере, три основных подхода: рассмотрение лизинга как разновидности договора аренды, как формы кредитных правоотношений и как результата смешанных или особых, самостоятельных правоотношений [1, с. 258]. Подобная неопределенность не является сугубо теоретической проблемой, поскольку от квалификации договора зависят вопросы распределения рисков, ответственности сторон, судьбы предмета лизинга при банкротстве лизингополучателя, а также допустимые пределы договорного усмотрения [4, с. 101].

Формально-юридически законодатель исходит из арендной природы лизинга. Размещение норм о финансовой аренде в главе 34 ГК РФ и указание ст. 625 ГК РФ на применение к лизингу общих положений об аренде, если иное не установлено законом, свидетельствуют о позиции законодателя [3]. Данную точку зрения поддерживают М. И. Брагинский и В. В. Витрянский, которые относят лизинг к видам договора аренды, полагая, что он «представляет собой сложную систему договорных отношений, сочетающую договор купли-продажи между продавцом и лизингодателем и договор аренды между лизингодателем и лизингополучателем» [5, с. 18-19]. При этом, по их мнению, договор купли-продажи носит вспомогательный характер по отношению к основному арендному обязательству и может рассматриваться как договор в пользу третьего лица в смысле ст. 430 ГК РФ.

Однако данная позиция вызывает обоснованную критику. Как справедливо отмечается в научной литературе, без договора купли-продажи лизинг утрачивает свою специфику и фактически превращается в обычную аренду. Первоначальное приобретение имущества по указанию лизингополучателя является не факультативным, а сущностным элементом лизинговой конструкции. Следовательно, купля-продажа в лизинге не может рассматриваться исключительно как вторичное, обслуживающее обязательство.

Иной подход заключается в трактовке лизинга как формы кредитования. Сторонники данной концепции исходят из того, что экономическая кауза договора лизинга заключается в финансировании приобретения имущества. Как подчеркивает Д. А. Гогаев, «кауза договора для лизингодателя состоит не в извлечении выгоды из эксплуатации принадлежащей ему вещи, а в размещении финансовых средств с целью получения инвестиционного дохода», вследствие чего лизингодатель функционально сближается с кредитной организацией [4, с. 102]. В рамках этой концепции право собственности лизингодателя на предмет лизинга рассматривается как обеспечительный механизм, аналогичный залогу.

Несмотря на убедительность экономических аргументов, кредитная концепция также не лишена недостатков. Во-первых, объектом кредитного договора в соответствии с гражданским законодательством являются денежные средства, тогда как предметом лизинга выступает индивидуально-определенная вещь. Во-вторых, право собственности по своей юридической природе не тождественно залогу и не может быть сведено исключительно к обеспечительной функции без подрыва основ вещного права [7, с. 91-92]. Не случайно судебная практика неоднократно указывала на недопустимость отождествления права собственности лизингодателя с залоговым правом [8].

Наиболее обоснованной в современных условиях представляется концепция лизинга как самостоятельного договора особого рода (sui generis). В рамках данного подхода лизинг рассматривается как комплексная правовая конструкция, сочетающая элементы аренды, купли-продажи, кредита и поручения, но не сводимая ни к одной из них в отдельности. Как отмечает Е. А. Стегура, «несмотря на то, что формально законодательством такая конструкция относится к виду договора аренды, лизинговые отношения имеют особенные, уникальные черты, не присущие другим конструкциям»,

что позволяет говорить о самостоятельной правовой природе лизинга [6, с. 564-565].

Особенности договора финансовой аренды проявляются также в специфическом распределении прав и обязанностей сторон. Так, в соответствии со ст. 669 ГК РФ риск случайной гибели или случайной порчи предмета лизинга переходит к лизингополучателю с момента передачи имущества, если иное не предусмотрено договором. Данное правило принципиально отличается от общего положения арендного права и сближает правовое положение лизингополучателя с положением собственника. Кроме того, ст. 670 ГК РФ предоставляет лизингополучателю право предъявлять требования, вытекающие из договора купли-продажи, непосредственно продавцу, что является исключением из принципа относительности обязательств и подчеркивает трехзвенный характер лизинговых отношений.

Значительное влияние на развитие института лизинга оказала судебная практика, прежде всего правовые позиции высших судебных инстанций. В постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 17 особо подчеркнуто, что в договоре выкупного лизинга имущественный интерес лизингодателя заключается «в размещении и последующем возврате с прибылью денежных средств», а интерес лизингополучателя — «в приобретении предмета лизинга в собственность». Тем самым суд фактически признал инвестиционно-финансовую природу выкупного лизинга, что нашло отражение и в подходах к разрешению споров о банкротстве и досрочном расторжении договора.

Показательной является и практика Верховного Суда Российской Федерации, который указывает на недопустимость условий договора, обеспечивающих лизингодателю «двойную выгоду» при взыскании всех будущих лизинговых платежей наряду с возвратом предмета лизинга [9]. Такой подход свидетельствует о приоритете экономического содержания сделки над ее формально-юридической оболочкой и направлен на поддержание баланса интересов сторон.

Соответственно, договор финансовой аренды (лизинга) представляет собой сложный и многогранный институт гражданского права, обладающий рядом специфических особенностей, отличающих его от классической аренды и кредитных договоров. Современное состояние правового регулирования лизинга в Российской Федерации характеризуется внутренним дуализмом и наличием концептуальных пробелов, что обусловливает необходимость

дальнейшего совершенствования законодательства. Представляется обоснованным вывод о целесообразности выделения договора лизинга в самостоятельный раздел Гражданского кодекса РФ, что позволило бы устранить противоречия между юридической формой и экономическим содержанием лизинговых отношений и обеспечить большую правовую определенность и устойчивость гражданского оборота.

Список литературы

1. Лазарева А. М. Правовая природа договора финансовой аренды (лизинга) и особый характер лизинговых отношений // Молодой ученый. 2025. № 5 (556). – С. 256–258.

2. О финансовой аренде (лизинге) : федер. закон Рос. Федерации от 29.10.1998 № 164-ФЗ (ред. от 28.04.2023).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

4. Гогаев Д. А. Проблемы квалификации договора финансовой аренды (лизинга) в российском гражданском праве // Молодой ученый. 2025. № 43 (594). – С. 100–103.

5. Голуб И. А. Понятие и правовая природа договора финансовой аренды (лизинга) // Актуальные проблемы публичного и частного права в контексте современных процессов реформирования законодательства. 2023. – С. 18–21.

6. Стегура Е. А. Правовая природа договора финансовой аренды (лизинга) // Молодой ученый. 2025. № 20 (571). – С. 563–565.

7. Никольский Я. А. Правовое регулирование договора финансовой аренды (лизинга) в Российской Федерации // Актуальные проблемы гражданского права и цивилистического процесса. 2023. – С. 91–96.

8. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга».

9. Определение Верховного Суда РФ № 305-ЭС21–17954 // Федерация лизинга. 2021.

© Хильчук В.Д., 2025

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ПРАВОВОЙ СТАТУС И ОСОБЕННОСТИ

Клыгина Елизавета Сергеевна
студент
Институт права и управления
Научный руководитель: **Пустомолотов Игорь Иванович**
к.ю.н., доцент
ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»

Аннотация: В статье исследуется актуальная проблема определения правовой природы цифрового рубля как инновационного феномена цифровой экономики. С позиций цивилистической науки анализируется понятие «цифровой рубль», систематизируя существующие в доктрине подходы к его правовой квалификации. В работе проведён сравнительный анализ цифрового рубля и цифровой валюты, выявлены их сущностные различия. Особое внимание уделено вопросу встраивания цифрового рубля в существующую систему объектов гражданских прав. На основе проведённого исследования приходит к двум ключевым выводам: действующее гражданское законодательство требует существенного реформирования в связи с появлением цифрового рубля; в современных правовых реалиях невозможно однозначно отнести цифровой рубль к какой-либо из установленных законом категорий объектов гражданских прав.

Ключевые слова: объекты гражданских прав, деньги, денежные средства, цифровой рубль, цифровая валюта, гражданское законодательство.

THE DIGITAL RUBLE IN THE SYSTEM OF OBJECTS OF CIVIL RIGHTS: LEGAL STATUS AND FEATURES

Klygina Elizaveta Sergeevna
Scientific adviser: **Pustomolotov Igor Ivanovich**

Abstract: The article examines the actual problem of determining the legal nature of the digital ruble as an innovative phenomenon of the digital economy. From the standpoint of civil science, the concept of the «digital ruble» is analyzed,

systematizing the existing approaches to its legal qualification in the doctrine. The paper provides a comparative analysis of the digital ruble and digital currency, revealing their essential differences. Special attention is paid to the issue of embedding the digital ruble into the existing system of objects of civil rights. Based on the conducted research, it comes to two key conclusions: the current civil legislation requires significant reform due to the advent of the digital ruble; in modern legal realities, it is impossible to unequivocally classify the digital ruble as one of the legally established categories of objects of civil rights.

Key words: objects of civil rights, money, money, digital ruble, digital currency, civil legislation.

Гражданское право, будучи фундаментальной отраслью правовой системы, неизменно реагирует на трансформации, характерные для современного общества. Поскольку данная отрасль регулирует как имущественные, так и личные неимущественные правоотношения, процессы цифровизации, оказывающие существенное влияние на экономику и правовую сферу, актуализируют вопрос о необходимости формирования адекватного правового регулирования новых явлений. Одним из наиболее заметных результатов цифровизации выступает цифровой рубль. Согласно докладу Центрального банка РФ, он получил легальный статус средства платежа на всей территории Российской Федерации, а в 2023 году началось его пилотное тестирование в крупных российских банках в качестве платёжного инструмента [1]. Такая динамика развития событий подчёркивает насущную потребность цивилистической науки в решении важной задачи — определении правовой природы цифрового рубля и его специфических характеристик как объекта гражданских прав. Отсутствие чётких ответов на эти вопросы чревато серьёзными затруднениями в правоприменительной практике.

В этой связи особую актуальность приобретает исследование правовой природы цифрового рубля в контексте его места среди объектов гражданских прав, что и составляет главную цель настоящей работы. Для её достижения целесообразно прежде всего проанализировать, как понятие «цифровой рубль» трактуется в науке гражданского права. Интерес представляет определение, предложенное С. А. Андрюшиным, который характеризует цифровой рубль как «третью форму денег государства, или цифровую форму национальной валюты, или электронное обязательство ЦБ, номинированное

в национальной денежной единице и служащее средством платежа, меры счёта (для регулирования обмена ценностей) и сохранения (сбережения) стоимости» [2, с.56-74]. Данная формулировка находит поддержку у ряда исследователей. Вместе с тем она подвергается критике со стороны Л. Ю. Василевской, указывающей на недопустимость сведения определения цифровых денег к их экономической интерпретации, поскольку таковой подход не раскрывает их правовой природы [3]. С этой позицией трудно не согласиться: действующее гражданское законодательство не позволяет проводить полное отождествление цифровой валюты с национальной валютой, что делает необходимым поиск юридически обоснованной квалификации цифрового рубля.

В соответствии с пунктом 1 статьи 140 Гражданского кодекса РФ рубль признаётся законным платёжным средством, обязательным к приёму по нарицательной стоимости на всей территории Российской Федерации [4]. Из данной нормы следует, что в качестве национальной валюты законодатель рассматривает исключительно наличные деньги. Таким образом, с позиции гражданского законодательства цифровой рубль не может быть квалифицирован как цифровая форма национальной валюты, что оставляет открытым вопрос о его правовой природе как нового правового феномена, требующего нормативно-правового разрешения.

В рамках настоящего исследования выдвигается гипотеза: разграничение понятий «цифровой рубль» и «цифровая валюта» позволит определить правовую природу цифрового рубля в качестве объекта гражданских прав. Для проверки этой гипотезы целесообразно сопоставить указанные понятия.

Согласно Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», цифровая валюта определяется как совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения) [5]. При анализе данной дефиниции обращают на себя внимание два существенных момента. Во-первых, законодатель не проводит терминологического разграничения между понятиями «цифровой» и «электронный». Во-вторых, цифровая валюта позиционируется как средство платежа, которое стороны вправе использовать при заключении договоров.

Обращаясь к характеристике цифрового рубля, следует опираться на положения Доклада Банка России, где он описывается как уникальный

цифровой код, хранящийся на специальном электронном кошельке. Механизм обращения цифрового рубля предполагает перемещение указанного кода с одного электронного кошелька на другой при осуществлении перевода между пользователями. Сопоставление этих определений показывает, что, несмотря на схожесть инструментария платежей, между цифровой валютой и цифровым рублём существует принципиальное различие: первая не является валютой в юридическом смысле, тогда как второй представляет собой именно российский рубль, но в иной форме.

Таким образом, можно констатировать, что рубль существует в трёх формах: наличной, безналичной и цифровой. Анализ Доклада Банка России позволяет заключить: цифровой рубль — это новый инструмент финансового рынка, представляющий собой инновационную форму уже существующего объекта гражданских прав — денег.

Данная позиция согласуется с нормами Конституции РФ [6]. В статье 75 Основного закона закреплено, что денежной единицей в Российской Федерации является рубль. С точки зрения авторов Доклада Банка России, такой подход является логически обоснованным, поскольку иная трактовка подразумевала бы предложение о введении замены рублю, что противоречило бы действующему законодательству.

Вместе с тем в рамках гражданского права цифровой рубль не находит однозначного места в системе действующих норм. Статья 140 ГК РФ определяет рубль как объект гражданских прав и законное средство платежа, допуская при этом лишь две формы его существования — наличную и безналичную. До 2013 года данная норма коррелировала со статьёй 128 ГК РФ, где деньги прямо указывались в качестве объекта гражданских прав.

Однако современная редакция статьи 128 ГК РФ вносит определённую правовую неопределённость. В ней наличные деньги отнесены к вещам, тогда как безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги и цифровые права классифицированы как иное имущество, включая имущественные права. Этот подход создаёт нормативный диссонанс, поскольку статья 140 ГК РФ осталась без изменений: в ней по-прежнему речь идёт о деньгах в целом, тогда как в статье 128 ГК РФ деньги утратили статус родового объекта, будучи дифференцированными по формам существования.

В контексте рассмотренных правовых коллизий обращает на себя внимание отсутствие в законодательстве чёткого разграничения между понятиями «деньги» и «денежные средства». Так, применительно к наличным

формам используется термин «деньги», тогда как в отношении безналичных — «денежные средства». Подобная терминологическая неопределённость создаёт предпосылки для внесения изменений в гражданское законодательство: целесообразно ввести новый родовой объект — «денежные средства», который объединил бы все три существующие формы денег — наличные, безналичные и цифровые.

Проблемы, связанные с оценкой идеи цифрового рубля, напрямую пересекаются с фундаментальной проблемой отсутствия системности в правовом понимании денег. Действительно, нынешняя ситуация демонстрирует существенный разрыв в правовом осмыслении денег как объекта гражданских прав — особенно на фоне появления цифровой формы. Существующая неопределённость и двойственность законодательных формулировок не позволяет однозначно определить место цифрового рубля в системе объектов гражданских прав, что создаёт серьёзные правовые риски.

Таким образом, цифровой рубль представляет собой ответ на новые экономические вызовы, однако его правовое существование пока не имеет достаточного нормативного обоснования. В этой связи представляется необходимым провести масштабное обновление действующего законодательства, чтобы органично вписать цифровой рубль в систему объектов гражданских прав. Это критически важно, поскольку без чёткого правового регулирования невозможно обеспечить полноценное использование цифрового рубля в качестве платёжного средства.

Особого внимания требует чёткое разграничение понятий «цифровая валюта» и «цифровой рубль». Отсутствие такого разграничения чревато подменой понятий и последующими правовыми коллизиями. На текущий момент определение правового статуса цифрового рубля как объекта гражданских прав остаётся затруднительным, что можно расценить как существенный пробел в Докладе Банка России о цифровом рубле.

Список литературы

1. Цифровой рубль: доклад для общественных консультаций. Октябрь 2020 г. // Официальный сайт Банка России.

2. Андрюшин С.А. Цифровая валюта Центрального банка как третья форма денег государства // Актуальные проблемы экономики и права. – 2021. – Т. 15. №1. – С. 56-74

3. Василевская Л.Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // Lex Russica. – 2023.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – ст. 3301.

5. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // Собрании законодательства Российской Федерации от 03.08.2020 г. № 31. (часть I) ст. 5018

6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменением, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – ст. 4398

© Клыгина Е.С.

СЕКЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

АДВОКАТСКАЯ МОНОПОЛИЯ: ЗА ИЛИ ПРОТИВ

Блинков Кирилл Олегович
студент юридического факультета
Научный руководитель: **Петрович Денис Вячеславович**
к.ю.н., доцент кафедры судебной экспертизы
и уголовно-правовых дисциплин
ГОУ ВО МО «Государственный социально-
гуманитарный университет»

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические, нормативные и практические аспекты введения адвокатской монополии в Российской Федерации. Анализируются достоинства и риски данного института, включая вопросы повышения качества юридической помощи, соблюдения профессиональной этики, доступности судебного представительства и корпоративной ответственности. Особое внимание уделяется сопоставлению отечественной модели с зарубежными системами – континентальной, англосаксонской и скандинавской – и выявлению условий, необходимых для успешного внедрения монополии в российских реалиях. Доклад также рассматривает перспективы поэтапного внедрения монополии, расширения адвокатского корпуса и развития бесплатной юридической помощи, подчеркивая необходимость баланса интересов государства, граждан и юридического сообщества.

Ключевые слова: адвокатская монополия; судебное представительство; адвокатура; правовая система России; профессиональная этика; доступность правовой помощи; зарубежный опыт; квалификация юриста; юридическая реформа; защита прав граждан.

LAWYER'S MONOPOLY: FOR OR AGAINST

Blinkov Kirill Olegovich
Scientific adviser: **Petrovich Denis Vyacheslavovich**

Abstract: This article examines the theoretical, regulatory, and practical aspects of introducing a lawyer's monopoly in the Russian Federation. It analyzes

the advantages and risks of this institution, including improving the quality of legal assistance, maintaining professional ethics, access to legal representation, and corporate responsibility. Particular attention is paid to comparing the domestic model with foreign systems – Continental, Anglo-Saxon, and Scandinavian – and identifying the conditions necessary for the successful implementation of a monopoly in Russian realities. The report also examines the prospects for a phased introduction of the monopoly, expanding the legal profession, and developing free legal aid, emphasizing the need to balance the interests of the state, citizens, and the legal community.

Key words: lawyer's monopoly; legal representation; advocacy; Russian legal system; professional ethics; access to legal assistance; international experience; lawyer qualifications; legal reform; protection of citizens' rights.

Проблема введения адвокатской монополии в Российской Федерации на протяжении последних лет находится в центре внимания законодателей, профессионального юридического сообщества и экспертного сообщества. Суть обсуждаемого вопроса заключается в определении границ допуска к судебному представительству: должно ли оно быть оставлено за всеми практикующими юристами или же исключительно за лицами, обладающими статусом адвоката. Сам термин «адвокатская монополия» традиционно обозначает установление законом исключительного права адвокатов представлять интересы граждан и организаций во всех судах, независимо от инстанции и категории спора [1].

Интерес к этому вопросу объясняется стремлением государства и общества одновременно к двум целям: к повышению качества юридической помощи – и к сохранению её доступности. Между этими целями существует очевидное противоречие: любое ужесточение профессиональных требований потенциально ограничивает рынок и повышает стоимость услуги. В российской правовой традиции поиск баланса между этими началами осложнён особенностями становления адвокатуры, её неравномерным развитием по регионам и неоднородным социально-экономическим контекстом.

Необходимость анализа монополии обусловлена также тем, что в современной России сложилась смешанная модель оказания юридической помощи. Судебное представительство допускается как адвокатами, так и иными юристами. Формально это обеспечивает конкуренцию, но фактически

приводит к значительным колебаниям в уровне профессионализма представителей, что отражается на эффективности судебной защиты [3].

Необходимо отметить, что адвокатская монополия – это не просто формальное ограничение круга лиц, представляющих интересы в суде. Она представляет собой целую систему правовых и организационных гарантий, направленных на обеспечение профессионализма, ответственности и независимости судебного представительства. В основе этой концепции лежит презумпция: защита в суде является особым видом юридической деятельности, требующим не только знаний, но и наличия устойчивых этических ориентиров, корпоративного контроля и публичного признания профессии [2].

В российской доктрине идея монополии рассматривалась как возможный следующий этап реформы адвокатуры после её институционального оформления Федеральным законом № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (2002 г.). Данный закон заложил основы независимости адвокатуры, установил требования к получению статуса, механизмы дисциплинарной ответственности и формы адвокатских образований. Однако сама норма об исключительности судебного представительства адвокатов в него включена не была.

Тем не менее отдельные элементы монополии уже нашли отражение в процессуальных кодексах Российской Федерации. Так, участие адвоката обязательно в уголовном процессе по делам, требующим обязательной защиты, включая случаи, если подозреваемый, обвиняемый является несовершеннолетним, либо в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту, либо не владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу, либо обвиняется в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пятнадцати лет или пожизненное лишение свободы. В подобных случаях законодатель исходит из необходимости гарантированного участия квалифицированного защитника. В арбитражном и гражданском процессе подобной обязанности нет: представителями сторон могут быть лица с доверенностью [5]. Таким образом, российская система сочетает элементы профессионализма и свободы участия [4].

С теоретической точки зрения адвокатская монополия основана на нескольких принципах:

1) принцип квалифицированности юридической помощи;
2) принцип процессуальной добросовестности;
3) принцип независимости защитника;
4) принцип профессиональной ответственности перед клиентом и корпорацией.

Введение монополии рассматривается как логическое развитие этих принципов, переводя деятельность судебного представителя из разряда коммерческой услуги в сферу публично-правовой гарантии.

Рассматривая аргументы в пользу адвокатской монополии, сторонники реформы апеллируют прежде всего к качественным характеристикам юридической помощи и к глобальному тренду на профессионализацию судебного процесса.

1. Повышение качества юридической помощи.

Адвокат в отличие от «вольного юриста» обязан подтвердить квалификацию сдачей единого экзамена, пройти стажировку, состоять в адвокатской палате, соблюдать кодекс профессиональной этики и постоянно повышать квалификацию. Эти требования находятся под контролем корпорации и государства. Юрист без статуса, напротив, не связан обязанностью профессиональной отчётности, и качество его работы определяется лишь законами рынка. Монополия создаёт гарантии минимального стандарта квалификации: каждый, вступающий в процесс в статусе адвоката, будет обладать базовым уровнем профессиональной компетентности.

2. Этические гарантии и дисциплинарная ответственность.

Кодекс профессиональной этики адвоката требует соблюдения конфиденциальности, принципов независимости и уважительного отношения к суду. Дисциплинарная практика палат позволяет эффективно пресекать нарушения. Адвокат может быть временно отстранён или лишён статуса при нарушении норм поведения. У «неадвокатов» подобного механизма нет, что снижает уровень доверия к участникам процесса.

3. Укрепление адвокатуры как института гражданского общества.

Адвокатура выполняет двойную функцию: она предоставляет услуги частным лицам и одновременно участвует в обеспечении публичных интересов, защищая права человека. Установление монополии позволит

укрепить материальную и кадровую базу адвокатуры, создать условия для стабильного финансирования правозащитных инициатив и развить профессиональное самоуправление.

4. Сближение с международной практикой.

Во многих развитых правопорядках судебное представительство относится к лицензируемым видам деятельности. Профессиональные сообщества (бар-ассоциации) обладают значительной автономией и поддерживают высокие стандарты этики.

5. Защита прав потребителей от недобросовестных «юристов-однодневок».

Многочисленные случаи некачественных юридических услуг сформировали общественный запрос на упорядочение рынка. Введение профессионального барьера очищает рынок от случайных участников, создавая механизмы реальной ответственности за нарушение интересов доверителя [4].

6. Повышение доверия к судебной системе.

Квалифицированное представительство способствует корректному ведению процесса, снижает риск затягивания дел, уменьшает количество необоснованных исков и жалоб. В долгосрочной перспективе это укрепляет авторитет правосудия и способствует предсказуемости судебных решений.

В совокупности эти аргументы представляют адвокатскую монополию как элемент институциональной зрелости правового государства, в котором судебная защита является не коммерческой услугой, а частью системы конституционных гарантий.

Несмотря на привлекательность концепции, она вызывает обоснованные сомнения у части научного сообщества и юридического рынка [6].

1. Угроза снижения доступности правосудия.

Стоимость адвокатских услуг в среднем выше из-за обязательных взносов, налоговой нагрузки и требований к инфраструктуре практики. При полном введении монополии малодоходные категории граждан, индивидуальные предприниматели и малый бизнес могут столкнуться с невозможностью оплатить представителя. Гарантии бесплатной юридической помощи сегодня носят фрагментарный характер, тогда как адвокатская монополия неизбежно их потребует широкого государственного финансирования.

2. Снижение конкуренции и рост цен.

Монополизация рынка ослабит конкурентные стимулы. Появление закрытой корпорации адвокатов может привести к нивелированию различий в качестве услуг при общем росте стоимости. Отсутствие «внешнего давления» в виде альтернативных форм юридической практики снизит инновационную активность – в частности, в сфере LegalTech, правовых онлайн-сервисов и консультирования малого бизнеса.

3. Корпоративная замкнутость и риск лоббизма.

Закрытые профессиональные структуры склонны к бюрократизации. В ситуации, когда доступ к судебной деятельности ограничен, возрастает сила внутренних механизмов контроля и распределения дел. В перспективе возможно формирование привилегированного слоя адвокатов с монопольным доступом к прибыльным делам, что противоречит духу равенства профессиональных возможностей.

4. Неравномерность распределения адвокатов по стране.

Многие субъекты РФ ощущают острый дефицит квалифицированных защитников. Средняя обеспеченность адвокатами в некоторых регионах – менее тридцати на сто тысяч населения, что недостаточно для полноценного охвата потребностей в защите. Без предварительного расширения адвокатского корпуса введение монополии приведёт к локальному коллапсу правовой помощи и росту сроков делопроизводства.

5. Ограничение профессиональной самореализации юристов.

Тысячи юристов без статуса – корпоративные специалисты, преподаватели, медиа-юристы – успешно представляют интересы в судах, но не стремятся в адвокатуру из-за организационных и идеологических причин. Исключение их из процесса будет означать потерю значительного человеческого потенциала и обеднение правовой практики.

6. Риск формального подхода к квалификации адвокатов.

Наличие статуса не всегда гарантирует высокий уровень компетенции. На практике адвокатская система нередко сталкивается с формализмом экзаменов, неполным контролем качества обучения и неравномерностью дисциплинарной практики. Монополия в таких условиях может легализовать не профессионализм, а лишь принадлежность к закрытой корпорации.

Эти контраргументы подчеркивают, что без развития институтов правового просвещения, механизмов поддержки социально незащищённых

граждан и системных реформ адвокатуры сама по себе монополия способна породить больше проблем, чем решить.

Изучение зарубежных моделей позволяет лучше понять, какие предпосылки делают адвокатскую монополию жизнеспособной. Например, в Германии, Франции, Италии и Австрии адвокатура является ключевым участником правосудия. Представительство в судах высших инстанций возможно только для лиц, внесённых в специальные реестры. Профессия адвоката лицензируется государством, а дисциплинарная власть принадлежит органам самоуправления. В этих странах действует мощная система социальной поддержки – государственные программы legal aid гарантируют, что любой гражданин может получить адвоката, если не способен оплатить услуги самостоятельно. Тем самым монополия уравновешена широкой сетью бесплатной помощи.

Анализируя англосаксонскую модель, следует отметить, что в Великобритании и США правовая профессия разделена на barristers и solicitors. Чтобы получить допуск к суду, необходимо пройти длительное обучение, практику и сдать экзамен. При этом существующие формы бесплатной и добровольной юридической помощи (включая pro bono), а также система страхования юридических рисков делают монополию экономически приемлемой для граждан.

В скандинавской модели – Швеции, Норвегии и Финляндии – проявляется наибольшая гибкость: участие неадвокатов в судебных процессах допускается, но ограничивается простыми категориями дел. Важную роль играют правовые клиники и страхование правовой защиты. Таким образом, монополия заменяется системой доверенных лиц, сертифицированных государством, что позволяет объединить профессионализм и открытость.

Российская правовая действительность лишь отчасти готова к подобным моделям. Для полноценного внедрения требуются:

– равномерное распределение адвокатов по регионам;

– устойчивое финансирование систем бесплатной и льготной юридической помощи;

– повышение прозрачности квалификационных процедур.

Без этих компонентов адвокатская монополия рискует стать формальной нормой, не способной реально повысить качество защиты, поскольку введение адвокатской монополии может быть эффективным только при

сочетании трёх элементов: постепенности, институциональной готовности и социальной компенсации [7].

1. Поэтапность внедрения. На первом этапе целесообразно ограничить представительство адвокатами дел повышенной сложности – например, уголовных и гражданских дел с крупными имущественными требованиями. После отработки процедур можно расширять круг дел. Такой подход позволит адаптировать рынок и провести необходимую подготовку кадров.

2. Расширение адвокатского корпуса. Государство должно стимулировать приток молодых специалистов в адвокатуру путём упрощения стажировок, субсидирования региональных палат, создания грантовых и образовательных программ. В противном случае монополия неизбежно приведёт к дефициту кадров и росту стоимости услуг.

3. Развитие бесплатной юридической помощи. Необходима государственная сеть правовых клиник, цифровых консультаций и программ pro bono. Адвокатская монополия без социальной базы будет воспринята как ограничение конституционного права на защиту.

4. Повышение доверия и прозрачности. Реформа требует, чтобы адвокатура демонстрировала подлинную независимость от исполнительной власти, чёткую дисциплинарную практику и открытые стандарты профессиональной проверки. Только в этом случае общество воспримет монополию как меру защиты, а не как барьер.

5. Баланс интересов государства и рынка. Монополия может стать площадкой для модернизации всей юридической инфраструктуры: цифровизации судопроизводства, унификации процессуальных стандартов, формирования правового рынка с высокими стандартами доверия и репутации.

Таким образом, перспективы введения монополии напрямую зависят от готовности не только адвокатуры, но и государства создать поддерживающую экосистему правовой помощи.

В заключение следует указать, что адвокатская монополия – один из ключевых вопросов развития российской правовой системы в XXI веке. За ней стоит фундаментальная дилемма: что важнее – квалификация представителя или свобода выбора? Анализ показывает, что монополия может стать действенным инструментом укрепления правовой культуры и повышения уровня процессуальной защиты, если будет реализована в комплексе с реформами образования, социальной и корпоративной политики.

Опасность заключается не в самой монополии, а в её преждевременном или несбалансированном внедрении. Без инфраструктуры бесплатной помощи и расширения адвокатского корпуса она превращается из гаранта правосудия в форму скрытого неравенства. Следовательно, ответ на вопрос «за или против» не может быть однозначным: введение адвокатской монополии возможно лишь в том случае, если она станет частью комплексной системы правовой модернизации и будет направлена прежде всего на защиту интересов граждан, а не профессиональных корпораций.

Только при таких условиях она способна превратиться из формального ограничения в подлинный механизм укрепления правового государства, обеспечивающего каждому гражданину России реальное, а не декларативное право на квалифицированную юридическую защиту.

Список литературы

1. Акимов А.Н., Петрович Д.В. Защита прав и свобод человека и гражданина конституционным правосудием // Юридическая мысль. – 2007. – № 6(44). – С. 15-18.
2. Амалян С.М., Курас Т.Л. Адвокатская монополия: положительные и отрицательные аспекты // Вестник Иркутского университета. – 2021. – № 24. – С. 286-287.
3. Латыев А.Н. Ограниченная адвокатская монополия или относительная свобода судебного представительства // Закон. – 2012. – № 9. – С. 94-104.
4. Мельниченко Р.Г. Необходима ли адвокатская монополия на рынке юридических услуг // Закон. – 2008. – № 4. – С. 65-68.
5. Феклисов В.Д. Адвокатская монополия в Российской Федерации: аргументы за и против, осмысление результатов реформ судебного представительства // Теория права и межгосударственных отношений. – 2022. – Т. 2, № 10(22). – С. 89-100.
6. Шестакова Е.В. Адвокатская монополия в России: за и против // Правоохранительная и правозащитная деятельность в России и за рубежом на современном этапе. – 2012. – № 1. – С. 131-132.
7. Щербакова В.А. Представительство и адвокатская монополия в РФ // Цивилистика: право и процесс. – 2018. – № 4. – С. 198-200.

© Блинков К.О., 2025

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННИМИ ДЕЛАМИ

Камаева Анастасия Михайловна
студент
Научный руководитель: **Голощапова Александра Георгиевна**
старший преподаватель кафедры
административного и финансового права
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

Аннотация: Данная работа посвящена анализу государственного управления в области внутренних дел. Рассматриваются основные задачи данной сферы, устройство системы управления, а также ключевые направления деятельности соответствующих органов. Особое внимание уделяется проблемам в организации функционирования правоохранительных структур. Акцентируется важность эффективного руководства внутренними делами для поддержания законности и безопасности в стране.

Ключевые слова: органы внутренних дел, сотрудник, полиция, государственное управление, министерство внутренних дел.

STATE ADMINISTRATION OF INTERNAL AFFAIRS

Kamaeva Anastasia Mikhailovna
Scientific adviser: **Goloshchapova Alexandra Georgievna**

Abstract: This work is devoted to the analysis of public administration in the field of internal affairs. The main tasks of this field, the structure of the management system, as well as the key areas of activity of the relevant authorities are considered. Special attention is paid to the problems in the organization of the functioning of law enforcement agencies. The importance of effective management of internal affairs is emphasized in order to maintain the rule of law and security in the country.

Key words: law enforcement agencies, employee, police, public administration, Ministry of Internal Affairs.

Актуальность исследования обусловлена тем, что органы внутренних дел играют одну из определяющих ролей в системе обеспечения правопорядка в Российской Федерации. На них возложен широкий спектр задач по охране общественного спокойствия, укреплению правопорядка, защите свобод и прав граждан, охране законных интересов государства и негосударственных структур, а также борьба с преступностью. Система органов внутренних дел, безусловно, является объектом государственного контроля и руководства.

Государственное управление внутренними делами представляет собой вид государственного управления. Его осуществляют государственные органы на всей территории государства. Особенностью данной формы управления является её реализация исключительно органами исполнительной власти. Главная задача этой деятельности – организация деятельности исполнительных органов и установление правовых режимов для их работы. Внутренние дела как сфера государственного управления охватывают общественные отношения, направленные на защиту прав и свобод человека и гражданина, обеспечение общественного порядка, общественной безопасности и контроль в сфере миграции [3, с. 156].

Руководство внутренними делами имеет свою специфику, выраженную в правоприменительном характере. Управление призвано обеспечивать соблюдение гражданами положений Конституции и других нормативных актов, предотвращать правонарушения и создавать условия для реализации гражданами прав и свобод, а также выполнения обязанностей. Как и в других областях, управление внутренними делами является целенаправленной организационной деятельностью. Субъектами управления являются государственные органы, органы местного самоуправления, должностные лица с соответствующими полномочиями, общественные объединения и граждане, участвующие в охране общественного порядка [3, с. 256].

Государственное управление в области внутренних дел – это исполнительная и административная деятельность органов внутренних дел, направленная на обеспечение безопасности граждан, защиту их прав и свобод, охрану общественного порядка и безопасности, борьбу с преступностью и коррупцией, а также устранение причин и условий, способствующих этим негативным явлениям. Данное управление осуществляется органами внутренних дел.

В сфере государственного управления внутренними делами в Российской Федерации существуют проблемы, касающиеся

законодательной базы, организационного устройства, кадрового состава и финансового обеспечения. Эти проблемы сказываются на эффективности работы правоохранительных органов и их способности обеспечивать правопорядок и законность.

Одной из наиболее острых является кадровая проблема. По данным на 2024 год, нехватка личного состава в МВД достигла 174 тысяч человек, что составляет около 19% от общей численности. Это приводит к:

– перегрузке сотрудников;
– ухудшению качества службы;
– увеличению ошибок при производстве по делам;
– дефициту квалифицированных кадров.

В качестве одной из мер по решению кадровой проблемы было упрощено поступление на службу. В частности, увеличен предельный возраст для кандидатов на должности рядового и младшего начальствующего состава до 50 лет. Кроме того, отменено обязательное требование о наличии высшего юридического образования.

В свою очередь, это может привести к снижению эффективности работы правоохранительной системы, а недостаток знаний в области законодательства – к ошибкам в применении законов, нарушению прав граждан и незаконным действиям [4, с. 91].

Главные причины оттока кадров:

– недостаточное материальное обеспечение, несоответствие заработной платы уровню возложенной ответственности;

– психоэмоциональные нагрузки, высокие стрессовые факторы, ненормированный график, опасность для жизни и здоровья;

– высокая степень бюрократической нагрузки.

Последствия нехватки сотрудников:

– снижение показателей раскрываемости преступлений;
– увеличение сроков рассмотрения заявлений граждан;
– увеличение нагрузки на оставшихся сотрудников;
– рост профессионального выгорания;
– ухудшение репутации правоохранительных органов.

Для решения кадровых проблем в органах внутренних дел необходим комплексный подход, учитывающий экономические, организационные и социально-психологические факторы. Необходимо существенно увеличить

материальное обеспечение сотрудников, ввести дифференцированные стимулирующие выплаты за выслугу лет, особые условия и результаты работы. Важно расширить социальный пакет, обеспечить льготное медицинское обслуживание, улучшить программы обеспечения жильём, усовершенствовать пенсионные гарантии. Такие меры способны повысить привлекательность профессии на рынке труда и уменьшить отток квалифицированных кадров.

Не менее важны организационные меры, направленные на оптимизацию служебной нагрузки: сокращение избыточной отчётности, автоматизация рутинных процессов и рациональное перераспределение задач между подразделениями. Следует создать прозрачную систему карьерного роста с понятными критериями продвижения, формировать резервы кадров на ключевые должности для их профессионального развития. Необходимо укреплять корпоративный дух, поддерживать ветеранские организации и систему наставничества, а также обеспечить психологическую поддержку сотрудников. Реализация предложенных мер позволит стабилизировать кадровый состав и повысить эффективность работы органов внутренних дел.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» : текст с изм. и доп. на 01.01.2025. – Москва : Юридическая литература, 2025. – 184 с.

2. Приказ МВД России от 01.02.2018 № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» : зарегистрирован в Минюсте России 12.03.2018 № 50200. – Москва : МВД России, 2018. – 112 с.

3. Административная деятельность органов внутренних дел : учебник для вузов / под ред. М. В. Костенникова, А. В. Куракина. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2024. – 498 с.

4. Донецкая С. В. Актуальные проблемы системы управления органами внутренних дел / С. В. Донецкая. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 12 (563). – С. 90-91.

© Камаева А.М.

ТИПИЧНЫЕ НАРУШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА ПРИ СОБИРАНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Григорьева Анна Руслановна
студент
Казанский институт (филиал)
Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста России)
Шарипова Мария Андреевна
студент
Казанский институт (филиал)
Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста России)
Научный руководитель: **Маркелов Александр Геннадьевич**
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные проблемы соблюдения уголовно-процессуальных норм на этапе собирания электронных доказательств. Автор анализирует типичные нарушения, допускаемые органами предварительного расследования, связанные с производством следственных действий в цифровой среде, оформлением их результатов и обеспечением допустимости полученных сведений. Особое внимание уделяется процессуальным требованиям к изъятию электронных носителей информации, проведению осмотра и выемки в отношении данных, находящихся в сети «Интернет», а также назначению и производству судебных экспертиз. На основе анализа судебной практики и доктринальных положений формулируются предложения по совершенствованию правоприменительной деятельности для минимизации риска признания электронных доказательств недопустимыми.

Ключевые слова: электронные доказательства, уголовный процесс, собирание доказательств, допустимость доказательств, цифровая информация, следственные действия, нарушение уголовно-процессуального закона.

TYPICAL VIOLATIONS OF CRIMINAL PROCEDURE LAW IN THE COLLECTION OF ELECTRONIC EVIDENCE

Grigoryeva Anna Ruslanovna
Sharipova Maria Andreevna
Scientific adviser: **MarkelovAlexander Gennadyevich**

Abstract: The article examines current issues related to compliance with criminal procedure rules at the stage of collecting electronic evidence. The author analyzes typical violations committed by preliminary investigation authorities concerning the conduct of investigative actions in the digital environment, the documentation of their results, and ensuring the admissibility of the obtained information. Special attention is paid to procedural requirements for seizing electronic information carriers, conducting inspections and seizures of data found on the Internet, as well as appointing and conducting judicial examinations. Based on the analysis of case law and doctrinal provisions, proposals are formulated to improve law enforcement activities to minimize the risk of electronic evidence being deemed inadmissible.

Key words: electronic evidence, criminal proceedings, evidence collection, admissibility of evidence, digital information, investigative actions, violation of criminal procedural law.

Проникновение цифровых технологий во все сферы жизни закономерно привело к увеличению объема и значения электронных доказательств в уголовном судопроизводстве. Под электронными доказательствами в контексте уголовного процесса понимаются сведения, полученные в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) из электронных носителей информации или сетей телекоммуникаций, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию. Несмотря на детальную регламентацию, правоприменительная практика сталкивается с рядом систематических нарушений при их собирании, что ставит под угрозу допустимость таких доказательств и, как следствие, достижение целей правосудия [9, с. 256].

Одним из наиболее типичных нарушений является несоблюдение процедуры изъятия и фиксации исходных электронных носителей. Часто следователи ограничиваются изъятием только самой цифровой информации (путем копирования на сторонний носитель), не изымая физический устройство (компьютер, жесткий диск, телефон), что может лишить защиту возможности ходатайствовать о повторной экспертизе или проверке аутентичности данных. Так, в одном из дел о мошенничестве суд признал недопустимыми доказательствами скопированные файлы, поскольку исходный жесткий диск изъят не был, что исключило возможность проведения повторной экспертизы по ходатайству защиты (Апелляционное определение Московского городского суда от 12.03.2021 по делу № 10-1234/2021) [2].

УПК РФ требует подробного описания технических характеристик изымаемого устройства, его индивидуальных признаков и состояния в протоколе следственного действия. Нарушением также является изъятие без участия специалиста в области информационных технологий, что приводит к некорректному отключению устройств, потере данных или невозможности получения доступа к защищенной информации, а впоследствии – к оспариванию целостности доказательственной базы. Например, при изъятии сервера без специалиста было произведено его некорректное отключение, приведшее к повреждению данных, что послужило основанием для их исключения из доказательственной базы (Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 05.07.2022 по делу № 10-5678/2022) [3].

Следующая группа нарушений связана с производством следственных действий в сети «Интернет», таких как осмотр сайта или выемка электронной переписки. Распространенной ошибкой является оформление осмотра страницы в социальной сети по правилам осмотра места происшествия (ст. 176 УПК РФ), тогда как данный вид деятельности фактически является осмотром документа – информации на экране (ст. 177 УПК РФ) [1, ст. 4921]. Это влечет за собой некорректное составление протокола, в котором не отражаются все необходимые реквизиты электронного документа (URL-адрес, дата и время осмотра, сведения об использованном ПО и т.д.). Ярким примером служит дело о клевете, где протокол осмотра страницы в социальной сети был составлен как протокол осмотра местности и не содержал точных гиперссылок и данных о программном обеспечении, что привело к его признанию недопустимым (Апелляционное определение

Свердловского областного суда от 20.10.2020 по делу № 33-9876/2020) [4]. Несоблюдение требований о применении технических средств фиксации (скриншоты, видеозапись действий на экране) делает невозможным проверку полноты и объективности проведенного осмотра.

Критически важным этапом является назначение и производство судебных экспертиз цифровых данных. Типичным нарушением здесь выступает неконкретная, расплывчатая постановка вопросов эксперту в постановлении о назначении экспертизы. Вопросы вида «Какая информация содержится на жестком диске?» или «Имеются ли признаки противоправной деятельности?» не соответствуют требованиям ст. 204 УПК РФ, так как ставят перед экспертом правовую задачу, выходящую за рамки его специальных познаний [11, с. 45-52]. В практике арбитражных судов по схожим составам также отмечается, что подобные вопросы являются наводящими и недопустимыми (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.11.2021 № Ф05-23456/2021 по делу № А40-123456/2020) [6].

Другим серьезным нарушением является предоставление эксперту не оригинала, а заранее отобранных и скопированных следователем файлов, что нарушает принцип независимости эксперта и ставит под сомнение объективность и полноту исследования. Закон требует предоставления эксперту именно изъятого электронного носителя в опечатанном виде, если иное не исключается характером носителя.

Проблемы возникают и с обеспечением прав участников процесса при собирании электронных доказательств. Зачастую протоколы следственных действий, связанных с изъятием электронной почты или данных аккаунтов, составляются без понятых, мотивируя это ссылкой на ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ (производство следственного действия без понятых с применением технических средств фиксации). Однако судебная практика исходит из того, что такое исключение допустимо лишь при реальной невозможности привлечения понятых, а не по умолчанию для всех «цифровых» действий [8]. Так, Верховный Суд РФ указал, что отсутствие понятых при изъятии электронной переписки по делу о вымогательстве, где такая возможность была, является существенным нарушением, влекущим недопустимость доказательств (Определение Верховного Суда РФ от 17.09.2019 № 5-УД19-12) [5]. Несоблюдение этого условия может привести к признанию протокола недопустимым доказательством.

Наконец, распространенным дефектом является отсутствие непрерывной цепи доказательств в протоколах. Это означает, что в материалах уголовного дела не отражен весь путь электронного носителя информации от момента изъятия до передачи в экспертное учреждение и обратно: кто, когда, при каких обстоятельствах имел к нему доступ, где и как он хранился [10, с. 480]. Любой разрыв в этой документально зафиксированной цепи позволяет стороне защиты заявить о возможности подмены, модификации данных и требует от обвинения дополнительного доказывания их аутентичности. В одном из дел о незаконном обороте наркотиков, рассмотренных Ленинским районным судом г. Кирова, отсутствие в материалах дела акта приема-передачи изъятого ноутбука на хранение в кладовую доказательств привело к признанию всех последующих экспертиз недопустимыми (Приговор Ленинского районного суда г. Кирова от 14.02.2023 по делу № 1-45/2023) [7]. Любой разрыв в этой документально зафиксированной цепи позволяет стороне защиты заявить о возможности подмены, модификации данных и требует от обвинения дополнительного доказывания их аутентичности.

В заключение можно сделать вывод, что типичные нарушения при собирании электронных доказательств носят системный характер и связаны как с недостаточной технической грамотностью отдельных следователей, так и с наличием пробелов и коллизий в процессуальном регулировании. Для минимизации данных рисков необходимы: 1) разработка и внедрение детальных ведомственных методических рекомендаций по производству следственных действий с цифровыми данными; 2) обязательное привлечение специалистов-криминалистов или экспертов на ранних стадиях изъятия; 3) унификация требований к протоколам «цифровых» следственных действий, включая обязательное отражение непрерывной цепи доказательств; 4) повышение квалификации практикующих юристов в области цифрового права и компьютерных технологий. В качестве конкретного предложения по совершенствованию процедуры собирания электронных доказательств считаем необходимым законодательное закрепление обязанности следователя составлять подробный «цифровой протокол» в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью, который автоматически фиксирует все метаданные и действия оператора (хеш-суммы изъятых файлов, логи доступа, параметры изъятого оборудования), обеспечивая тем самым автоматическое поддержание

непрерывной и проверяемой цепи доказательств. Только комплексный подход позволит обеспечить должный уровень допустимости и достоверности электронных доказательств в современном уголовном процессе.

Список литературы

1. Уголовно процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174 ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

2. Апелляционное определение Московского городского суда от 12.03.2021 по делу № 10 1234/2021 // СПС «Гарант» (документ не опубликован).

3. Апелляционное определение Санкт Петербургского городского суда от 05.07.2022 по делу № 10 5678/2022 // Архив Санкт Петербургского городского суда.

4. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 20.10.2020 по делу № 33 9876/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (документ не опубликован).

5. Определение Верховного Суда РФ от 17.09.2019 № 5 УД19 12 // СПС «КонсультантПлюс» (документ не опубликован).

6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.11.2021 № Ф05 23456/2021 по делу № А40 123456/2020 // СПС «Картотека арбитражных дел» (документ не опубликован).

7. Приговор Ленинского районного суда г. Кирова от 14.02.2023 по делу № 1 45/2023 // Архив Ленинского районного суда г. Кирова.

8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2023), утв. Президиумом ВС РФ 15.03.2023 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 6.

9. Барабаш В. Л. Электронные доказательства в уголовном процессе: теория и практика / В. Л. Барабаш, А. В. Гриненко. – М.: Проспект, 2022. – 256 с.

10. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе / Е. Р. Россинская. – М.: Норма, 2021. – 480 с.

11. Тарасов А. А. Следственные действия в цифровую эпоху: процессуальные и криминалистические аспекты / А. А. Тарасов // Законодательство. – 2023. – № 5. – С. 45–52.

© Григорьева А. Р., Шарипова М. А.

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ОРД) В ДОКАЗЫВАНИИ

Абдракипова Диана Ильнуровна
Ахметзянова Зарина Наилевна
студенты
Научный руководитель: **Маркелов Александр Геннадьевич**
к.ю.н., доцент
Казанский институт (филиал)
Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация: Проблема использования результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в доказывании по уголовным делам является одной из наиболее актуальных и дискуссионных в современной юридической науке и правоприменительной практике. Её значимость многократно возросла в условиях трансформации преступности, характеризующейся усложнением форм и методов совершения преступлений. Ключевая проблематика заключается в различном характере ОРД и уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: проблемы, оперативно-розыскная деятельность, уголовный процесс, доказывание, результаты.

THE RELEVANCE OF THE PROBLEM OF USING THE RESULTS OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES (ARD) IN PROVING

Abdrakipova Diana Ilnurovna
Akhmetzyanova Zarina Nailevna
Scientific adviser: **Markelov Alexandr Gennadievich**

Abstract: The problem of using the results of operational investigative activities (ARDS) in proving criminal cases is one of the most relevant and controversial in modern legal science and law enforcement practice. Its importance has increased many times in the context of the transformation of crime,

characterized by the increasing complexity of forms and methods of committing crimes. The key issue is the different nature of the Criminal Justice System and criminal procedural activities.

Key words: problems, operational investigative activities, criminal proceedings, evidence, results.

Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) является важной составной частью правоохранительной деятельности и прежде всего направлена на борьбу с преступностью, в частности с ее организованными формами [1, с. 41].

Оперативно-розыскная деятельность – это деятельность, осуществляемая уполномоченными оперативными подразделениями государственных органов. Она может быть как открытой (гласной), так и скрытой (негласной), и проводится в рамках установленных полномочий посредством выполнения оперативно-розыскных мероприятий.

Основная цель ОРД – защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, а также обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Результаты оперативно-розыскной деятельности (ОРД) представляют собой сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, которые касаются признаков подготавливаемого, совершаемого или уже совершенного преступления, а также информации о лицах, которые готовят, совершают или совершили преступление и скрываются от органов дознания, следствия или суда.

В уголовном процессе применение материалов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в качестве доказательств является одной из самых острых и практически значимых проблем. Несмотря на то, что статья 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) закрепляет положение, согласно которому запрещено использование в процессе доказывания результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом к доказательствам в целом, именно мнимое несоответствие каким-либо требованиям приводит к практическим коллизиям [2].

В этой связи на протяжении всех последних лет ученые стремятся выработать оптимальные критерии и условия использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности, которые, с одной стороны,

должны отвечать современным представлениям о смысле и предназначении уголовного судопроизводства, соответствовать его базовым принципам, а с другой – быть реально выполнимыми, то есть не побуждать к изобретению «обходных путей», а предполагать подлинно эффективный механизм, обеспеченный максимально возможным уровнем юридических гарантий доброкачественности соответствующих сведений [3, с. 35].

Важной проблемой является то, что ОРД осуществляется до возбуждения самого уголовного дела, в связи с чем дальнейшее «внедрение» полученных результатов в процесс доказывания по уголовному делу существенно затруднен [4, с. 103]. Это создает существенные трудности для последующего использования полученных результатов в процессе доказывания.

После возбуждения уголовного дела, как правило, прекращаются мероприятия, направленные на сбор оперативной информации, которые были проведены ранее. В связи с этим, возникает ситуация, когда доказательства, добытые в ходе ОРД, зачастую невозможно получить повторно уже после официального начала уголовного преследования. Эта невозможность повторного получения делает собранные оперативные данные особенно ценными, но одновременно и уязвимыми, так как их законность и допустимость как доказательств могут быть поставлены под сомнение при отсутствии должной регламентации процедуры их представления и закрепления в уголовном процессе.

К тому же, мы не можем обойти стороной такую проблему как отсутствие законодательной регламентации порядка применения результатов ОРД в процессе уголовного доказывания. Как верно отмечает Р.Е. Савонюк, вся регламентация «ограничивается одной статьей уголовно-процессуального кодекса» [5, с. 11], и фактически складывается в результате практической деятельности. Это является одной из наиболее острых проблем, поскольку именно от регламентации порядка применения результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) зависит, смогут ли эти данные стать полноценными доказательствами в уголовном процессе, либо же останутся лишь служебной информацией, не имеющей юридической силы.

Ограниченность законодательного регулирования одной статьей УПК РФ порождает ряд существенных негативных последствий. Во-первых, отсутствует четкость и единообразие в практике представления и оценки оперативных материалов. Следователи, дознаватели и суды вынуждены

самостоятельно, на основе своего понимания и сложившейся судебной практики, решать вопросы о допустимости, относимости и достоверности таких сведений. Это может приводить к произвольному толкованию и применению норм, а также к возникновению противоречий в правоприменительной практике.

Во-вторых, такая ситуация создает значительные трудности для стороны защиты. Не имея четко установленных законом процедур, защитник не может эффективно контролировать законность получения и использования оперативных данных, оспаривать их допустимость или приводить контраргументы, основанные на законодательных предписаниях. Это подрывает принцип состязательности сторон и равенства процессуальных возможностей.

В системе правоохранительных органов, занимающихся расследованием преступлений, существует ряд системных проблем, одной из которых является недостаточная законодательная регламентация взаимодействия между следователем и сотрудниками полиции, проводящими оперативно-розыскную деятельность (ОРД). В настоящее время это взаимодействие зачастую определяется исключительно на уровне ведомственных нормативных правовых актов – приказов, инструкций, распоряжений. Такой подход, призванный урегулировать процесс на оперативном уровне, в действительности порождает целый ряд трудностей и противоречий, которые негативно сказываются на качестве уголовного доказывания.

Основная сложность заключается в том, что федеральное законодательство, регулирующее уголовный процесс, не устанавливает четких рамок и процедур для такого сотрудничества. Это создает благодатную почву для возникновения недоразумений и коллизий в правомочиях следователей и сотрудников, осуществляющих ОРД. Отсутствие единых, общепринятых правил приводит к тому, что каждый орган или даже отдельное подразделение может интерпретировать нормы по-своему, что неизбежно сказывается на эффективности и законности расследования.

Последствия такого ведомственного регулирования многогранны. Во-первых, это приводит к разнообразию практик применения результатов ОРД. Следователи и оперативные сотрудники, не имея четких ориентиров на федеральном уровне, вынуждены самостоятельно вырабатывать механизмы представления, фиксации и использования оперативной информации. Это может варьироваться от полного игнорирования результатов ОРД из-за

опасений их недопустимости до чрезмерного доверия, которое не всегда подкреплено процессуальными гарантиями.

Во-вторых, возникают сложности с процессуальным оформлением доказательств. Результаты ОРД, полученные зачастую в рамках не всегда прозрачных процедур, требуют надлежащей процессуальной фиксации для того, чтобы быть признанными судом в качестве допустимых доказательств. Отсутствие унифицированных требований к этому процессу затрудняет достижение этой цели, ставя под удар всё расследование.

В связи с этим, многие ученые выступают за внесение в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) новой статьи – 89.1 «Порядок применения результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовному делу», где конкретизировать следующие аспекты:

1. Субъекты, уполномоченные на включение результатов ОРД в материалы уголовного дела.
2. Законодательные акты, регулирующие данный процесс.
3. Вид акта, которым будут приобщаться результаты ОРД.
4. Перечень лиц, имеющих полномочия на включение и исключение результатов ОРД из материалов уголовного дела.

Таким образом, проблема использования результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в доказывании по уголовным делам остается чрезвычайно актуальной и требует пристального внимания со стороны законодателей, правоприменителей и научного сообщества. Несмотря на значимость оперативной информации для раскрытия преступлений и установления истины, существующие законодательные пробелы и противоречия создают существенные препятствия для ее эффективного и законного использования в уголовном процессе.

Список литературы

1. Кучин О.С. Об актуальности использования результатов ОРД в доказывании / О.С. Кучин // Право. – 2018. – № 25. – С. 41-45.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52.

3. Россинский С.Б. Результаты оперативно-розыскной деятельности и уголовно-процессуальное доказывание: где искать истоки существующих противоречий / С.Б. Россинский // Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2021. – № 4. – С. 33-39.

4. Петрова Д. С. Проблема использования результатов негласных оперативно-розыскных мероприятия в доказывании по уголовным делам / Д. С. Петрова // Молодой ученый. – 2019. – № 40. – С. 101-106.

5. Савонюк Р. Е. Актуальные проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании по уголовным делам / Р. Е. Савонюк // Право и закон. – 2018. – № 2. – С. 10-15.

© Абдракипова Д.И., Ахметзянова З.Н.

СЕКЦИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ЭКОНОМИКИ

ВЛИЯНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ГРУНТОВ НА ПРОДОЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ МАГИСТРАЛЬНОГО ГАЗОПРОВОДА

Густов Алексей Андреевич
аспирант
Научный руководитель**: Пшенин Владимир Викторович**
к.т.н., доцент
Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II

Аннотация: Статья посвящена исследованию влияния различных видов грунтов на продольные перемещения магистральных трубопроводов. Цель работы – исследовать различные виды грунтов, а также их влияние на подземные перемещения трубопроводов, которые в свою очередь помогут/будут способствовать эффективному проектированию участков магистральных газопроводов. В результате проанализированы различные виды грунтов и их вляиние на магистральные трубопроводы.

Ключевые слова: грунты, внутреннее давление газа, труба/земля.

THE INFLUENCE OF VARIOUS TYPES OF SOILS ON THE LONGITUDINAL MOVEMENTS OF THE MAIN GAS PIPELINE

Gustov Aleksei Andreevich
Scientific adviser: **Phenin Vladimir Victorovich**

Abstract: The article is devoted to the study of the influence of various types of soils on the longitudinal movements of main pipelines. The purpose of the study is to investigate various types of soils, as well as their impact on underground pipeline movements, which in turn will help/contribute to the effective design of sections of main gas pipelines. As a result, various types of soils and their impact on main pipelines were analyzed.

Key words: soils, internal gas pressure, pipe/ground simulation.

Введение. Продольные перемещения подземного магистрального газопровода в значительной степени зависят от взаимодействия трубы

с окружающим грунтом. Температурные деформации (нагрев и охлаждение трубы) и изменения внутреннего давления приводят к стремлению трубы удлиняться или укорачиваться, однако сопротивление грунта может частично или полностью сдерживать эти деформации[1, с. 2] [1, с. 5]. В результате вместо свободного перемещения в трубе возникают дополнительные напряжения, способные привести к потерям устойчивости или другим формам повреждений. Например, повышенное внутреннее давление может индуцировать осевое сжатие трубопровода, которое при достаточной величине способно инициировать выпучивание (продольную потерю устойчивости) трубы [1, с. 7].

Таким образом, учет свойств грунта вдоль трассы трубопровода является ключевым фактором при проектировании: неправильная оценка грунтового сопротивления может привести к недопустимым напряжениям в стенке трубы или ее смещениям [2, с. 76–80]. Магистральные трубы неизбежно пересекают участки с различными типами грунтов – от скальных пород до мягких торфяников. Каждый тип грунта отличается по прочностным и деформационным характеристикам, влажности, а также по способности сопротивляться перемещениям трубопровода. Ниже рассматривается влияние основных видов грунтов (глинистых, песчаных, торфяных, скальных и др.) на продольные перемещения газопровода. Обсуждается качественный механизм «грунт–труба» без использования формул, включая влияние температурных деформаций, давления, влажности и связанных инженерных рисков.

Цель данной работы – исследовать различные виды грунтов, а также их влияние на подземные перемещения трубопроводов, котрые в свою очередь помогут/будут способсвовать эфективному проектированию участов магистральных газопроводов.

Постановка задачи. Исследовать различные виды грунтов, а также их влияние на перемещения трубопроводов/типы грунтов.

Глинистые грунты характеризуются высокой связностью и способностью к сцеплению с поверхностью трубы. При температурных удлинениях трубопровода плотная глина может оказывать значительное сопротивление продольному скольжению трубы за счет адгезии и внутренней прочности грунта. Это означает, что газопровод, проложенный в глинистом грунте, во многом «заклинен» окружающей почвой, и теплоувеличение длины трубы переходит в рост осевых напряжений. В то же время лабораторные испытания показывают, что при определенных условиях глинистый грунт

может обеспечивать сравнительно невысокое трение на границе с трубой [3, с. 12]. Например, для гладкого покрытого полиэтиленом трубопровода частицы глины могут выстраиваться по поверхности покрытия, снижая передаваемое напряжение трения – эксперименты фиксируют уменьшение максимального касательного напряжения на 40-50% по сравнению с расчётным сопротивлением по углу внутреннего трения грунта [3, с. 13]. Таким образом, в глинистых грунтах возможно явление проскальзывания трубы после преодоления пика сцепления: сначала труба сопротивляется перемещению за счёт когезии, но при превышении предела прочности грунта происходит относительно резкое снижения сопротивления, и труба смещается рывком. Кроме того, глинистые грунты подвержены сезонным изменениям свойств: при увлажнении они разуплотняются и теряют часть прочности сцепления, а при высыхании и замерзании – напротив, сильно сковывают трубу. Эти изменения могут приводить к неравномерным перемещениям и дополнительным напряжениям в газопроводе на протяжённых участках, залегающих в глинах.

Песчаные (несвязные) грунты оказывают сопротивление смещениям трубы главным образом за счёт сил трения и пассивного сопротивления со стороны окружающей насыпи. В плотных сухих песках трение между трубой и грунтовыми частицами велико, и труба прочно закреплена в постели. Однако в рыхлых или насыщенных водой песчаных грунтах эффективное напряжение снижается, и сопротивление трению заметно уменьшается. В результате трубопровод в водонасыщенном или слабоуплотнённом песке способен смещаться более свободно при температурных изменениях или под действием осевых усилий. Экспериментальные наблюдения подтверждают значительное влияние плотности и типа песка на податливость трубы: так, при динамическом нагрузочном воздействии было зафиксировано, что в случае рыхлого песка газопровод испытывал наибольшие прогибы, тогда как в более связном грунте деформации оказались существенно меньшими [4, с. 4]. Иными словами, мягкий водонасыщенный песок оказывает минимальное сдерживающее действие – труба может «скользить» вдоль него, тогда как плотный сухой песок ведёт себя почти как твёрдая опора, препятствуя продольному движению. Важным фактором является влажность: в условиях неполного водонасыщения в порах песка возникают капиллярные силы (суффозионное сцепление), которые повышают кажущееся сопротивление грунта сдвигу. Поэтому умеренно увлажнённый песок иногда удерживает

трубу прочнее, чем полностью сухой или полностью насыщенный грунт. При расчётах учитывают угол внутреннего трения песка и коэффициент трения «труба-грунт», который для стальных труб по сухому песку зависимосит от шероховатости трубы. Таким образом, в песчаных грунтах продольные перемещения газопровода происходят плавно, требуя постепенной мобилизации сил трения по всей длине потенциально движущегося участка трубы. После мобилизации предельного сопротивления песка дальнейшее движение возможно при условии пластического сдвига грунта вокруг трубы, что сопровождается формированием зон разрыхления (обычно локализованных вблизи трубы) и незначительным ростом напряжений.

Торфяные грунты. Торфяники и другие органические грунты относятся к особо сжимаемым и малопрочным основаниях. Труба, проложенная в торфяном грунте, находится в подвижном основании, которое может деформироваться под собственным весом трубы, нагрузкой грунта или под воздействием внешних факторов (например, вибрации или подтопления). Способность торфяного грунта сопротивляться продольному смещению трубы крайне ограничена из-за его низкой плотности и слабого сцепления между частицами (разлагающимися органическими волокнами). Фактически, торфяной грунт часто рассматривается проектировщиками как среда с нулевым сопротивлением трению (коэффициент трения принимается близким к 0) [5, с. 78]. Поэтому продольные перемещения трубопровода в торфяных грунтах могут происходить при значительно меньших осевых силах, чем в минеральных грунтах – труба почти «плавает» в мягкой органической среде. Это, с одной стороны, снижает уровень термических напряжений (труба свободнее расширяется и сжимается при перепадах температуры), но с другой стороны создает серьезные инженерные риски. Торф подвержен длительной просадке (уплотнению) под нагрузкой, а также может испытывать значительные перемещения при промерзании-оттаивании. Дифференциальные осадки на участке торфяника способны вызвать прогиб и изгиб трубопровода. Кроме того, техногенные воздействия – такие как отсыпка насыпи или проход тяжелой техники – могут вызывать смещение или «всплытие» трубы в торфе. Эксплуатационные наблюдения показывают, что чрезмерное возмущение торфяного основания (например, при земляных работах рядом с трубой) чревато потерей устойчивости трубы и угрозой ее целостности [2, с. 77–80]. По этой причине на торфяных участках маршрута требуются специальные меры: замена грунта на менее сжимаемый, устройство

компенсирующих подушек, частичная надземная прокладка на эстакадах или снижение температурно-силового воздействия на трубу.

Скальные и плотные грунты. Скальные грунты и скально-глинистые выветрелые породы представляют собой наиболее жесткое основание для трубопровода. В скальных грунтах продольное перемещение трубы практически полностью блокируется за счет высокого трения и зацепления неровностей трубы с массивом породы. Если газопровод уложен в выемке на скальном основании и засыпан щебнем или скальным грунтом, сила сопротивления продольному смещению определяется прочностью контакта «сталь – камень» и затяжкой грунта сверху. Как правило, для скальных пород коэффициент трения труба-грунт близок к единице, а местами труба может опираться непосредственно на выступы породы, действуя как анкеры. При тепловом удлинении трубопровода скальное основание не позволяет ему свободно деформироваться, поэтому все температурное расширение трансформируется в осевое напряжение сжатия в стенке трубы. Длина участка, по которому распределяется это напряжение, может быть весьма небольшой – возникает так называемая зона «виртуального анкера» практически сразу от компенсирующих устройств или гибов трубопровода. Продольные перемещения в скальных грунтах минимальны, но именно в таких условиях наиболее высок риск потери устойчивости трубы (выпучивание) из-за накопления значительной сжатой силы [1, с. 6] [6, с. 178]. Еще одной опасностью скальных грунтов являются концентрированные нагрузки на трубу: при любом незначительном смещении стальной трубопровод может испытывать высокие касательные напряжения в местах контакта с острыми гранями камней, что создает риск локальных повреждений (вмятин, царапин покрытия, очагов коррозии). Поэтому при прокладке в скальных грунтах обычно применяют смягчающие меры – песчаные или грунто-песчаные подушки вокруг трубы, компенсаторы напряжений (петли, изгибы), а также особо прочные защитные покрытия на трубе, снижающие трение и предохраняющие от острых краёв породы.

Методы и инструменты. Механизм взаимодействия «грунт-труба» в продольном направлении можно представить как систему «упругой защемлённой балки на подвижном основании». До определённого предела сила сцепления и трения грунта удерживает трубопровод от скольжения, и все вызванные температурой или давлением удлинения переходят в упругие деформации и напряжения трубы. Однако по мере роста продольной силы

возникает критический момент, когда сопротивление грунта достигает своего предела и начинает преодолеваться. Далее возможны два сценария: либо труба плавно начинает скользить в грунте, мобилизуя пластическое сопротивление по своей длине, либо происходит внезапная потеря устойчивости (выпучивание), если труба изогнута или имеет геометрические несовершенства. В реальных условиях, как правило, наблюдается сочетание обоих процессов: участки с наибольшим сжатием могут выгибаться вверх или вбок, тогда как прямые отрезки между компенсаторами просто смещаются относительно грунта при превышении силы трения. Жесткость окружающего грунта при этом играет решающую роль. В мягких грунтах (например, торфяных, насыщенных глинах) труба быстрее перейдет к скольжению, чем к упругому выпучиванию, поэтому основной механизм релаксации – именно проскальзывание вдоль трассы. Напротив, в очень плотных и скальных грунтах труба практически не может смещаться, вместо этого накапливая осевое сжатие до момента потери устойчивости (если не предусмотрены специальные меры для разгрузки). Расчёты и натурные наблюдения показали, что уже при умеренных перепадах температуры окружающий грунт обычно способен полностью сдержать удлинение трубы, вызывая появление значительных температурных напряжений вместо реального перемещения газопровода [6, с. 180]. Другими словами, при небольших сезонных колебаниях температуры подземный трубопровод ведет себя как «жестко заделанный» – его концы и изгибы почти не двигаются, хотя в стенке трубы возникают напряжения от сжатия/растяжения. Лишь при очень больших температурных изменениях или протяжённых участках без компенсаторов сила трения грунта может быть преодолена, и труба начинает скользить, разряжая часть температурного напряжения.

Важным фактором является внутреннее давление газа. Если концы трубопровода закреплены или трубы сварены непрерывно на длинном участке, внутреннее давление создает продольную распирающую силу (эффект «концевого упора»). Давление стремится раздвинуть концевые заглушки трубы, вызывая растягивающее напряжение вдоль трубопровода. В комбинации с температурным расширением это приводит к увеличению общего осевого усилия. В терминах «эффективной осевой силы» внутреннее давление эквивалентно добавлению к трубе фиктивной силы сжатия, способной снизить критическую температуру выпучивания [1, с. 6]. Таким образом, даже если грунт удерживает трубу от перемещения, рост давления

может незаметно приблизить систему к пределу устойчивости. Инженерные исследования указывают, что рост внутреннего давления в уже сжатом от нагрева трубопроводе существенно повышает риск внезапного продольного выброса (вибрационная деформация) на слабых местах трассы [7, с. 177]. По этой причине стандарты проектирования магистральных трубопроводов (например, DNV и др.) предписывают учитывать суммарное воздействие температуры
и давления при анализе продольной устойчивости трубы и взаимодействия с грунтом.

Влажностно-температурные условия грунта также вносят существенную неопределенность в характер взаимодействия «грунт-труба». При частичном водонасыщении (ненасыщенном состоянии) в грунте существуют капиллярные силы, создающие дополнительное сцепление между частицами. Это особенно характерно для глинистых и пылеватых грунтов: так называемое «суффозионное» или капиллярное сцепление может значительно увеличивать сопротивление сдвигу. В результате трубопровод, лежащий в сезонно подсыхающем суглинке, может удерживаться крепче, чем в полностью насыщенном водой состоянии того же грунта. Напротив, при полном водонасыщении эффективное напряжение в грунте падает (вплоть до нуля при разжижении), и тогда труба практически теряет опору. Отмечено, что поведение трубопровода в ненасыщенном грунте принципиально отличается от поведения в сухом или полностью водонасыщенном грунте [6, с. 208]. Например, при замачивании изначально сухой песчаный грунт сначала становится более сцепленным (за счёт поверхностного натяжения пленок воды), но по мере дальнейшего насыщения теряет это дополнительное сцепление и превращается в рыхлую среду с низким трением. Для проектировщиков это означает необходимость учитывать наихудшее сочетание условий: обычно наиболее неблагоприятно состояние частичного насыщения, когда грунт ещё достаточно прочен, чтобы препятствовать релаксации напряжений трубы, но уже достаточно податлив, чтобы не обеспечить стабильной опоры и жесткости. Кроме того, циклические изменения влажности (например, сезонные или при колебаниях уровня грунтовых вод) могут приводить к повторяющимся перемещениям трубы (так называемый «ползучий ход» трубопровода). Этот эффект известен в оффшорной практике как «ходьба» – постепенное накопление остаточного смещения трубы за несколько циклов нагрева-охлаждения [8, с. 74].

В наземных условиях подобное возможно при чередовании замораживания и оттаивания грунта вокруг трубы либо высыхания и увлажнения глинистого грунта: труба может чуть сдвигаться вперёд при каждом расширении, а при обратном охлаждении или просадке грунт уже не полностью возвращает трубу в исходное положение. Со временем такие циклические смещения могут суммироваться в заметный продольный сдвиг, способный повлиять на напряженное состояние трубопровода или на состояние компенсирующих устройств.

Инженерные риски. Понимание механизма взаимодействия трубопровода с грунтом необходимо для предотвращения аварийных ситуаций. Если трубопровод эксплуатируется в условиях, когда грунт чрезмерно сдерживает температурные деформации, в стенке трубы нарастают значительные напряжения сжатия. Опасным следствием может стать продольное выпучивание трубы – внезапный выброс участка трубопровода вверх или в сторону траншеи, сопровождающийся потерей герметичности или разрушением шва [7, с. 180]. Неконтролируемое термическое выпучивание представляет серьёзную угрозу целостности магистрали, поэтому в практике проектирования предусмотрены меры против него: заглубление трубопровода, увеличение веса трубы (утяжеляющие бетонные покрытия), а также использование специальных компенсаторов (гибов, U-образных петель), которые позволяют трубопроводу безопасно удлиняться [8, с. 73–75]. С другой стороны, слишком слабое закрепление трубы в грунте (например, в торфяниках) чревато накоплением значительных перемещений и прогибов. Возможны дифференциальные осадки и прогибы трубы, приводящие к изгибным напряжениям и локальным перегрузкам. Критическими участками являются переходы между разнородными грунтами – например, выход трубопровода из плотного участка на участок с мягким грунтом: здесь могут концентрироваться перемещения и деформации. В подобных местах требуются дополнительные исследования и мониторинг. Наконец, особое внимание уделяется сейсмически опасным районам и откосам: при сдвигах грунта в результате землетрясений или оползней трубопровод испытывает колоссальные продольные силы. Различные грунты по-разному влияют на масштаб повреждений: скальные и глинистые грунты могут разорвать трубу, не позволив ей деформироваться, тогда как песчаные и торфяные способны частично погасить энергию за счёт перемещения трубы. В любом случае, надёжная и безопасная эксплуатация газопровода достигается лишь при

комплексном учёте типа грунта, температурно-влажностных условий и конструктивных мер по компенсации перемещений.

Заключение. Различные виды грунтов по-разному влияют на продольные перемещения и напряженно-деформированное состояние магистральных газопроводов. Глинистые грунты благодаря своей когезии первоначально сильно удерживают трубу, однако при превышении предельных напряжений могут допускать проскальзывание, при этом влажность существенно влияет на их удерживающую способность. Песчаные грунты сопротивляются перемещениям трением; в плотном состоянии они надежно фиксируют трубу, а в рыхлом или насыщенном – позволяют ей сравнительно свободно деформироваться продольно. Торфяные и органические грунты практически не препятствуют продольному движению трубопровода, но связанная с этим податливость основания требует мер против просадок и перегибов трубы. Скальные грунты почти полностью блокируют удлинение трубы, приводя к концентрации осевых напряжений, и требуют специальных решений для снятия напряжений. Взаимодействие «грунт-труба» носит сложный характер: при умеренных воздействиях труба чаще остается неподвижной, а при экстремальных – может либо скользить в грунте, либо терять устойчивость. Важно проектными решениями обеспечить контролируемое перемещение трубопровода (например, через компенсаторы или правильный подбор толщины стенки и покрытия трубы) и достаточную несущую способность грунта. Учет температурных перепадов, внутренних давлений, а также возможных изменений свойств грунта (влажностных, сезонных) – необходимое условие надежности и безопасности магистральных газопроводов [8, с. 79–80]. В итоге, комплексный анализ грунтовых условий и взаимодействия трубы с грунтом позволяет предотвратить аварийные ситуации, будь то выпучивание, разрыв или чрезмерные осадки трубопровода, и обеспечивает долгосрочную эксплуатацию магистрали без потери герметичности и транспортной способности.

Список литературы

1. Cai J., Le Grognec P. *Lateral buckling of submarine pipelines under high temperature and high pressure: a literature review* // Ocean Engineering. – 2021. – Vol.236. – P. 109405.

2. Thurairajah A., Saad B., Williams R., Fernando V. *Integrity Management Considerations for Pipes in Peat Muskeg and Organic Rich Soils* // Proceedings of 14th International Pipeline Conference (IPC 2022). – ASME, 2022. – Paper IPC2022-86987.

3. Scarpelli G., Sakellariadi E., Furlani G. *Evaluation of soil-pipeline longitudinal interaction forces* // Proc. of the Int. Conf. on Structural Mechanics in Reactor Technology (SMiRT-16). – Washington, DC, 2003. – P. 12–18.

4. Zhang D., Chen X., Liu J. *Dynamic Response of Buried Pressurized Pipelines When Subjected to Transverse Impact Loading: Experimental Study* // Materials. – 2025. – 18(4). – P. 1362.

5. Ning J., Liu S., Lin T., Huang W. *Pipeline element for upheaval buckling analysis of submarine pipelines with geometric imperfections under high temperature high pressure* // Ocean Engineering. – 2022. – Vol.258. – P. 111701.

6. Randeniya C.N., Dasaka S.M., Sivakugan N., Dias D.H. *Large-scale experimental evaluation of soil saturation effect on behaviour of buried pipes under operational loads* // Canadian Geotechnical Journal. – 2020. – 57(2). – P. 205–220.

7. Hobbs R.E. *In-service buckling of heated pipelines* // Journal of Transportation Engineering. – 1984. – 110(2). – P. 175–189.

8. Brennan F., Karampour H. *Lateral buckling and pipeline walking – a challenge for hot pipelines* // Proceedings of Offshore Pipeline Technology Conference. – 2015. – P. 73–81.

© Густов А.А., 2025

ПРИМЕНЕНИЕ МАТРИЦ В ОЦЕНКЕ МЕЖСЕКТОРАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЭКОНОМИКЕ

Сидорова Алена Игоревна
студент
Научный руководитель: **Курганова Мария Владимировна**
к.э.н., доцент
ФГАОУ ВО «Самарский государственный
экономический университет»

Аннотация: Статья посвящена применению матриц в экономике для анализа межсекторальных взаимодействий. Описаны основные типы матриц, такие как межотраслевые балансы, корреляционные матрицы и матрицы SWOT. Приведены практические примеры использования матриц для прогнозирования экономических показателей, оптимизации производственных процессов и моделирования спроса и предложения.

Ключевые слова: матрицы, экономика, анализ, межотраслевой баланс, корреляционные матрицы, матрицы риска.

APPLICATION OF MATRICES IN THE ASSESSMENT OF INTERSECTORAL INTERACTIONS IN THE ECONOMY

Sidorova Alena Igorevna
Scientific adviser: **Kurganova Maria Vladimirovna**

Abstract: The article is devoted to the application of matrices in economics for the analysis of intersectoral interactions. The main types of matrices are described, such as intersectoral balances, correlation matrices, and SWOT matrices. Practical examples of using matrices for forecasting economic indicators, optimizing production processes, and modeling supply and demand are given.

Key words: Matrices, economics, analysis, intersectoral balance, correlation matrices, risk matrices.

Современные экономические процессы характеризуются сложными связями между различными секторами, и их изучение требует специальных

аналитических инструментов. Одними из таких инструментов являются матрицы, которые позволяют структурировать данные и проводить глубокий анализ взаимосвязей между элементами экономической системы. В экономике применяются различные типы матриц, которые служат инструментом для анализа и представления данных о взаимодействии секторов экономики, финансовых потоках, рисках и доходах компаний, а также для разработки эффективных стратегий. Рассмотрим некоторые ключевые из них.

Начнем с межотраслевого баланса, чья концепция была разработана известным американским экономистом Василием Васильевичем Леонтьевым [1, с. 6]. Межотраслевой баланс представляет собой таблицу, показывающую потоки товаров и услуг между секторами экономики. Он отражает структуру потребления каждой отрасли другими отраслями и конечным спросом потребителей, государства и экспорта. Данные матрицы используются для расчета коэффициентов прямых и косвенных затрат, определения мультипликаторов расходов и доходов, а также анализа последствий изменений в структуре экономики.

Рассмотрим максимально простой пример модели межотраслевого баланса для трех отраслей: сельского хозяйства (A), промышленного сектора (I) и сферы услуг (S). Каждая ячейка матрицы M содержит информацию о том, какое количество продукции одной отрасли потребляется другой отраслью.

Таблица 1

Матрица M, где m_{ij} обозначает объем продукции сектора *i*, используемый сектором *j*

$$M = \begin{matrix} m_{AA} & m_{AI} & m_{AS} \\ m_{IA} & m_{II} & m_{IS} \\ m_{SA} & m_{SI} & m_{SS} \end{matrix}$$

Как видно из таблицы 1, эти матрицы особенно полезны для понимания того, как изменение объемов производства в одном секторе влияет на остальные части экономики.

Существует также такая вещь, как корреляционная матрица. Она описывает степень взаимозависимости между несколькими экономическими показателями, такими как цены акций, объемы продаж, уровни инфляции и безработицы [2, с. 70]. Такие матрицы помогают экономистам и финансистам оценивать риски инвестиционных портфелей, определять оптимальную

структуру активов и выявлять скрытые закономерности в поведении рынков. Рассмотрим также простую модель по аналогии с таблицей 1:

Таблица 2

Корреляционная матрица P

$$P = \begin{matrix} 1 & p_{AB} & p_{AC} \\ p_{BA} & 1 & p_{BC} \\ p_{CA} & p_{CB} & 1 \end{matrix}$$

В таблице 2 мы предположили, что у нас есть три акции: A, B и C. Здесь p_{XY} обозначает коэффициент корреляции между акциями X и Y. Близкие к +1 значения указывают на сильную положительную корреляцию, а близкие к -1 – на отрицательную, около нуля – отсутствие значимой связи.

Отдельно отметим, конечно, матрицы риска и доходности. Они объединяют показатели риска (например, стандартное отклонение доходности) и ожидаемой прибыли для разных активов или проектов.

Таблица 3

Модель матрицы риска R

$$\text{R} = \begin{matrix} \text{Проект } X & (\text{высокий риск; высокая прибыль}) \\ \text{Проект } Y & (\text{низкий риск; низкая прибыль}) \end{matrix}$$

Эти матрицы важны для инвесторов и менеджеров, поскольку позволяют сравнивать потенциальные выгоды и возможные потери от вложений в разные активы. В таблице 3 мы представили следующую ситуацию: проект X с высоким уровнем риска и высокой ожидаемой прибылью, и проект Y с низким уровнем риска и низкой прибыльностью. Такая информация полезна для принятия решений о распределении капитала и формировании инвестиционного портфеля.

В вопросе экономического анализа нельзя пренебрегать и матрицей SWOT. Она представляет собой инструмент стратегического анализа, позволяющий определить сильные стороны (strengths), слабые стороны (weaknesses), возможности (opportunities) и угрозы (threats) организации или продукта. Эта матрица помогает организациям разработать эффективные стратегии для на максимизацию преимуществ и минимизацию недостатков. Рассмотрим пример матрицы SWOT гипотетической компании:

Таблица 4

Матрица SWOT

	Внутренние факторы	Внешние факторы
Положительные	Сильные стороны	Сильные стороны
Отрицательные	Слабые стороны	Слабые стороны

Такой подход способствует глубокому пониманию текущего состояния компании и разработке долгосрочной стратегии.

Рассмотренные нами матрицы весьма полезны в применении на практике. Так, например, если известно, сколько стали необходимо произвести автомобилестроению, то модель межотраслевого баланса помогает определить объемы необходимых поставок угля, нефти и других ресурсов для обеспечения потребностей металлургии, что делает возможным расчет совокупных затрат на единицу выпуска продукции любой отрасли. Использование матричного анализа позволяет выявить критически важные отрасли, которые оказывают наибольшее воздействие на всю экономику [3, с. 67]. Например, сектор энергетики часто выступает ключевым фактором роста, поскольку он влияет практически на все остальные отрасли через поставки энергоресурсов. Такие выводы помогают государственным органам разрабатывать стратегии поддержки приоритетных отраслей и стимулировать рост национальной экономики.

Более того, матрицы используются для создания моделей, позволяющих прогнозировать валовой внутренний продукт (ВВП) и инфляцию [4, с. 47]. Эти прогнозы основаны на данных о текущих объемах производства, инвестициях, потребительских расходах и государственных закупках. Использование матричных моделей позволяет учитывать не только прямые, но и косвенные воздействия этих факторов друг на друга, обеспечивая более точные прогнозы.

Изменения в налоговом законодательстве могут существенно повлиять на различные отрасли экономики. Используя матричную модель, можно рассчитать, какие именно отрасли пострадают больше всего, и каким образом изменится общая картина экономики после введения нового налога. Это важно для разработки сбалансированной налоговой политики, минимизирующей негативные последствия для бизнеса и населения.

Используя матрицы, можно исследовать зависимость одних отраслей от других. Например, строительство сильно зависит от добычи строительных

материалов, поэтому снижение активности в горнодобывающей промышленности неизбежно приведет к замедлению темпов строительства. Подобные зависимости важны для понимания того, как изменение условий в одном секторе повлияет на всю экономику.

Инвестиции в одну отрасль могут привести к росту производства и занятости в смежных отраслях. Используя матрицы, можно точно измерить этот эффект и понять, насколько выгодно инвестировать средства в ту или иную сферу. В частности, инвестиции в инфраструктуру обычно приводят к значительному увеличению объема работ в строительстве, транспорте и энергетике.

Безусловно, матрицы позволяют строить модели, описывающие спрос и предложение на рынке. Если известна матрица спроса и матрица предложения, можно найти точку рыночного равновесия, где спрос равен предложению. Это полезно для компаний, желающих установить оптимальную цену на свою продукцию, учитывая поведение конкурентов и потребителей. Эластичность спроса показывает, насколько чувствителен спрос к изменению цены товара. Используя матрицы, можно построить модель, учитывающую эластичность спроса разных категорий покупателей, что поможет компаниям лучше понимать реакцию рынка на свои действия и адаптировать маркетинговую политику соответственно.

Таким образом, можно сделать вывод, матрицы предоставляют мощный инструмент для анализа и прогнозирования экономических процессов, помогая принимать обоснованные решения в самых разных сферах экономики. Их применение способствует повышению эффективности государственного регулирования, улучшению корпоративного управления и развитию научно-обоснованной экономической политики. Каждый тип матрицы, который мы рассмотрели, служит определенной цели и предоставляет уникальные преимущества для экономического анализа и принятия решений. Правильное использование этих инструментов позволяет повысить точность прогнозов, снизить риски и улучшить результаты деятельности компаний и целых экономик.

Список литературы

1. Леонтьев В.В. Структура американской экономики, 1919—1929 гг.: эмпирическое приложение анализа равновесия / пер. с англ.; под ред. В.И. Данилова-Данильяна. — Москва: Экономика, 1997. – 295 с.

2. В. М. Марченко, Н. П. Можей, Е. А. Шинкевич. Эконометрика и экономико-математические методы и модели. Пособие для студентов учреждений высшего образования по экономическим специальностям, – Минск: «Высшая школа», 2012. – 214 с.

3. Масаев С. Н. Модель межотраслевого баланса Леонтьева как задача управления динамической системой // Вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. Серия «Приборостроение». 2021. №2 (135). – С. 66-82.

4. Mathematical Optimization and Economic Theory / Michael D. Intriligator, Prentice-Hall, 1971 – Business & Economics – 508 pages.

© Сидорова А.И., 2025

СЕКЦИЯ
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ХУЛИГАНСТВА: ПОНЯТИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Вахитова Гузель Валериевна
доцент, кандидат филологических наук
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
Галиуллин Данил Ринатович
студент 2 курса, направление «Юрист в сфере уголовного судопроизводства»
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Аннотация: В научной статье рассматриваются понятие, уголовно-правовая характеристика и основные проблемы хулиганства. Гарантия общественного порядка и общественной безопасности являются одной из важных задач правоохранительных структур, что прямо закреплено в законах, подзаконных актах, стратегии национальной безопасности Российской Федерации. В статье дается анализ объективных и субъективных признаков, раскрываются проблемы, возникающие в процессе квалификации по данному составу преступления, а также определяется возможные пути для решения данных проблем. Обозначается, что под воздействием определенных факторов угроза подрыву общественного порядка и общественной безопасности стала проявляться в различных видах и формах. В статье отражается достаточно широкий круг противоправных действий, направленных на нарушение установленных в обществе норм, ценностей, порядков. В работе раскрываются основные проблемные аспекты квалификации, проанализирован материал судебной практики, а также даны рекомендации по совершенствованию уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за хулиганство.

Ключевые слова: хулиганство, преступление, квалификация, убийство, умысел, ответственность.

CRIMINAL LEGAL CHARACTERISTICS OF HOLIGANITY: CONCEPT AND PROBLEMS

Vakhitova Guzel Valerievna
Galiullin Danil Rinatovich

Abstract: The scientific article examines the concept, criminal legal characteristics and main problems of hooliganism. Guaranteeing public order and public safety is one of the important tasks of law enforcement agencies, which is directly enshrined in laws, regulations, and the national security strategy of the Russian Federation. The article provides an analysis of objective and subjective characteristics, reveals the problems that arise in the process of qualification for this crime, and also identifies possible ways to solve these problems. It is indicated that under the influence of certain factors, the threat to undermine public order and public safety began to manifest itself in various types and forms. The article reflects a fairly wide range of illegal actions aimed at violating the norms, values, and orders established in society. The work reveals the main problematic aspects of qualifications, analyzes the material of judicial practice, and also makes recommendations for improving criminal law provisions providing for criminal liability for hooliganism.

Key words: hooliganism, crime, qualification, murder, intent, responsibility.

В соответствии с нормами уголовного законодательства хулиганство – это грубое нарушение общественного порядка, которое выражается в явном неуважении к обществу, совершенное с применением насилия либо угрозой применения; по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды; по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы; на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования и с иными квалифицирующими конструктивными признаками.

Актуальность темы обусловлена тем, что хулиганство считается «простым» видом преступления и довольно частым для совершения, при рассмотрении дел возникает спорная ситуация в квалификации преступления со смежными составами. Чтобы разграничить этот момент, нужно определить, чем же отличается хулиганство от иных составов преступлений.

С одной стороны, хулиганство — это проступок или действие, которое относится к категории правонарушений. Так, административный кодекс закрепляет хулиганство как опасное действие, которое совершается с мотивом вражды или по хулиганской мотивации. Оно может проявляться в виде поведения, направленного на уничтожение или повреждение имущества, причинение вреда здоровью других людей или создание угрозы их жизни.

Деяние, предусмотренное ст. 213 УК РФ, может быть совершено только умышленно, поскольку неосторожность как форма вины характерна для преступлений с материальным составом, когда в качестве конструктивного признака состава предусмотрены последствия [2, с. 580]. Данное преступление имеет формальный состав, поэтому говорить можно только о психическом отношении виновного к действию. Следовательно, мы приходим к выводу, что данное преступление по определению умышленное. К числу квалифицирующих признаков при совершении хулиганства также относится совершение хулиганства, связанного с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка.

Соответственно, к представителям власти относятся работники МВД, прокуратуры, суда, таможенных и налоговых органов, Государственной Думы, санитарных, пожарных и иных инспекций, контрольно-ревизионных служб.

Основным непосредственным объектом хулиганства является общественный порядок. Обязательным признаком преступления является хулиганский мотив. Поскольку хулиганский мотив является конститутивным признаком состава уголовного преступления, закрепленного в ст. 213 УК РФ, определение его признаков имеет определяющее значение для квалификации, что в той же мере относится и ко всем возможным случаям совершения хулиганства [3, с. 364].

Рассматривая проблемы хулиганства, можно выделить следующие пути совершенствования механизма реализации уголовной политики в сфере противодействия хулиганству путем признания утратившей силу ст. 213 УК РФ. На основе следующих обстоятельств, установленных в процессе анализа российского и зарубежного законодательства:

Во-первых, история развития отечественного уголовного законодательства до настоящего времени не выработало единых признаков, свойственных уголовно наказуемому хулиганству.

Во-вторых, отсутствует единый для всех составов преступлений, входящих в ст. 213 УК РФ, непосредственный объект.

В-третьих, отсутствуют чёткие критерии, определяющие сущность нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу. Проявление явного неуважения к обществу – свойство едва ли не любого преступления. Кроме того, грубо нарушить общественный порядок

и выразить явное неуважение к обществу это, скорее всего цель хулигана, а не его деяние. В этом случае объективная сторона хулиганства вообще не характеризуется законодателем, что даёт возможность безграничного вменения этого состава преступления при наличии одного из условий, предусмотренных в пунктах «а», «б» или «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

На основе статистических данных МВД РФ, нами был проведен анализ количества преступлений по ст. хулиганство в период за 2014 по 2024 г. Соответственно, за 2014 г. – 180, 2015 г. – 250, 2016 г. – 280, 2017 г. – 160, 2018 г. – 100, 2019 г. – 200, 2020 г. – 180, 2021 г. – 150, 2022 г. – 190, 2023 г. – 30, 2024 г. – 20 [1].

Таким образом, объектом преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ, является не только общественный порядок, но и общественная безопасность, учитывая, что в ч. 3 закреплено хулиганство, совершенное с применением взрывчатых веществ или взрывных устройств, что угрожает не только порядку, но и безопасности неопределенного круга лиц, то есть общественной безопасности. На основе норм уголовного законодательства правильное установление объекта преступления является важной теоретической и практической проблемой, поскольку от четкого определения объекта зависит точное установление признаков состава преступления и определение его места в особенной части уголовного кодекса.

Список литературы

1. Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] // «ФКУ главный информационно-аналитический центр». – URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2022/12/mvd_22_11_.pdf.

2. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. – М.: 2024. – 580 с.

3. Белопольский А. П. Понятие и общая характеристика преступлений против общественного порядка / А. П. Белопольский. // Теория и практика общественного развития. – 2025. – №4. – С. 364-365.

© Вахитова Г.В., Галиуллин Д.Р.

АНАЛИЗ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Вуколова Дарья Валерьевна
Проскурякова Александра Дмитриевна
студенты 3 курса института экономики и управления АПК
ФГБОУ ВО «РГАУ– МСХА имени К.А. Тимирязева»
Научный руководитель: **Бочкова Светлана Сергеевна**
к.ю.н., доцент кафедры экономической безопасности и права
института экономики и управления АПК
ФГБОУ ВО «РГАУ– МСХА имени К.А. Тимирязева»

Аннотация: Настоящее исследование посвящено актуальным вопросам уголовно-правового характера, связанным с анализом способов раскрытия и квалификации экономических преступлений. Основной задачей работы является изучение и выработка эффективных криминалистических методов, направленных на повышение качества и эффективности расследования уголовных преступлений экономической направленности.

Ключевые слова: экономические преступления, тактика и методика расследования преступлений, криминалистические методы и приемы.

ANALYSIS OF FORENSIC ASPECTS INVESTIGATIONS OF ECONOMIC CRIMES

Vukolova Darya Valeryevna
Proskuryakova Alexandra Dmitrievna
Scientific adviser: **Bochkova Svetlana Sergeevna**

Abstract: This study is devoted to topical issues of a criminal law nature related to the analysis of methods for the detection and qualification of economic crimes. The main objective of the work is to study and develop effective forensic methods aimed at improving the quality and effectiveness of the investigation of economic crimes.

Key words: economic crimes, tactics and methods of crime investigation, criminalistic methods and techniques.

Актуальность настоящего исследования обусловлена ростом уровня и распространенности экономических преступлений, усугубленным влиянием пандемии COVID-19, санкциями, введенными в отношении российской экономики. Так, согласно статистическим данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, зафиксирован значительный прирост зарегистрированных случаев преступлений экономического характера, связанных с незаконным оборотом капитала и уклонением от налогообложения, в среднем на 15-20% ежегодно [4, с. 62]. Такая динамика ставит перед правоохранительными органами серьезные вызовы и требует глубокого научного осмысления криминалистических методик, применяемых в ходе расследования подобных дел.

Объектом исследования выступают закономерности возникновения и распространения экономических преступлений, особенности их проявления и механизмы обнаружения. Предметом исследования являются современные криминалистические технологии, применяемые в процессуальном порядке при раскрытии и расследовании указанных категорий преступлений.

Теоретическое обоснование проводилось на основе общенаучных методов познания, среди которых доминируют сравнительно-правовой, исторический и формально-юридический методы. Практическая ценность исследования определяется разработанными авторами предложениями по совершенствованию криминалистических подходов и конкретных методик, способствующих повышению качества предварительных исследований и судебных разбирательств по делам о преступлениях в области экономики.

Понятие и сущность криминалистической тактики и методики. Криминалистическая тактика выступает одной из центральных составляющих криминалистики, заключающейся в разработке и применении научно-обоснованных методов организации и планирования расследования преступлений различного типа. Основная цель криминалистической тактики состоит в формировании оптимальных условий для эффективного функционирования всей системы доказательства, начиная от установления факта преступления и заканчивая этапом судебного разбирательства.

Криминалистическая методика служит инструментом непосредственного осуществления уголовной юрисдикции, определяя порядок производства конкретных следственных действий, адекватных каждому виду преступлений. Подтверждением важности криминалистической

методики служат выводы ученых-криминалистов, подчеркивающих зависимость успешности расследования от правильно избранной стратегии действий [1, с. 420].

Следовательно, взаимодействие криминалистической тактики и методики создает целостную систему принципов и практик, обеспечивающих надлежащее расследование криминальных деяний, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации.

Особенности экономических преступлений как объектов криминалистического исследования. Особенность экономических преступлений заключается в их высоком уровне латентности, обусловленном невозможностью визуального восприятия состава преступления и значительной сложностью фиксации соответствующих материальных элементов. Такие преступления совершаются преимущественно с применением высокоорганизованных корпоративных схем, используемых субъектами хозяйственной деятельности для сокрытия своей противоправной активности. Например, налоговая сфера характеризуется высоким уровнем преступности, связанной с умышленными нарушениями налогового законодательства и злоупотреблениями налогово-финансовым механизмом.

Структура и этапы расследования экономических преступлений. Процесс расследования экономических преступлений носит сложный и многоэтапный характер, что связано с особенностями самой природы рассматриваемого класса преступлений. Основные этапы и стадии такого расследования выглядят следующим образом:

I этап. Подготовительные мероприятия

– Сбор предварительной информации о признаках преступления.
– Определение субъекта и круга потерпевших.
– Назначение первоначальных проверочных мероприятий.

II этап. Установление обстоятельств события

– Проведение обысков и изъятие вещественных доказательств.
– Организация экспертизы, необходимой для установления объема нанесенного ущерба.
– Документальная ревизия и аудиторская проверка финансовых документов.

III этап. Привлечение подозреваемого лица

– Производство допросов свидетелей и потерпевших.

– Формирование материалов для возбуждения уголовного дела.

– Осуществление задержания подозреваемого лица и предъявление обвинения.

IV этап. Обеспечение доказательств и подготовка к судебному заседанию

– Оценка собранных доказательств и их систематизация.

– Оформление протокола осмотра места происшествия и других документов.

– Составление плана подготовки к судебному слушанию.

Эти этапы тесно связаны друг с другом и последовательно реализуются в ходе всего периода расследования.

Специальные методы и приёмы при расследовании экономических преступлений. Экономические преступления обладают рядом уникальных особенностей, что накладывает отпечаток на используемые криминалистические методы и приёмы [3, с. 143]. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

Методы анализа финансовых документов. Финансовая документация является основным источником информации при расследовании большинства экономических преступлений. Анализ документации проводится по следующим направлениям:

– Подготовка первичной бухгалтерской отчётности.

– Анализ движения денежных средств и расчётных операций.

– Экспертиза доходов и расходов предприятия.

Этапы анализа начинаются с подбора документов и завершаются подготовкой заключения эксперта, подтверждающего или опровергающего наличие признаков преступления.

Специальные приёмы документирования преступных действий. Наиболее распространены следующие специальные приёмы документирования преступлений:

– Осмотр и фотофиксация предметов и документов.

– Протоколирование осмотров мест происшествий.

– Запись разговоров и прослушивание телефонных переговоров.

Используя указанные методы, удаётся собрать исчерпывающие доказательства, подтверждающие вину обвиняемого.

Расследование отдельных видов экономических преступлений. Рассмотрим некоторые конкретные примеры расследования отдельных видов экономических преступлений [2, с. 137].

Налоговые преступления. Основные действия следователя при расследовании налоговых преступлений включают:

– Сбор свидетельских показаний и осмотр налоговой декларации.

– Привлечение аудиторов и экспертов для проведения независимой проверки.

– Проверка банковской выписки и движение денежных средств.

При наличии достаточного объёма доказательств лицо привлекается к ответственности.

Незаконное присвоение имущества. Здесь ключевыми факторами расследования являются:

– Изучение правоустанавливающей документации.

– Осмотр помещений и территорий, принадлежащих предприятию.

– Интервьюирование руководителей и работников предприятия.

Собранные таким образом доказательства играют решающую роль в принятии судом решения о привлечении лица к ответственности.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что существующие криминалистические методики и методы расследования экономических преступлений нуждаются в дальнейшей разработке исходя из того, что совершенствуются способы совершения экономических преступлений.

Список литературы

1. Алехин Д. В., Антонов О. Ю., Багмет А. М. и др. Криминалистика. Ч. III: Криминалистическая методика. – Москва: Проспект, 2021. – 664 с.

2. Барченкова Я. В. «Цифровые следы при расследовании мошенничества, совершенного при помощи средств сотовой связи». Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и Право. – 2020. – №4. – С. 135-138.

3. Буйнов Д. О. «Виды цифровых следов преступлений в сфере экономической деятельности и особенности их исследования экспертом». Актуальные проблемы российского права. – 2022. – №11. – С. 140-148.

4. Васечкина А. В., Ильницкая Л. И. «Особенности противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов в субъектах Южного федерального округа (1997–2003 гг.)». Эпомен. – 2022. – №69. – С. 60-64.

© Вуколова Д.В., Проскурякова А.Д.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЯХ С УЧАСТИЕМ БЕСПИЛОТНОГО ТАКСИ

Ефремова Елена Андреевна
студент
Институт права
Научный руководитель: **Ежова Елена Владимировна**
к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и процесса
Институт права
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Аннотация: В статье исследуются проблемы привлечения к уголовной ответственности при дорожно-транспортных происшествиях с участием беспилотных такси в условиях отсутствия традиционного субъекта управления транспортным средством. Анализируются принципы вины и презумпции невиновности, а также ограничения применения действующих норм уголовного законодательства к автономным транспортным средствам. Особое внимание уделяется проблеме определения субъекта преступления и распределения ответственности между владельцем беспилотного такси, оператором, разработчиком программного обеспечения и изготовителем транспортного средства. На основе анализа научных позиций и действующего законодательства формулируются предложения по дифференциации уголовной и административной ответственности с учётом уровня автономности транспортного средства и характера допущенных нарушений.

Ключевые слова: беспилотное такси, уголовная ответственность, дорожно-транспортное происшествие, субъект преступления, автономные транспортные средства.

CRIMINAL LIABILITY FOR ROAD TRAFFIC ACCIDENTS INVOLVING UNMANNED TAXI VEHICLES

Efremova Elena Andreevna
Scientific adviser: **Yezhova Elena Vladimirovna**

Abstract: The article examines the problems of criminal liability for road traffic accidents involving unmanned taxi vehicles in situations where a traditional human driver is absent. The study analyzes constitutional principles of guilt and the presumption of innocence, as well as the limitations of applying existing criminal law norms to autonomous vehicles. Special attention is paid to the issue of determining the subject of the crime and distributing liability among the owner of the unmanned taxi, the operator, the software developer, and the vehicle manufacturer. Based on the analysis of legal doctrine and current legislation, proposals are formulated for differentiating criminal and administrative liability depending on the level of vehicle autonomy and the nature of the violations committed.

Key words: unmanned taxi, criminal liability, road traffic accident, subject of crime, autonomous vehicles.

Внедрение беспилотных такси в транспортную инфраструктуру России обнажило противоречие между технологической реальностью и фундаментальными принципами уголовного права. При дорожно-транспортных происшествиях с участием автономных автомобилей правоохранительные органы сталкиваются с ситуацией, в которой отсутствует классический субъект – водитель. Между тем уголовная ответственность в российской правовой системе выстроена вокруг личной виновности конкретного физического лица. Презумпция невиновности и запрет объективного вменения предполагают, что лицо может быть привлечено к ответственности исключительно при доказанности его вины, а не в силу формального статуса собственника или пользователя транспортного средства [1, ст. 49]. Попытки возложить уголовную ответственность на владельца беспилотного такси лишь по факту владения источником повышенной опасности вступают в прямое противоречие с конституционным требованием равенства перед законом, поскольку фактически подменяют анализ поведения лица презумпцией его виновности [1, ст. 19]. В этом проявляется системная уязвимость уголовного права перед автономными технологиями: алгоритм принимает решение, а ответственность ищут у человека, который в момент происшествия не управлял транспортным средством.

На уровне отраслевого законодательства указанная проблема приобретает более прикладной характер. Анализ норм Уголовного кодекса Российской Федерации показывает, что статьи, традиционно применяемые

при ДТП, ориентированы на человеческое поведение. Так, статья 264 УК РФ предполагает нарушение правил дорожного движения лицом, управляющим транспортным средством, что логически исключает полностью автономный режим движения [3, ст. 264]. Обращение к статьям 109 и 118 УК РФ также не решает проблему, поскольку причинение смерти или вреда по неосторожности требует установления психического отношения лица к последствиям, чего невозможно добиться при алгоритмическом управлении [3, ст. 109; ст. 118]. В научной литературе А.И. Коробеев ещё в 2021 году указывал, что попытка «подогнать» беспилотные ДТП под существующие составы приводит к размыванию признаков вины и причинной связи [5, с. 16]. Более поздние выводы А.В. Зубача подтверждают этот тезис: уголовно-правовая реакция на инциденты с беспилотным транспортом остаётся фрагментарной и зависит не от сути происшествия, а от удобства квалификации [4, с. 82]. В результате уголовное право утрачивает предсказуемость, а правоприменение начинает выполнять компенсаторную функцию вместо охранительной, что особенно опасно в условиях массового внедрения беспилотных такси.

Ключевым элементом уголовно-правовой оценки ДТП с участием беспилотного такси становится определение субъекта преступления. В классической модели транспортных преступлений субъектом признаётся физическое лицо, непосредственно управляющее транспортным средством. При автономном движении эта конструкция утрачивает прикладную ценность. Н.Ю. Попова предлагает рассматривать несколько возможных сценариев, в которых субъект ответственности меняется в зависимости от источника сбоя: оператор дистанционного контроля, владелец транспортного средства, разработчик программного обеспечения либо лицо, допустившее нарушение требований эксплуатации [6, с. 17]. Такой подход представляется более гибким, однако он требует строгого разграничения сфер ответственности, иначе уголовно-правовая оценка рискует превратиться в формальное распределение вины между всеми участниками технологической цепочки. Аналогичную проблему подчёркивает Р.В. Светлов, указывая, что правоприменение сталкивается с неопределённостью уже на стадии возбуждения уголовного дела, поскольку отсутствуют нормативные критерии оценки уровня участия человека в управлении беспилотным такси [7, с. 194]. В этой связи попытки признания искусственного интеллекта субъектом преступления, обсуждаемые

в доктрине, выглядят скорее теоретическим экспериментом, чем практическим решением: действующая концепция субъекта преступления в УК РФ исключает подобную трансформацию без радикального пересмотра Общей части уголовного закона.

Логическим продолжением дискуссии становится поиск модели уголовно-правового реагирования, способной учитывать специфику беспилотных такси без разрушения базовых принципов ответственности. Представляется обоснованным отказ от универсального «виновного» в пользу дифференцированного подхода, при котором уголовная ответственность наступает лишь при доказанном нарушении обязанностей конкретным лицом. В случаях программной ошибки или конструктивного дефекта приоритет должен смещаться в сторону статьи 238 УК РФ, однако только при установлении причинной связи между действиями разработчика или изготовителя и наступившими последствиями [3, ст. 238]. Если же вред причинён вследствие ненадлежащего технического обслуживания беспилотного такси, уголовно-правовая оценка может быть адресована владельцу, но исключительно при наличии доказанной неосторожности, а не по формальному признаку собственности. Административное законодательство, в свою очередь, способно выполнять фильтрующую функцию, позволяя отграничить уголовно наказуемые деяния от технических инцидентов без общественно опасных последствий [2, ст. 12.24]. Такой подход согласуется с позицией А.В. Зубача о необходимости поэтапной адаптации правового регулирования беспилотного транспорта без чрезмерной криминализации технологических рисков [4, с. 84]. Уголовное право в данном контексте должно оставаться инструментом точечного реагирования, а не средством компенсации пробелов нормативного регулирования.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.: с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон Российской Федерации от 30 дек. 2001

г. № 195-ФЗ: ред. от 28 ноября 2025 г. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: ред. от 17 ноября 2025 г. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Зубач А.В. Концептуальные подходы к юридической ответственности за нарушение правил использования беспилотных транспортных средств / А. В. Зубач // Криминологический журнал. – 2024. – № 2. – С. 79–85.

5. Коробеев А.И. Беспилотные транспортные средства на путях, дорогах России: проблемы уголовной ответственности / А. И. Коробеев // Ученые записки юридического факультета. – 2021. – № 2. – С. 15–18.

6. Попова Н.Ю. Субъект преступления при ДТП с участием беспилотника / Н. Ю. Попова // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2021. – Т. 27, № 1(80). – С. 16–19.

7. Светлов Р. В. К вопросу о субъекте преступления с использованием беспилотного транспортного средства в контексте преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств / Р. В. Светлов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 9-5(96). – С. 193–195.

© Ефремова Е.А.

СЕКЦИЯ ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ КОМПАНИИ

Гаврилов Николай Иванович
магистрант
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
технический университет»

Аннотация: Статья посвящена анализу инвестиционной привлекательности как комплексного стратегического актива компании в условиях глобальной конкуренции. Рассматриваются теоретические подходы к определению понятия, его ключевые внешние и внутренние факторы, а также особенности оценки для публичных и частных организаций.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, факторы, публичные компании, частные компании, управление, устойчивое развитие.

CONCEPT OF A PUBLIC COMPANY INVESTMENT ATTRACTIVENESS

Gavrilov Nikolai Ivanovich

Abstract: The investment attractiveness of a public company is a comprehensive characteristic reflecting its ability to attract and retain investor capital in the open market. It is shaped by key factors such as financial transparency, the quality of corporate governance, dividend policy, stock liquidity, growth potential, and market position.

Key words: public company, information disclosure, corporate governance, stock liquidity, financial transparency.

В реалиях современной экономической системы инвестиционной привлекательности понятие интегрирует в себя совокупность внутренних и внешних характеристик компании, которые формируют у инвесторов и кредиторов долгосрочное позитивное восприятие её потенциала. Фактически, уровень инвестиционной привлекательности становится не просто отражением текущего финансового состояния, а интегральным

индикатором способности бизнеса к успешному функционированию, масштабированию и адаптации в непрерывно меняющейся рыночной среде. Способность компании продемонстрировать убедительные конкурентные преимущества и ясные перспективы роста становится критическим условием выживания и развития. Понимание роли инвестиционной привлекательности в обеспечении устойчивого развития компаний в условиях глобальной конкуренции требует определения содержания этого понятия. Системный анализ данного явления, а также разработка практических мер по его укреплению, невозможны без обращения к его теоретическим основаниям и уточнению терминологического аппарата.

Согласно ФЗ-39 «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» инвестиции представляют собой «…денежные средства, ценные бумаги, иное имущество… имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли…» [5]. В свою очередь, инвестиционная деятельность определена как «…вложение инвестиций и осуществление практических действий в целях получения прибыли…». Но единого и стандартизированного определения инвестиционной привлекательности нет как в зарубежной литературе, так и в отечественных работах. При работе с этим явлением авторы выделяют присущие ему характеристики. Например, А. Дамодаран рассматривает инвестиционную привлекательность через призму фундаментальной оценки стоимости, основанной на дисконтированных денежных потоках, адаптируя модели к специфике компаний, особенно молодых компаний, с учетом рисков и потенциала роста, подчеркивая важность прогнозных предположений и анализа сценариев для определения истинной стоимости, а не только рыночных мультипликаторов [1, с. 74]. Сам процесс описывается как комплексный подход к оценке стоимости активов на основе реальных денежных потоков, с учетом рисков и уникальных присущих каждой компании своих характеристик. Согласно У. Шарпу, инвестиционная привлекательность — это совокупность характеристик объекта инвестиций, которые делают его привлекательным для инвесторов [6, с. 134]. Это включает в себя ожидаемую доходность, уровень риска, ликвидность. Если рассматривать инвестиционную привлекательность в более широко, то можно отметить это явление как способность объекта инвестиций привлекать и удерживать инвестиции благодаря своим характеристикам и условиям [2, с. 24].

Публичные и частные организации обладают различными характеристиками, которые влияют на их инвестиционную привлекательность. Публичные организации, как правило, имеют более строгие требования к раскрытию информации и прозрачности, что может повышать их инвестиционную привлекательность [5, с. 103]. При сравнительном анализе инвестиционной привлекательности публичных и частных компаний выделяется гораздо меньший уровень асимметрии информации между публичными организациями и инвесторами благодаря своей прозрачности и доступу к информации о своей деятельности и планах развития, а также доступу к капиталу.

Функционирование любого предприятия происходит в условиях комплексного взаимодействия ряда факторов, исходя из типа влияния того или иного фактора инвестиционной привлекательности предприятия их можно разделить на две группы: внешние и внутренние. К внешним факторам относятся факторы, оказывающие косвенное влияние на инвестиционную привлекательность предприятия [3, с. 64]. На факторы подобного рода предприятие неспособно оказывать прямого воздействия, например, инвестиционная привлекательность страны, региона или инвестиционная привлекательность отрасли. Во многом определяющим здесь являются нормативно-правовая база, социально-политическое положение, состояние материально-производственного комплекса, а также налоговое регулирование со стороны государства. Внутренние факторы, определяющие привлекательность компании для инвесторов, лежат в зоне влияние организации. Эти факторы разнообразны, и их значимость может варьироваться в зависимости от того, какие цели преследуют инвесторы. От того, насколько эффективно предприятие воздействует на внутренние факторы, зависит его способность привлекать новые инвестиции. Практика показывает, что особое внимание стоит уделять нескольким ключевым направлениям.

Производственный потенциал — это основа, на которой строится вся деятельность компании. Он включает в себя не только техническую оснащённость и наличие сырья, но и квалификацию сотрудников, мощности и уровень технологий. Чем эффективнее предприятие использует свои ресурсы, тем выше его конкурентоспособность и, как следствие, привлекательность для инвесторов [4, с. 69]. Ведь производственные возможности определяют способность компании наращивать объёмы и улучшать качество продукции.

Устойчивость на рынке — фактор, который напрямую зависит от стратегии деятельности и диверсификация рисков. Компании, которые активно работают над расширением своего положения на рынке и осваивают новые ниши, демонстрируют инвесторам свою способность долгосрочно развиваться. Это особенно важно в условиях нестабильной экономики, где устойчивость является индикатором высокого инвестиционного потенциала для инвестора. Наличие продуманной инвестиционной программы, объём вложений, подход к управлению проектами, а также приоритетность инноваций и научных разработок — всё это сигнализирует инвесторам о перспективах роста. Юридическая прозрачность, включая организационно-правовую форму, структуру собственности и историю приватизации, добавляет уверенности в надёжности компании.

Список литературы

1. Дамодаран А. Инвестиционная оценка : инструменты и методы оценки любых активов : пер. с англ. 6-е изд. М. : Альпина Паблишерз, 2010. – 1324 с.

2. Инвестиционная привлекательность российских компаний и инвестпроектов: оценка и управление : монография / М. А. Федотова, О. В. Лосева, Т. В. Тазихина [и др.]; под общ. ред. М. А. Федотовой, О. В. Лосевой. М. : КноРус, 2021. – 255 с.

3. Ростиславов Р. А. Инвестиционная привлекательность предприятия и факторы, влияющие на неё // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2010. № 2-1. – С. 63–72.

4. Савицкая Г. В. Экономический анализ : учебник. 15-е изд., испр. и доп. М. : ИНФРА-М, 2025. – 587 с.

5. Федеральный закон «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 01.05.2022). Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс».

6. Шарп У. Ф., Александер Г. Д., Бэйли Д. В. Инвестиции : учебник для вузов : пер. с англ. М. : Инфра-М, 2016. – 1028 с.

© Гаврилов Н.И., 2025

ОТКЛОНЕНИЯ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ БЮДЖЕТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Оленникова Ксения Алексеевна
магистрант
Научный руководитель: **Цыкура Мария Георгиевна**
старший преподаватель
БУ ВО «Сургутский государственный университет»

Аннотация: В статье исследуются причины отклонений плановых и фактических финансово-экономических показателей в бюджетных образовательных учреждениях.

Цель исследования – выявить ключевые причины отклонений и оценить масштабы несогласованности плановых и фактических данных на примере трех вузов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: Сургутского государственного университета, Сургутского государственного педагогического университета и Нижневартовского государственного университета. Период анализа охватывает 2022 и 2025 годы.

В ходе исследования:

1. Систематизированы методологические подходы к финансовому планированию в бюджетных учреждениях (экономический анализ, нормативный, балансовый, бюджетирование, ориентированное на результат, программно-целевой и сметный методы), показано их функциональное назначение в процессе планирования.
2. Установлен системный характер внесения изменений в ПФХД.
3. Проведен сравнительный анализ ПФХД трех бюджетных образовательных учреждений (Сургутский государственный университет, Сургутский государственный педагогический университет, Нижневартовский государственный университет). Выявлены количественные показатели несогласованности.
4. Сформирована классификация причин отклонений плановых и фактических показателей на две группы: устранимые и неустранимые.

Ключевые слова: финансовое планирование, бюджетные учреждения, высшие учебные заведения (вузы), план финансово-хозяйственной

деятельности (ПФХД), отклонения плановых и фактических показателей, устранимые причины отклонений, неустранимые причины отклонений.

DEVIATIONS OF FINANCIAL AND ECONOMIC INDICATORS OF BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Olennikova Kseniya Alekseevna
Scientific adviser: **Tsykura Maria Georgievna**

Abstract: The article examines the reasons for deviations of planned and actual financial and economic indicators in budgetary educational institutions.

The purpose of the study is to identify the key causes of deviations and assess the extent of inconsistency between planned and actual data using the example of three universities in the Khanty–Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra: Surgut State University, Surgut State Pedagogical University and Nizhnevartovsk State University. The analysis period covers 2022 and 2025.

During the research:

1. Methodological approaches to financial planning in budgetary institutions (economic analysis, normative, balance, result-oriented budgeting, program-oriented and cost-effective methods) are systematized, their functional purpose in the planning process is shown.

2. The systematic nature of making changes to the PFHD has been established.

3. A comparative analysis of the PFHD of three budgetary educational institutions (Surgut State University, Surgut State Pedagogical University, Nizhnevartovsk State University) was carried out. Quantitative indicators of inconsistency have been identified.

4. A classification of the causes of deviations of planned and actual indicators into two groups has been formed: avoidable and unavoidable.

Key words: financial planning, budgetary institutions, higher education institutions (universities), financial and economic activity plan (PFHD), deviations of planned and actual indicators, avoidable causes of deviations, unavoidable causes of deviations.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности финансово-экономического планирования в бюджетных учреждениях, в частности в высших учебных заведениях (далее – ВУЗ). Отклонения финансово-экономических показателей бюджетных учреждений ведут к дестабилизации финансовых потоков, снижению качества предоставляемых услуг и невыполнению государственного задания.

Согласно данным Государственной информационной системы о государственных и муниципальных учреждениях [4], количество вносимых изменений в план финансово-хозяйственной деятельности (ПФХД) бюджетных ВУЗов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры составляет от 8 до 16 (по состоянию на ноябрь 2025 года). Аналогичная тенденция наблюдается и в других регионах, что свидетельствует о системном характере проблемы.

Гипотеза исследования: существенные отклонения плановых и фактических финансово-экономических показателей в бюджетных образовательных учреждениях обусловлены сочетанием устранимых (управляемых) и неустранимых (слабо управляемых) факторов.

Теоретический обзор

Финансовое планирование и бюджетирование в бюджетных учреждениях базируется на ряде методологических подходов, каждый из которых имеет свои особенности и область применения (см. таблица 1).

Таблица 1

Методологические подходы финансового планирования и бюджетирования в бюджетных учреждениях

Название	Краткая характеристика
Экономический анализ	«Позволяет оценить степень выполнения бюджетных показателей за истекший период и сформировать прогноз исполнения бюджета на текущий финансовый год».
Нормативный метод	«Основывается на системе утвержденных норм и нормативов, используемых для расчета целевых показателей».
Балансовый метод	Предполагает расчет доходов и расходов бюджетных средств, распределяемых между получателями на всех уровнях и этапах в разрезе запланированных периодов.
Бюджетирование, ориентированное на результат (БОР)	«Цельная, конструктивная система, которая формирует бюджет, отражающий связующие звенья между запланированными расходами и ожидаемым, либо уже достигнутым результатом».

Продолжение таблицы 1

Программно-целевой метод	Предусматривает распределение бюджетных средств в соответствии с утвержденными целевыми программами, направленными на решение экономических и социальных задач.
Сметный метод	включает детальные расчеты каждого элемента расходов бюджета по утвержденным статьям планирования.

Составлено автором на основе источников: [12, 13].

Теоретические основы бюджетного планирования предполагают, что согласованность плановых и фактических показателей достигается за счет:

- актуальности исходных данных;
- прозрачности и оперативности отчетности;
- гибкости механизмов корректировки планов;
- компетентности персонала в области финансового анализа.

Проведенные исследования другими авторами указывают на важность оперативности информации для эффективного бюджетного управления. В образовательных бюджетных учреждениях эффективное бюджетное управление заключается в рациональном использовании ресурсов для достижения качественных образовательных результатов при минимальных затратах. Оценить эффективность можно при помощи таких показателей как экономическая эффективность (соотношение объема оказанных образовательных услуг к затратам на их оказание) и результативность (степень достижения конечных целей) [5].

Задержки в формировании отчетности нарушают принцип своевременности, необходимый для корректировки планов в динамичных условиях [10]. Изменения в нормативно-правовой базе, корректировка бюджетных лимитов, форс-мажорные расходы и несвоевременное поступление средств рассматриваются как значимые внешние шоки, затрудняющие точное планирование.

В работах, посвященных цифровизации государственных финансов, отмечают, что фрагментация информационных систем снижает прозрачность и эффективность управления бюджетными процессами. Для решения

предлагается внедрение централизованных платформ, обеспечивающих единый ввод данных [6].

Качество планирования потребностей в закупках напрямую влияет на финансовую устойчивость бюджетных учреждений. Ошибки в этом процессе могут приводить к срыву сроков проектов, перерасходу или экономии средств [8]. Особенно актуальна данная проблема в конце финансового года, когда возникает вопрос об исполнении бюджетов.

Финансовое планирование и бюджетирование в бюджетных учреждениях представляет собой сложный, многокомпонентный процесс, опирающийся на совокупность методологических подходов (экономический анализ, нормативный, балансовый, БОР, программно-целевой и сметный методы). Каждый из них выполняет специфическую функцию – от оценки прошлых результатов до детализации структуры затрат.

Для повышения согласованности плановых и фактических показателей требуется комплексный подход, включающий:

- цифровизацию процессов (единые информационные системы);
- адаптивные механизмы планирования (учет внешних шоков, гибкие корректировки);
- повышение квалификации персонала;
- совершенствование методологии закупок.

Только системная работа по этим направлениям позволит обеспечить рациональное и целевое использование бюджетных средств в условиях динамичной внешней среды.

Методы и результаты исследования

В рамках исследования проведен анализ планов финансово-хозяйственной деятельности трех бюджетных образовательных учреждений:

- БУ ВО «Сургутский государственный университет»;
- БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет»;
- ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет».

Период анализа – 2022 и 2025 года. Основные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Анализ плана финансово-хозяйственной деятельности за 2022 и 2025 гг.

Показатель	БУ ВО «Сургутский государственный университет»		БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет»		ФГБОУ ВО "Нижневартовский государственный университет"	
	2022	2025	2022	2025	2022	2025
Абсолютное отклонение, доходы	106 782,7	44 720,1	- 15 792,5	18 147,5	10,6	11 992,9
Абсолютное отклонение, расходы	200 614,0	173 027,1	10 403,1	61 694,9	10,6	11 992,9
Относительное отклонение, доходы	3,54%	1,13%	-1,45%	1,22%	0,001%	0,82%
Относительное отклонение, расходы	0,67%	4,40%	0,96%	4,18%	0,001%	0,80%
Среднеквадратическое отклонение, доходы	43 884,9		23 999,2		8 472,8	
Среднеквадратическое отклонение, расходы	19 506,9		36 268,8		8 472,8	

Составлено автором на основе источников: [1, 2, 11].

Причины отклонения финансово-экономических показателей бюджетных учреждений

На основе анализа научной литературы выявлены следующие возможные ключевые причины отклонений:

1. Устаревшая оперативная отчетность. Несинхронизированность циклов формирования отчетности с фактическими операциями (например, ежемесячные сводки поступают с задержкой) приводит к принятию управленческих решений на основе неактуальных данных [10].

2. Ручной ввод данных и разрозненные информационные системы. Широкое использование отдельных электронных таблиц (Excel), локальных учетных систем и отсутствие единой интегрированной информационной среды повышают вероятность ошибок, дублирования данных и затрудняют консолидацию информации [6].

3. Операционные и внешние факторы:

3.1. изменения в нормативно-правовой базе;

3.2. корректировки бюджетных лимитов;

3.3. форс-мажорные расходы (аварийный ремонт, эпидемиологические ограничения);

3.4. несвоевременное поступление целевых средств [3].

4. Недостаток компетенций у сотрудников. Низкий уровень подготовки персонала в области финансового анализа, прогнозирования и работы с современными инструментами бюджетирования [10].

5. Изменение план-графика закупок товаров, работ, услуг бюджетных учреждений. «Качество планирования потребностей Заказчика в закупке товаров, работ, услуг также способствует укреплению финансовой устойчивости бюджетных учреждений в ходе осуществления финансово-хозяйственной деятельности» [7].

Количественные результаты анализа

Проведенный анализ планов ФХД (таблица 1) позволил выявить следующие количественные показатели несогласованности:

- Среднее относительное отклонение по основным статьям расходов составляет 0,67%-4,4%. По отдельным строкам (уплата штрафов, закупка энергетических ресурсов) отклонение достигает 20%-45%.
- Дополнительные административные затраты, связанные с перерасчетами и корректировками, оцениваются в диапазоне 10%-20% от объема соответствующих статей.

На основе анализа научной литературы и эмпирических данных по трем бюджетным вузам выявлены две группы причин отклонений плановых и фактических показателей: устранимые (управляемые) и неустранимые (внешние, слабо прогнозируемые).

Устранимые причины поддаются регулированию через организационные и технологические меры:

1. Устаревшая оперативная отчетность (задержки в формировании сводок). Можно устранить, например, через внедрение автоматизированных систем сбора и обработки данных, синхронизация циклов отчетности с фактическими операциями [9].

2. Ручной ввод данных и разрозненные информационные системы (использование Excel, локальных баз, отсутствие интеграции). Можно устранить за счет перехода на централизованные информационные платформы, обеспечивающие единый ввод и консолидацию данных [6].

3. Недостаток компетенций персонала (низкий уровень знаний в финансовом анализе и бюджетировании). Устраняется через регулярное обучение сотрудников, тренинги по работе с цифровыми инструментами и нормативно-правовой базе [10].

4. Некачественное планирование закупок (сбои в планах-графиках, перерасход/экономия средств). Можно устранить через совершенствование методологии закупок, внедрение адаптивных моделей планирования, контроль сроков исполнения контрактов [8].

Неустранимые (слабо управляемые) причины носят внешний характер и не поддаются полному контролю со стороны учреждения:

1. Изменения в нормативно-правовой базе. Законодательство меняется вне зависимости от планов вуза; требуется оперативная адаптация, но не предотвращение.

2. Корректировки бюджетных лимитов (сокращение/перераспределение финансирования). Решения принимаются на вышестоящем уровне (региональном/федеральном), на них учреждения никак не могут повлиять.

3. Форс-мажорные расходы (аварийные ремонты, эпидемиологические ограничения). Они носят чрезвычайный характер и не прогнозируются заранее.

4. Несвоевременное поступление целевых средств (задержки субсидий, грантов). Это зависит от внешних финансовых потоков и административных процедур.

5. Неопределенность контингента обучающихся (количество поступивших/отчисленных студентов). Зависит от демографии, конкуренции вузов, социально-экономических условий. Здесь точные прогнозы невозможны.

6. Рост цен на услуги ЖКХ, материалы, оборудование (инфляция, изменение тарифов). Определяются макроэкономическими факторами и решениями регулирующих органов.

Все вышеуказанные причины отклонений финансово-экономических показателей бюджетных образовательных учреждений приводят к:

1. Увеличению административной нагрузки.

2. Сбоям в закупках (перерасход/экономия), которые срывают сроки реализации образовательных программ.

3. Подрыванию актуальности и прозрачности информации.

4. Росту транзакционных издержек (среднее отклонение по расходам — 0,67-4,4 %, по отдельным статьям — до 20-45 %), что в свою очередь приводит к тому, что время сотрудников тратится на устранение последствий, а не на стратегическое планирование.

Заключение

Финансовое планирование в вузах опирается на комплекс методов (экономический анализ, нормативный, балансовый, БОР, программно-целевой, сметный), каждый из которых решает свою задачу.

Анализ литературы позволил разделить причины на:

1. Устранимые (управляемые) — связаны с внутренними процессами: устаревшая отчетность, ручной ввод данных, дефицит компетенций, некачественное планирование закупок. Их можно минимизировать через цифровизацию, стандартизацию и обучение.

2. Неустранимые (слабо управляемые) — обусловлены макро-факторами: изменения законодательства, корректировка лимитов, форс-мажоры, неопределенность контингента, инфляция. Они требуют не предотвращения, а гибкой адаптации.

Количественные проявления несогласованности:

1. среднее относительное отклонение по основным статьям расходов — 0,67-4,4 %;
2. по отдельным строкам (штрафы, энергоресурсы) — до 20-45 %.

Список литературы

1. Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный педагогический университет» // bus.gov [официальный сайт]. – URL: https://bus.gov.ru/agency/56986/plans (дата обращения 09.11.2025).

2. Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный университет» // bus.gov [официальный сайт]. – URL: https://bus.gov.ru/agency/88902/plans (дата обращения 09.11.2025).

3. Ващенко Сергей Николаевич Формирование системы бюджетного планирования в условиях нестабильной внешней среды // Российское предпринимательство. 2011. №12-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/

formirovanie-sistemy-byudzhetnogo-planirovaniya-v-usloviyah-nestabilnoy-vnesh ney-sredy.

4. ГИС ГМУ // bus.gov [официальный сайт]. – URL: https://bus.gov.ru/ (дата обращения 09.11.2025).

5. Елистратова Е. Ю. Методические аспекты оценки эффективности расходов бюджетов на оказание общеобразовательных услуг с учетом их институциональной особенности //МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2016. – Т. 7. – №. 4 (28). – С. 205-210.

6. Изотова Мария Андреевна Информационные технологии в финансовой деятельности бюджетных учреждений: правовое регулирование, практическое использование и пути совершенствования // Вопросы российской юстиции. 2023. №26. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ informatsionnye-tehnologii-v-finansovoy-deyatelnosti-byudzhetnyh-uchrezhdeniy- pravovoe-regulirovanie-prakticheskoe-ispolzovanie-i.

7. Коробейникова Л. С., Иванников К. А. Факторный анализ причин изменения плана-графика закупок товаров, работ, услуг бюджетных учреждений //Современная экономика: проблемы и решения. – 2023. – Т. 3. – С. 100-111.

8. Мастеров А. И. Проблемы и пути совершенствования программно-целевого бюджетирования в России //Финансы: теория и практика. – 2019. – Т. 23. – №. 2. – С. 44-57.

9. Окоракова А. А. Исследование проблем внедрения и развития системы управления знаниями в вузах / А. А. Окоракова // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15, № 3. – С. 1975-1990.

10. Татьяна Ивановна Виноградова Государственное планирование в России: проблемы согласования стратегических приоритетов с бюджетными возможностями и пути их решения // Управленческие науки. 2025. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-planirovanie-v-rossii-problemy- soglasovaniya-strategicheskih-prioritetov-s-byudzhetnymi-vozmozhnostyami-i- puti-ih

11. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижневартовский государственный университет» // bus.gov [официальный сайт]. – URL: https://bus.gov.ru/ agency/70637/plans (дата обращения: 09.11.2025).

12. Филенко А. С., Зиляев Н. Э. Методы бюджетного планирования в системе государственного управления //Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2020. – №. 4. – С. 240-243.

13. Яндринская А. В. Методы бюджетного планирования, применяемые в России // Парадигма. 2019. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-byudzhetnogo-planirovaniya-primenyaemye-v-rossii.

© Оленникова К.А.

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОЙ И ИНФРАСТРУКТУРНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Мельникова Арина Евгеньевна
студент
Научный руководитель: **Панюшкина Елена Владимировна**
к.э.н., доцент
Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I

Аннотация: В работе рассматривается влияние цифрового рубля на архитектуру денежного обращения, финансовую стабильность и управление экономикой в условиях санкционного давления. Исследование опирается на анализ правовых и экономических публикаций последних лет, что позволяет выявить институциональные, макроэкономические и инфраструктурные вызовы, возникающие при внедрении цифрового рубля. Показано, что цифровой рубль сочетает потенциал повышения прозрачности и эффективности расчетов с рисками для банковской системы, требуя обновления механизмов регулирования и методов статистического учета.

Ключевые слова: цифровой рубль, управление экономикой, финансовая стабильность, платежная инфраструктура, санкции.

THE DIGITAL RUBLE AS A TOOL FOR TRANSFORMING ECONOMIC MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF SANCTIONS AND INFRASTRUCTURAL UNCERTAINTY

Melnikova Arina Evgenevna
Scientific adviser: **Panushkina Elena Vladimirovna**

Abstract: The paper examines the impact of the digital ruble on the architecture of monetary circulation, financial stability and economic in the context of sanctions pressure. The study is based on an analysis of legal and economic publications in recent years, which makes it possible to identimanagement fy the institutional, macroeconomic and infrastructural challenges that arise during the

introduction of the digital ruble. It is shown that the digital ruble combines the potential to increase transparency and efficiency of settlements with risks for the banking system, requiring an update of regulatory mechanisms and statistical accounting methods.

Key words: digital ruble, economic management, financial stability, payment infrastructure, sanctions.

Цифровой рубль выступает значимым элементом развития цифровых форм денежного обращения и отражает углубление процессов цифровизации финансовой системы [1, с. 9]. Эта форма денег возникает как ответ на структурные изменения в экономике, включая рост доли безналичных расчетов и формирование новых требований к инфраструктуре платежей [2, с. 81]. В условиях санкционного давления цифровой рубль рассматривается как инструмент укрепления финансового суверенитета и поддержания стабильности национальной валюты в международных расчетах [3, с. 264]. В управленческом плане цифровой рубль меняет каналы воздействия на экономические процессы, влияя на конфигурацию платежной системы и поведение экономических агентов. Цель работы состоит в выявлении и систематизации новых вызовов в управлении экономикой, возникающих при внедрении цифрового рубля, опираясь на экономические и правовые исследования последних лет.

Цифровой рубль описывается в научных материалах как новая форма организации безналичного оборота и одновременно как вариант третьей формы национальной валюты, что отражает различие подходов к его институциональной природе. В ряде работ цифровой рубль трактуется как самостоятельный формат денежных единиц, отличающийся от наличных и безналичных средств по способу эмиссии и обращению, что придает ему свойства отдельного элемента денежной системы [4, с. 44]. В то же время нормативное регулирование закрепляет цифровой рубль в логике уже действующей системы безналичных расчетов, что подчеркивается Е. Е. Якушевой и подтверждается положениями Федерального закона о цифровом рубле, где фиксируется его обращение в рамках платформы Банка России и применение правил безналичного денежного обращения [3, с. 266]. Различие интерпретаций влияет на структуру денежной массы и методику ее учета, поскольку возникает вопрос о включении цифрового рубля в агрегаты и их пересмотре. Кроме того, квалификация определяет подходы к трактовке

пассивов Банка России и коммерческих банков, а также очерчивает возможные границы влияния цифрового рубля на кредитно-депозитный рынок.

Позиция А. И. Абдуллина показывает, что двухуровневая модель оборота цифрового рубля сохраняет функции кредитных организаций, поскольку обращение цифровых средств организуется через банки и не предполагает замещения их базовых операций, что снижает риск деструктивного перераспределения ликвидности [1, с. 11]. Включение цифрового рубля в систему безналичных расчетов снижает часть правовых неопределенностей, однако сохраняет управленческие вопросы, связанные с интерпретацией движения средств на платформе Банка России и возможным влиянием этого движения на денежно-кредитное планирование. Это требует обновления статистических подходов, уточнения методов мониторинга финансовых потоков и адаптации инструментов макроэкономического управления. Институциональная неоднозначность статуса цифрового рубля формирует новые задачи для органов экономической политики, поскольку развитие данной формы денег перестает быть чисто технологическим вопросом и приобретает значение фактора структурного изменения системы государственного управления.

Цифровой рубль формирует набор экономических эффектов, которые в ряде работ рассматриваются как основание для расширения его применения. По материалам А. И. Абдуллина снижение транзакционных издержек и ускорение проведения расчетов создают условия для оптимизации финансовых потоков и повышения эффективности операций в хозяйственном обороте, что усиливает управляемость экономической активности и способствует созданию более прозрачной среды [1]. М. С. Кузьмин указывает, что цифровой рубль может сократить масштабы теневого оборота и улучшить прослеживаемость платежей, формируя предпосылки для роста собираемости налогов и укрепления финансовой дисциплины [2, с. 83]. Эти эффекты дополняются эмпирическими данными, представленными И. В. Трегубом, согласно которым увеличение доли безналичных платежей сопровождается ростом реального валового внутреннего продукта на душу населения примерно на три целых двадцать пять сотых рубля на каждый рубль безналичных расчетов, тогда как агрегат МО показывает еще более сильную положительную связь с экономической динамикой, что свидетельствует о комплексном характере воздействия различных форм денег

на макроэкономические процессы [5, с. 133]. По материалам Л. В. Глуховой, цифровой рубль способен содействовать развитию цифрового бизнеса и расширению финансовых услуг в регионах с ограниченной банковской инфраструктурой, одновременно создавая предпосылки для повышения устойчивости платежной системы за счет интеграции цифровых решений [6, с. 17].

Одновременно цифровой рубль порождает риски, которые усиливают уязвимость финансовой системы и требуют дополнительного управленческого контроля. М. С. Кузьмин фиксирует концентрацию операционных и киберрисков на платформе Банка России, что повышает значимость устойчивости цифровой инфраструктуры и увеличивает потенциальный масштаб последствий ее сбоев [2, с. 85]. Ю. А. Темичев подчеркивает вероятность перераспределения ликвидности из депозитов коммерческих банков в цифровые кошельки, что может изменить структуру пассивов банков и осложнить управление ликвидностью в двухуровневой финансовой системе [7, с. 99]. Дополнительную нагрузку создают требования к инфраструктуре, включающие необходимость инвестиций в технологии защиты данных и обеспечение непрерывности работы платформы, что особенно значимо для регионов с низким уровнем цифрового развития. Совокупность положительных и отрицательных эффектов формирует новый баланс выгод и рисков, в рамках которого цифровой рубль одновременно расширяет возможности повышения прозрачности и управляемости платежных потоков и создает потребность в адаптации банковского сектора, предотвращении деструктивной дезинтермедиации и учете неоднозначных последствий цифровизации денежных форм для реального сектора экономики.

Санкционный контекст усиливает значение цифрового рубля как элемента укрепления финансового суверенитета, поскольку ограничения доступа к западной платежной инфраструктуре создают необходимость развития собственных инструментов трансграничных расчетов. В материалах Е. Е. Якушевой цифровой рубль рассматривается как механизм обеспечения устойчивости национальной валюты и снижения зависимости от внешних финансовых каналов, что предполагает формирование альтернативных маршрутов проведения международных платежей на основе отечественных технологических решений [3, с. 271]. Л. В. Глухова показывает, что цифровой рубль вписывается в более широкий процесс эволюции платежной экосистемы, где важную роль играют цифровые активы и технологии

распределенного реестра. Такие технологии расширяют возможности цифрового бизнеса, улучшают доступ к финансовым услугам в удаленных территориях и уменьшают риски ухода экономических агентов в иностранные цифровые валюты, что особенно значимо с точки зрения долгосрочной стабильности финансовой системы [6, с. 20].

На уровне предприятий цифровой рубль формирует новые управленческие задачи, что отражено в материалах М. С. Кузьмина. Интеграция цифрового рубля требует модернизации расчетных систем, адаптации зарплатных проектов, развития внутреннего контроля и изменения процедур управления ликвидностью, поскольку движение средств по цифровым кошелькам централизуется в платформе Банка России [2]. Н. Н. Бочарова подчеркивает значимость поэтапного внедрения цифрового рубля и указывает, что государственная поддержка по аналогии с развитием системы «Мир» может снизить риски адаптации участников рынка и обеспечить равномерное распределение инфраструктурной нагрузки [8, с. 59]. Однако в совокупности источники показывают, что остаются нерешенными вопросы влияния программируемых функций цифрового рубля на инструменты бюджетной и промышленной политики, а также долгосрочные последствия для конкуренции между банками и финтех-платформами. Дополнительно сохраняются риски избыточной концентрации контроля над денежными потоками, что затрагивает уровень доверия населения и бизнеса и может повлиять на экономическую активность. В этих условиях цифровой рубль приобретает стратегическое значение, поскольку становится инструментом ориентации финансовых потоков в условиях санкций, что требует обновления приоритетов платежной политики и укрепления доверия к цифровым формам денежного обращения.

Институциональная неопределенность статуса цифрового рубля показывает необходимость корректировки инструментов денежно-кредитного регулирования и методов статистического учета, поскольку новая форма обращения изменяет структуру финансовых потоков и их отражение в агрегатах денежной массы. Экономические эффекты цифрового рубля демонстрируют двойственный характер. С одной стороны, отмечается повышение прозрачности и эффективности расчетов, с другой – возникают новые операционные и киберриски, а также возможные последствия для ликвидности банковского сектора. В условиях санкционного давления цифровой рубль приобретает стратегическое значение и может усилить

управляемость экономикой благодаря развитию национальной платежной инфраструктуры и снижению зависимости от внешних каналов. При этом возрастает потребность в качественном регулировании, укреплении цифровой инфраструктуры и формировании доверия участников рынка. Ключевой вызов состоит не только в технологической новизне цифрового рубля, но и в согласовании правовой, макроэкономической и инфраструктурной логики его внедрения, что необходимо для использования преимуществ и минимизации сопутствующих рисков.

Список литературы

1. Абдуллин А. И., Абдуллина И. А. Цифровой рубль: сущность, нормативные основы, влияние на российскую экономику //Вестник экономики, права и социологии. – 2024. – №. 1. – С. 8-12.

2. Кузьмин М. С. Цифровой рубль: новая форма развития российской национальной валюты //Аудиторские ведомости. – 2024. – №. 1. – С. 79-86.

3. Якушева Е. Цифровой рубль как национальная цифровая валюта: проблемы и перспективы развития в контексте мирового опыта //Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – №. 4. – С. 254-277.

4. Городецкая О. Ю., Гобарева Я. Л. Цифровой рубль: история развития и его специфические особенности //Финансовые рынки и банки. – 2024. – №. 1. – С. 42-47.

5. Трегуб И. В., Аксенова Е. О. Цифровой рубль: сущность и перспективы применения в России //Финансовые рынки и банки. – 2023. – №. 11. – С. 131-140.

6. Глухова Л. В. и др. Цифровой рубль как стратегический инструмент эволюционной экономики //Вестник Волжского университета им. ВН Татищева. – 2023. – Т. 2. – №. 3 (52). – С. 15-23.

7. Темичев Ю. А. Внедрение цифрового рубля в экономику России //Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – №. 1. – С. 95-105.

8. Бочарова Н. Н., Синявская А. Н. Цифровой рубль: правовое регулирование и перспективы развития //Право и практика. – 2024. – №. 2. – С. 56-61.

© Мельникова А.Е., 2025

СЕКЦИЯ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И АКМЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Лазарева Виктория Владимировна
магистрант факультета социальных наук
ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет»

Аннотация: Статья посвящена исследованию психологических и ценностных основ профессиональной ответственности государственных служащих. Через призму акмеологии (раздел психологии развития, который изучает высшую ступень индивидуального развития личности и механизмы, сопутствующие ее достижению) анализируются условия и барьеры для достижения вершин профессионализма, связанных с высокой ответственностью. Выявляются ключевые деструктивные факторы: многозадачность, бюрократизация и выгорание, ведущие к редукции ответственности. Предлагаются пути укрепления внутренней ответственности через акмеологически обоснованные методы, и ставятся задачи для прикладного исследования в органах власти Амурской области.

Ключевые слова: профессиональная ответственность, государственные служащие, акмеология, профессионализм, профессиональное развитие, акмеологический подход, профессиональное выгорание, бюрократизация, эффективность государственного управления.

PSYCHOLOGICAL AND ACMEOLOGICAL DETERMINANTS OF PROFESSIONAL RESPONSIBILITY OF CIVIL SERVANTS

Lazareva Viktoria Vladimirovna

Abstract: This article explores the psychological and value-based foundations of professional responsibility in civil servants. Through the lens of

acmeology (a branch of developmental psychology that studies the highest level of individual development and the mechanisms that facilitate its achievement), the conditions and barriers to achieving the heights of professionalism associated with high responsibility are analyzed. Key destructive factors are identified: multitasking, bureaucratization, and burnout, which lead to a reduction in responsibility. Ways to strengthen internal responsibility through acmeologically based methods are proposed, and objectives for applied research in government bodies of the Amur Region are outlined.

Key words: professional responsibility, civil servants, acmeology, professionalism, professional development, acmeological approach, professional burnout, bureaucratization, efficiency of public administration.

Актуальность темы обусловлена необходимостью повышения эффективности государственного управления в рамках достижения национальных целей развития. Ключевым звеном в этой системе выступает человеческий капитал, а именно – качество и вовлеченность государственных служащих. На первый план выходит феномен не формальной, а глубинной профессиональной ответственности как стержневого качества высшего профессионализма («акме»). Однако в современных условиях достижение и поддержание этого уровня подвергается системному давлению, что приводит к снижению эффективности, цинизму и текучести кадров. Актуальность исследования заключается в необходимости перехода от административных методов к психологически и акмеологически обоснованным, направленным на целенаправленное развитие профессионализма и ответственности сотрудников.

Исследование опирается на междисциплинарный подход, интегрирующий психологию труда, организационную психологию и акмеологию.

В качестве ключевого теоретического конструкта используется акмеологический подход к управлению и государственной службе, разрабатываемый А.А. Дергачевым [1]. Данный подход позволяет исследовать профессиональную ответственность не как статичное качество, а как динамическую характеристику, достигаемую в процессе движения к «акме» –

вершине профессиональной зрелости. Согласно этой логике, ответственность госслужащего рассматривается в контексте системы условий:

– во-первых, объективно-предметных, к числу которых относится качество нормативно-правовой базы, организационная структура, ресурсное обеспечение;

– во-вторых, социально-психологических условий – климат в коллективе, стиль руководства, система мотивации.

– в-третьих, субъективно-личностных – ценностно-мотивационная сфера, компетенции, психофизиологический потенциал служащего [1].

Методологически работа строится на анализе деструктивных организационных факторов (многозадачность, бюрократия) как барьеров на пути к «акме» профессионализма, проявляющихся через психологические синдромы (выгорание) [2] и снижение уровня ответственности. Таким образом, профессиональная ответственность исследуется как интегральный показатель профессиональной зрелости, подверженный влиянию всей системы акмеологических условий.

Проведенный анализ позволил выявить ключевые акмеологические барьеры на пути к высшему профессионализму госслужащих, что определяет необходимость их практического изучения в рамках предложенного алгоритма в Амурской области. Особые задачи региона делают такое исследование актуальным, а его основу составит апробация поэтапного алгоритма акмеологического сопровождения (рис. 1).

Реализация предложенного алгоритма требует соблюдения ключевых принципов, которые обеспечат его не формальное внедрение, а органичное встраивание в систему регионального управления и дадут практический эффект:

1) целевая и системная ориентация. Все действия должны быть подчинены стратегическим целям развития региона. Алгоритм – инструмент развития конкретных профессиональных качеств (как ответственность и стратегическое мышление), необходимых для достижения этих целей;

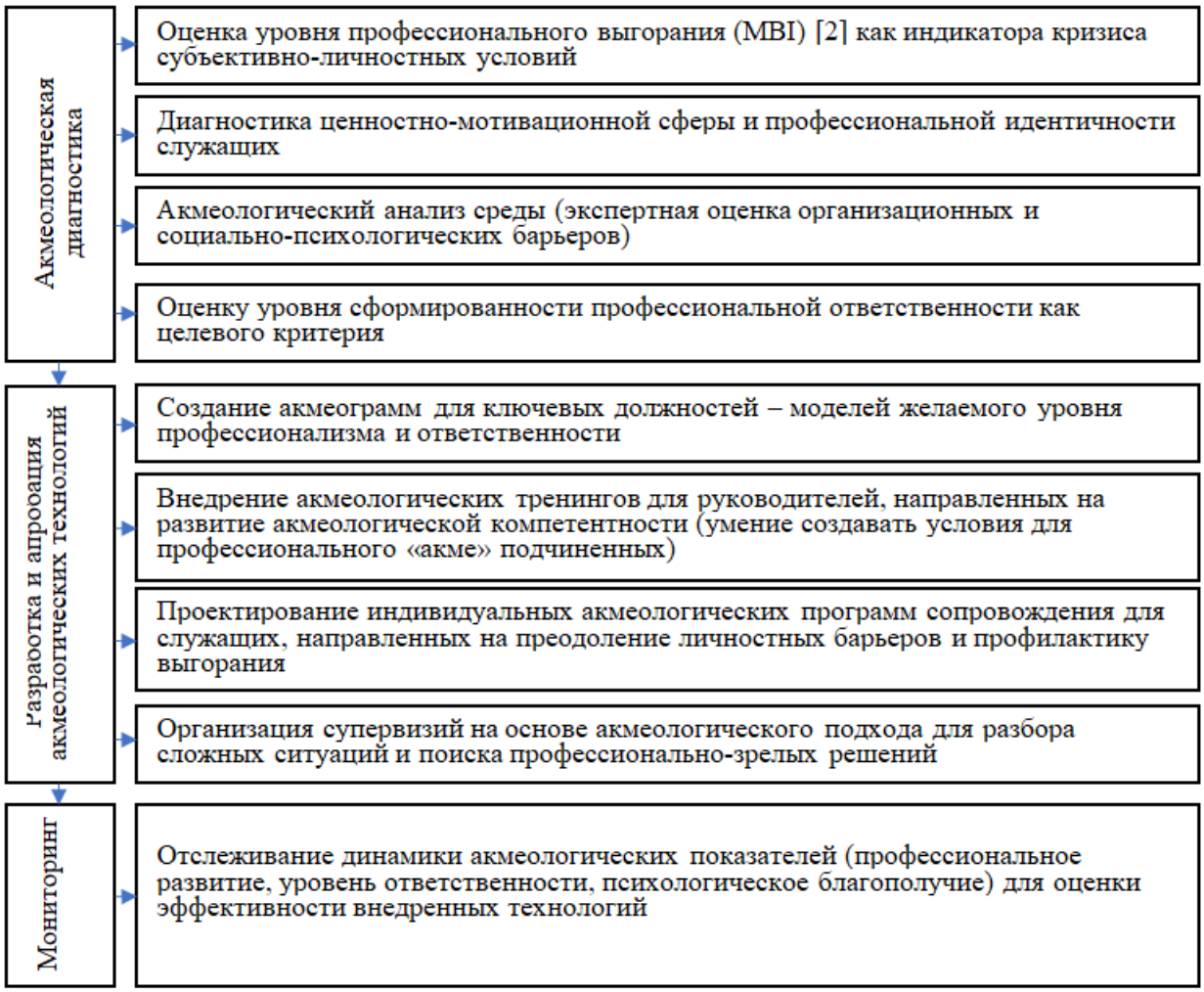

Рис. 1. Алгоритм акмеологического сопровождения и развития государственных служащих на региональном уровне

2) научная обоснованность и адаптивность. Процесс опирается на валидные диагностические методики и их профессиональную интерпретацию;

3) лидерская вовлеченность и принцип «сверху вниз». Публичная поддержка и личное участие высшего руководства региона являются критическим условием запуска;

4) доверительная и развивающая среда. Персональные результаты диагностики строго конфиденциальны. Обратная связь носит исключительно развивающий характер, фокусируясь на выявлении точек роста и поиске путей поддержки, а не на оценке и контроле;

5) добровольность и мотивирующее подкрепление. Участие в программах на начальном этапе основывается на внутренней мотивации;

6) комплексное ресурсное обеспечение. Для реализации необходимы

как компетентные кадры (акмеологи, психологи), так и выделение финансовых, временных и административных ресурсов;

7) поэтапность и апробация через пилотные проекты. Внедрение начинается с одного-двух министерств. Оценка результатов пилота позволяет скорректировать методики перед масштабированием на всю систему региональной власти;

8) практическая ориентированность. Тренинги и супервизии строятся на разборе реальных рабочих ситуаций и задач участников, обеспечивая немедленную применимость полученных компетенций и навыков;

9) непрерывность цикла и комплексная оценка эффективности. Эффективность оценивается по комплексу объективных показателей результативности и субъективных параметров профессионального и личностного благополучия служащих.

Практическая реализация данного подхода в рамках пилотного исследования в Амурской области может стать основой для создания региональной акмеологической модели развития кадрового потенциала государственной службы, обеспечивающей долгосрочную эффективность управления через инвестиции в профессиональную зрелость и ответственность каждого служащего.

Список литературы

1. Дергачев А.А. Акмеологические основы управления и государственной службы. – М.: Изд-во РАГС, 2006. – 320 с.

2. Кочнева Е.М., Морозова Л.Б. Профессиональная ответственность как предмет психологических исследований // Вестник Мининского университета. – 2016. – № 4(17). – С. 30.

© Лазарева В.В., 2025

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ СТРАНЫ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ САМОРЕАЛИЗАЦИИ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Прокуратова Анастасия Андреевна
студент
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет
имени И.А. Бунина»

Аннотация: В статье рассматриваются тенденции развития и актуальные проблемы самореализации современной российской молодежи в политической сфере. Особое внимание уделяется факторам, влияющим на политическую активность молодёжи, таким как социально-экономические условия, уровень образования, доступ к информации и цифровые технологии. Обсуждаются барьеры и препятствия, с которыми сталкиваются молодые люди при попытках реализовать свои политические и гражданские инициативы, а также роль государственных и общественных институтов в поддержке их активности. В работе представлены рекомендации по стимулированию вовлечённости молодёжи и формированию условий для эффективного участия в общественно-политической жизни страны.

Ключевые слова: вовлеченность, политика, политическая активность, молодежь, общество, самореализация, институт, тенденции.

THE INVOLVEMENT OF MODERN YOUTH IN THE COUNTRY'S POLITICAL LIFE: DEVELOPMENT TRENDS AND CURRENT ISSUES OF SELF-REALIZATION FOR THE NEW GENERATION

Prokuratova Anastasiia Andreevna

Abstract: The article examines the trends of development and current issues of self-realization of modern Russian youth in the political sphere. Special attention is paid to the factors influencing the political activity of young people, such as socio-economic conditions, level of education, access to information, and digital technologies. The article discusses the barriers and obstacles faced by young people

in their attempts to implement their political and civic initiatives, as well as the role of state and public institutions in supporting their activities. The article provides recommendations for stimulating the involvement of young people and creating conditions for effective participation in the country's socio-political life.

Key words: involvement, politics, political activity, youth, society, self-realization, institution, trends.

Политическая активность молодежи является неотъемлемой частью развития современного демократического общества. Молодые люди представляют собой значительную и влиятельную социальную группу, чьи интересы, взгляды и устремления должны находить отражение в политических процессах страны. Степень вовлеченности молодежи в политическую жизнь служит важным индикатором развития гражданского общества и уровня демократии.

В последние годы наблюдается рост интереса молодых граждан к участию в общественно-политической деятельности. Это обусловлено как внутренними факторами развития российского общества, так и глобальными тенденциями в сфере политики и информационных технологий. Появление новых форм коммуникации, развитие социальных сетей и мобильных приложений открывают для молодежи новые возможности самовыражения и влияния на политические процессы.

Одной из основных форм политического участия граждан, в том числе молодежи, является электоральная активность – участие в выборах различного уровня в качестве избирателей, членов избирательных комиссий, наблюдателей. В последние годы наблюдается устойчивая тенденция более низкой явки молодых избирателей по сравнению со старшими возрастными группами. Так, на выборах Президента РФ в 2018 году явка избирателей 18-24 лет составила 36%, в то время как общая явка достигла 67,5%. Причинами абсентеизма молодежи эксперты называют разочарование в политике, недоверие к избирательной системе, низкую политическую грамотность. Многие считают, что их голос ничего не решает [2, с. 175].

Вместе с тем, отмечаются позитивные сдвиги среди молодых горожан с высшим образованием, которые активнее участвуют в выборах. Большой интерес к электоральным процессам проявляет студенчество. Существуют различия в политических предпочтениях молодежи – часть поддерживает

системные партии, другая часть ориентирована на оппозиционные движения. Это создает основу для политической конкуренции и плюрализма.

Важным каналом политической самореализации молодежи является участие в деятельности партий и общественно-политических движений. В России действуют молодежные отделения и организации при всех парламентских партиях. Наиболее многочисленными являются «Молодая гвардия Единой России», объединяющая более 500 тыс. молодых людей, «Молодежное Яблоко», молодежные крылья ЛДПР, КПРФ и «Справедливой России». Происходит постепенный процесс омоложения членского состава партий благодаря внутренним молодежным лифтам и квотированию для представителей молодежи [1, с. 303].

Несмотря на все существующие возможности, многие молодые люди в России сталкиваются с рядом социально-психологических барьеров, препятствующих их полноценной самореализации в политической сфере. Прежде всего, это недостаточный уровень политической и правовой культуры, знаний о функционировании политической системы, своих правах и обязанностях. Как следствие – инфантилизм, отчужденность от политики. Велико влияние социальных стереотипов, негативного образа политики как «грязного дела», сферы коррупции и борьбы за власть ради личных интересов. Это подрывает доверие к государственным и политическим институтам. Преодоление данных барьеров требует системных усилий в области политического просвещения, опровержения негативных стереотипов, развития гражданской культуры и поддержки молодежного участия. Для преодоления существующих вызовов и решения накопившихся проблем политической самореализации молодежи необходим комплекс взаимосвязанных мер на государственном, общественном и индивидуальном уровнях.

В России действует множество молодежных НКО и движений различной направленности - патриотических, волонтерских, экологических, профессиональных и т.д. Примерами могут служить «Российские студенческие отряды», движения «Волонтеры Победы», «Зеленая Россия» и многие другие. Участие в таких организациях позволяет молодым людям реализовать свои гражданские инициативы, приобрести опыт проектной работы и управления, установить полезные связи. Наиболее успешные активисты часто выдвигаются на руководящие посты.

Вместе с тем, существуют проблемы дефицита квалифицированных кадров, недостаточного финансирования, зависимости НКО от государства. Требуется дальнейшее развитие системы грантовой поддержки, привлечение бизнеса, совершенствование правовой базы.

В ходе статьи были всесторонне рассмотрены тенденции развития и актуальные проблемы самореализации современной российской молодежи в политической сфере.

Теоретический анализ показал, что политическая активность молодежи является важным фактором социализации и развития гражданского общества. Молодые люди вовлекаются в политику через различные формы - участие в выборах, деятельность в партиях и движениях, протестную активность, работу в органах власти и НКО, интернет-пространство.

В России сформирована достаточно развитая система государственной молодежной политики, регулируемой рядом нормативных актов и предусматривающей множество программ, проектов и инициатив по вовлечению молодежи в общественно-политические процессы. Вместе с тем данная система испытывает финансовые, организационные и кадровые проблемы, нуждается в дальнейшем совершенствовании с учетом новых реалий.

Практика показывает, что современная российская молодежь проявляет повышенный интерес к политике, хотя и отличается заметным плюрализмом идеологических предпочтений. Наблюдается рост как электоральной активности, так и вовлеченности в партии и общественные движения. Особую актуальность приобретают новые формы политического участия в интернет-пространстве.

Вместе с тем, самореализация молодежи в политике сталкивается с рядом серьезных барьеров социально-психологического, организационного, информационного и правового характера. Слабая политическая и правовая культура, влияние негативных стереотипов, отсутствие государственной поддержки и многие другие факторы затрудняют вовлеченность молодых людей.

В связи с этим были разработаны рекомендации по решению указанных проблем на государственном, общественном и личностном уровнях. Особое внимание следует уделить изменению законодательства, повышению престижа политической деятельности, развитию молодежных институтов гражданского общества, противодействию информационным угрозам.

Обеспечение эффективной политической самореализации молодежи имеет принципиальное значение для демократического развития России, активизации общественных процессов, преемственности власти, формирования новых поколений патриотически настроенных и социально ответственных граждан. Молодежь должна восприниматься не как пассивный объект воздействия, а как равный субъект политики, обладающий собственными интересами, инициативами и взглядами на будущее. Только при условии открытого диалога власти и молодежи, их тесного взаимодействия и партнерства возможно построение подлинно демократического общества в нашей стране.

Список литературы

1. Борзенко Г. В. Государственная молодежная политика в России и перспективы ее современного развития //Молодой ученый. – 2020. – №. 45. – С. 301-304.

2. Сивцев А. М. Нормативно-правовое обеспечение молодежной политики в Российской Федерации //Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2019. – №. 6 (34). – С. 174-178.

© Прокуратова А.А.

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СЕКУЛЯРНОМ ОБЩЕСТВЕ: МЕЖДУ ПРИВАТНЫМ И ПУБЛИЧНЫМ

Чистяков Матвей Сергеевич
студент
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет
имени И.А. Бунина»

Аннотация: В условиях усиливающейся секуляризации, культурного плюрализма и глобализационных процессов религиозная идентичность становится одним из ключевых факторов социального самоопределения личности и группы. Современные общества сталкиваются с необходимостью выработки новых моделей сосуществования различных мировоззрений в публичном пространстве, что делает проблему соотношения религии, светскости и гражданской идентичности особенно значимой.

Ключевые слова: религиозная идентичность, секулярное общество, секуляризация, публичная сфера, приватная среда, плюрализм.

RELIGIOUS IDENTITY IN A SECULAR SOCIETY: BETWEEN PRIVATE AND PUBLIC

Chistyakov Matvey Sergeevich

Abstract: In the context of increasing secularization, cultural pluralism, and globalization processes, religious identity is becoming one of the key factors in the social self-determination of individuals and groups. Modern societies are faced with the need to develop new models for the coexistence of different worldviews in the public space, which makes the problem of the relationship between religion, secularism and civic identity particularly significant.

Key words: religious identity, secular society, secularization, public sphere, private environment, pluralism.

В условиях секулярного общества религия перестает быть всеобъемлющей основой социальной организации, но и не исчезает как форма мировоззрения и самоидентификации. Напротив, религиозная идентичность

приобретает новые, более сложные формы, балансируя между приватной сферой личной веры и публичным пространством гражданского взаимодействия [2, с. 490]. Этот баланс порождает напряжения, споры и трансформации, которые становятся важным предметом социально-философского и социологического анализа.

Классическая теория секуляризации предполагала, что модернизация, научный прогресс и рационализация общественной жизни приведут к постепенному вытеснению религии из публичной сферы и снижению ее значимости в индивидуальном сознании [3, с. 144]. Однако эмпирическая реальность показала более сложную картину, в большинстве современных обществ религия не исчезла, а трансформировалась: она утратила монополию на объяснение мира, но сохранила значение как источник смысла, ценностей и коллективной принадлежности [6, с. 783].

Секулярное общество, как правило, характеризуется институциональным разделением религии и государства, а также признанием свободы совести. Это создает условия, при которых религиозная идентичность становится делом личного выбора, а не предписанной социальной нормы. В результате вера все чаще воспринимается как элемент приватной жизни, связанный с индивидуальным опытом и внутренними убеждениями.

Приватизация религии означает, что религиозные практики и убеждения перемещаются в сферу личного пространства – семьи, общины, внутреннего мира человека. Индивид сам конструирует свою религиозную идентичность, сочетая традиционные элементы с личными интерпретациями, а иногда и с заимствованиями из других религиозных или философских систем [7, с. 137]. Такая индивидуализация ослабляет контроль со стороны религиозных институтов, но усиливает субъективное значение веры.

В то же время приватизация не означает полной изоляции религии от общества. Даже будучи «личным делом», религиозная идентичность влияет на моральные установки, жизненные выборы и социальное поведение человека. Таким образом, граница между приватным и публичным оказывается проницаемой и подвижной.

Парадоксально, но именно в секулярных обществах религия нередко вновь заявляет о себе в публичной сфере. Это может происходить через участие религиозных акторов в общественных дебатах, через символы

(одежду, архитектуру, праздники), а также через политические и этические дискуссии – например, о биоэтике, семье, миграции или социальной справедливости [4, с. 87].

Публичные проявления религиозной идентичности часто вызывают споры о границах допустимого. С одной стороны, демократические принципы предполагают свободу самовыражения и равенство различных мировоззрений. С другой – секулярное государство стремится сохранить нейтральность и предотвратить доминирование одной религиозной традиции над другими [1, с. 110]. В этом контексте религиозная идентичность может восприниматься как источник социальной солидарности, но также как и фактор конфликта.

Ключевая проблема религиозной идентичности в секулярном обществе заключается в поиске баланса между признанием различий и сохранением общего гражданского пространства. Когда религия полностью вытесняется в приватную сферу, верующие могут ощущать маргинализацию и потерю голоса в общественной жизни. Когда же религиозные убеждения активно продвигаются в публичной политике, возникает риск нарушения принципа светскости и ущемления прав других групп.

Таким образом, религиозная идентичность в секулярном обществе существует «между» – между личной верой и общественной ответственностью, между свободой самовыражения и необходимостью диалога. Она требует не только исключения из публичной сферы, сколько новых форм взаимодействия, основанных на взаимном уважении, плюрализме и готовности к рациональному обсуждению [5].

Религиозная идентичность в секулярном обществе не является пережитком прошлого, но и не возвращается в прежнем, доминирующем виде. Она трансформируется, становясь более индивидуализированной и одновременно более рефлексивной в публичном пространстве. Напряжение между приватным и публичным не следует рассматривать исключительно как проблему, скорее, это признак динамичного общества, в котором различные формы идентичности учатся сосуществовать и взаимодействовать. Именно в этом диалоге формируется новое понимание роли религии в современном мире.

Список литературы

1. Апполонов А.В. Родни Старк, субъективная религиозность и затянувшееся прощание с теорией секуляризации // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5, № 3. С. 101-112. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-3-19-101-112 (дата обращения 16.12.2025).

2. Орлов М.О. Конфликтогенный потенциал социальной коммуникации в цифровую эпоху // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35, № 3. С. 485-496. https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.308 (дата обращения 16.12.2025).

3. Орлов М.О., Гаврилова А.С. Экспертное мышление в обществе знаний // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 8 (82). – С. 143-145.

4. Синелина Ю.Ю. Концепции секуляризации в социологической теории. М.: ИСПИ РАН, 2009. 120 с. URL: https://www.academia.edu/3260519/Религиозная_самоидентификация_и_воцерковленность_в_секулярном_обществе_региональные_аспекты_Религиоведение_2011_1_С_135_143 (дата обращения 16.12.2025).

5. Степанова Е.А. Религия между частным и публичным пространством // ПОЛИТЭКС. 2011. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/religiya-mezhdu-chastnym-i-publichnym-prostranstvom (дата обращения 16.12.2025).

6. Тейлор Ч. Секулярный век. М., 2017. – 967 с.

7. Яковлева В.Р. Феномен секуляризации: философские и теологические основания // Общество: философия, история, культура. 2023. №11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-sekulyarizatsii-filosofskie-i-teologicheskie-osnovaniya (дата обращения 16.12.2025).

© Чистяков М.С.

СЕКЦИЯ
БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

БУХГАЛТЕРСКИЙ БАЛАНС КАК ОСНОВНАЯ ФОРМА ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Хвостова София Игоревна
студент
Научный руководитель: **Трубицына Наталья Сергеевна**
к.э.н., доцент
кафедра экономики и управления им. Н.Г. Нечаева
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Аннотация: В статье рассматриваются основные проблемы использования бухгалтерского баланса на предприятиях. Результаты работы предприятия в большинстве зависят от уровня организации и совершенства его информативной базы. Важный источник информации и способ обобщения состава и размещения хозяйственных средств, а также источников их формирования является бухгалтерская отчетность, позволяющая раскрыть основные вопросы финансово-хозяйственная деятельность экономического субъекта.

Мастерство интерпретации баланса означает разбор всех его элементов, методов их валидации, вклада в операции компании, взаимодействия с прочими компонентами, а также понимание эффекта этих динамик на финансовое состояние организации.

Ключевые слова: актив, пассив, хозяйствующий субъект, компоненты, бухгалтерский баланс.

THE BALANCE SHEET AS THE MAIN FORM OF FINANCIAL STATEMENTS OF THE ENTERPRISE

Khvostova Sofia Igorevna
Scientific adviser: **Trubitsyna Natalia Sergeevna**

Abstract: The article discusses the main problems of using the balance sheet in enterprises. The results of an enterprise's work mostly depend on the level of organization and the perfection of its informative base. An important source of information and a way to summarize the composition and placement of economic

assets, as well as the sources of their formation, is accounting statements that reveal the main issues of the financial and economic activities of an economic entity.

Mastery of balance sheet interpretation means analyzing all its elements, methods of their validation, contribution to the company's operations, interaction with other components, as well as understanding the effect of these dynamics on the financial condition of the organization.

Key words: asset, liability, business entity, components, balance sheet.

Для нормативного регулирования процессов составления и подачи бухгалтерской отчетности на уровне предприятий государство ввело законодательные акты, определяющие критерии содержания и методологию ведения документации в сфере бухгалтерии.

Бухгалтерский отчет в виде баланса отражает данные в виде таблицы, разделенной на активы и пассивы, где активы демонстрируют имущество компании, а пассивы указывают на источники средств. Этот документ отображает финансовую оценку активов организации, выраженную через балансовую стоимость. Этот формат важен в свете того факта, что он предоставляет пользователям больше данных об организации и ее деятельности. Инвесторы могут использовать эти подкатегории в своем финансовом исследовании бизнеса. Например, они могут использовать такие показатели, как коэффициент текущей ликвидности, для оценки стоимости организации путем анализа текущих активов и пассивов.

Актуальная форма бухгалтерского баланса утверждена приказом Минфина России № 66н от 02.07.2010 г. «О формах бухгалтерской отчетности организаций»

АКТИВ:	ПАССИВ:
РАЗДЕЛ 1 ВНЕОБОРОТНЫЕ АКТИВЫ РАЗДЕЛ 2 ОБОРОТНЫЕ АКТИВЫ	РАЗДЕЛ 3 КАПИТАЛ И РЕЗЕРВЫ РАЗДЕЛ 4 ДОЛГОСРОЧНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА РАЗДЕЛ 5 КРАТКОСРОЧНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА
БАЛАНС	БАЛАНС

Рис. 1 Бухгалтерский баланс

Бухгалтерский баланс классифицирует активы на долгосрочные (внеоборотные) и краткосрочные (оборотные) активы. Эти активы представляют ресурсы, полученные компанией в ходе ее деятельности, которые потенциально способны генерировать доход. Оборотные активы, включая наличные деньги и дебиторскую задолженность, являются ключевыми индикаторами операционной эффективности предприятия. В структуре пассива выделяют обязательства и собственный капитал. Обязательства охватывают текущие и долгосрочные платежные обязательства, а собственный капитал отражает вложения в бизнес и накопленную прибыль. Собственный капитал отражает чистую стоимость компании и служит ключевым показателем ее финансовой стабильности, который изменяется в зависимости от результатов ее деятельности.

Фундаментальным принципом бухгалтерского учета, обеспечивающим его целостность и надежность, является необходимость достижения равенства между активами и пассивами в бухгалтерском балансе организации. Это равенство иллюстрирует, что ресурсы организации (активы) финансируются за счет собственных и заемных средств (пассивы), представляя две разные перспективы на те же финансовые составляющие. Бухгалтерский баланс структурирован на основе разделов, где каждому активу и пассиву присвоена своя категория, вкупе формируя общую стоимость, известную как балансовая валюта. Соблюдение принципа равенства баланса не подвержено изменениям от количества экономических операций в течение времени благодаря применению метода двойной записи. Суть этого метода заключается в том, что каждая транзакция отражается по крайней мере на двух бухгалтерских счетах, что гарантирует взаимную корректировку и поддержание баланса между активами и пассивами. Бухгалтерский баланс, определяемый как форма №1 финансовой отчетности, служит ключевым ресурсом надежных данных о хозяйственных показателях организации для разнообразной аудитории, включая как внутрикорпоративных, так и внекорпоративных заинтересованных сторон.

Таким образом, бухгалтерский баланс предприятия осуществляет экономические и правовые роли. Как экономическая единица, он объединяет данные о финансовом состоянии и экономической активности, тем самым реализуя экономическую задачу. Параллельно он гарантирует юридическую независимость предприятия, выполняя правовую функцию.

Финансовый отчет в форме бухгалтерского баланса представляет собой точное, соответствующее установленным стандартам изложение, включающее исчерпывающие сведения о деятельности предприятия в сфере производства, хозяйства и финансов по состоянию на конкретную дату. Этот документ отображает детальную картину по активам предприятия, их размеру, структуре и источникам происхождения, анализирует капитало-вооруженность, ликвидность, способность к генерации доходов, оценивает способность к погашению обязательств, уровень автономного финансирования и динамику денежных потоков. Баланс является ключевым инструментом подтверждения финансового положения предприятия, предоставляя достоверные данные для широкого спектра аналитиков, инвесторов и регуляторных органов. Он выполняет важные экономические и правовые функции, обобщая показатели экономической эффективности и подтверждая право собственности на активы.

Список литературы

1. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021, с изм. 25.02.2022) «Об обществах с ограниченной ответственностью» [Электронный ресурс]. – Консультант-плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/ (дата обращения 2811.2025).

2. Дмитриева И.М. Бухгалтерский учет и анализ: учебник / И.М. Дмитриева. – М.: Юрайт, 2022. – 416 с.

3. Жилкина А.Н. Финансовый анализ: учебник / А.Н. Жилкина. – М.: Юрайт, 2021. – 285 с.

4. Савицкая Г.В. Комплексный анализ хозяйственной деятельности предприятия: учебник / Г.В. Савицкая. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 608 с.

5. Тавбулатова З. К. Бухгалтерская (финансовая) отчетность в системе финансового анализа предприятия : учебное пособие / З. К. Тавбулатова, Э. Р. Гузуева, М. М. Абиева. — Грозный : ЧГУ им. А.А. Кадырова, 2023. — 90 с. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/book/439589 (дата обращения 21.05.2025). — С. 21.

6. Шеремет А.Д. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия: учебник / А.Д. Шеремет. – М.: ИНФРА-М, 2022. – 374 с.

© Хвостова С.И.

СЕКЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Лесникова Анастасия Андреевна
магистрант
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный
университет им. В.Н. Татищева»

Аннотация: В данной научной статье проводится анализ законодательства, регулирующего процессы формирования и реализации территориальных программ, инвестиционной деятельности, охраны окружающей среды и социально-экономического развития территорий. В свете активного глобализационного процесса и усиливающейся конкуренции между регионами вопросы правового обеспечения комплексного развития территорий становятся все более важными и требуют системного подхода и координации усилий различных уровней власти, бизнеса и общественных организаций.

Ключевые слова: земля, земельный участок, землевладение, право собственности, пользование, комплексное развитие территорий.

LEGAL CHARACTERISTICS OF RELATIONS IN THE FIELD OF INTEGRATED TERRITORIAL DEVELOPMENT

Lesnikova Anastasia Andreevna

Abstract: This scientific article analyzes the legislation governing the formation and implementation of territorial programs, investment activities, environmental protection and socio-economic development of territories. In the light of the active globalization process and increasing competition between regions, issues of legal support for the integrated development of territories are becoming increasingly important and require a systematic approach and coordination of efforts at various levels of government, business and public organizations.

Key words: land, land plot, land tenure, ownership, use, integrated development of territories.

В рамках Градостроительного кодекса Российской Федерации недавно произошли важные изменения с прицелом на улучшение управления территориальным развитием [4]. В частности, Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 494-ФЗ внес модификации, в результате которых старая глава 10 была заменена новой главой 5.1 [5]. Эта новая глава фокусируется на комплексном и устойчивом развитии территорий, включая договоренности по развитию уже застроенных ареалов и комплексное освоение земель. Основным органом, задействованным в этих процессах, является Институт комплексного развития территорий (КРТ). Этот институт играет ключевую роль в реализации стратегий устойчивого развития, защите интересов государства и обеспечении прав граждан на благоприятную среду обитания в Российской Федерации.

30 декабря 2020 года был принят Федеральный закон № 494-ФЗ, который вносит изменения в статью 56.12 Земельного кодекса Российской Федерации [3]. Этот закон устанавливает детали по принудительному изъятию земельных участков и находящихся на них объектов недвижимости для целей как жилой, так и нежилой застройки в рамках комплексного освоения территорий. Согласно статье 1, пункт 43 Гражданского кодекса Российской Федерации, под комплексным освоением понимается ряд мер, предпринимаемых на основе официально утвержденных планов развития, которые направлены на улучшение жизненных условий, обновление жилых и общественных пространств в городах и других населенных пунктах [2].

Федеральный закон № 494-ФЗ, принятый 30 декабря 2020 года и включенный в Градостроительный кодекс, устанавливает комплексное развитие территорий (КТР) как ключевой стратегический инструмент [5]. Этот подход направлен на модернизацию как жилых, так и коммерческих зон, целью которой является создание улучшенной урбанистической среды. Так, КТР пришел на смену прежним методам, включая реновацию и интегрированное развитие территорий, обеспечивая стандартизированную схему обновления городских ареалов.

С 22 мая 2021 года начали действовать новые Правила проведения торгов для заключения соглашений о комплексном освоении территорий, утвержденные Постановлением № 701 от 4 мая 2021 года, выпущенным Правительством Российской Федерации. Эти изменения привели к отмене ранее действующих правил, которые регулировали определение начальной цены торгов и условия проведения аукционов в электронной форме для

заключения аналогичных соглашений. В ходе введения новых правил также были устранены юридические барьеры, мешавшие организации аукционов на право заключения контрактов на комплексное освоение территорий.

В области земельного права активно обсуждается вопрос о том, что территории могут рассматриваться как отдельные объекты правовых отношений [6, с. 54]. Это подтверждается различными нормами, в том числе частью 5.1 статьи 30 ЗК РФ и пунктом 1 части 1 статьи 67 КОАП РФ, которые предусматривают комплексное освоение и внедрение КРП в определенных пространствах. Названные пространства, определенные современным законодательством как территории, являются центральными в правовом регулировании отношений, связанных с КРП. В доктрине же выражается беспокойство по поводу недостаточного понимания и изучения таких ключевых понятий, как «земля» и «территория», которые считаются основными ресурсами для развития.

В правовом режиме зон ОРТ действуют уникальные положения, связанные с возможностью изъятия складских пространств и другого недвижимого имущества, расположенного на этих территориях, согласно статьям 56.12 и 65 Гражданского кодекса РФ. Ф.П. Румянцев отмечает, что в рамках этих специфических правил возникают определенные особенности:

– во-первых, участник соглашения CRT имеет право инициировать процедуру изъятия определенных объектов в соответствии с частью 1 пунктом 4 статьи 56.4 ГК РФ;

– во-вторых, период, после которого государственные или муниципальные структуры могут обращаться в суд с требованием о выселении с земельных участков и прекращении прав на них, уменьшен до одного месяца по части 9 статьи 56.12 ГК РФ, в отличие от прежних 90 дней по части 10 статьи 56.10 ГК РФ [7, с. 71].

Согласно законодательству РФ, если суд принимает решение о конфискации участка или находящихся на нём строений, то обжалованию подлежит лишь вопрос о размере выдаваемой компенсации (согласно части 13 статьи 56.12 Гражданского кодекса РФ). В то же время, владение запоминающими устройствами переходит к государственному органу, который инициировал их изъятие, а не к лицу, по чьему требованию это произошло (согласно частям 14 статьи 56.12 и 5 статьи 56.11 ГК РФ). Дополнительно, если имущество, хранящееся на складе, подвергается аресту, оно становится собственностью заявителя ареста.

Следует подчеркнуть, что согласно положениям Гражданского кодекса РФ (п. 14 ст. 56.6 и ч. 4 ст. 56.11), существует правовая возможность в течение трех месяцев после получения уведомления об аресте опротестовать в судебном порядке решение о наложении ареста на склад и принадлежащее к нему недвижимое имущество. Однако в реальности шансы на успешное обжалование могут быть ограничены, если не были нарушены процедурные условия принятия изначального решения о наложении ареста.

В судебном решении, вынесенном Кемеровским областным судом 1 октября 2020 года по делу № 3а-376/2020, подчеркивалось, что нарушения баланса между общественными и личными интересами не произошло» [8]. Это решение способствовало систематическому развитию региональных территорий и поддержке стратегических инициатив по улучшению городской инфраструктуры Кемерово, включая проекты по созданию туристско-рекреационного кластера и спортивно-туристического комплекса «Шерегеш». Кроме того, в рамках правовых ограничений для территорий, предназначенных для комплексной застройки, существует запрет на переход права собственности на земельные участки и объекты капитального строительства с момента принятия проекта комплексной территориальной программы до его официального утверждения, как указано в части 4.1 статьи 37 Градостроительного кодекса РФ.

Исследование правил управления землями в рамках территорий, предназначенных для комплексного развития, обнаружило, что эти правила создавались с учетом главенства интересов общества. Это проявилось в возможности получения прав на участки земли, которые принадлежат государству или муниципалитету и находятся внутри установленных границ, без необходимости участия в аукционах, если соглашение о комплексном освоении территории уже заключено с данным лицом.

В соответствии с законодательством РФ, после подписания договора аренды складское оборудование, находящееся в государственной собственности, не может быть предоставлено без проведения аукциона (согласно пункту 13 части 8 статьи 39.11 и пунктам 9, 10 статьи 39.16 ГК РФ). Кроме того, в рамках территориального планирования закон предусматривает возможность проведения красных линий через складские территории, что может привести к изъятию данных помещений из частной собственности. Также закон регулирует процедуры изъятия запоминающих устройств для определённых нужд.

В дополнение к предыдущим замечаниям необходимость введения обязательных норм в Уголовный кодекс Российской Федерации обусловлена следующими факторами: важность приоритета земельного законодательства в регулировании СРТ, требование использования законодательных механизмов для строительства инфраструктуры в зоне СРТ вместо договорных отношений, а также необходимость юридически обоснованного изъятия складских помещений для обеспечения контрольно-пропускных пунктов и предотвращения незаконного ареста частной собственности. Также стоит отметить, что принятие решений о СРТ требует уделять внимание минимальному количеству жилых единиц в многоквартирных и блокированных домах, которые определяются как стандартное жилье согласно части 2 статьи 67 Гражданского кодекса Российской Федерации, особенно при внедрении СРТ.

Все анализируемые элементы правовой системы вносят вклад в поддержку мер, направленных на многоаспектное и стабильное прогрессирование регионов.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // «Российская газета» от 4 июля 2020 г. № 144.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301.

3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 20.03.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 27.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 октября 2001 г. № 44 ст. 4147.

4. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 января 2005 г. N 1 (часть I) ст. 16.

5. Федеральный закон от 30.12.2020 № 494-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные

законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий» // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 января 2021 г. № 1 (часть I) ст. 33.

6. Жаворонкова Н.Г., Выпханова, Г.В. Правовые проблемы государственной политики и стратегического планирования управления земельными ресурсами // Lex Russia. – 2021. – № 2. – С. 54-57.

7. Румянцев Ф.П. Некоторые особенности правового режима земельных участков, расположенных в границах территории, предназначенной для комплексного развития // Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. (Стерлитамак, 2021). – Уфа: ООО «Агентство международных исследований», 2021. – 209 с.

8. Решение Кемеровского областного суда от 01.10.2020 по делу № 3а-376/2020 // Документ опубликован не был. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

© Лесникова А.А.

СЕКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ГЕНОЦИДЕ АРМЯН: ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Варданян Ваник Сирекanович
студент
Научный руководитель: **Абдрашитов Вагип Мнирович**
д.ю.н., профессор
ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

Аннотация: В статье представлено исследование правовых механизмов защиты исторической памяти Геноцида армян (1915-1923), проведен комплексный теоретико-правовой анализ способов правовой защиты. Обусловлено влияние Геноцида армян на международные стандарты естественных прав человека. Предложены пути укрепления правовой защиты исторической памяти Геноцида армян.

Ключевые слова: геноцид армян; историческая память; защита исторической памяти; права человека; проблема признания Геноцида армян.

HISTORICAL MEMORY OF THE ARMENIAN GENOCIDE: LEGAL PROTECTION MECHANISMS AND THEIR IMPACT ON INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS STANDARDS

Vardanyan Vanik Sirekanovich
Supervisor: **Abdrashitov Vagip Mnirovich**

Abstract: The article presents a study of the legal mechanisms for protecting the historical memory of the Armenian Genocide (1915-1923), and provides a comprehensive theoretical and legal analysis of the methods of legal protection. The article also examines the impact of the Armenian Genocide on international standards of natural human rights. Ways to strengthen the legal protection of the historical memory of the Armenian Genocide have been proposed

Key words: Armenian Genocide; historical memory; protection of historical memory; human rights; the problem of recognizing the Armenian Genocide.

Геноцид армян, развернувшийся на заре двадцатого века, является одной из величайших трагедий человечества, ставшей мрачным предвестником всех последующих актов массового уничтожения и глубоким вызовом международному правосознанию. Его историческая первичность как «первого современного геноцида» придает ему уникальное значение, формируя сложный узел противоречий между исторической правдой, политическим отрицанием и развивающимися нормами международного права. В отличие от Холокоста, память о котором получила относительно быстрое и широкое международное правовое закрепление, борьба за признание и защиту памяти о Геноциде армян стала многолетней эпопеей, пролегающей через тернии дипломатических баталий, судебных тяжб и нравственных императивов.

В разгар перестройки Османской империи (1914 г.) и на фоне глобального военного конфликта властные круги, ориентированные на военно-националистическую мобилизацию и зачистку внутреннего тыла, начали систематическую кампанию против армянского населения в Анатолии и сопредельных регионах [1 с. 11]. Первым шагом стали аресты и уничтожение общественных лидеров и интеллигенции, за которыми последовали массовые акции депортации под предлогом «переселения в глубь страны» и «безопасности», но на практике превращавшиеся в насильственные выдворения с организованными маршем голода, лишений и массовыми убийствами [2]. Механизм включал принудительные «марши смерти» через пустынные и враждебные территории, организованные казни на месте, работорговлю, сексуальное насилие и принудительные «реквизиции» имущества и скота, при том что государственные структуры и военные отряды координировали логистику насилия и прикрывали его нормативно-административными мерами. Экономическая экспроприация и присвоение жилья и собственности сопровождались физическим уничтожением, что приводило к быстрой и резкой смене этнического ландшафта ранее смешанных городов и сел. Политическая мотивация совмещала элементы страхования государственной строя, идеологической нетерпимости к национальным и религиозным меньшинствам и расчет на отчуждение земель и материальных ресурсов. Вместе это образовало цепь действий, направленных не на разрозненное подавление восстаний, а на коренной разрыв жизнеспособности армянской общности в определённом географическом ареале. Результатом стали массовые жертвы, бегство

выживших и возникновение диаспоры, долгие межгосударственные и межобщинные травмы, а также международные дебаты о правовой квалификации произошедшего и обязанностях государств по признанию, компенсации и сохранению памяти [2, с. 211-214].

Роль признания Геноцида армян отдельными странами в формировании международного права имеет кумулятивный и доктринальный характер. Каждое решение национального парламента, правительства или суда, официально осуждающее и признающее эти события как геноцид, является не просто политическим актом, но и вносит свой вклад в постепенное формирование обычного международного права. Хотя Конвенция ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него не имеет ретроактивной силы и не может быть применена к событиям начала века напрямую, каждое признание усиливает коллективное понимание самого термина «геноцид» и его необратимости как преступления. Это укрепляет доктринальную основу для интерпретации Конвенции и способствует консолидации мирового правосознания относительно недопустимости отрицания фактов геноцида в целом. Признание другими государствами выступает как важный элемент реализации «права на истину» для жертв и их потомков, утверждая их достоинство и право на справедливое историческое повествование, что является фундаментальным аспектом международного права прав человека. Оно оказывает постоянное политико-правовое давление на страны, продолжающие отрицать геноцид, внося напряжение в двусторонние отношения и заставляя международное сообщество пересматривать вопросы моральной и исторической ответственности.

Влияние Геноцида армян на международные стандарты прав человека хотя и не столь прямым образом, как Нюрнбергский процесс для Холокоста, но является не менее глубинным [3, с. 63]. Это событие стало одним из самых страшных предвестников того, на что способно государство по отношению к своим этническим и религиозным меньшинствам в отсутствие международных гарантий. Ужасы начала XX века послужили мощным стимулом для юристов и правозащитников к разработке механизмов, способных предотвратить подобные преступления в будущем. Именно опыт таких трагедий, как Геноцид армян, убедил мировое сообщество в необходимости создания универсальной системы защиты прав человека, воплощением которого стала Всеобщая декларация прав человека. Он лег в основу концепции, что права человека не могут быть исключительно

внутренним делом государства и что существует обязанность международного сообщества защищать уязвимые группы. Принцип «никогда снова», ставший моральным императивом после Холокоста, в равной степени применим и к Геноциду армян, требуя от каждого государства бдительности и активных действий по предотвращению подобных зверств. Это событие также подталкивает к развитию концепций коллективной ответственности, права на репарации и обязанности государств не только наказывать виновных, но и обеспечивать всестороннее восстановление справедливости для жертв.

В отличие от Холокоста, получившего всемирное признание в ходе Нюрнбергского процесса, в том числе и Германией, являющейся государством-правопреемником нацисткой Германии, Геноцид армян в части его признания сталкивается с определенными проблемами. Проблема непризнания Геноцида армян представляет собой не просто дискуссию о фактах прошлого; это системный и долгосрочный вызов, который рождает уникальные правовые и политические сложности, подрывая эффективность международного права, осложняя процессы национального примирения и создавая постоянный источник напряжённости в региональной и глобальной дипломатии. Суть проблемы заключается в последовательной и категоричной политике отрицания факта геноцида со стороны Турецкой Республики, которая, являясь правопреемницей Османской империи, интерпретирует события 1915-1923 годов как трагические, но не геноцидальные последствия гражданской войны и военных действий. Эта позиция, укорененная в особенностях национальной идентичности и геополитических интересах, создает своеобразный «правовой вакуум», который подрывает универсальность применения принципов международного права [4, с. 38].

Непризнание выступает не столько как отрицание исторического события, сколько как дипломатический барьер. Когда государство-правопреемник настаивает на иной интерпретации событий, пострадавшие сообщества лишаются не только морального возмещения, но и реальных юридических инструментов для восстановления справедливости – права на истину, на репарации и на официальное увековечивание памяти.

Юридически отсутствие официального признания порождает несколько ключевых последствий. Во-первых, оно затрудняет применение положений Конвенции о предупреждении преступления геноцида: если один из ранних и широко документированных случаев остаётся предметом политического спора, это подрывает универсальную природу понятия «геноцид» и ослабляет

прецедентную силу международных норм. Во-вторых, непризнание блокирует механизмы переходного правосудия, поскольку без государственной признательной позиции трудно инициировать переговоры о репарациях, трудно создавать формальные комиссии к примирению, а также трудно добиваться возврата имущества или создания программ восстановления памяти, имеющих юридическую силу. В-третьих, непризнание усложняет возможности международного уголовного преследования и применения универсальной юрисдикции: политическая непризнательность снижает международное давление на раскрытие и осуждение виновных, особенно в условиях, когда доказательная база исторически распределена по разным юрисдикциям и требует координации государств. Политические сложности от непризнания сопоставимо глубоки. Непризнание является мощным препятствием для нормализации двусторонних отношений: вопросы границ, торговли, транспортных коридоров и реального сотрудничества часто оказываются заложниками исторического спора, превращая прошлое в постоянный фрагмент внешнеполитической борьбы. Это порождает «войны памяти»: каждое новое парламентское или правительственное признание вызывает волны ответных дипломатических мер, что подрывает доверие и делает вопрос инструментом краткосрочной политической выгоды, а не шагом к консолидации исторической правды. В-третьих, непризнание подпитывает внутреннюю поляризацию в странах диаспор и в самих государствах-ответчиках: активизм диаспоры трансформируется в фактор внешнего давления, а внутренняя политика отрицания часто служит элементом национальной идентичности и мобилизации электората [5, с. 49-59].

Особую сложность добавляет конфликт между защитой исторической правды и принципами свободы слова и академической науки. В разных правовых системах ответ на отрицание варьируется от уголовной ответственности до публичных опровержений и гражданско-правовых исков; при этом попытки криминализовать отрицание сталкиваются с аргументами о риске цензуры и с вызовами международных стандартов свободы выражения. Там, где государства предпочитают жесткие запреты, возникает напряжение между необходимостью защитить достоинство жертв и опасениями за ограничения свободной исследовательской и публичной дискуссии; там, где предпочитают открытые дебаты, отсутствует гарантия против распространения идеологического отрицания и его практических

последствий. Непризнание также создаёт практические препятствия для формирования коллективной памяти и образовательных программ: школьные программы, музеи, мемориальные инициативы оказываются фрагментированы, что затрудняет формирование общего, консенсусного исторического знания на международном уровне. Вследствие этого поколение за поколением опыт травмы может оставаться непроработанным, поддерживая циклы взаимного недоверия и обиды. Экономический аспект тоже важен: непризнание тормозит экономическое сотрудничество и инвестиции, поскольку исторические споры становятся аргументом для политических и торговых санкций.

Тем не менее, решение проблемы непризнания возможно через комплексный набор мер, не сводящийся только к юридическим прецедентам. Необходимы институциональные механизмы совместные комиссии историков, международные апелляции к нейтральным экспертным органам, форматы правовой и научной кооперации, платформы для диалога жертв и государственных институтов. Параллельно важны юридические шаги: укрепление стандартов «права на истину» в международных документах, разработка механизмов трансграничной реституции и репараций, а также ясные правила, как соотносятся уголовно-правовые меры против разжигания ненависти с академической свободой. В политической плоскости нужны меры: символические жесты, совместные памятные инициативы, экономические проекты, при которых стороны получают ощутимую выгоду от сотрудничества и, возможно, политическое пространство для признания прошлого. Проблема непризнания Геноцида армян – это не только историческая травма, но и вызов институтам международной правды и дипломатии. Решение этого вызова требует одновременно юридической последовательности, политической храбрости и искренней готовности к диалогу: без такого сочетания усилий историческая несправедливость рискует оставаться фактором постоянной нестабильности, а международное сообщество – терять доверие к собственным нормам и обещаниям «никогда снова».

Правовые механизмы защиты исторической памяти о Геноциде армян критически важны для утверждения исторической справедливости и предотвращения будущих преступлений против человечности. Эта многоуровневая система включает несколько ключевых направлений.

Несомненно, базисом правовой защиты является само международно-правовое признание. Хотя Конвенция ООН о геноциде не имеет ретроактивной (обратной) силы, как уже было сказано ранее, резолюции и законодательные акты парламентов более чем 30 стран (включая Россию, Францию, Канаду) и международных организаций подтверждают факт Геноцида армян. Это формирует глобальный консенсус и моральное давление, укрепляя легитимность исторической памяти на международной арене. Значимую роль также играет криминализация отрицания геноцида на национальном уровне [6, с. 122-127]. Ряд государств (Франция, Швейцария, Греция) вводят уголовную ответственность за отрицание Геноцида армян, приравнивая его к разжиганию ненависти. Цель – защита достоинства жертв и предотвращение распространения ревизионистских идей. Однако этот механизм требует тщательного балансирования со свободой слова. Правовые механизмы также охватывают защиту образовательных и мемориальных инициатив. Государства законодательно обязывают включать изучение истории Геноцида армян в учебные программы, обеспечивая передачу знаний. Также гарантируется правовой статус и поддержка музеев, мемориалов и исследовательских центров, таких как Музей-институт Геноцида армян в Ереване, для сбора, хранения и изучения свидетельств трагедии.

Исходя из вышесказанного, правовые механизмы защиты памяти о Геноциде армян, действуя в совокупности, не только служат справедливости по отношению к жертвам, но и являются мощным инструментом для борьбы с забвением и предотвращения повторения подобных трагедий в будущем.

Подводя итоги и суммируя все вышеизложенное о проблемах исторической памяти трагических событий прошлого века, следует вывод о необходимости утверждения дальнейшего укрепления правовых основ для универсального признания и защиты памяти о всех геноцидах – будь то Геноцид армян, Холокост, Геноцид в Руанде, в Камбодже, Сребренице или другие трагедии. Правовая база должна быть усилена таким образом, чтобы исключить политическую конъюнктуру из процесса признания. Это требует не только ратификации и эффективного применения существующей Конвенции всеми государствами, но и разработки дополнительных правовых инструментов или руководящих принципов, которые бы способствовали беспристрастной оценке исторических событий на основе фактов и выводов независимых экспертных комиссий, а не политических договоренностей. Защита памяти о геноцидах идет рука об руку с их признанием. Память — это

не просто дань уважения жертвам; это мощнейший инструмент предотвращения будущих злодеяний. Отрицание геноцида, исторический ревизионизм и искажение фактов являются заключительной стадией преступления, попыткой стереть не только жизни, но и само существование пострадавших народов из коллективной памяти человечества

Укрепление правовых основ в этой сфере должно включать:

– криминализацию отрицания геноцида, особенно тех, которые уже получили широкое международное признание;

– создание и поддержку международных и национальных институтов, отвечающих за сбор, архивирование и изучение свидетельств геноцидов, таких как музеи, исследовательские центры и мемориалы;

– интеграцию изучения истории геноцидов в образовательные программы на всех уровнях.

Таким образом, универсальное признание и защита памяти обо всех геноцидах требует комплексного подхода, охватывающего как международное, так и национальное право. Это включает в себя не только доработку существующих международных конвенций и протоколов, но и активное формирование правовой культуры, в которой отрицание или игнорирование любого акта геноцида будет восприниматься как неприемлемое посягательство на основы человечности. Только через последовательное, беспристрастное и всеобъемлющее правовое регулирование мы можем надеяться на то, что уроки прошлого будут усвоены, а неумолимый призрак геноцида не будет омрачать будущее. Это не просто вопрос прошлого, а залог мира и безопасности на долгие годы вперед.

Список литературы

1. Погосян Л. А. «Вопрос о Геноциде армян в Османской Турции в общественно-политической жизни России в начале XX века». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2010.

2. Мартиросян Г. А. «Геноцид армян в Османской империи: взгляд из России». М.: Издательство «МГИМО-Университе», 2015.

3. Вартанян Р. Л. «Геноцид армян: Историко-политические аспекты». М.: Центр политического анализа, 2005.

4. Демирчян К. Р. «Геноцид армян и международное сообщество: Историко-правовой аспект». Ереван: Изд-во НАН РА, 2006.

5. Караханян М. Н. «Проблема отрицания геноцида и пути противодействия на примере Геноцида армян». Право и политика, № 5, 2018.

6. Богданов А. В., Брутян, А. Р. Преступления против исторической памяти: уголовно-правовой аспект. М.: Юрлитинформ, 2021.

© Варданян В.С.

СЕКЦИЯ
МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ КИТАЯ В ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

Саенко Анастасия Николаевна
студент
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Аннотация: В статье анализируется стратегия Китая на международной арене, включая использование дипломатии, экономики, военного присутствия и участие в миротворческих миссиях. Рассматриваются отношения с США, климатическая политика, инициативы вроде AIIB и «Пояса и пути». Выделены три сценария будущего.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, глобальное влияние, международные институты, отношения с США.

CHINA'S POLITICAL PARTICIPATION IN SHAPING THE NEW WORLD ORDER

Saenko Anastasia Nikolaevna

Abstract: The article examines China’s strategy in the international arena, including diplomacy, economic influence, military presence, and peacekeeping. It discusses relations with the US, climate policy, and initiatives such as the AIIB and Belt and Road. Three future scenarios are outlined.

Key words: China, foreign policy, global influence, international institutions, US-China relations.

Китай продолжает укреплять свои позиции как глобальная держава, используя сочетание дипломатических инструментов, экономической мощи и наращивания военного присутствия. Статус постоянного члена Совета Безопасности ООН предоставляет Китаю одно из ключевых преимуществ — право вето, позволяющее блокировать решения, противоречащие его интересам. В условиях периодического обострения отношений с США это право становится важным инструментом в политической конкуренции двух

стран. Вашингтон и Пекин регулярно используют механизм вето для демонстрации несогласия по ключевым мировым вопросам, что подчёркивает формирование новой модели международных отношений, основанной на стратегическом соперничестве.

Китай является одним из крупнейших вкладчиков в деятельность ООН, включая бюджеты миротворческих операций. Это соответствует политике Пекина по укреплению своего международного имиджа через механизмы «мягкой силы». Значительное увеличение участия страны в миротворческой деятельности объясняется стремлением Китая показать свою ответственность как великой державы, а также снизить опасения мирового сообщества относительно роста его влияния. Участие в миротворческих миссиях позволяет Пекину демонстрировать готовность соблюдать нормы международного права и вкладывать ресурсы в стабильность и развитие постконфликтных государств.

Китай последовательно увеличивает количество военных и гражданских специалистов, направляемых в миссии ООН. Наиболее активно Пекин участвовал в операциях в Африке, где Китай имеет значительные экономические интересы. Миротворцы КНР выполняют функции по охране стратегических объектов, безопасности инфраструктуры, а также по строительству дорог, инженерных сооружений и поддержанию порядка в постконфликтных районах. Важную роль играет участие Китая в стабилизации Южного Судана, где присутствуют крупные китайские вложения в нефтяную отрасль. Миротворческие усилия КНР в Африке стали одним из элементов формирования нового образа Китая не только как экономического партнёра, но и как государства, способного обеспечивать безопасность.

Среди важных направлений внешней политики Пекина — участие в реформировании системы международных институтов. Китай поддерживает идею расширения представительства развивающихся стран в Совете Безопасности, исходя из концепции «демократизации международных отношений». По мнению китайского руководства, существующая структура Совбеза отражает реалии середины XX века и не соответствует современному глобальному балансу сил. Пекин стремится к увеличению роли стран Азии, Африки и Латинской Америки, что соответствует долгосрочной стратегии Китая — укреплению позиций среди государств Глобального Юга.

Одним из ключевых инструментов внешнеполитического влияния Пекина стал созданный в 2015 году Азиатский инфраструктурный инвестиционный банк (AIIB). Банк успешно функционирует как альтернативный источник финансирования инфраструктурных проектов, создавая основу для расширения китайского экономического присутствия в Евразии, Африке и Латинской Америке. Деятельность AIIB дополняет инициативу «Пояс и путь», усиливая вовлечённость государств-участников в проекты, связанные с транспортом, энергетикой, логистикой и цифровой инфраструктурой. Через финансовые инструменты Китай формирует сеть партнёрств, направленных на укрепление его политического статуса и влияние на процессы регионального развития.

Климатическая повестка является ещё одним направлением, по которому Китай стремится играть роль глобального лидера. Подписав Парижское соглашение, Пекин заявил о намерении достичь углеродной нейтральности к 2060 году. Стратегия декарбонизации связана не только с экологическими задачами, но и с долгосрочной экономической трансформацией. Развитие зелёных технологий, возобновляемой энергетики и низкоуглеродной промышленности становится частью модели устойчивого экономического роста Китая, а также инструментом международной конкуренции за технологическое лидерство.

Параллельно Китай расширяет военное присутствие за пределами своих границ. Открытая в 2017 году военно-морская база в Джибути стала важным элементом обеспечения безопасности торговых путей, связывающих Китай с Африкой и Ближним Востоком. Пекин обосновывает её создание необходимостью защиты судоходства, борьбы с пиратством и обеспечения безопасности миротворческих контингентов. Усиление военной активности КНР в регионе связано с тем, что Китай получает значительную долю импортируемой нефти из африканских государств и поддерживает активные торговые связи с Европейским союзом через маршруты, проходящие через Аденский залив. Расширение военного присутствия рассматривается США как часть стратегии формирования альтернативных механизмов глобальной безопасности.

Взаимоотношения Китая и США остаются одним из ключевых факторов мировой политики. SWOT-анализ показывает, что сильные стороны Китая заключаются в его экономической мощи, технологическом развитии, демографическом потенциале и способности интегрироваться в мировые

цепочки поставок. Китай занимает одно из ведущих мест в мировой торговле, оставаясь важнейшим партнёром для США. Значительная часть американских корпораций имеет производственные мощности в КНР, что создаёт взаимную зависимость. Китай активно инвестирует валютные резервы в иностранные активы, что укрепляет его позиции в финансовой системе.

Однако между двумя странами сохраняются серьёзные разногласия. Идеологические различия, вопросы государственного устройства, подходы к регулированию экономики и правам человека, а также позиции по Тайваню создают структурные источники напряжённости. Технологическая конкуренция усилилась после введения США ограничений на экспорт высокотехнологичной продукции в Китай и санкций против крупных китайских компаний. Пекин, в свою очередь, ускоряет развитие внутренней технологической базы, стремясь снизить зависимость от внешних поставщиков.

Несмотря на противоречия, существуют возможности для сотрудничества. Страны кооперируются в вопросах климатической политики, участвуют в международных переговорах и поддерживают рабочие контакты в экономических и финансовых структурах. В долгосрочной перспективе сотрудничество может развиваться в сферах экологии, здравоохранения, регулирования международной торговли и обеспечения стратегической стабильности. Тем не менее, одновременно возрастает риск усиления протекционизма, ограничений технологического обмена и формирования конкурентных блоков.

Для оценки долгосрочных тенденций используется сценарный анализ. Первый сценарий – «Управляемая конкуренция» – предполагает сохранение соперничества между США и Китаем в экономике и технологиях при отсутствии прямой конфронтации. В рамках этого сценария международные институты сохраняют работоспособность, а статус-кво вокруг Тайваня остаётся неизменным. Китай усиливает своё влияние среди стран Глобального Юга, но избегает действий, способных привести к дестабилизации мировой системы.

Второй сценарий — «Жёсткая конфронтация» — описывает эскалацию противоречий вплоть до формирования нового биполярного мира. Возможен технологический разрыв, паралич международных институтов и даже серьёзный кризис вокруг Тайваня. Угроза гонки вооружений и распада

существующей системы международной безопасности становится центральным риском.

Третий сценарий – «Стабилизированное многостороннее равновесие» – предполагает реформирование глобальных институтов, расширение представительства развивающихся стран, ограниченную конкуренцию и формирование новых механизмов стратегической стабильности. В этом случае Китай становится равноправным участником многосторонней системы, а соперничество приобретает цивилизованный характер.

Список литературы

1. Глава МИД КНР высказался в поддержку реформы Совбеза ООН. [Электронный ресурс] – URL: https://news.rambler.ru/world/52350418/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения 28.05.2025).

2. Зачем Китаю тыл в Джибути? [Электронный ресурс] – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zachem-kitayu-tyl-v-dzhibuti/ (дата обращения 28.05.2025).

3. Китайские миротворцы покидают ДР Конго спустя 21 год. [Электронный ресурс] – URL: https://afrinz.ru/2024/04/kitajskie-mirotvorczy-pokidayut-dr-kongo-spustya-21-god/ (дата обращения 28.05.2025).

4. Эксклюзивное интервью Китайского информационного Интернет-центра... [Электронный ресурс] – URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2019-01/14/content_74371175.htm (дата обращения 17.04.2025).

5. China’s Role in UN Peacekeeping. [Электронный ресурс] – Режим обращения: https://www.isdp.eu/publication/chinas-role-un-peacekeeping/ (дата обращения 28.05.2024).

© Саенко А.Н.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ОБЩЕСТВО СЕГОДНЯ: ПРОБЛЕМЫ, ОЦЕНКИ, РЕШЕНИЯ

Сборник статей
Международной научно-практической конференции,
состоявшейся 18 декабря 2025 г. в г. Петрозаводске.
Ответственные редакторы:
Ивановская И.И., Кузьмина Л.А.
Подписано в печать 22.12.2025.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 27.03.
МЦНП «НОВАЯ НАУКА»
185002, г. Петрозаводск,
ул. С. Ковалевской, д.16Б, помещ.35
office@sciencen.org
www.sciencen.org

16+

НОВАЯ НАУКА
Международный центр научного партнерства

NEW SCIENCE
International Center for Scientific Partnership

МЦНП «НОВАЯ НАУКА» - член Международной ассоциации издателей научной литературы «Publishers International Linking Association»

ПРИГЛАШАЕМ К ПУБЛИКАЦИИ

1. **в сборниках статей Международных и Всероссийских научно-практических конференций**
   https://www.sciencen.org/konferencii/grafik-konferencij/

2. **в сборниках статей Международных и Всероссийских научно-исследовательских, профессионально-исследовательских конкурсов**
   https://www.sciencen.org/novaja-nauka-konkursy/grafik-konkursov/

3. **в составе коллективных монографий**
   https://www.sciencen.org/novaja-nauka-monografii/grafik-monografij/

https://sciencen.org/